

РЕЗНИЧЕНКО ДЕХО О. А.

СВЕТЛОЕ

БУДУЩЕЕ

Роман на любови

Чем больше чего-то жаждешь, до одури, до фанатизма, всеми фибрами, фотонами души... к чему рвешься сквозь все преграды, но при этом не забываешь совесть, честь и долг, тем дальше от него оказываешься. Любовь — странное, мифическое чувство, доступное одним... и ни при каких обстоятельствах недоступно тебе. Ибо Он — чужой. Ибо Он — только друг. Да и ты уже... замужем.

- [Светлое будущее 2. Вето на любовь](#)
- [Герои](#)
- [Пролог](#)
- [ТОМ I. Темное прошлое](#)
- [Глава 2. Мираж](#)
- [Глава 3. Гости](#)
- [Глава 4. Мытарства](#)
- [Глава 5. «Заруба»](#)
- [Часть Вторая. Ордалии](#)
- [Глава 7. Карма](#)
- [Глава 8. Послевкусие](#)
- [Глава 9. «Такси»](#)
- [Часть Третья. Пекельный раут](#)
- [Глава 11. Явь](#)
- [Глава 12. Рассвет](#)
- [Глава 13. Грешники](#)
- [Глава 14. Агония. Плутводство Химеры](#)
- [Глава 15. Цербер](#)
- [Глава 16. По осколкам прошлого](#)
- [Часть Четвертая. Школа](#)
- [Глава 18. Омут](#)
- [Глава 19. Предатели](#)
- [Глава 20. Чреватость](#)
- [Бонус \(время 19 главы; озеро\). Разбитые мечты](#)
- [Том II. Светлое будущее](#)
- [Глава 22. Сделка с дьяволом](#)
- [Глава 23. Тирания](#)
- [Глава 24. Выбор](#)
- [Глава 25. Химера идиллии](#)
- [Ч. 6. Глава 26. Призраки прошлого](#)
- [Глава 26. Призраки прошлого](#)
- [Глава 27. Друг](#)
- [Глава 28. Нет худа... без добра](#)
- [Глава 29. Прошлое](#)
- [Глава 30. Преступники](#)
- [Глава 31. Расплата за счастье](#)

- [Глава 32. Пат](#)
 - [Часть Седьмая. Инволюция](#)
 - [Глава 34. Родная кровь](#)
 - [Глава 35. Благодетели](#)
 - [Глава 36. По туннелю. На ощупь](#)
 - [Глава 37. Свиданка](#)
 - [Часть Восьмая. Семья](#)
 - [Глава 39. Обратная сторона медали](#)
 - [Глава 40. Бесстыжие](#)
 - [Глава 41. Демо-версия счастья](#)
 - [Глава 42. «Решатели»](#)
 - [Глава 43. Джаггернаут грёз](#)
 - [Часть Девятая. Финальные залпы](#)
 - [Глава 45. «Мама»](#)
 - [Глава 46. Шах и мат](#)
 - [Эпилог](#)
-

Светлое будущее 2. Вето на любовь

Резниченко (Гудайтис) Ольга Дехо

Тематика: первая любовь; тюрьма и сума; богатство и бедность; человечность и бессердечие; тема насилия в семье, развода, "раздела" детей; тема противоречий родителей и детей; тема тещи и свекрови; тема дружбы, отношений, брака; тема верности и измены; тема поступков, решений, желаний и их последствий.

Слоган: Ни власть, ни деньги... не делают тебя Человеком.

Серия: Светлое будущее. Книга 2

Название: Светлое будущее 2: вето на любовь

* — **все совпадения случайны**; вне политики, призван прославить доблестных и честных служителей правопорядка, а в остальном — просто элементы сюжета.

Если некоторые названия, слова, или какие другие моменты произведения задели или оскорбили кого, то заранее прошу прощения, неумышленно и не со зла, ведь использовано лишь для реалистичности изображаемого.

** — Присутствует нецензурная брань ("запикана").

*** — В произведении содержатся сцены, демонстрирующие курение табака и употребление алкогольных напитков. **Помните, наркотики, курение, алкоголь — сначала портят вашу (и ваших близких) жизнь, а затем стремительно и бездушно разрушают, убивают... как тело, так и душу!**

**** — Присутствуют сцены насилия и эротики.

(!) ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ. События и герои, их лексика — не мед: грубые, вульгарные, примитивные, сумасшедшие... временами глупые и безрассудные. Не чернуха, но и не сладкий сироп.

Если пресная, вызывающая, жуткая правда жизни, странная романтика и разбитые мечты "маленьких людей" не пугают, то добро пожаловать.

Посвящаю всем тем, чьи жизненные истории легли в основу сюжета. А также поклонникам романов «Светлое будущее: вето на будущее», «Подруги и друзья», «Поступки и их последствия», «Карабкаюсь по вертикали», «За широкой улыбкой», «Яркими красками по небу», «Отпускаю прошлое», «Спиною к будущему», «Пустоцвет» и, особенно, всем тем Леди, а также Т. О., которые так усердно меня поддерживали последнее время: спасибо, хорошие мои! Безумно приятно!!!

Привет 2000-м годам, г. Сумы, Сумской обл. и кое-каким знакомым =)

Памяти Ч. Б.

Временные рамки:

I том — начало 2000-х годов, лето (школьники, студенты);

II том — через 6 лет (взрослая жизнь).

Муз. вдохновители:

Елена Темникова — Тепло (1 том)

Elvira T — Все решено

Елена Темникова — Навстречу (2 том; 25 глава и далее)

Герои

Соколова Ванесса Николаевна (Ваня; Ванёк; Несса; «Несское») — главная героиня (согласно п-м и 3-ву — 18 лет).

Рогожин Федор Романович (Рожа) — главный герой (ровесники).
(ст. 162 ч. 2, ч.3 — разбой группой лиц по предв. сговору с применением оружия с проникновением в хранилище)

~*~ (родственники и их близкие)

Соколов Николай Артурович — отец Вани; **Аннет** — вторая жена Николая.

Соколова Елизавета Антоновна — мать Вани;

Серебров Владимир Алексеевич — отец Лёни, друг Николая Соколова.

Серебров Леонид Владимирович (Лёня) — муж Вани (старше Вани на восемь лет).

Матросов Георгий Валерьевич (Жора, Жорик) — друг Лёни, молодой человек Риты.

Буторин Петр Анатольевич — муж сестры Матросова, адвокат Феди.

Пухтеев Валерий Валерьевич — товарищ Соколова Н. А., отца Вани (коллега, занявший должность после "отставки" оного).

Бирюкова Вероника Николаевна (Ника, Некит, Рожина) — двоюродная сестра Рожи.

Мирашев Мирон Викторович (Мира) — муж Ники (старше Ники на 11 лет).

Вольский Альберт Константинович — влиятельный человек, со связями в структурах прав. органов; товарищ Феди, Мазура и Миры.

Рогожина Маргарита Романовна (Рита, Ритка, Рогожина младшая, Рожина младшая, Мушка, Мушка-плюшка, Малая, Марго) — младшая (родная) сестра Рожи (с кем попало водилась, и чаще всего — с ушлыми, гнилыми людьми, бандитами) (младше Вани на 3 года).

Мазуров Валентин Алексеевич (Мазур, Мажа, Валик) — товарищ Рожи и Миры (чуть младше Миры). Муж Ритки.

~*~ (двор)

Метлицкая Анастасия (Настя, Стася; Метёлка Старшая) — подруга, одноклассница Инны.

Метлицкая Екатерина (Катя, Катька; Метёлка Младшая) — сестра Анастасии; одноклассница Ритки Рогожиной.

Ерохин Всеволод (Сева; Ероха) — молодой человек Насти; товарищ Рожи и Некита.

Гладун Валентина (Валя, Валюха; Гладунша) — подруга Насти, Кати и прочих.

Соболева Инесса (Инна, Инка) — девушка, первая любовь Рожи (ровесница Рожи и Вани).

Шмелёв Глеб (Шмель) — навязчивый кавалер из дет. садика; друг Рожи; дача.

Токарев Артур Альбертович (Токарь Младший) — друг Рожи, водитель «БМВ» (больница).

Токарев Артем (Тёрик, Токарь Старший) — Артура старший брат.

Рыжиков Андрей (Рыжик, Рыжий, Гриб, Андрюха) — товарищ Рожи. «Голодный» из дет. садика; хозяин дачи.

Дима, Женя, Вова, Ира и прочие...

~*~ (школа)

Минина Олеся Анатольевна (Леся, Мина, «Ботанша») — отличница; одноклассница.

Картошин Антон (Тоха, Картоха, Картошка) — одноклассник Вани.

Леонов Константин — лучший друг Картошина.

Шевцова Анфиса Николаевна — учительница.

~*~ (санаторий)

Золотарёв Иван (Золотой, «Золотой Младший», Ухажер) — молодой человек Вани из санатория.

Золотарёв Игорь («Золотой Старший», Именинник) — старший брат Ивана.

Лёха — товарищ Игоря.

«Сладкая» — «Лехина» девушка с пляжа, «ударница труда».

~*~ (больницы)

Горяева Алёна — медсестра из больницы.

Жмайлова Тамара Сергеевна — санитарка из дет. больницы.

~*~ (СИЗО)

Следователь

Алексей (Лёша) — молодой человек с "КПП" СИЗО.

Андрей (Андрюха) — высокий дядька, охранник в СИЗО.

~*~ (общага)

Лидия Константиновна — «закрывальщица огурцов» — соседка, одинокая женщина средних лет.

Клавдия Петровна — пытливая, сварливая старушка; соседка.

Сноски

НЕОФИТ — как исторический термин означает новых членов тайных собраний. (Википедия)

ОРДАЛИИ — суд путём испытания огнём и водой. При испытании водой нужно было достать кольцо из кипятка, прыгнуть в реку с быстрым течением, испытуемого опускали в холодную воду связанным и так далее. Испытание огнём состояло в том, что испытуемый должен был держать руки на огне, проходить через горящий костёр, держать руками раскалённое железо. Выдержавший эти испытания признавался оправданным, не выдержавший — виновным. Утонувший в реке считался оправданным — Бог его забрал в лучший мир, он раньше попал на небо. Если не утонул, то следовала смертная казнь. Аналогичное испытание водой устраивала «ведьмам» испанская инквизиция. Ордалии имели распространение у многих народов, встречались и в период Высокого Средневековья. (Википедия)

БУЧАРДА (а. boucharde; н. Stockhammer, Stockeisen; ф. boucharde; и. bujarda, bucharda) — инструмент в виде стального молотка с зубчатой рабочей поверхностью, предназначенный для ударной обработки камня методом скалывания. (Горная энциклопедия)

C'EST LA VIE — (се ля ви) с фр. — такова жизнь.

ИНВОЛЮЦИЯ — редукция или утрата в процессе эволюции отдельных органов, упрощение их организации и функций. (Викисловарь)

ДЖАГГЕРНАУТ (англ. Juggernaut) — термин, который используется для описания проявления слепой непреклонной силы; для указания на кого-то, кто неудержимо идёт напролом, не обращая внимания на любые препятствия.

ПАТ — (фр. pat, итал. patta — «игра вничью») — положение в шахматной партии, при

котором сторона, имеющая право хода, не может им воспользоваться, так как все её фигуры и пешки лишены возможности сделать ход по правилам, причём король не находится под шахом.

ШАХ — нападение на Короля противника. (шахматы)

МАТ — нападение на Короля противника, от которого нет защиты. (шахматы)

Развод. Для кого-то — горе, страх, стресс. А для кого-то — неизбежность, выход, спасение. Но, так или иначе, перемены. А для меня даже — еще и мечта. Устала, как и Они, я тоже устала. Скандалы изо дня в день, ненависть, презрение, шантажи, игра... Для меня также, как и для моих родителей, наш дом последние годы стал тюрьмой, а их брак, наша семья — наказанием.

И пусть я всё же любила маму, но ее вечные претензии, давление, помывкание, рассказы о том, что я — "отродье этого травоядного", что уж лучше бы она аборт сделала в своё время — сыграло свою роль. Так что да, я — устала.

С папой же, напротив, мне всегда было уютно: не то, что даже говорить, но и просто молчать. Мы понимали друг друга с полуслова. Заботился обо мне, заступался. Он был моей нянькой и "мамкой". Нормальные люди с испугу кричат "мама", а я — "папа"...

Посему, когда запечатлелись подписи в документах, легли штампы в паспортах, было выдано свидетельство, я была не менее их двоих довольна. Тем более, что в будущем не сомневалась ни на мгновение: я осталась с отцом, а мама получила шанс обрести свою новую, "счастливую", "которой она достойна", жизнь, семью...

Елизавета Соколова (сохранила та фамилию) уехала обратно к себе в родной городок, в район, получив немалые отступные: там же огромное помещение под несколько магазинов и двухкомнатную квартиру, которую тоже с радостью принялась сдавать в аренду. Так что мама, как и прежде, была в шоколаде и жила... не напрягаясь.

Мы же остались в нашем (родном; областном) городе. Каждый занимался своим: папа — не последний человек в юстиции, а я — прилежная ученица в школе. Днем — заботы, вечером... общий досуг: телевизор, книги, шахматы.

Так что да, мне, Соколовой Ванессе Николаевне (в простонародье — Ване), тринадцать, и мой Папа — для меня идеал, святой человек, если хотите (в противовес злой, нелюбящей, нерадивой матери). И действия я его, как и прежде, не смела ставить под сомнения, а если что и выходило непонятным, неприемлемым — то тут же со сноровкой (будущего) матерого адвоката всё ловко оправдывала.

Только... счастье не может быть вечным. И там, где благодатная почва, обязательно взрастет сорняк. Да и одиночество — никого не красит. И пусть обелял последующее отец своим желанием одарить меня "заслуженной материнской любовью и опекой", впервые я увидела нечто иное, что никак не вписывалось в мой "мир", и в чем мы с папой никак не смогли бы прийти к консенсусу, к единому искреннему мнению (но покорила, смолчала, подыграла): не прошло и трех лет, как батя вновь женился. А дальше — и вовсе... все страхи подтвердились. Реализовались.

Конец десятого класса, нервы на пределе. А потому... новая жена Папы... решает, что мне нужны "перемены", да и "по уму... надо быть поближе, чаще общаться с "настоящей матерью"..." (цитата).

Конец июня. На пороге стоят чемоданы, собраны все мои вещи (не мной — ею), куплен билет (отцом), и... и я в слезах, готовая упасть на колени и еще громче молить, просить прощение... за всё, что где когда обидела их... или неправильно себя повела.

Но толку?

Аннет беременна, а потому всё ее внимание, забота — нужны будущему малышу, да и

покой в доме... "не помешает". Будто я... чем-то когда-то ставила их в неловкое положение? Мешала? Ни подруг, ни увлечений особых. Тише воды, ниже травы. Так только: безропотная маленькая копия своего отца.

Так что нет. Не дождетесь! Хоть и хочется остаться, но не унижусь еще больше... Хватит! Не упаду ниже земли.

Гордость, честь — по-моему, это единственное, что у меня еще осталось, и что вы никогда у меня не отберете. Я вам обещаю.

Это был самый черный день... моей жизни.

Бабушка, по матери (отца родители давно уже умерли), та тоже меня не приняла, так что... под давлением бати, мы с мамой переехали в даренную двухкомнатную... Зато взамен "утраты дохода от аренды", нехилые алименты стали приходить, причем половину мать отбирала сразу, а вторую — пускала на оплату коммунальных нужд, элементарных потребностей моих относительно одежды и школы, на общий стол. Отец догадывался о таком положении вещей, но, так как ввязываться в спор не хотел (али очередная просьба жены "не нервничать"), молча платил еще дополнительно — отдельно мне, на тайный счет, о котором знала и имела доступ исключительно только я.

В общем, жили, как могли. И каждый оказался там... где, наверно, заслужил, и где должен был быть.

ТОМ I. Темное прошлое

Часть Первая. Неофит

Глава 1. Кавалер

Июль, начало 2000-х годов.

* * *

Как так вышло, почему... даже не поняла, ведь рассеянность, безответственность, разгильдяйство — это явно не про меня. Но, тем не менее, я — на местный рынок за продуктами, а мама — куда-то по делам. А ключей-то у меня и не оказалось! То ли дома оставила, то ли (всё же) оплошала и потеряла... Так или иначе, как-то всё жутко сложилось. «Неаккуратненько», — невольно цитирую (тихо, сама себе под нос) Аннет.

С местными — еще ни с кем не сдружилась, не знала никого (да и напрашиваться стыдно). К бабушке поехать — спасибо, еще в прошлый раз любезностями "накормили" досыта. На лавочке отсидеться, дожидаясь "чуда", — тоже не довелось, не срослось: надоело мозолить глаза соседям, а далее — и вовсе целая плеяда старушек оккупировала оную, причем две (даже ту, что напротив). Некоторые не ленились "приобщаться" к обществу стоя, а кто более предприимчив, тот вообще со своим стульчиком пришел. Вот что творит свет фонаря — будто мотыльки на свет слетаются (и да, именно под наш подъезд): сначала бабульки, а чуть позже — и смена влюбленных парочек (таящихся в заботливой тени пышных абрикос) приходит.

На лестничной площадке остаться (на полу, на коврик — грязно, да и неудобно сидеть: ноги затекают; на самих ступеньках — бетон холодный: вредно и неприятно) — короче, тоже не комильфо.

Что ж, выход, как по мне, лишь один: обратно тяжеленные пакеты в руки — и за дом. В детский садик: те еще руины, хотя всё еще работает учреждение, причем по прямому своему назначению. И пусть порой (сама лично видела, и даже слышала пару раз) здесь сторож гоняет нерадивых гуляк, это всё же излюбленное место сбора молодежи. Спрятаться, как они, в темень павильона я, конечно, не рискну, но вот у входа в группу, на крыльце засесть (на забор волнами из прутьев) — эт можно. Напротив своих окон — и молча молиться, чтоб маман побыстрее решила все свои "проблемы" и вернулась обратно. Где бы она... когда и с кем не "урегулировала свои дела", ночевать — ночевала всегда дома. Поздно вечером, под утро — но всё же... возвращалась в нашу уютно обставленную, но одинокую, "душой" пустую, двухкомнатную.

Искренне надеюсь, верую, что и сегодня она не нарушит свое "золотое" правило, принцип, и не оставит меня рассвет встречать одну, на улице.

* * *

Черт, мало мне ветра, что только и гуляет из одного прохода в другой, а то и третий, так

еще и дождь начался... Что дальше? Что еще должно случиться сегодня со мной, чтобы окончательно добить и без того расшатанную, хромую психику?

— О-па, а че мы тут одни? Да еще и скучаем? — послышалось где-то за моей спиной. Резко обернулась.

Двое молодых людей. Улыбка до ушей, а в глазах так и режутся в дурня на жертву бесы.

— Не страшно? — ехидно хихикнул второй.

Обомлела я, не зная даже, что ответить. Округлила очи. Весь мой опыт общения с противоположным полом — это исключительно деловые контакты по учебе (папу я в расчет не беру). Поежилась от ужаса.

— Че молчишь? — уже более сдержано. Присел рядом — невольно сдвинулась в сторону, давая больше простору, да и... чтобы не соприкоснуться друг с другом. — Глухонемая? — отчасти дерзко, с раздражением.

— Нет, — поспешное мое, спрятав от смущения взгляд. Чувствую, что меня уже трясет всю от ужаса.

Неудобно ей в подъезде! ИДИОТКА! А теперь... УДОБНО?! (не говоря уже, что попу уже всю отсидела на этой железке). Да причем тут ЭТО?! ДУРА! Как бы другое место тебе сейчас не "отсидели"!

Папочка... спаси меня...

— Ну так... че молчишь? — уже более мягко, сдержано; придвинулся ко мне вплотную. А мне уже больше и некуда "бежать" — уперлась плечом в стену. Резко дернулась вперед, но удержал рядом, силой усадил обратно — поддалась. Забросил руку на плечо.

— О, че у нас тут? — внезапно отозвался Второй. Присел у моих сумок. — Колбасень, что ли? — вытащил из пакета палку копченой. Взор на трофей, на меня: — Домой, че ли, не пустили? Или куда собралась?

Нервно сглотнула слюну. Скривилась.

— Ребята, берите ее, если хотите. Но можно... я остальное с собой заберу? И домой... А то вон, — кивнула головой вбок, на окна, — мои уже вернулись. Свет на кухне горит, — вру.

— Где? — "заботливо" поинтересовался мой кавалер. Пристальный взор по разноцветным квадратам жизни многоэтажки.

— Да там, на втором, — чуть уже не седею от ужаса, хоть бы не в курсе был всех организовавшихся "вариантов" по эту сторону дома.

— Иди, если хочешь. Но... давай хоть проведем? Или что? — коварно улыбнулся. Невольно коснулась я взглядом его глаз, но тотчас осеклась. Еще сильнее затрясло меня (уже не от ветра, что не менее событий, сек своей черствостью) от жути, что уже ржавыми прутьями прознала не только сознание, но и каждую клетку моей плоти.

— Да я сама, спасибо, — едва слышно, пряча очи.

— Че? Боишься, что ли? — заржал. — Мы же хорошие мальчики. Да и потом... своих не обидим.

— А я че-т раньше тебя здесь не видел, — вновь отозвался Второй, все еще возившийся со злосчастным мясным изделием (и кой черт меня дернул эту "колбасень" купить? жевали бы молча сухую гречку — гляди, здоровее были бы, да и нервы целее).

— Я недавно сюда переехала, — отваживаюсь ответить, ибо пауза уж слишком затянулась, и неловкость здоровски стала кромсать изнутри.

— Ах, вот, б***ь, где вы! — внезапно чей-то голос. Шорох, стук. За воем ветра и шумом ливня не сразу и заметили "гостей". Шаги ближе: — А мы уже думали, вы свалили. Че

зависли?

Озорная улыбка осветила забавное лицо развыступавшегося, самого активного (высокого, плечистого) молодого человека. Вот только в глазах его не было ни пошлости, ни коварства, ни чванства. Даже тепло на душе как-то стало от его появления, уютнее. Спокойнее, что ли.

— Да вот... — рассмеялся вдруг мой "ухажер". — Познакомиться решили... Глянь, какую красавицу надыбали...

— И завхоза в одном лице, — заржал его товарищ и махнул показательно салями.

— Да я вижу... — задумчиво вдруг протянул "новоприбывший", не отрывая от меня взгляд.

— Смотри, какой закусон нам организовала. Царская, сырокопченая. Небось, дорогучая.

— Ага, — язвительное чье-то из-за спины этого "Гостя". — А потом только и выковыривай мясо из зубов.

— Че? — нахмурился "озорник". Взор то на товарища, то снова на меня. — В смысле, закусон?

— Домой купила, — несмело, тихо шепнула я, и спрятала, потупила в землю очи, сгорая от стыда из-за своей "жадности".

— Ну, так и отдай ей. Ты че... ох**л? — внезапно взрывом, гневной волной. — Быстро положил! — приказом. — Че вы... как гопота какая ср*ная?

— Ой, а давно ты другим стал? — язвительное собеседника.

— Я сейчас тебе проряжу — и вспомнишь... кем и когда я был! — не отступает «плечистый».

— Да шучу я, шучу. Че ты завелся?

— Да ниче. Не видно... что человеку неприятно? Чего докопались?

— Ну да, хавчик отбирают, — саркастической шуткой, фоном слышится чей-то голос. — Кому было бы приятно?

Тихий дружеский смех.

Игнорирует "заступник":

— Я не понял, — грубо. Лицо исказилось в исступлении. — Вы че такие скоты, а?

— Да че мы? — взволнованно. Убрал вдруг руку с моего плеча, отодвинулся в сторону "навязчивый кавалер". — Мы ее, вообще, так-то провести хотели.

— Ну и провел бы! Х*ли тут сидите, толпой давите?!

— Так не идет! — отчаянное, в оправдание.

— Короче, вы за*бали. Валите в беседку, — кивнул головой куда-то в сторону. — Там уже все наши. А сам я ее проведу. А то... еще и с этим наворотите.

— О-о-о! — взревел кто-то из толпы. — Ловко он вас...

— Ты сейчас доп**дишься, — заржал пристыжено "Гость", метнув взгляд в сторону шутника.

* * *

Покорились затее, все без исключения: и даже "колбасень" мне мою вернули.

Бросилась в сторону двора целая толпа парней.

Живо подхватил пакеты с пола Озорник. Взором кивнул на выход:

— Ну, веди... красавица-завхозиха, — доброй издевкой.

Зарделась я вновь от стыда.

— Да просто... сейчас с деньгами напряженно. Так бы я не жадничала, — семеню следом за своим помощником.

— Куда? — кивает по сторонам, морщась от назойливых капель дождя.

— Туда, прямо. Через проем в заборе и в арку.

Подчинился.

Продолжила я, тарахтя:

— Просто... у мамы сейчас в магазине крыша потекла. Весь нал туда ушел, на ремонт. А за аренду задержка, мол, сначала почините. И за квартиру же теперь не платят. А что батя прислал так вон... немного уже осталось.

— Стой, — рассмеялся вдруг, резко тормозя, едва мы спрятались под навес.

Тотчас налетела на него неволью — удержал. Лицом к лицу. Нарочно громко, дабы перекрыть шум (в том числе рев мотора и всплеск луж):

— Ну чего ты оправдываешься? — искренне изумление. — Ваши продукты — вам их и есть. Пацаны просто прикалывались. Тупо, но... Прости их, — поморщился в шутливой гримасе. — Так-то они нормальные. Просто... видимо, перенервничали: понравилась сильно.

— Да ладно, — смущенно увела, спрятала, уткнувшись в асфальт, я взгляд. — То еще мне... понравилась.

Тихо рассмеялся. Шумный вздох — и разворот. Неловко (сражаясь с поклажей) обнял меня и подал вперед — подчиняюсь.

— Пошли... а то холодно тут. Сквозняк. Еще простынем... Какой подъезд?

— Третий, — прибавляю шаг. Спешный заворот, указывая направление.

Следует за мной.

— А этаж? — едва нырнули под крышу.

— Второй.

— Ну... тогда пеша? А то осталось еще застрячь, — гогочет.

Замерли у двери. Черт, а я даже уже и не смотрела на окна: пришла, не пришла...

Резкий разворот к своему спасателю.

— Б-благодарю, — неволью запнулась.

Ухмыльнулся.

Поставил пакеты на пол.

— Че там делала-то?

Нервно сглотнула слюну:

— Да я... — растерянно взор около. Несмелым шепотом: — Я ключи или дома забыла, или потеряла где. Вот маму сидела, ждала...

— А она где? — вторит мне сдержанностью.

— Не знаю, — качаю головой. Взгляд в глаза, но тотчас осеклась. — Должна скоро быть, но... В общем, я не знаю. Хотя, может, уже и пришла, — от волнения рассмеялась.

— Ну так звони...

Ухмыльнулась, чувствую, как очередная волна жара раздирает мои щеки.

Разворот — и подчиняюсь: зажать пару раз кнопку звонка.

Застыли оба, казалось, не дыша.

Не знаю... Господи, не знаю... Но, по-моему, меньше всего в жизни мне сейчас хочется,

чтобы... она открыла, чтобы...

Тщетные мгновения выжидания — и уже более смело вновь жму на черную кругляшку. Сердце грохочет исступленно, вымаливая у вселенной подольше побыть с этим человеком.

Не знаю... впервые... Или от того, что он первый столь откровенно проявил ко мне неподдельный, чистый интерес, даря при этом доброту, заботу, а не агрессию и пошлость, или...

Еще раз — и нервозно дернулась. Обернулась.

Лицом к лицу. До неприличия близко.

Но ни он, ни я... не отстраняемся. Изучаем друг друга взглядом, хотя и теряется фокус, а сердце замирает всё чаще и чаще.

Задыхаюсь.

— И ключи не искала? — тихо, сипло.

— А? — словно очнулась, вздрогнула.

Сглотнула скопившуюся слюну. Неосознанно облизалась.

— Ключи, что ли, не искала? Не бродила там, где могла их посеять?

— Н-нет... — растеряно. — Да и это вряд ли... Я н-не рассеянный человек.

— Ну... — тихий смех, но тотчас оборвал себя, — со всеми когда-то бывает это в первый раз.

— Н-наверно... — робко.

— Давно уже ждешь? — отдернул взгляд в сторону взволнованно. Прокашлялся. Шумный вздох — и снова глаза в глаза: — Вернее, давно поняла, что ключей нет?

— Д-да... еще светло было. Часа четыре дня.

— Ну не ночи же, — смеется уже более открыто, смело.

— Не ночи, — глупо повторяю, а сама уже давно и мыслями, и душой утонула в его глазах, забывая обо всем на свете.

— И что теперь? Сидеть здесь будешь? Или к кому из знакомых пойдешь? Соседи?

Едва осознанно качаю отрицательно головой. Не сразу нахожу силы на звук, захлебываясь его приятным, притягательным запахом (смесь сигарет и парфюма — что впервые не отталкивает):

— Нет... у меня здесь нет знакомых.

— Недавно переехали?

— Мама местная. А я — недавно.

— Откуда?

— Из областного...

Ухмыльнулся вдруг. Колкие минуты — и поведал свои мысли:

— Все рвутся туда, а ты — оттуда...

Будто очнулась от оплеухи. Подалась немного назад, спрятала взор, давась горечью воспоминаний.

— Меня батя, — сглотнула слюну; обида полосонула горло, — вместе... со своей новой женой... сюда отправили. Чтоб не мешала.

— Прости... — едва слышно, пристыжено. Опустил очи.

— Да ничего, — натягиваю улыбку на устах. — Видимо, заслужила.

— Но с мамой же лучше?

— Не с моей, — мотаю головой. Глаза в глаза.

— Может, еще поладите?

Печально рассмеялась я, отведя взгляд в сторону.

И снова качаю головой, вкушая уже на полную разбушевавшееся разочарование своей судьбой:

— Если только на работу устроюсь... и стану выгодной инвестицией ее тепла и внимания.

— Ну... не руби с плеча. Может, все еще поменяется. Всё-таки... ты ее ребенок.

Не выдержала я — взорвалась злостью, негодованием:

— Шутишь? — гневное, резвое мое. Очи в очи, окончательно вырываясь из дурмана его влияния. — Да даже сейчас... где она? Думает обо мне? Беспокоится? Ну-ну. И хорошо, если к утру явится. И вообще, если бы я задавилась — она бы только рада была: одной проблемой меньше. Да и квартиру можно было бы... снова сдавать, — паясничая, закачала я головой, передразнивая ее скрытые нападки на меня последние дни, особенно когда вот... с крышей этой случилась беда.

Странное, палящее молчание пролегло между нами.

Спрятала я от неловкости взор. Даже не знаю... зачем всё это наговорила, всё грязное белье вывалила. Да еще кому?

— А звать-то тебя хоть как? — неожиданно отозвался "помощник", видимо, учуяв, на какую лихую мои мысли свернули.

Криво, но не без благодарности, улыбнулась я. Еще рачительнее прячу взгляд:

— Ванесса. Ванесса Соколова. Батя зовет... Ваней.

— Ваня? — заржал вдруг мой "защитник".

Отчего резво выстреливаю ему взором в глаза. Улыбаюсь:

— Ага. Глупо, да? — чувствую, как вновь заливают стыд мои щеки.

— Да че сразу?... — смеется еще громче. — Не глупо. Просто... необычно. Пацана, что ли, хотел?

— Да нет, — пожалала я от неуверенности, неловкости плечами. — Просто... Ванесса... как-то... ну, сам понимаешь, пока выговоришь. А так... Ванька... да и Ванька.

— Ох, Ванька ж ты моя, — шумный вздох и вдруг потрепал меня за волосы на макушке, из-за чего в момент поежилась я, невольно отдернулась в сторону. — Ладно, — вновь отозвался. — Пошли... с нами посидишь. Не тут же... куковать.

Схватил пакеты и, не дожидаясь одобрения, обнял меня за талию — и давлением подал на выход. Подчинилась.

— А учишься где? Или будешь? — обронил вдруг, когда стали спускаться по лестнице.

— Да в школе. В одиннадцатый пойду. В этой... местной, что за садиком.

— О-о-о, — вдруг взревел. — Так ты, возможно, даже в одном классе с моей сеструхой будешь учиться! С Некитом.

— Да? — удивленно вздернула я бровями. Хотела, было, обернуться, взглянуть ему в лицо, но не дал. Шаг вперед, выпадом — и открыл дверь, пропуская, проталкивая меня наружу. — Благодарю, — тихо. — Некит? — невольно рассмеялась я, особенно с учетом его замечания к моему имени "Ваня".

— Ага, — ржет. — Вероника, Ника. Бирюкова. Но она в "В". А ты? Или не знаешь еще, куда попала?

— Да, вроде, в "А", — пристыжено прячу взор.

— Отличница, что ли?

— Да нет, — спешно пытаюсь оправдаться, чтоб не надумал лишнего, что я какая-то

фанатичка, сдвинутая на учебе "задротка". — Просто там... гуманитарный уклон, а мне бы... ну, — мнусь, заикаясь, давясь от неловкости. — На юриста потом хочу. Туда к нам, в город, в универ.

— А... ну эт дело хорошее.

— Тем более у меня папа там работает. В смысле, работа у него с этим связана...

Черт! Заикаюсь, бред несу, словно какая умственно отсталая.

Замерли на крыльце. Взор по сторонам "Помощника".

— Вроде, чуть стих дождь...

— А, да... наверно.

— Я, кстати, Рожа, — поставил вдруг один из пакетов на землю и протянул мне руку.

Поспешно пожимаю ее в ответ.

Черт!

Током стукнуло — тотчас испуганно отдернулась.

— Прости, — рассмеялся мой новый знакомый, заливаясь смущением.

Вторю ему теми же чувствами:

— Это ты прости... Я, видимо... от дверного звонка подцепила, — идиотически ржу.

Гогочет:

— Ага, — язвительное, хотя и доброе. — А я от пакетов.

— А Рожа... это? — несмело интересуюсь, пряча от неловкости глаза.

— Это Рогожин. А так я — Федя. Фёдор.

— Федя, — невольно повторила.

Украдкой взгляд из-под ресниц.

И снова эти его очи, добрые, манящие, околдовывающие — убаюкивающие океаны, вторящие озорной, не менее доброй, заряжающей теплом и веселым настроением, улыбкой...

Глава 2. Мираж

Быстрым шагом вдоль моего дома, в сторону первого подъезда, а там и вовсе нырнуть в чужой двор. В центре стояла самодельная беседка, а в ней уж столпилось народу — тьма-тьмущая, больше, чем обычно старушек на лавочках у подъезда. И тут было куда больше тех, кто "стоя приобщался к обществу", да и хорошо, если вообще удавалось попасть под крышу, а то — нет-нет, да невольно оттесняли бедняг под ядрёный «душ» безжалостных туч.

Резвые шаги — и уместил, положил под лавку на бетонный выступ Федя мои пакеты.

Взор на меня, мнущуюся за спинами ребят.

— О-о-о! Рожа, — вдруг взревел кто-то, перебивая мысли. — Ну наконец-то! А то мы думали, ты там навеки с этой мамзель жить остался.

— Язык прикуси, а, — гневное Федора. Шаг ко мне ближе — обнял за плечи и затащил под навес. — А ну батьку место уступили! А то расселись тут, — захохотал, — наглота да босота!

— Ой, а то ты другой?! — женское, сквозь тихий смех.

Подчинились: сдвинулись вбок, спихнув самого крайнего с места. Что-то гаркнул, выругался тот, но тотчас осекся. Смирился.

— А девушке? — язвительное «Рожи», кивнув на меня.

— А девушку я готов взять на себя, — спешно отозвался тот, кто сидел сбоку. Враз разворот — и протянул ко мне руки.

— Клешни убери, — гогочет Рогожин, явно не без угрозы.

— А че... не поделишься, что ли? — смеется наглец.

— А она че, хлеб? Чтоб им делиться...

Ухмыльнулся. Смолчал собеседник.

Еще напор, движение — и уже следующий невезучий кеглей слетел со скамьи.

— Ну вы и толстож*пые! — слышно сквозь смех.

— Со своим стульником ходи! Вон как... Марковна: везде и всегда готова. Даже в очереди, на почте.

Ловко перебрался через скамью Рожа и обернулся ко мне.

— Иди давай ко мне.

Поддаюсь.

Его помощь, всеобщие усердия — и забралась, расселась. Невольно вплотную прижалась к Нему. Тепло вмиг захлестнуло меня, отчего буквально в секунды начало откровенно трясти. Тщетно пытаюсь сдержаться, не выдать себя. Наивную. Глупую. Перепуганную...

Они, мои новые знакомые мне что-то говорят, предлагают, даже стопку суют, а я уже ничего не слышу. Сплошной шум в голове — и... вновь задыхаюсь.

— Что пьешь? — внезапно приблизился своим лицом к моему.

— А? — испуганно пучу на него зенки. А мне страшно и вдох сделать — снова вобрать в себя этот дурманый запах.

Облизался невольно. Секунды выжидания — и вдруг рассмеялся (добродушно, тепло, с каким-то снисхождением):

— Сок, вино, водка? Наливка?

— Сок.

Ухмыльнулся. Разворот.

— Нам сок!

— В смысле, "ВАМ"? — слышу (наконец-то слышу, различаю, осознаю слова): возмущением. — Ты че... пить не будешь?

— Не, не хочу.

— Да хоть чуток. Ну рюмку!

И снова качает отрицательно головой Рогожин.

— Короче, — дерзкое собеседника. — Штрафные — обязалово. А дальше — уже как хотите.

Выругался про себя Федька, заливаясь улыбкой, не издав ни звука — да и не надо: товарищ и так по губам всё прочитал.

— Сам иди туда. Казанова.

Подняты стопки. Кто с чем... короткий тост за встречу, что наконец-то все собрались, — и дернули смело.

Странный, горький какой-то апельсиновый сок попался. Да и вонючий, что ли. Но... что уж есть...

Вдруг движение за нашими спинами и навалился кто-то на наши плечи. Щека к щеке... со мной. Нервно дернулась, отстранилась, подавшись к столу. Взор на нахала — тот самый, что зачал всю эту эпопею, навязав свое и своего "голодного" друга внимание в садике:

— Уговорил-таки? Или чего вернулась? — гогочет.

— А тебе какое дело? — грубо рявкнул на него Федор (перебивая меня, едва попыталась что-то промямливать в ответ). — Свалил давай!

— Ах, вон оно как! Вообще-то, я первый ее нашел, — смеется.

— Слюни подотри, — дерзкое. Сцепились их взгляды. — Свалил, говорю.

— Да понял я, понял, — иронией. Отстранился. Выровнялся во весь рост.

— А звать-то хоть как? — слышится сквозь смех уже другой мужской голос (через стол, напротив).

Устремляю взгляд.

И пусть они почти все — милovidные люди (особенно девушки, те еще нежные цветочки и красавицы), но почему-то только этот Федор и вызывал полноценное доверие.

— А тебе зачем? — ржет сдержано Рогожин. — Жениться собрался?

— Нет, ну причем тут? — поспешно. — Сам-то, небось, давно уже всё разузнал.

— Ну так, — гогочет Федя. — Это же я, а то ты.

— Ванесса, — наскребла я храбрости подать голос.

— О-о-о!!! — взревел кто-то.

Некоторые рассмеялись.

— А че смешного-то? — грубо, явно с досадой, отозвался Федор.

— Это типа как... ну как ее там? Ну эта... музыкантша! — умное замечание "навязчивого кавалера из садика".

— А, да! Пианистка есть такая! — слышится чье-то мужское.

Женский смех. Поспешно:

— Вообще-то, она скрипачкой вроде как была!

— А у меня она переквалифицировалась!

— Ага, — язвительное. — Лично ради тебя.

— Да кто ж их там разберет! И потом, мало ли чем она еще промышляет!

— Особенно по ночам, — слышится смех "Голодного" (стоит, жует что-то).

— Фу, какой ты мерзкий! — какая-то барышня возмущением.

— Да я про нервы! Че ты?

— Ага-ага! — сарказмом.

— Ой, да сами вы пошлые! — махнул тот рукой.

— Да чего вы завелись?! — резвое. — Вообще-то, мы, как бы, тут знакомились. Я, кстати, Ника, Некит, — живо протянула мне руку через весь стол девушка.

Поддаюсь. Смущенная, тотчас пожала я ее ладонь.

— Сестра этого твоего... — кивнула она вдруг на Федьку, что относительно нее сидел позади меня, — кавалера.

— Очень приятно, — шепчу.

— Да я ей тебя уже сдал, — гогочет Рогожин. — С тобой на параллели будет учиться.

— О, да ладно! — от удивления вздрогнули ее брови. — А какой класс?

— "А".

— А... гуманитарии, — улыбается. — Хотела я как-то туда... — многозначительная пауза. Захохотала вдруг, отведя очи в сторону. — Но потом как-то не срослось.

— Вань, а ты чего так дрожишь? — взволновано вдруг обронил Рогожин, перебивая свою родственницу. — Замерзла, что ли? Чего молчишь?

— А? — резво оборачиваюсь к нему.

И снова до неприличия близко, отчего просто назло мне... всем моим попыткам совладать с собой, еще сильнее, до откровенного лихорадочного пляса конечностей, начинает меня колотить. Живо привстал с места, расстегнул, снял с себя олимпийку.

— Да водки ей налейте! Сразу согреется!

— Себе налей, — смеется Рогожин.

Еще движение — и набросил одежину мне на плечи.

— Одевай, — приказом. Подчиняюсь: сую руки в рукава.

Только попыталась застегнуть змейку, как не дал: сам обернул к себе лицом и заботливо защелкнул молнию.

— А то сидит тут, молчит, мерзнет, — присел обратно. Мигом забросил руку мне на плечо и притянул к себе. Поддалась — легла ему на грудь.

— Ну и х*ли ты ей стопку тычешь? — раздраженное Феди. — Сок лучше налей.

— Может, еще чаю? — ржет молодой человек.

— А вот тут ты прям... в тему, — захохотал "Рожа". — А ну быстро домой сгонял!

— Ага! Уже-уже, гляди... за поворотом. Твоя мадам — ты и бегай.

— Я, кстати, Коля, — вмешался вдруг в спор наш "сосед" по скамье.

— Очень приятно, — и снова шепчу смущенная.

— А я — Глеб, — торопливо отозвался и "нахал из садика".

— Андрюха, — не отстал от остальных и "Голодный".

— Да какой ты Андрюха?! — рассмеялся тотчас Федор. — Гриб — он и в Африке гриб!

— Ой, да ну тебя! — возмущенное под дружный хохот ребят.

Валя, Коля, Сева, Настя, Катя, Вова, Дима, Женя, Ира, Артур и т. д. И так много, что я даже (хоть и пыталась поначалу) но не смогла не то, что запомнить, но и расслышать.

А после... и вовсе, когда их внимание стихло, переключилось на очередную "жертву" веселья, я окунулась в собственные мысли. Ощущения...

Странные, пугающие чувства. Но не отталкивающие. Напротив... Никогда не думала,

что так может быть... с... молодым человеком. А тем более малознакомым.

Впервые даже парфюм не отталкивал. Легкий аромат искусственных "феромонов", примесь алкоголя и даже запаха чужих сигарет — всё сочеталось идеально, и даже манило, влекло, завораживало. Творило нечто невообразимое — как еще никогда в жизни, мне хотелось вдыхать и выдыхать это благоухание, будто я какая сумасшедшая. Умалишенная...

А сердцебиение... Его сердцебиение отбивалось во мне набатом, околдовывая еще больше. Порабощая. Подчиняя своему такту — мой.

Невольно прикрыла веки, погружаясь в шальной, дурмана транс. Бесстыдно и бессовестно. Я тонула в странном, больном удовольствии, изнемогая от невозможности справиться с чувствами.

«С ума сошла!» — гневно вопил рассудок.

«Совсем немножко... пока никто не замечает», — отчаянно молила... душа.

— Может, чего-нибудь скушаешь? Или еще сок?... — дернулся, приблизился ко мне вплотную, шепотом на ухо Федя.

А голос! Папенька! А голос!!!

— Вань! — отдернул. — Ты что спишь?

— А? — испуганно вздрогнула я. Распахнула веки — лица наши на расстоянии вдоха. Чувствую, как жар залил мои щеки. Напрягся и Рогожин.

— Спишь, говорю? — любезно повторил. — Если да, то давай проведу. Да и твоя, наверняка, уже вернулась.

А я — сижу и ничего сказать не могу. Знаю, что "надо", а не могу... Просто онемела.

Мурашки побежали по телу от накала чувств.

Казалось, я готова уже разрыдаться от перенапряжения, от тока, что впился в меня разрядом молнии и не отпускал до сих пор.

Боже, неужели так бывает в жизни? Чтоб вот так... с первой встречи... едва ли не с одного, первого взгляда, прикипеть к человеку — и желать в него вцепиться, да больше никогда не отрываться?

Господи, как стыдно! Жутко, страшно... но и нет сил сопротивляться. Ни сил, ни желания, ни возможности...

Живо прячу взгляд. Отчаянным, с хваткой смертника, усердием вырываюсь из Его объятий — поддается.

— Да-да, домой надо! — испуганно затахтела я, срываясь с лавки, попытка перелезть на другую сторону, не задев остальных.

— Эй, ты чего? — заржал пристыжено, сгорая от удивления, замешательства, "Рожа".

— Да ты прав, — ретиво прячу от позора очи. — Как бы еще в милицию она не позвонила.

Задергалась я у своих пакетов (что все еще были под скамьей).

— Вань, че случилось? — насторожено прошептал Федор, присел рядом на корточки.

— Да всё хорошо, — невольно тараторю, вновь сдавая себя сполна. Силой заставляю взглянуть ему в глаза. Замираю, словно перед расстрелом. Не вру (и вру): — Поздно уже, действительно. Мне домой пора. Проведешь? — выстрел. Мой... кроя правду, истинные чувства... али подыгрывая им.

— Ну да, конечно, — кивнул головой.

Отобрал поклажу у меня, встал. Помог и мне выровняться на своих двоих.

— Эй, а вы куда? — обиженное "Гриба". — Рожа, ты куда?

— Да проведу Малую... и обратно. Сейчас буду.

— На тебя бадяжить? — многозначительное.

Скривился раздраженно:

— Ты же знаешь, я не по этой части.

— Ну, мало ли... А ты, Глеб? — крикнул уже другому, вперив в него взгляд.

* * *

И вновь провел до квартиры...

Полумрак. Тусклый, медовый свет лениво сочился, прокрадывался с первого этажа, отчего едва ли можно было хорошо разглядеть лицо своего собеседника.

— Ну, чего замерла? — ухмыляется добро Федя. — Звони, — кивнул на дверь.

Еще мгновения сражения с самой собой... с неловкостью — и поддалась. Шаг ближе, очередной, косой, беглый взгляд на своего «кавалера», и зажала кнопку звонка.

Жуткие, убийственные секунды тишины — и послышался шорох за дверью. Сжалось болезненно сердце. Запекла обида в горле.

Конец. Конец всему...

Живо оборачиваюсь. Протянула руки к Рогожину, желая забрать поклажу:

— Спасибо тебе огромное за все. За помощь.

— Да было бы за что, — ухмыльнулся.

Резкое движение — и поддался, передал пакеты.

Щелкнул замок, лениво отворилась дверь.

Испуганно обернулась. Сгорая от стыда, тотчас уставилась на маму:

— Прости, я ключи, наверно, потеряла...

Шаг за порог. Обернулась, последний раз коснуться взглядом Его глаз — а там... и след простыл. Ушел, пропал мой Рогожин... оставив по себе лишь воспоминания.

Неделю! Господи, НЕДЕЛЮ!

...Уже неделю, как придумываю себе неотложные дела, которые припекает именно вечером, причем срочно, делать: то оплатить за свет забыла (вдруг еще работает касса), то соседка просила помочь с клумбой во дворе (а она просила, а вернее, я навязалась), то продукты кое-какие докупить (но не на рынке, а в «круглосуточном», что в высотке, и путь в который через Их двор). И — ничего. Сколько я бы не выглядывала, не высматривала Его там, в беседке за столиком, но не было. Не было Феде. Уйма (с того вечера) знакомых лиц, и даже его сестра, Вероника, если не путаю, но... не Его самого.

Нет и точка.

А я глупая, тогда так закрутилась, мыслями своими задурманилась, что вовсе забыла ему его спортивную куртку вернуть.

Хотя... чего кривить душой? Я, конечно, безумно рада, что зато у меня теперь есть повод к ним, к Нему подойти... Но и неудобно уже даже.

Наверняка заметили, что, как идиотка, всё бегаю мимо них и взгляды метая.

Стыдно до ужаса. И потом, вдруг он вообще рассорился или куда переехал? Что, мне вовек хранить его одежину?

Да и я бы с радостью... но...

...неудобно как-то.

Решаюсь.

Шумный, глубокий вдох — и сегодня вместо «ночника», иду напрямиком к Ним.

И опять узнаю среди толпы Его родственницу.

Прячу себе под ноги от смущения взгляд. Иду, едва ли не напролом.

Еще мгновение жути, отчаянной храбрости — и замираю за спинами ребят:

— Привет, н-народ, — заикаясь, несмело шепчу.

Взгляд по лицам, в тщетный раз выискивая «заветное». А потому смиряюсь с тем, что есть — шаг ближе к Нике:

— П-привет, — робко протягиваю ей Его олимпийку (а сердце так и обливается кровью, расставаясь с самым ценным, что когда-либо было в моей жизни). — Я тогда забыла вернуть. Не могла бы передать?

Еще одна волна хохота — и наконец-то успокаивается «Рогожина». Стихает и вся толпа.

— О, Малая! Привет! — только сейчас и заметила та меня. Вперилась взглядом.

— Опа! Ваня! — неожиданно чье-то мужское (но явно не Феде голос, нет той странной, такой влекущей интонации, манеры в звуке, бархата, а потому и не ищу взглядом). Наоборот — усерднее прячу очи.

— А мы думали, ты уже нас забыла. Вон — всё бегала тут, а не заходила, не здоровалась, — еще чье-то... чужое, колкое.

Смущенно, криво улыбаюсь. Пытаюсь игнорировать.

В глаза Нике — усмехается, молчит.

— П-передашь? — тычу в ее сторону.

— Передам, — сдержанно рассмеялась, пожав плечами. Забрала. Вдруг проворное движение — и забросила себе на плечи. — Шикарный подгон. Как раз замерзать стала, — гогочет. Вторят ей и остальные ребята. Немного помолчав, вдруг продолжила: — Но серьезно, — взор мне в очи, — че ты к нам не заходишь? Обидели, что ли?

— Д-да нет, — отчаянно, невольным визгом вышло. — Я просто... — жутко вдруг стало, тихо вокруг. Замерли даже хохотуньи. Дрожь прошла по всему телу. Казалось, сейчас разрыдаюсь от перенапряжения, от волнения. Взор около, но в момент осеклась. На Нику, а затем и вовсе устала в землю. — Неудобно как-то... навязываться.

— Шутишь, что ли? — рассмеялась вновь Вероника. — Не глупи. Наш столик — ваш столик. Всегда рады общению. Так что... будет время и желание — заходи.

— Спасибо, — щеки мои уже заживо съедал огонь стыда. — Как-нибудь потом... — сама еще не знаю, вру или нет: хочу, очень хочу, но хватит ли вновь храбрости? — Ладно, — нервически сплотнула скопившуюся слюну. — Сейчас мне бежать надо, — прячу глаза от неловкости. Задыхаюсь от давления столь жуткого, просто убийственного, пристального внимания целой толпы малознакомых людей. — Я как-нибудь потом... Может, завтра.

— Хорошо, ждем завтра.

— До свидания. До встречи, — на автомате; тараторю.

Резкий разворот — и, едва ли не срываясь на бег, спешно подалась, пошагала в сторону высотки, невольно заплетаясь в собственных ногах...

Обратно — даже крюк учудила, лишь бы больше... с ними не встречаться взглядами.

Не сегодня.

Хватит с меня уже позора. И отчаянной храбрости.

Отдала — и хорошо.

Если больше и не решусь подойти к ним — то, по крайней мере, ничего не должна уже.

* * *

Не смогла. Не выдержала. Уступила глупому интересу, а вернее, жажде... вновь оказаться в Их компании.

Да что там?

Его... не знаю как так, почему... но всё готова была отдать, лишь бы вновь очутиться с Ним рядом. Ощутить его тепло, запах. Окунуться в Его... заботу.

А потому, на часах и шести еще не было, переделав всё необходимое по хозяйству (чтоб хоть как-то оттянуть время), тотчас кинулась на улицу. В пресловутый двор.

А там... почти никого и не оказалось: так только — трое девчонок да двое парней. И это в пятницу-то!

— Всем привет, — скривилась я от неловкости (ведь даже не знала, как их зовут; а девушек — так и в лицо не признала).

— Привет, — растеряно те наперебой.

Мнусь, вновь сгорая от стыда.

Вот же я дура!

— А Ники не было?

— Ники? — удивилась одна из барышень.

— Ну, Некита...

(Не про Федора же в лоб расспрашивать!)

— А, Рожиной?! Да она позже обычно вылезит.

— Да вон, идет! — махнул вдруг мне за спину молодой человек.

Резко обернулась. Благодарная улыбка ей навстречу:

— Привет, — неуверенно.

— О, б**! — завалилась та с грохотом на скамью. Шумный выдох. Бесцельный взор около. — Ну и жарень! Думала, сдохну сегодня. В городе с матушкой и Малой были. Видите ли, — паясничая, — нам на первое сентября уже надо срочно купить блузки с юбками! Мать тв*ю! Как меня всё это вымораживает! Какие, нафиг, юбки? Мне — и юбка! Но... зато кроссы еще купили. Мне и Роже. Зацените! — резвое движение — и закинула ногу на лавку. — Там еще и пищащие были, но я так и не уговорила для Федьки их купить. Вот ржака была бы! Сколько мата! Я бы точно там живот порвала, особенно, пока он бы выковыривал эту пищалку из них.

— А че Его с собой не взяли? — осмеливаюсь вклиниться со своим глупым вопросом, но умнее ничего не придумала, а удержаться от возможности поговорить о том, кто вот уже которую ночь не дает мне спокойно спать, — выше всяких моих сил.

— О, привет! — уставилась на меня Вероника. — А я тебя и не заметила. Прости.

— Привет, — несмело шепчу вновь. Закусила губу.

— Рада, что все же пришла к нам. Мы хорошие, — сgrimасничала, шаловливо улыбнувшись.

— А где вообще Рогожин? — неожиданно отозвался, вклиниваясь, один из молодых людей. — Че его уже который день нет? Уехал куда, что ли?

— О-о-о, — взревела Ника, паясничая. — А то ты не знаешь, что это — тот еще занятой человек! Еще с утра куда-то свалил. А куда — хр*н скажет. Так что, — скривилась, закатив глаза под лоб, — забей. Как там на днях Ритка выдала? «Когда наш Царь соблаговолит почтить своим вниманием... столь низменных персон — кромешная тайна и никому, кроме Его Сиятельства, она неведома». Да, как-то так, — рассмеялась звонко сама над собой Рожина. Свторили ей и остальные. Не удержалась от улыбки и я.

— Мда... — протянул кто-то из парней. — Вообще, он ох*ел: на друзей совсем забил.

— Шутишь? — едкое Вероники. Взор тому в лицо: — У него просто теперь свои друзья. А мы так — эхо прошлого. Тот же Шмель, Токарь или Гриб — это же, — возвела руки вверх, кривя слово, — «святое»! Да, якобы дела. И я всё понимаю. Но... — закачала головой в негодовании, — но компашка же — та еще!

— Как они еще с Инкой состыковываются? — загоготал Второй.

Обмерла я, припиленная услышанным. Застыла, не дыша.

— Как-как? — раздраженно гаркнула Вероника. — Серега, ты как маленький! Сравнил, а! — отвернулась в сторону, сплюнула на землю. — Да так: как припекает, так быстро и время, и место находится... на всё, что надо. А то бы ты увиливал! А мы — это мы. Не сравнивай. Да, Вань? — вдруг на меня, улыбнулась добро. — Чё подвисла?

— А кто такая Инна? — несмело я, едва слышно, шепотом.

Сердце сжалось от ужаса, захлебнувшись кровью.

— Да девушка его, — удивленно; округлила очи та. — А ты что, не знала?

— А, ну да, — живо выпалила я, заливаясь ужасом и стыдом (сама не зная, как так умело родив вранье). — Просто имени Её не знала... — отвела взор в сторону, а там и вовсе отвернулась.

Щеки запыхали огнем. Поежилась.

— О-о-о! Вспомни его... — едкое, надменное, желчью, Вероники.

Дернулась я от ужаса. Взгляд в сторону, куда уже все устремили взоры.

Высокая, стройная, длинноногая брюнетка в не менее модельных, на высоченных каблуках, босоножках. Юбочка джинсовая — едва что прикрывала собой. Сверху топ — майка, очерчивающая немалую, упругую грудь с глубоким декольте.

— Привет, народ! — радостный вскрик моего личного... демона.

— Привет-привет! — дружеским подколом, радостью отозвалась одна из барышень. — А ты че... уже вернулась?!

Завторили и остальные, здороваясь с Гостьей.

Ответила и я, теряясь своим бляением среди шума толпы.

Невольно взор на Нику — и обмерла я в удивлении: скривилась та и вновь сплюнула на землю. Тотчас встала со скамьи. Нагло перебивая:

— Ладно, ребята. Я на рынок. Есть кто со мной желающий? — взгляд около.

— Я, — поспешно: невольно вырвалось из меня, хватаясь за это, как за спасательный круг.

— Опа, у нас новенькие, — вмиг отозвалась «незнакомка». — Инесса, — громом, убийственной грозой, пронзая... молнией, разрядом кошмара, меня. — А тебя как?

— Ванька, — поспешно выпалил Сергей вместо меня.

— В смысле, Ванька? — округлила девушка очи, вытаращившись бесцеремонно.

— В прямом, — гогочет все тот же. — Ванька. Твой Рогожин, кстати, притащил.

— В смысле, Рогожин? — еще больше стали ее блюдца (казалось, вот-вот выпадут зенки из черепашки). На лице отпечатались жестокость. Неприкрытый гнев.

Невольно поперхнулась я слюной. Закашлялась.

— Да расслабься ты! Шутит он! — в момент вклинилась, отозвалась Ника. — Это Гриб со Шмелём к ней докопались. А Федя просто вступился. Ладно, ты идешь, или как? — вперила в меня пронзительный взгляд.

— Д-да, — заикаясь, твякнула я. Тут же спохватилась с места — и к ней.

Ухватила Вероника меня под руку и силой, напором, нарочно прибавляя шаг, потащила в сторону моего двора.

— Пошли быстрее, — тихо гаркнула Рожина. — Пока эта Швабра не увязалась за нами. Как же она меня бесит. И что он в ней нашел? Тупой кобелина... Кроме морды и сисек — сплошная же жуть жуткая.

Шаги в сторону стройки, заворот — и через садик, сокращая путь, на тропинку в сторону школы. А там — уже и рынок виднеется.

— А давно они вместе? — осмеливаюсь я на самое болезненное, на то... что просто разрывало меня изнутри.

— Да года два, если не больше. Но у них... это так. Не думаю, что уж... совсем всё серьезно. В смысле, чтоб прям до свадьбы. Так, от скуки... да перепихон. Дура она... жесть какая. Бесит нереально. Особенно это ее «Инесса», б***ь. Ладно ты — Ванесса. Тут как не крути. И то — Ванька. А то сама ни о чем — зато перед всеми: царица «Инесса». И попробуй ее Инкой в лицо назови — губы сразу надует. Чучело. А каблуки... видела, какие напялила? — гогочет.

Поддаюсь на ее настроение, улыбаюсь:

— Ага. Обратила внимание...

— И это во двор! Она как-то однажды так и на озеро вырядилась. Потом всю дорогу ныла, что мы «хр*новыми» путями идем. Видите ли, много песка. Нет, б***ь, ради ее Величества крюк в пару «км» делать будем! А дальше-то — всё равно пляж! И он-то уж точно не из асфальта выкатанный! Вообще, о чем она думала? Или чем?.. Чу-че-ло! Ей Богу... аж зубы у меня от нее сводит. Одна честь, что не падкая на деньги и, вроде как, верная. Хотя... это всё с виду. Так-то я свечку над ней не держала и по пятам не ходила.

— Но юбка у нее короткая, — тихо шепчу, сквозь улыбку, откровенно ехидничая.

— О, да! — не менее едкое, саркастическое вырвалось и из Вероники. — У нее еще шорты есть — так у меня труселямбы побольше их будут. Короче, че о ней вообще говорить? — взор на меня. — Рогожин ее себе завел — пусть сам и мучается. Вот не было ее сколько времени (где она там, у бабушки огород полола?). Пусть лучше бы и дальше там сидела. Спокойнее было. А то еще вечно свою варежку раскроет, напи**ит с три короба, а мне потом за нее еще и вступайся, так как, вроде ж, «своя», Федькина. Ладно, — обмерла резко около прилавка.

Устремила и я взор, вторя ей, взглянула на товар, на старушек-продавщиц.

— Ты ж семечки будешь? — неожиданно выдала мне Рожина.

Замерла я в растерянности.

Но мгновения ее зрительного напора, давления — и поддаюсь:

— Да нет, — растеряно пожала я плечами, — спасибо...

— А че? Не любишь, что ли? — удивленное. — Глянь, какие крупные! — кивнула головой на миску (с граненым стаканом внутри), полную «лакомства». — Попробуй! Понравится!

— Да просто... — смущенно заикаюсь, — я денег не брала с собой.

Раздраженно цыкнула Вероника. Живо вырвала свою руку из моей. В карман — и подалась к женщине, протянула монеты:

— Нам два, больших...

Еще немного поплутали меж торговых рядов с Вероникой и повернули обратно. Во двор.

Народу к нашему возвращению собралось уже немало, да так, что уже некоторым и места не хватало, где сидеть.

Нагло протиснулась меж ребят к скамье Некит, силой таща и меня за собой.

— Так-с, мы с провиантом! Быстро снабженцам место! — командный голос моего поводыря.

Еще рывок — и взгромоздилась Рожина на лавку. Удачный «пируэт» бедром — и сдвинула нахально соседей в сторону.

— Падай, — взор на меня.

Спешно подчиняюсь.

Взор пустила та около:

— Опа, Царь! И Вы здесь?! — язвительное Ники, жуя семечки.

Йокнуло мое сердце, предчувствуя ужасное. Живо вторю ее взгляду — окоченела.

Напротив, буквально на самом углу: Рогожин. И Инна, Инесса, у него на руках. Жадные объятия, нескромные ласки, блуждания рук по телу друг друга... Откровенный, запойный поцелуй. Казалось, эти двое вообще никого не замечали вокруг. Весь мир остановился — и никого, ничего не было около более...

Будто кто по горлу меня лезвием полосонул.

Тотчас отвернулась. В груди запекла горечь, заняла обида.

— Хоть бы с Ванькой поздоровался. Нет же... куда там. Не оторваться же!

Мгновения — и вдруг шорох, прокашлялся.

— Привет, — бархатный тенор (который я столько ночей мечтала вновь услышать), доводя своими нотами до дрожи.

Дернулась я невольно, беглый, испуганный взор на Него. Несмело, тихо в ответ:

— Привет.

Тотчас отвернулась, так и не дав себе взглядом коснуться Его глаз.

— Ладно, мне пора, — мигом вскакиваю с лавочки. Виновато, пристыжено уставилась на Нику. — Пока.

— В смысле, пока? — борзое ее. — Мы же только пришли!

— Да я вспомнила. Мама просила муки купить. Завтра у деда годовщина. А надо еще и блинов нажарить. Не обижайтесь. Простите, — поспешно оторачиваюсь и резво бросаюсь прочь. Едва не грохнулась, споткнувшись об бордюр. Но в мгновение совладала с собой (не пала еще ниже), ловко выровнялась — и побежала в сторону своего двора.

Дура! ДУРА! ДУРА КОНЧЕННАЯ!!!

Залететь в подъезд — и прибиться спиной к стене. Медленно скользя, опуститься на бетонный пол — спасительный холод, что хоть как-то гасил пожар, взорвавшийся во мне.

И плевать уже на прохожих, на соседей — завывала. Горестно... иступленно. Захлебываясь слезами, болью, как то сердце — кровью, что только что разорвали на части.

Наивная идиотка!

Понравился? И что, ЧТО С ТОГО?! Ему же — на тебя плевать. Небось, даже уже забыл, где видел. И если бы не Ника — и имя твое бы, тупой овцы, не вспомнил!

У него «Инна», «Инесса»! Куда ты против нее?! Вовсе ничем не вышла. Да и на вид тебе — конкуренция разве что девятиклашке!

Дура набитая! Вот кто ты!

Слюней тут напускала, мыслей наворотила... грез.

Ну и что, что снился? И что, что засыпала с Его именем на устах. И просыпалась с ним же... И ЧТО?

И что, что вся тетрадь исписана гаданиями, а карты — затерты едва ли не до дыр.

ДУ-РА!

НЕ НУЖНА ТЫ ЕМУ! НЕ НУЖНА!

У Него есть Она. А ТЫ — ЛИШНЯЯ.

Ошибка, на которую зря тогда обратил внимание. От скуки. Или из жалости.

И что, что провел?! Вот ЧТО?!

Ровным счетом ничего!

Сколько девочки рассказывали о своих «ухажерах». О томных прощаниях, об объятиях, поцелуях... Он же не проявил к тебе ничего — исчез. Да так, что даже не заметила.

К Нему — нет претензий. А вот ТЫ — ТЫ ИДИОТКА! Забросать бы тебя гнилыми помидорами... облить помоями, как тот позор, что свалился на голову.

Ведь явно все поняли... Поняли, как ты на Него молилась, и как Ему на тебя — плевать.

У Него есть Она. С которой Он не просто гуляет, целуется. Она Ему дает всё то, о чем ты даже думать боишься. Дает. Умеет. Завлекает.

А ты — глупая, наивная дура, на которую без жалости и не взглянуть.

Тупая школьница, которой в пору... только книжки зубрить.

— Девочка, тебе плохо? — склонилась надо мной какая-то женщина, а меня — будто кто стрелой пронзил.

«Девочка» — вот твой удел. Мерзкая, сопливая, малолетняя «девочка».

А у Него — Инесса. У него — ОНА.

Забилась у двери подвала в темноте — подальше от пытливых глаз... зажалась в углу — и нырнула в свое гнилое, гнусное самобичевание и море отвращения к себе самой. Даже не заметила, как уснула... А когда пришла в себя — давно уже на улице стемнело.

Не искал. Он тебя не искал. Еще бы... нужна ты ему?

Даже если надеялась в глубине души, мечтала, просила, молила — не искал.

Наверняка, уже где-то со своей... «девушкой». Наедине... одаривают уже более взрослыми ласками друг друга.

Попыталась подняться. Отсидела задницу, затекли ноги — но еще жива.

Цепляясь за стену, едва ли доползла до лифта, а там — на второй этаж. В квартиру.

В комнатах темно, но обувь ее есть: значит, дома.

На кухне, на столе — стопка блинов. Ну что ж... хоть кто-то из нас адекватный в этой жизни. Хоть кто-то что-то сделал правильное, толковое.

Дотащить себя до ванной — помыть руки, умыться, почистить зубы — и спать.

И снова едва закрываю глаза — передо мною Он. Вот только теперь не один. А с Ней. С Инессой...

Хорошо, что лето. Прикинулась больной, да и мать не настаивала — поехала на кладбище без меня, одна. А значит, и видеть «любящую» бабушку — тоже не доведется.

Провернулась в постели — и уставилась на циферблат настенных часов: уже и три натикало.

Еще немного — и соберутся они вновь в беседке. Возможно, и Он там будет. И Она...

Плевать.

Ничего не хочу.

Да и мешаться не стану.

Даже пытаться завоевать Его внимание. Не нужна — так не нужна.

На чужие вещи никогда не зарилась, а парней — так тем более...

Парней.

Вообще никогда ни на каких не зарилась. А тут — на тебе... Вляпалась по самое не хочу.

И, главное, как? Сам проявил участие. Да и всего один вечер!

А напридумала же!

Дура! ДУРА конченная!

ПОЗОРИЩЕ!

Небось, все только и смеялись с тебя, как ушла.

Такого напридумывают. Такого насочиняют. Как слюни пускала, как ночами с ума сходила! Как ревела!

Стоп!

Нельзя так! Не надо!

Хватит, что эти «двое» и так мне душу раскромсали, так еще... и честь захоронят.

Хотя и сама виновата. Но...

Живо спохватилась с дивана. Приняла душ, привела себя в порядок.

Одела сарафан — пусть и не фонтан, и далеко не ровня «Инессе», но и не самая помойка!

Пусть ему не нужна — зато другим интересна! Тот же (если не путаю) Глеб вон сколько расплялся, кружился вокруг меня! Да и остальные, вроде как, приветливо относились. Не любовь, так дружба!

Ради той же Ники пойду. Сострою вид, что мне плевать на «этих», покрасуюсь пару дней, а там...

Черт! Батя!

Живо бросаюсь к телефону. Набираю заветный номер (благо вечер воскресенья — должен быть дома) — и плевать на былые обиды.

— Слушаю, — уверенный баритон.

— Пап, привет! Это Ваня! — тарыхчу, словно ненормальная.

— Привет, котенок. Что-то случилось?

— Пап, — рублю в наглуую. — Я по поводу моря. В этом году ты меня тоже отправишь с Санаторий?

— Ну, если не хочешь... только. А так — да. В августе.

— А можно сейчас? — резво перебиваю. — В ближайшие дни.

Обмер в растерянности. Колкие мгновения тишины:

— Что-то случилось?

— Да нет! — и когда научилась так ловко врать? — Просто, пока погода отличная, хотелось бы туда попасть. А то будут, как в прошлом году, одни штормы. Не отдохнуть, и на экскурсии не поехать!

— Ну-у, — протянул задумчиво. — Я позвоню, уточню, можно ли перенести...

— Пожалуйста! Очень прошу! Только на ближайшую дату.

— Хорошо. Но точно ничего не случилось?!

— Пап, ничего, — отчаянно-убедительно. — Иначе бы я тебе сказала. Верно?

— Надеюсь. Ладно, тогда до понедельника. Завтра днем все разузнаю, а вечером — позвоню.

— Жду.

Повесить трубку. Шумный выдох.

Шах и мат.

Не вы меня — я себя.

Уйду красиво. А там, гляди, за пару недель и забудете, как звали.

* * *

Но, а пока — сделать вид, что меня ничего это не задело.

Уверенный шаг за порог — и подалась в уже заученном направлении.

Зря нервничала. Переживала.

Не было... ни Его, ни Ее. Да даже Ники.

Просидела, как дурочка, чувствуя всеми фибрами души, насколько здесь я — лишняя.

А потому еще часик для отвода глаз, учтивой вежливости — и откланялась, сетуя, что завтра дел по горло и, так как вставать очень рано, то и спать уже пора.

* * *

Дождалась. Как еще никогда, я радостно встретила новость о скорой поездке в еще столь недавно бесящий меня Санаторий (пусть он даже и на море). Нынче... возможность убежать от всего этого, от этих перемен, что будто книга схлопнулись, раздавив меня, спасительным елеем на мое разбитое состояние скрадывается.

Так что да: Аривидерчи, ребята!

Если хочу успеть на ближайшую «смену», то выезжать уже завтра. И хоть отец настоятельно рекомендовал не торопиться, а собраться толково, обдуманно, не спеша, мой ответ был непреклонен, и сразил его явно наповал:

— Идеально! Буду как штык!

* * *

Едва ли не вприпрыжку — на рынок — и с новой «дотации» папы купить всё

необходимое: да уж, пусть и на всём готовом там буду, а нет-нет, да по мелочам целый список организовался.

Уже целых два пакета барахла. А еще только половина строчек...

— Привет. Помочь?

— А? — нервно вздрогнула от Его голоса. Касания. Резво обернулась, отчего едва поклажа не вывалилась из рук — удержала.

— Привет, говорю. Помочь донести?

— А нет... спасибо, — смущенно прячу взгляд. — Все нормально. Нетяжело.

— Куда это ты? Кому-то передачку собрала? — смеется.

— Да уезжаю завтра.

— В смысле, куда? — испуганно отозвался, гаркнул... Федя.

— Да ненадолго, — язвительно вру. Кривлюсь, не то от солнца, не то он неловкости. Прищурилась в попытке взглянуть ему в глаза, но тотчас осеклась: не хватает духа.

Отвернулась. — На море, в санаторий, — несмело мямлю.

— О, полезное дело.

— Угу, — взор вперила в асфальт. Мнусь, переступаю с ноги на ногу. А в груди так уже и заворочалась змеюкой обида.

— Так ты сегодня хоть зайдешь сегодня? С нами попрощаться... — режет. Режет же, гадина, по живому...

Невольно поморщилась. Закусила до боли губу.

Вот так и хочется спросить: вот зачем тебе всё это? ЧТО ТЫ со мной делаешь?

Да только смелости не хватает. Разве что как рыба — могу только немо молить, глупо моргая и беззвучно глотая воздух ртом.

— Да ненадолго, хотя бы, — продолжил вдруг, не выдержав паузы. — Я понимаю, что перед дорогой надо выспаться. А так...

— А Ника будет? — нагло юлю. Взор в лицо...

(хотя... по-моему, это единственное приличное и уместное «желание», интерес в этой компании; остальным так-то на меня...)

Пожал плечами:

— Да будет, наверно. Куда ж ей еще деваться?

— И вы с Инной? — не поняла даже, как вырвалось из меня.

— Инка нет... — нахмурился. — К ней родственница какая-то там приехала. Надо встречать... Так что? — и снова колкая тишина. — Придешь?

— Не знаю. Видно будет.

— Давай помогу донести? — нагло вклинивается своей рукой в ручки пакетов, невольно касаясь меня, отчего вновь будто током стрельнуло.

— Ай-яй! — резво отдернулась я, выпустив из хватки сумки.

Смеется гаденыш. Не выдерживаю — поддаюсь: заливаюсь улыбкой в ответ, пряча глаза.

— Ладно, — резво отзывается, учтиво перебивая разразившуюся неловкость. — Командуй! Куда там тебе еще?

— Шампунь там, зубная паста...

— Ну, веди, Сусанин. Я весь твой.

И вновь запылали мои щеки жаром — но поддаюсь. Нарочно шаг шире и перебираю ногами быстрее — сбежать. Хотелось просто сбежать от него, бросив даже покупки.

Задыхаюсь. Снова задыхаюсь... даже если и на расстоянии.
Не могу... не могу я быть рядом с ним — схожу с ума.
Сама не своя...

* * *

Еще пару кругов по рынку — и провёл до подъезда. А там кого-то из своих встретил. А потому — живо заскочил к квартире, поставил у порога пакеты — и беглое «до встречи», игриво подмигнув...

Только и провела его взглядом, стоя на лестничной площадке, выглядывая через мелкие окна межэтажья...

Федя-Федя... за что ты мне такой данный? За какие грехи?

* * *

Не сдержалась. И пусть моя месть уже вовсю кипела на костре, превращаясь из пресного бульона в сытный супец, я напялила на себя свое парадное платье, босоножки — и рванула в злополучный двор.

Вечер... что ты мне подаришь с этот раз? Али слезы, али радость?

Какова моя участь?

Слезы. Моя участь — слёзы. Боль. Ненависть. Обида.

Война.

Родственница?

Не знаю, кто, куда и как надолго приехал, но Инна была на месте. В беседке. За столиком. Более того — с Рожей. Опять объятия, лобзания, ласки.

— Привет всем, — будто угли глотая, прошептала я. Несмело присела на край скамьи.

— Привет, Малая!

— Привет! — завторили и остальные.

— Добрый вечер, — по традиции выделился Всеволод.

(причем его так все и зовут, в лицо — откровенно стебься из-за его «манеры», любви к «правильным» речам, а иногда — даже и на «вы» обращаются (тому, конечно, все равно... вроде как), а вот за глаза, конечно же, от лени — Сева).

— Говорят, на море собралась? — едкое. Будто сам аспид зашипел в мою сторону — невольно поморщилась.

Но мгновение совладать с собой — и оборачиваюсь. Взор на Них:

— Да, — смело, дерзко, но тотчас краем глаза ловлю, как она, эта... «нехорошая девушка», начинает гладить его, играть короткими волосами на макушке — и будто кто ножом мне вонзил в грудь... да провернул несколько раз. Скривилась. Отвернулась, опустив взгляд. Запылали щеки мои... от позора, от чувств, что не в силах была сдержать.

Дура! Тупая курица! И зачем приперлась?! ЗАЧЕМ?!!

У Него есть ОНА! ОНА!!! Есть и всегда будет!!!

А ты и рядом не стояла... и никогда не будешь ровней.

Едва я только подорвалась с места, на ходу уже соображая, что такое придумать, как соврать, чтоб сбежать, как тотчас шаги, пробежка — миг и влетела где-то из-за наших спин Ника.

Скрючилась, упершись руками в колени. Попытка отдышаться.

Живо спохватился Рожа:

— Что такое? — к ней.

Еще один шумный, глубокий вдох, сражаясь с отдышкой, и выровнялась. Взгляд около:

— Шмеля твоего убивают.

— Чё-ё? — ошарашенное, протянув.

— Да эти, твои, — кивнула головой. — На тачке ехали. На встречу к ним этот... ну, мотоциклист. Ну, б***ь! Этот, придурок с 9-го дома, на своем драндулете. Я сама видела, — тарашит взволнованно очи. — Короче, твои свернули вбок, чтоб не лоб в лоб — и прямо в ларек. А там — сам знаешь, кто всем заправляет. Пи**дец им! Слушать ничего не стали. Сразу браткам своим отзвонились. Заруба, короче, там намечается та еще, стремная. И не факт, что менты успеют.

— Б***ь! — бешеное Федьки. Шумный вздох. Покраснел. Взор по сторонам. — Беги к Токарю. Знаешь, где живет?

— Откуда? — гневное.

— Где Лис, только на пятом. Красная такая дверь. Беги, зови его — пусть своим звонит.

— А он дома?! — отчаянное.

— Да по***! Узнаешь! А нет — брату его говори — он тоже может отзвониться пацанам. Потом сюда рули — если че, за девками присмотришь.

— Ты дурак? Какие девки?! Пусть по домам валят! Вована звать?

— Да. Конечно, — кивнул головой. — Димон, Леший, Сева. Да все, б***ь, быстро за мной! Приправу возьмите! А вы, бабы, или тут — или по домам! А ты, Некит, не лезь к нам!

Только если менты будут отсюда ехать — то тогда нам маякнешь.

— Хорошо, если успею.

— Беги!

Разворот — и кто куда: Ника по своему курсу, а парни, живо достав из-под лавки или у крыши запрятанные трофеи (кто арматуру, кто палки, кто трубы) рассосались буквально в секунды.

Обмерли мы, брошенный женский коллектив, в ужасе... Страшно даже дышать.

— И что теперь? — тихо, едва различимо... осмеливаюсь я на звук.

— Да чё-чё? — раздраженное Инки. Расселась та за столиком. Живо сгребла карты в кучу (оставленные прежними игроками), в колоду их — и тотчас принялась тасовать. — Расслабьтесь. Будто первый раз такое. Сейчас порешают всё — и вернутся. Давайте пока в «подкидного».

Стою, таращу на нее в очи: неужели... ей вообще ни капли не страшно за Федьку?

Вот как так?

Да даже... если бы и каждый день такое! Раз на раз-то... не приходится!

Присели и остальные.

— Чё стоишь? — на меня борзое. — Играть будешь?

Раздраженно скривилась я, отвернулась.

— Нет.

Присела на скамью (спиной к столу).

— Не умеешь, или слишком гордая?

— Слишком нервная, — тихо, но злобно.

— Чё? — едкое мне. Так и чувствую ее презрительный, сверлящий взгляд мне в затылок.

— Ничего, — отчетливо. Криком. — Настроения нет, — метнула уctивый взор на нее и тотчас отвернулась.

Бесит это ее борзость. Это ее «чё». Вообще, вся она меня бесит.

Да уж. Если Нике это всё идет, то «Инессе» — как корове корона.

Дура. И Он дурак... раз тебя, такую, выбрал.

Резво встала, прошлась.

— Ты куда?

— Никуда, — злобное.

К детским спортивным снарядам — и присела на турник. Взор туда, куда все парни побежали.

Рожа-Рожа... ты хоть и гад, а не могу. Сердце разрывается.

Главное вернись — а дальше... дальше можно и, как и впредь, «ненавидеть». Обижаться, злиться на тебя. Тихо браниться себе под нос... за твою «неопределенность».

Или это я... всё никак не определяюсь? Нужен ли Он мне такой?

А вернее, нужна ли я Ему... в моем понимании?

Ведь он-то явно меня только как друга воспринимает. Это я... что-то додумываю, горожу...

И снова топот...

— Ну че, не было никого? — слышу обрывистые звуки. Узнаю голос Ники. Живо оборачиваюсь.

Стоит, пытается отдышаться.

— Да вроде нет, — шепчу я несмело.

— Не было, — резвое «Инессы». — Ни ментов, ни пацанов. Все всё еще там.

— А вы че... в карты режетесь?

— Будешь? — ткнула взглядом на «отбой».

— Ты еб**нутая, что ли? — скривилась Вероника, вытаращив очи. Закачала в негодовании головой, шумный вздох.

Шаги ко мне ближе:

— А ты че тут сидишь?

— Жду.

— Что?

— Ну, — пожала плечами. — Узнать... как всё закончилось. Волнуюсь.

— Да не бзди, — выпалила, а затем вдруг рассмеялась. Глаза так и запылали огнем, заблестели от радости. — Я там такую кутерьму подняла. К «московским» еще сгоняла. Те быстро этих на задницу посадят. Да и Гонщика еще найдут. Путь тот упырь за все и платит, раз драндулет купил, а ездить так и не научился. Ну, короче. Я не знаю что там, как, но если увидишь тачки ментовские у нас во дворе — беги к нам туда, через арку. Они пока круг дадут — ты успеешь. А я туда погнала — гляну, что да где. Может, кому и по морде съезжу, — рассмеялась. — С*кины дети. Бесят меня. При бабле — значит можно всех нагибать. Х** угадали! Мы тоже не пальцем деланные! Ладно, — подмигнула мне. — Если че... беги. Или туда к нам, или домой, если упыри с заставы нагрянут.

Разворот — и помчала в заданном направлении.

А у меня... и дар речи пропал. Не сразу наскребла сил, дабы встать с места и пройтись обратно за столик.

— Че, надумала? — рассмеялась Настя.

Молча качаю отрицательно головой. Шумный вздох, и все еще давясь набатом то ли шутки, то ли нет, Вероники, роняю:

— А кто такие «упыри с Заставы»?

— А, так это эти... — живо отозвалась Катька, перебивая свою сестру, Анастасию. — Из соседнего района. Раньше у нас с ними война была. А сейчас так — иногда набеги, но Старшие вроде как все зарешали, замирили. Но дураки — они ж дураки, так сразу их всех не образумишь и не выведешь. А что?

— Да ничего, — заторможено качаю головой, казалось, захлебываясь уже прозрением и столь скорым обучением, «вливанием» в «реальную жизнь» городка.

— А че, у вас такого не было, что ли? Ну... несколько лет назад?

— А ты вообще откуда? — нагло вклинивается Инна.

— Из областного, — скривилась, поджав губы.

— П-ф-ф, — протянула вдруг все та же «всезнающая» Катька. — У вас там вообще

п**дец был. Столько районов и дележки — это у нас еще тихо.

— Но у вас там Мира сейчас. Быстро всех успокоил, — загадочно повела Настя и не менее загадочно улыбнулась.

— Не знаю, — невольно грубо вышло, а потому тотчас осеклась. Я. — Никогда не вникала во все это. Да были какие-то стычки... но мне и своих забот хватало, чтоб во всем этом разбираться...

— Это какие такие у тебя «заботы» были? — иронией Валя.

— Да учеба, — дерзко, поспешно отозвалась «Инесса». — Че, не видно по ней? Небось, еще и отличница?

— Отличница, — едкое в ответ, паясничая.

Разворот — и присела на лавку. Взор вперила в заветную арку.

Черт, как бы хотелось самой туда тоже сигануть... вслед за Никой. Хоть краешком глаза узреть, что там... да как. Как Он там...

Лишь бы жив был. Лишь бы жив...

А еще «менты» эти...

Но, боюсь, только под ногами мешаться и буду.

Еще наорут.

Терпи, Ваня. Терпи! Ты справишься!

* * *

Уже и стемнело вокруг. Включились фонари.

Устала... как и все, устала ждать и сходить с ума от целой череды вопросов, которые просто разрывали мозг: как там, что там... Черт, еще ж и Ника туда поперлась! И не страшно же...

Сложила я руки на стол и разлеглась сверху, как на подушке.

Спать — не спала, а вот мысли прокручивать в полудреме — то тут хлебом не корми.

— Ладно, — вдруг гаркнула Инка и встала с места. Лениво потянулась и зевнула (идиотка — невольно свторили и мы ей). — Вы как хотите, — продолжила та. — А меня — за*бало. Я домой. Завтра уже узнаю, чем всё закончилось.

— В смысле? — откровенно вылупилась я в нее от шока. — А Федя? Ты что его... даже не дождешься?

— Сам придет расскажет, — едкое, многозначительное.

— А вдруг ему плохо? Ну там... что-то случилось? В больницу попал?

— Язык прикуси, с*ка! — на меня, выстрелом.

— Что? — округлила я очи.

— Не пи**ди под руку, говорю, — более сдержано. — Короче, ну его всё на ***. Я устала — я спать. Мне еще завтра с этой коровой и ее дочкой в город, на рынок ехать. Так что... как хотите, а я — домой. Настя, Катя, вы идете?

— Да нет, — поспешное Старшей (невольно прячет глаза от неловкости). — Мы еще пока посидим тут.

— Ну и дуры. Никто это не оценит. Пока всем.

Разворот — и пошагала прочь.

Оценит — не оценит. А для себя — спокойнее. Не знаю, как так можно... твой же там.

ТВОЙ! А ты...

Курица общипанная.

Только и научилась, что ноги раздвигать... а в душе — пустота!

ИДИОТКА!

* * *

И снова уложить голову на руки — и попытаться успокоиться... По крайней мере, не думать гадости об этой лахудре.

И вот почему... Господи, почему именно ЕЙ ТАКОЙ... достался Он?!

Почему... ЕЙ?

* * *

— Идут! — от голоса, вскрика Катьки меня просто подкинуло на месте.

«А, чё?» — заметали взгляды и остальные по сторонам.

Идут — и сама уже я вижу.

Узнаю среди силуэтов (едва расстояние стало сие позволять) заливающуюся радостным смехом Веронику и рядом с ней Рожу... Идет, обнимает за плечи.

Шутка за шуткой — не стихает хохот и толпы. Еще трепетные мгновения (а Настя не выдержала — к своему Севе навстречу даже помчала) — и завалились всей гурьбой за столик. И опять места не всем хватило.

— Иди ко мне на руки, — слышу голос Глеба (того самого, что из садика) — смотрю — тащит руки свои к Некиту.

Гогочет та:

— Смотри, как бы тебе не обломала я их.

— Да че ты? Я же любя... — шутливое в ответ.

— Так и я, — и снова звонкий смех Вероники.

— А че, Инка ушла, что ли? — различаю среди балагана голос Феди.

— Ну так, — едкое Вали. — Царевна «уста-ала», — ядовито протянула девушка и скорчила гримасу.

— Ёп*а! — вмиг резво вклинилась Ника. — Это ж вам не кулаками махать! Тут куда труднее!

Усердие — и вклинилась меж ребят, отвоевывая свое «почетное» место на скамье.

— Зато Ванька нас дождалась! — неожиданное чье-то мужское, не без дружеской иронии. — Вон какая молодец!

— Да она вообще умница! — неожиданно отозвалась Некит. — Была б я пацаном, сама б на ней женилась! — заржала идиотически.

— Я те женюсь! — едкое Рогожина. Хотел, было, подзатыльник ей дать, но вовремя та увильнула. — А ты чего там сиротой зависла? — вперила уже в меня взор Рожа.

Стою, оцепеневшая. Страшно даже выдохнуть.

Я тут еще не отошла от шока из-за их непонятной всеобщей радости, от мысли... что, слава богу, с Ним всё в порядке... а Он...

— Иди сюда, а то так и свалишь втихую от нас... в свой санаторий!

— Ой, да ладно! — отозвался «Всеволод». — А куда именно?

— На Черное... — пытаюсь ответить, но тотчас перекрывает весь горизонт Федька собой. Вплотную.

— Надолго? — чье-то девичье (не узнаю).

Осмеливаюсь... поднять очи, коснуться взором Его глаз — но тотчас осекаюсь, заливаясь жаром смущения.

— Недели на две.

— Так, а что у вас там было? Че так долго? — слышу голос Насти, перебивая.

— Замерзла? — тихо, вкрадчиво прошептал (мне) Федя.

— Слышите, а у вас чё тут... даже бухла нет? — и снова выкрики из толпы, где-то там, за Его спиной.

— Кстати, спасибо за мастерку, — мне всё тот же Рогожин. — Хотя могла и не возвращать.

— Мастерку? — удивленно я. Подняла взор, скользя по краешку дозволенного. Прикипела к его губам, не смея вновь коснуться запретных «океанов».

— Ну... куртку, спортивную, — криво усмехается.

Чувствую, как дрожь охватывает уже всё мое тело, а не только конечности. Сердце колотится, что ошалевшее.

— А ну... как же? Она ж твоя... — невнятно (да и едва осознанно) мямлю, отворачиваясь.

Вдруг движение — снял с себя олимпийку и забросил мне на плечи. Как тогда... когда еще мои грезы лишь только зарождались, когда еще не были осколками... растрепанных чувств.

Поежилась.

— Посидишь еще с нами? Или уже домой?

— Да мне завтра рано вставать, — не вру. Но и утрирую. — А уже и так поздно, — несмелым шепотом. И снова тщетная попытка взглянуть ему в лицо — взволнованно осекаюсь.

— Провести?

— Буду признательна... — шевелю губами, не издав уже ни звука.

* * *

— Так что у вас там было? — отваживаюсь уже и я на интерес, едва мы нырнули в подъезд, когда напряжение хоть как-то спало.

Молчит, а потому замираю. Резвый разворот — и чуть не сбил меня с ног. Вовремя сдержался.

Застыл вплотную.

Не отстраняется. И я тоже...

Впервые за вечер, или за всё время... уверенно выдерживаю его взгляд.

— Всё хорошо? — несмело шепчу.

Еще миг — и коснулся взором моих губ. Стоит, шумно дышит, сражается с какими-то своими мыслями. Желаниями...

— Федь... — едва различимо я.

Казалось, от перенапряжения меня сейчас уже начнет трясти в припадке.

Мышцы сжались в теле. Холод стеганул спину. Страшно, волнительно до одури.

Сглотнул слюну Рогожин. Вдруг шумный вдох. Лицо его вытянулось, прогоняя скопившееся напряжение, эмоции.

Нервически рассмеялся. Отвел глаза в сторону.

— Пошли давай, — ухватил вдруг меня за плечи — вздрогнула я невольно.

Силой разворот к себе спиной — и откровенным велением, напором подал вперед — подчиняюсь.

— Всё нормально, — неожиданно продолжил, оторвавшись от меня. Шаги вперед: мои, его. — Все живы, почти здоровы. Разобрались. Этот г*внюк с 9-го еще за тачку платить будет.

— А за ларек?

— И за ларек.

Застыли у квартиры. Лицом к лицу. На пионерском расстоянии.

И вновь полумрак. А я уже дрожу. Рыдать хочется.

Ну, почему, ФЕДЯ?! ПОЧЕМУ ТЫ ТАК СО МНОЙ ПОСТУПАЕШЬ?!

Зачем мозги пудришь?

...но и на большее не решаешься?

— А, точно, — живо дернулась я, вырвавшись геройски из плена наваждения чувств, его зрительного давления. Стащила с себя его олимпийку. — Чуть опять не забыла. Спасибо тебе большое.

— Да ладно, — тихо, бархатным шепотом. — Могла бы и себе оставить.

Окаменела я. Сцепились взоры на мгновение. Но еще секунды — и силой, невольно ударив ему в грудь, всунула куртку в руки.

— Держи, — грубо, но сдержано.

Подчинился. Но взгляд так и не дрогнул. Все еще стоит — пристально сверлит, будто у меня есть что-то сверх важное его... и никак не хочу оное отдавать.

Мигом отворачиваюсь.

— Вань... — несмело.

— Зачем ты так со мной? — перебиваю. Взгляд своему Истязателю в лицо: глаз духу не хватило коснуться.

— Как? — хрипло; лживое.

Знает, понимает. Но не хочет признаться... ни себе, ни мне.

— А так... — на ресницах моих уже застыли слезы.

Не могу... Господи, я так больше не могу!

Еще одно моргание — и потекли позорные соленые реки. Увидел. И пусть между нами мгла — однозначно увидел.

А потому и резво отвел очи в сторону. Нервно сглотнул слюну.

— У тебя же Инна есть, — осмеливаюсь на самое жуткое... будто кто гранату мне в грудь без чеки вместо сердца засунул. Тикают мгновения.

Замер, словно статуя.

Не дышу и я. Жду.

Неожиданно горький, болезненный смех. Взор около его. А затем... на меня. Прищурился в лживой улыбке:

— Но я же так... дружески.

— А, — саркастическое мое. Взрывом... жути, обиды, бешенства. — Дружески, — язвлю, вторя. — Ну хорошо.

Резвый разворот — и к двери. Ключ в замок — и сделать два поворота.

Цыкнул тотчас. Шумный выдох. Только ко мне, пытаюсь ухватить за локоть, — как я сразу ловко внутрь — и скрылась за полотном, с лязгом захлопнув дверь, явно стукнув, задев Того. Его напор — но моя удача. Успеваю прибить обратно (не ожидал), а потому щелчок — и провернула барашек.

— Ваня, открой!

— Уходи, — тихое, но твердое. Уверенное.

— Ваня!

— Вали к своей Инне! А меня оставь в покое! — гневное, болезненное.

— Ванесса, что там? Кто там? — слышу матери голос за своей спиной.

Обернулась я.

Бешеное, сквозь рев уже. Ей в лицо:

— НИКОГО! ПОКАЗАЛОСЬ!

На ходу разуться — и мигом в ванну. Врубить воду на полную... и за шумом попытаться хоть как-то скрыть горькие, жуткие рыдания, вопли полного разочарования. Финала. «Нашего» с Ним финала.

Часть Вторая. Ордалии

Глава 6. Воздаяние. Беглянка

Посвящается с. Морское, Крым. Черному морю.

Старым знакомым и их историям, «приключениям».

А также VasilinaSh, Надюше, и ее роману «Один День»,
всколыхнувшему мои старые воспоминания.

* * *

Уехала. Еще восьми не было, как вызвала такси. Мама провела — и я рванула на автовокзал.

Автобус. Сесть окна. Плеер на полную мощь, наушники в уши — и, давясь слезами, проводить взглядом город...

... и вместе с ним — ВСЕХ его жителей.

* * *

Я и раньше любила море. Манило меня оно, влекло к себе своей свободой... шальной игрой волн. Своей уникальностью, мощью... гордостью.

А сегодня... Сегодня оно открылось мне совсем с другой стороны. И мы стали... родными.

Два одиночества среди толпы. Узники клетки, обстоятельств — берегов, за которые никогда нам не выбраться. Влюбленные в Солнце, с которым... никогда не быть вместе. Единственная ваша близость — это лишь когда Оно, Он, тебя касается. А ты... тебе нельзя. Твои чувства, желания, грёзы — всё под запретом. А Он тебя выжигает, испаряет, иссушает. И наполняешься ты лишь слезами в ответ, чтоб хоть как-то выжить. Вот почему ты соленое. Вот почему ты... то тихое, смирное, то... устав от всего этого, бурлишь, бушуешь, клекочешь и возмущаешься, готовое изничтожить всё и вся. Готовое... мстить.

Нас используют, нам позволяют себя любить. Нас... предают, лаская других. Лобзая Небо. То, которое навеки будет с Ним. То, чью гладь дозволено любить и осязать. А ты — ты терпи. Надейся и жди.

Умирай, любя.

Испепеляйся, выживая.

Друг напротив друга. Сидим, давимся... горечью, болью, осознанием... того, что в сути мы — НИКТО. Никто, чтоб нас любить. Не дотягиваем. Жалкое подобие на то, на того, кого ТЫ, наш ИДОЛ, выбираешь.

Федя. Федя! ФЕДЯ! Зачем ты так со мной?

ЗАЧЕМ?!

Заклинаю... ответь!

Я уже в сотнях километрах от тебя — а кажется, что еще ближе.

Настолько, чтобы ощущать тепло, запах, тягу твою ко мне — но не иметь права... даже мечтать коснуться.

«Её». «Её», — грохочет громом, разливается по жилам кислотой приговор.

Ты — Её. И никогда МОИМ не будешь.

Зачем каждую ночь вижу тебя во снах?.. Засыпаю и просыпаюсь с твоим именем на губах?.. С твоим образом в мыслях... Зачем каждый раз даешь надежду, что есть где-то во Вселенной малюсенький шанс, что светило, будто огромная лампочка, рухнет на землю, полюса перевернутся... и жизнь на нашей планете все еще останется существовать? И я... Я! А не она... обрету право быть С ТОБОЙ РЯДОМ. Быть достойной твоих чувств. Твоего искреннего, открытого, не просто «дружеского», внимания... Любви.

— Привет! — мужское где-то надо мной, отчего невольно вздрогнула.

Живо стерла со щек слезы, взгляд на непрошеного гостя:

— Привет, — несмелым, ленивым шепотом.

Отвернулась.

Присел, опустил на гальку рядом. Взор его по сторонам, а затем резко на меня:

— Что-то случилось? Поссорилась с кем-то?

— Нет, — отворачиваюсь еще сильнее, пряча глаза. — Всё нормально.

— Меня Ваня, Иван, кстати, зовут, — протянул руку.

Обмерла невольно, осознавая услышанное. Миг — и коротко, нервически рассмеялась.

— Что? — удивленно-смущенно. — Ну, да. Ванька-дурак. С кем не бывает, да? — тихо хохочет.

Осмеливаюсь взглянуть на молодого человека: коротко стриженный, худощавый брюнет с серыми глазами. Явно на несколько лет старше меня.

Криво улыбнулась:

— Да нет, — несмело. — Дело не в том...

— А в чем? — еще шире его улыбка.

Закачала головой. Вдох — и осмеливаюсь, пожимаю протянутую ладонь:

— Ванесса. В простонародье — Ваня.

Загоготал громко, невольно подавшись назад, но едва моя рука чуть не выскользнула из его, как тотчас поспешно накрыл ее второй. Крепко сжал.

Взгляды встретились.

— По-моему, это судьба.

— Наверно, — и снова кривлюсь от неловкости.

— Прогуляемся? — внезапно, резво. — Или ты тут кого-то ждешь?

— Нет, — качаю отрицательно головой. — Не жду. Можно...

«Кого ждешь, тот не придёт к тебе. Никуда. И никогда», — невольно торопливо добавляет циничный рассудок, откупоривая новую бутылку с ядом.

«Наша дура наивно полагает, что этот слюнтяй сможет заменить Его...» — язвительно гогочет в поддержку червивое сердце, протягивая свой бокал.

«Плевать», — режу исступленно, упрямо я.

Как Он со мной — так и я с Ним!

Пытаюсь встать — живо реагирует мой Кавалер. Помогает выровняться на своих двоих.

— А ты, кстати, откуда? — галантно подставил локоть.

Цепляюсь за руку.

Вдоль линии берега, затем по променаду, а после — вновь море... пляж.

И так... пока рассвет не оповестил нас о том, что уже безумно неприлично поздно... али рано. И пора уже «начинать» новый день.

Провел к номеру.

— До обеда, — смеется. — Я зайду.

— Буду ждать. Если что — стучи сильнее, — заливаюсь смущением сквозь улыбку. — А то я тот еще любитель крепко поспать.

* * *

Да какой там сон! Одни мучения!

Максимум легкая дремота. Одиннадцать — я уже, после душа, кручусь у зеркала, перебирая все свои наряды. Было бы еще что толковое...

«Ну-ну, идиотка. Ты же потом не простишь себя за это!» — ехидно хохочет разум, давась похмельем.

«Нормально! Ей отрада, а мне потом нить», — паясничая, икнуло сердце.

Точность — вежливость королей и долг всех добрых людей. Так говорят?

Видимо, и мой новый Кавалер придерживается этой позиции.

А потому, едва стрелки встретились друг с другом на циферблате, как раздался стук в дверь.

«Интересно... Федька такой же? Или...» — не унимается уже и душа.

— Привет, — взгляды встретились. Поцелуй в щеку.

— Привет, — смущенно шепчу я, ощущая его запах, тепло.

Нежное объятие за талию — и подал на выход. Подчиняюсь.

— Красиво выглядишь.

— Спасибо, — тихо смеюсь. — Всё же лучше, чем когда зареванная. Да?

— Да нет, — не сдержался от улыбки. — Ты мне любой нравишься. Просто... сейчас какая-то особенная...

«Езди, езди по ушам, — полетела пробка в черепушку. И снова гогочут мои внутренние каты, распивая желчь. — Всё равно одного Федьку любит. Хоть ты ей звезду с неба достань!»

«Ну... если побольше налить и ты заткнешься, — коварно ухмыльнулась Мечь. — Так или иначе... Ей это надо».

Мне. МНЕ! Сошедшей уже с ума ДУРЕ — МНЕ ЭТО НАДО!

А потому принимаю... всё принимаю, что бы не дал: невзначай ласки, комплименты. Приглашения на ужин. Дискотека.

Уединение в сквере, среди пышной зелени, в полумраке...

Один вечер, второй, третий...

Я его — как если бы это был Федя. Мой Федя.

У тебя — Инна. У меня — Ваня.

Ваня у Вани. Разве не судьба?

Стиснул меня в своих крепких объятиях. Прибил спиной к стволу дерева. Легкий напор, интрига, сомнения, волнение — и подался ближе. Вплотную. Его губы к моим губам. Еще один вдох, еще один взмах ресниц — и облизавшись, тотчас прилип поцелуем к моим устам, разливая жар, дрожь от трепетных, донныне неведомых чувств по всему моему телу. Еще

движение, давление — и ворвался в меня своим языком. Отвечаю... нелепо, несмело, но усердно. Пытаюсь не отставать, следить за ним и вторить, как только это возможно...

* * *

— Ванесс...

— Да? — учтиво уставилась я на своего Ухажера, оторвав взгляд от нервозного елозания вилкой по тарелке, тщетный раз гоняя туда-сюда ломтик картофеля.

— У меня сегодня у брата день рождения. Приглашает и нас. Ты как? — обмер на мгновение. Вперил в меня взгляд. — У него тут, конечно, свои друзья. Да и постарше нас будут... на пару-тройку лет, — скривился от неловкости. — Но приличные люди. Не шумная компания. Да и без особого шика и приключений будет. Просто, выйдем за территорию, туда, ближе к холму. Костер, шашлыки, ночное море. Пойдем?

— Эм... — обмерла я в растерянности. — А подарок? Я же как-то...

— Да не надо ничего, — перебивая. — Главное, что придем — ему уже приятно. Да и... сама понимаешь. Это последний вечер. Завтра уже...

Опустила очи. Нервически сглотнула слюну.

— Я хоть и буду звонить, но... Сама понимаешь, — тихо, пряча очи. Шумный вздох. — И чего ты раньше не приехала?.. — риторически, несмело; будто понимая, куда клонятся мои мысли.

— Дурой была... — едва слышно отвечаю. Скривилась в нелепой ухмылке. Взор на Ваню.

«Дурой ты не была! Дурой ты СТАЛА!» — рявкнуло обижено сердце и облилось кровью, предчувствуя последующий мой «залп».

— Хорошо. С радостью... — продолжила я.

— Вот и отлично! — радостью залился Иван. В глазах сверкнул странный огонек. Дрогнули от коварства его губы. Но мгновение — и всё смела добрая, привычная, ласковая улыбка. Подмигнул.

Приличная компания...

...А всё действительно начиналось прилично.

День рождения, двадцать четыре года Игорю Золотарёву, родному, старшему брату моего Вани.

Из товарищей — все малознакомые, приезжие. Граждане отдыхающие. Кто откуда: причем не только город, область, но и страна.

Рюмка за рюмкой, я же — стакан сока за стаканом. Иногда так, в честь тоста — «чокнуться» кулаком (их школа). Шашлыки, бутерброды с красной икрой. Салаты из местной столовой.

Дружеские разговоры обо всем и ни о чем. О прошлом, о будущем. И ни слова о настоящем. О том, что за пределами этого городка. Так только: где кто какие экскурсии посетил, отдохнул или кто с кем подрался.

Ни о женах, ни о мужьях... а ведь у некоторых все же были кольца на пальцах. Или следы... отсутствия загара (как, например, у Именинника).

Покурить в стороне и снова ко мне. Ваня. Заботливое предложение, нежность — и присела к нему на руки. Жадно обнялись. Взгляд на новых знакомых.

— Короче... — не выдержала мадам («Сладкая» — не знаю, почему все ее так зовут, но имени её настоящего так ни разу и не услышала). — Всё, я поняла о ком вы, — махнула та рукой. Скривилась. — Белобрысая такая. С шевелюрой, с третьего этажа.

— Ага, — весело захохотал Старший.

— И чё? И чё? — запричитал Андрей, подсев ближе. Пристальный взгляд то на Игоря, то на барышню.

— Да ничего, — раздраженно «Золотой Старший». — Помнишь, в пятницу я ее на дискотеке зажимал?

— Ну, и?

— Начала мне по ушам ездить... мол, не такая она. На один раз не может. Бережется до свадьбы...

Заржал звонко, истерически Андрюха.

Поддержали вмиг и остальные.

— Во-во, — улыбается Игорь. — Вот ты мне говорил, как ее застал с тем мужиком в туалете. Барбарисничала. А еще и Леший ей вчера всунул, но только не это... не по «стандарту».

Захихикала тотчас Сладкая.

— О, да! Знаю таких «праведниц»! Сама в свое время так грешила.

— Чего? — заулыбался Лёха, пристально уставившись ей в лицо. — А ну поподробней!

— Да ничего, — отмахнулась. Разворот и взор на Золотарева. — Так что... просто ты не прошел фейсконтроль.

Заржал мой Ванька.

— Я ж тебе говорил, что ты просто рожей для нее не вышел!

Кольнуло прошлое в сердце, но тотчас осеклась. Невольно поежилась.

Почувствовал. Беглый взгляд на меня, и вновь на ребят. Иван.

— Не, погодите. Вы так шустро тему сменили. А мне всё же интересно. Красивая моя, что там по поподробнее будет... про твоё это романтическое «грешила»?

И снова вперил взор в Сладкую.

Скривилась та, игриво закатив глаза под лоб. Усмехнулась.

— Ну что... малая я тогда была. Да и проблем не хотелось. А вообще... у нас в школе, перед выпуском... Ну, знаете... эти, медосмотры. Так я со своей подругой — «последние из Могикан». Самые что не есть... Только нам двоим и не тыкали эти железяки гинекологи сами знаете куда.

— А вы-то откуда знаете? — загоготал Золотарев Старший. — Свечку держали? Или что там у вас, у них, зеркальце?

— Почему? Кто так сознался, а кто спалился. А кто — по виду сразу понятно, что давно уже там... поле паханое. Так вот. Был на то время у меня уже парень. Старше меня. Любовь... морковь. Все, короче, выросло. А беременеть, как и заразиться чем таким... было стремно. Вот и баловались... как могли.

— В смысле? — ироническое, не унимающегося Лёхи.

— Что «в смысле»? — раздраженное девушки. Лицом к лицу. — Чего дурака из себя лепишь? «Устно», и так...

— Что, прям «туда»? — ехидное, подколом уже Антона, нарочно прибавляя своему голосу вкрадчивости и драматичности.

— Нет, б***ь! — гневное. — Сбоку!

— Так болезни и этими путями передаются, — вклинился вдруг мой Ваня.

Скривилась та, закатив глаза под лоб. Цыкнула:

— Ну значит только беременность! Будто помню я уже всё! Что у меня тогда в башке творилось!

(округлила очи я; рассмеялись и остальные)

— Короче, вы мне дадите досказать, или нет? — взвинчено рявкнула Сладкая.

Учтиво молчим. Выжидаем. Сверлим ее взглядом.

— Так вот, — победно продолжила, — формально я была «девственницей», зато года полтора как...

— Шпилилась во все дыры, как последняя шлюха! — гневно выпалил Дима и сплюнул на землю. Прошелся немного по пляжу и присел на бревно.

— Слышь ты, — борзое ее, — «шлюха»! За языком следи!

— Да, Дим, чего ты... так грубо с девушкой? — не без иронии, но явно рисуя заступничество, отозвался Алексей.

— А что... я не прав? Или как «это» можно культурно назвать?

— Ой, да иди ты на ***! — гневное обиженной.

— Я тебе сейчас в*бу за такие слова! Поняла?! — живо спохватился с места Дмитрий. Сжались руки в кулаки. Глаза выпучились.

Но сдержался.

— Э-э-э! Ребята, вы чего? — тотчас отозвался Игорь. — Успокойтесь!

— Да, тише, — Лёша. — Лучше айда купаться! Пока вода еще теплая! А девушки... уже мокрые!

Идиотически загоготал. Резво вскочил на ноги, стянул с себя футболку и бросил на

песок.

— Сладкая, идешь?

— Иду, — сдержанное, но полное злобы...

— А ты, Вань? — на меня мой «Золотой».

— Ну, — пожала я плечами. Скривилась...

«Может, не надо?» — так и не успела обронить, как тотчас встал, отчего и мне пришлось невольно подчиниться.

— Пошли, — подмигнул мне.

— Пошли-пошли, — слышу уже запоем причитание Игоря...

* * *

Едва отошли от костра — как полумрак взял своё. Не спасал и бледный свет Луны.

Визг, брызги, игра... Мгновения «пыткок» холода — и погрузились в воду. Легкое покачивание волн, скользкие крупные камни под ногами местами — так или иначе, я невольно липла к Ване, а он ко мне.

Ласки рук, откровенно ощупывая меня в запретных местах, запойные поцелуи, нежные слова шепотом на ухо... и не поняла, как далеко отплыли от «своих». Наедине... у самой линии лобзания волн берега.

Еще попытки плыть, умчать, дразня (мои) — догнать (его)... И обмерли, лежа на гальке. Чувствовала... всего его чувствовала собой. Везде...

Жуткое, пугающее чувство.

Не могу... будто током бьет. Но не так... как с... с Ним.

Не те разряды.

И не сказать, что противно. Но... но не то. Неправильно.

Поежилась, попыталась увильнуть от него. Вырваться из его плена, но напор усерднее. Попытки забраться мне под лиф купальника.

— Вань... Вань, стой! — пишу уже я отчаянно, увиливая губами от его губ.

Глотаю отчаянно воздух — и пытаюсь усерднее сопротивляться. А его твердая плоть все сильнее вонзается мне в бедро уже откровенно доводя до дрожи. До отвращения.

— Ваня, я так не могу! — нервно взвизгнула я.

— Как? — обмер удивленный. Взор мне в лицо — ухожу взглядом.

— Так... — смущенно шепчу. Щеки запылали жаром стыда.

— Ну... — несмело отстраняется еще больше, опершись на руки.

Отчаянно ловлю момент — силой сдираю, сталкиваю его с себя в сторону — поддается — завалился на бок.

— Ванесс... ты чего? — ошарашенное.

— Я не могу, Вань! Прости, — смущенно отворачиваюсь, поджав под себя ноги. Скрутилась в клубок.

— У тебя еще не было этого ни с кем? Да? — тихо.

Но не приближается. Учтливое расстояние.

Киваю одобрительно.

Несмелым шепотом:

— Не было...

Колкая, жуткая пауза...

— Ты бережешься, да?

— Да нет, — живо замотала я головой. — Не то чтоб, — скривилась, заливаясь еще больше позором. — Просто...

И снова убивающая тишина — пленница мыслей.

— Ну... — сиплое, неуверенное, — хочешь... по-другому?

— В смысле? — изумленно. Очи в очи — осеклась.

— Ну как... как эти... эта...

Казалось, у меня сейчас глаза повыскакивают из орбит. Волосы зашевелились на голове, едва я все это представила, что он мне тут предлагает.

— Нет, что ты, — испуганно затараторила я, живо став на колени, а там и вовсе поспешно поднявшись с места. Выровнялась на своих двоих.

Поднялся с земли и Золотарев.

— Да не обижайся ты, — взволнованно. — Я... я просто спросил. Просто, — шаг ближе, опустил голову. Взял меня за руки. Невольно вздрогнула, дернулась я, но не дал вырваться — удержал. Но не давит, не принуждает. Волнительные, немые терзания.

Шумный вздох. Взор мне в лицо:

— Прости... Зря я. Дурак. Прости... Я знаю, что ты хорошая девушка. Девочка. Девушка. Но... Просто, — и снова опустил виновато голову. — Просто ты мне очень нравишься. А потому... Я очень тебя хочу. Причем давно. Да ты и сама... наверняка это поняла.

— Вань...

— Не надо, — перебивая. — Не надо слов. Я всё понимаю, — вдруг рассмеялся.

Глаза в глаза. Пытливо. Изучаем друг друга.

Продолжил:

— Я даже рад. Честно... Рад, что ты не такая. Это правильно.

Криво усмехнулась. Опустила взор.

— Ну, ладно... Что? Пошли к ребятам? — продолжил Золотарев.

Несмело кивнула головой.

— Ага, — вдруг рассмеялся. — Сейчас... только давай немного пройдемся... Успокоюсь, — и снова пристыженный смех.

Не сдержалась — улыбнулась я, заливаясь еще сильнее... краской позора.

* * *

Немного «прочесать» линию берега, сражаясь то с зыбким песком, то крупной галькой, валунами — и вернуться обратно. К костру. Одеться.

Почти никого еще не было. Только Золотарев Старший со своей «девушкой» да Димон.

— Ну что, накупались? — ироническое Игоря. — Кому что налить? Вино, водка, коньяк?

Цыкнул Ваня, задумавшись на миг:

— Да водку давай.

— О-о! Че так... всё плохо? — ехидный смех брата.

— Да-а... — скривился, протянув, — нормально. Запивон там еще остался?

— Ну да... если твоя красавица весь не вышила, то должен быть.

— Да было там еще, — обижено, поспешно отозвалась я.

— Да я шучу, — подмигнул мне Именинник. — Расслабься.

Колкие мгновения тишины. Присела на бревно, неподалеку от Димы.

Ваня же — на корточках около брата.

— О, слушай, пошли отойдем, — внезапно обронил Игорь Ивану.

— Зачем? — удивленное.

— Пошли... Дело есть.

Поддается... шаги прочь.

Да только... тишь да легкий ветер сыграли не им на руку...

— Че, не на ту поставил? — ржет, доносится Старшего.

— Да иди ты! — тихо. Скривился, сплюнул на землю Ваня. — Просто она нормальная.

— Ага-ага. Нормальная, — ехидное брата. — Иди лучше ты, вон, — смотрю украдкой — кивнул головой куда-то в темноту. — К Лехиной, когда те закончат. А вообще, та и бутерброды любит, если что. Это, конечно, если ты против такого не выступаешь.

Нервно цыкнул «Младший», взор на меня (живо отвернулась я, состроила непринужденный вид).

— Иди, говорю, — вкрадчиво, не унимается «Именинник». — А то так и уедешь голодный. Говорил тебе, бросай эту динамщицу. Нет же: «даст», «даст»! — коверкает интонацией слова. — Дала? Идиота кусок. Такой же, как и эта... дура: ни себе, ни людям. Иди. А я пока отвлеку, чтоб соплей не напустила.

Шорох. Оборачиваюсь.

Нет моего уже «Ванечки». И след простыл.

Зато «заботливый» братец его идет, чешет. Лыба до ушей:

— Чего грустим, чего не пьем? А ну, народ, плесните мне и девушке.

* * *

Полчаса, а может, чуть больше — вернулись. И остальные. И эти... все трое. Счастливые. Улыбаются.

И вправду, чего грустить-то? Море, пляж, ночь. Сплошная романтика! Да еще и праздник!

Присел рядом, обнял за плечи.

— Слышь, Сладкая, — вдруг отозвался Игорь к «ударнице труда» сквозь смех. — Я вот что подумал... А чего ты мне свой номер не даешь? Или у вас с Лехой всё серьезно?

— П-ф-ф! — едкое; захохотала барышня. — На*** вы мне дома нужны? Это тут я с вами... расслабляюсь. А там — я другая.

— Какая? — язвительное кого-то из парней.

— Приличная, — паясничая, исковеркала слово. — У меня так-то и жених есть.

— И работа престижная, — гоготнул уже кто-то иной.

— Ну да, — удивленное. Вдруг ядовитый ее смех: — И, судя по тому, как ты одеваешься, куда больше твоего зарабатываю.

— Ну так, — не уступает собеседник. — С такими-то навыками!

— Ты не охр*нел? — злобное девушки. Резвый шаг ее ближе к нахалу.

— Да общения, общения, — колкая ухмылка, выставив руки перед собой, прикрываясь. — А ты про что подумала?

— Я тебе сейчас как подумаю — зубы вывалиться на песок!

— Ты ему лучше... на морской узел кое-что завяжи! На память... о теплых деньках!

Дружный хохот.

— Ты как тут? — вдруг приблизился ко мне вплотную Иван, шепнул на ухо. Нежная, добрая улыбка так и не сходит с его уст. Тех самых, что только что наверняка ласкали эту... «правильную девушку».

Заботливый, радетельный вид.

Всё, как всегда. Как все эти дни со мною.

Мерзость.

«А то ты лучше», — язвительно сердце.

«А на что ж вы, мадам, еще надеялись? Не на «любоф» же до гроба?» — кислотно-саркастическое рассудка.

А я еще и на Федьку сетовала...

— Ты где был? — сдержанное, тихое. Играя наивность.

— Да, — скривился, заливаясь уже какой-то другой, странной улыбкой. Отвел очи в сторону на миг. — Этих искал, — кивнул на Сладкую. — Леха — тот еще дурак. Вот Игорь и стал переживать, как бы тот чего не учудил, нигде не вляпался.

— А чего сам он не пошел?

Ну же! Ври мне! ВРИ! Мне это даже уже нравится. Как мазохист — жду ударов садиста.

Давай! Я же ДУРА — я ЗАСЛУЖИВАЮ всю эту ЛАПШУ!

А еще чуть не переспала с тобой, к*злина ты мерзкая!

Скривился, смолчал.

— Серега, курить есть че? — вдруг повернулся, крикнул одному из товарищей... откровенно игнорируя меня.

— Ваня! — требовательно.

— А? — живо обернулся. — Я сейчас! Сигарету только возьму!

Живо отстранился, спохватился с места.

К молодому человеку, что уже протянул пачку. Привычные действия — и прикурил.

Резво, с вызовом встаю. Шаги к своему «Кавалеру».

— Мне плохо, — требовательно. — Проведешь?

Хотя я уже готова ко всему. Даже если сейчас же и пошлешь меня открыто.

Уже увидела... Всего тебя увидела... настоящего.

— А... Чего так? — нахмурился. Пристальный взгляд в лицо.

Невольно отворачиваюсь, бурчу себе под нос:

— Не знаю. Устала, наверно.

— Ну ладно, — твердое. Забегал взор по сторонам.

Но миг — и подчинился. Взял меня за руку. Разворот.

— Э-э, вы это куда? — Игоря.

— Да проведу ее, — сдержанное Золотарева Младшего.

— Че, уже? — многозначительное, замигав бровями.

Сгримасничал Иван, пожал плечами.

— Ну ладно. Если что — возвращайся. Ждем, — продолжил Старший, не дождавись ответа.

— Ага.

— Ну или до утра, — обронил кто-то из парней.

— Не, до утра он уже точно не сможет, — захохотал вдруг ехидно Алексей... но, но получив полный гнева взгляд моего «благоверного», тотчас осекся. — Давайте. Не шалите там... — тихое, добавил.

* * *

Обнимал. Обнимал... вот только теперь просто за плечи. Ни ласки, ни комплиментов, ни нежности. Друзья. Пионерское расстояние.

Ну что ж... спасибо за благородство, Тезка. Хотя в этом — честность.

От всей души... признательна.

— Ну ладно... созвонимся еще как-нибудь, да?

— Да, — лгу, как и он, в глаза.

Разворот — зашла в номер. Захлопнула дверь, даже не дав что-то досказать, что намеревался. Незачем.

Вани — то Вани. Но оба не дураки — вовремя всё поняли: буквально сразу шорох, шаги — и покорно ушел прочь.

Покорно, али поспешно — продолжать дальше... свой «правильный» пир.

Не срослось... ни месть, ни отношения,

ни просто курортный роман, «нелепая, слепая, бесперспективная сказка».

Глава 8. Послевкусие

* * *

Больно. Гадко. Жутко. Невыносимо...

...и не от того, что обманывал, играл всё это время со мной Золотарёв; и даже не потому, что уехал, не попрощавшись. Отнюдь нет — плевать. И не из-за температуры высокой, рвоты или ломоты в теле умираю: с ними уже сражаются врученные заботливым врачом лекарства.

Предательство. Невыносимо из-за осознания предательства... Моего предательства... Федьки.

Я. Я! Пусть и не Его... Пусть не нужна и никогда не буду надобна! Я... не имела права.

Как? Как я могла так поступить? КАК?

И что теперь? Шлюха? Шлюха. Не лучше той, «Сладкой». Шлюха. И по делам мне.

По делам.

Заслужила.

* * *

Выпала из реальности на несколько суток. А едва наскребла силы оторвать голову от подушки, выбраться из-под одеяла — как уже и срок подоспел.

А потому... полуживой труп (не без помощи уборщицы) собрал свой чемодан — и добрался до заветного автобуса.

Молила... молила Господа сжалиться надо мной: и если не явить родной дом, то поскорее забрать к себе...

Километры за километрами, одни населенные пункты сменяют другие...

Казалось, этот путь бесконечный. Круги... круги ада, уготовленные нарочно для покаявшегося грешника. Который, только если всё выдержит, то получит благодать. Получит прощение... если не от самой себя, то хоть от...

Вдох-выдох... И вновь закрываются веки.

Устала... от всего устала. А еще больше — от мыслей. А потому опять провалиться в сон.

Так или иначе... когда-то всему этому придет конец. В какой-нибудь форме, но придет.

* * *

Очнулась в больнице. Медсестры, уколы, капельницы. Мельком даже помню лицо отца, матери. Или это всё сон, или я сошла с ума?..

...а может, я всё еще еду?

* * *

И снова несколько суток (как оказалось), чтоб окончательно прийти в себя.

Областной город. Больница. И я — после операции.

Лопнувший аппендицит.

Как я добралась, как доехала; как сообразили и меня доставили в больницу, как вовремя прооперировали — никто не знает.

Одно слово у всех на устах: «Судьба».

Повторяла и я за ними, кривясь от смущения... Особенно когда приходилось пересказывать то одной соседке по палате, то другой, то третьей... свою историю «узколобого, но везучего туриста».

Мама приезжала (что уже точно помню), проводывала — один раз, папа — три... да и то, только потому что тут, по месту. Один — удосужилась и Аннет, но так... мимолетом, передать фрукты. Что ж, и на этом... всем признательна.

Хотя... как по мне, так проще одной: меньше на нервы своей паникой действуют. Меньше ноют, что я такая «безответственная, глупая овца». И вообще, меня бы «по уму, надо выпороть, что не обратилась в больницу по месту, а еще и отправилась в такой далекий путь». Прилетело и медперсоналу из санатория, за их «халатность», хотя те, конечно, сразу заявили, что не их вина, ибо сбежала я «втихую».

В общем, выжила. А потому... и хватит елозить эту тему. Жива, почти здорова — а значит, и достаточно.

Надеть тапки, такие же розовые, как и вся моя остальная одежда (спасибо папе), набросить капюшон байкового халата на голову — и выдвинуться в сквер.

Сойти с ума же можно в четырех стенах. Да ладно бы дома! А то...

Пройтись под густыми кронами деревьев в сторону свободной скамейки — присесть.

Вдох-выдох. Уже и август.

Шустро лето пролетело...

* * *

— Девушка, а это не вас там все ищут? — обронила неожиданно мне мимо проходящая (мусор выносила та) санитарка.

— Кто? — обмерла я.

— Ну, медсестры. Не знаю, — пожала плечами. — Сходите, спросите... — махнула рукой на здание. — Просто, девушку всю в «розовом» спрашивали. — Усмехнулась: — А из таких... «однотонных» только вы здесь и есть.

Рассмеялась я пристыжено.

— Спасибо большое, — поспешно. Встать кое-как с лавки, кривляясь (хоть и не больно уже, но... еще неприятно, да и страшно как-то, вдруг что где... переусердствую).

Шаги в сторону крыльца. Но не успеваю даже приблизиться, как тотчас меня тормозит Алёна (медсестра из нашего отделения). Улыбается:

— Ну ты даешь! — замирает рядом. Ухватила за руку. Взор в лицо: — Там такой переполох из-за тебя наши устроили! Почему никому не сказала, что уходишь?

— В смысле? — оторопела я. — Ивановне сказала. Ну... той, которая из нашей палаты, у окна.

— Та, — скривилась девушка, махнув рукой. — Ты бы еще дворнику карту нарисовала.

Пошли! Там к тебе приехали!

— Кто? — недоумеваю я. — По-моему, еще вчера со всеми аудиенциями управилась, — тихо смеюсь.

— Ну... видимо одного из виду все же упустила.

— «Одного»? — в ужасе повторяю за ней.

— Ага, — ироническое, дружеской издевкой. — Хорошенький такой. Был бы на пару годков старше, точно бы у тебя увела!

Мурашки по телу.

«Неужто Иван? Ну... ну не может же быть!» — возмущается разум.

А душа разрывается. Душа вопит... немо взывая, моля о том, что не смеет произнести вслух.

Зато грохочет смело сердце, отбивая своими стальными колесами по жилам такт: «Федор. Федя. Феденька...»

И вот оно, еще один шаг — и узнаю. У двери застыл в растерянности мой личный Инкуб.

Стоит, мечет взгляды по сторонам, что-то... кого-то высматривает, выискивает, нервно сжимая пакеты в руках.

Обмерла, встала я, как вкопанная.

— Ты чего? — запнулась и Алёна. Уставилась на меня.

А я молчу. Пропали звуки. Пропали вдохи. Сверлю Его взором.

Почувствовал. Увидел. Вперил и Он в меня взгляд.

Миг — и добрая, проказливая улыбка озарила его уста.

— А-а-а, понятно, — протянула девушка. — Ну, не буду мешать. Потом в палату. И найди меня, маякни, что вернулась. Хорошо?

Не сразу соображаю, а потому повторное ее, одернув меня за рукав:

— Хорошо?

Испуганный взор на нее — и поспешно закивала я головой.

— Чудики... — тихо рассмеялась та. Разворот — пошагала прочь.

Шорох — взгляд на Федьку. А Он — еще пару шагов — и уже замер подле меня.

— Привет, — громом... разрывая вперед мое сердце молнией на части. — А я тут тебе... это... покушать привез. А то мало ли... — тихо рассмеялся, отведя очи в сторону.

Покраснели щеки. — Может, голодом морят.

— Морят, — невнятно мямлю.

— А? — дернулся.

Дрогнул и мой взгляд — глаза наши встретились, но тотчас мы, смущенные, осеклись.

— Морят, — выдавливаю из себя чуть громче.

— А, — рассмеялся.

Колкая, жалящая пауза...

Как много хочется сказать, но сил... духу не хватает. Да и не высказать всё... словами.

— Может, — внезапно отозвался, — пройдемся... по скверу? Ну, там... на скамью... присядем?

Робко закивала я головой, разворот — и пошагала.

Обнял вдруг, несмело... несколько раз замявшись, задержавшись, но всё же переборов себя. Сжал за плечи — притискиваюсь в ответ.

Еще ход, еще шаги — и обмерли. И снова задержались, как дураки, на месте, пытаюсь

уступить один другому, не мешать присесть.

Опустились на лавку. Почти вплотную друг к другу.

Зажатый, взволнованный Федя — а потому не сразу даже решается отставить в сторону свою поклажу. Но миг — выдох — и рядом с собой, по другую сторону взгромоздил пакеты на скамью.

Тихо, нервически рассмеялся. Взор на меня. Прокашлялся:

— Ну... — выстрелом звук, отчего в момент устремила взгляд на него (глаз коснуться не решаюсь). — Расскажешь... как ты до такого докатилась?

Виновато опускаю голову.

Острым лезвием самобичевания полосонуло по горлу.

Немотствую.

— Ну, чего молчишь? — и снова смущенно, сдавленно смеется. — Вань...

Пронзил звуком в самое сердце.

Решаюсь — отчаянным смертником: тотчас бросаюсь, прижимаюсь к Нему.

— Ты чего? — нервический смех. Обнял несмело за плечи, прижал к себе в ответ.

А слезы... позорные, выкрывающие слезы уже градом покатались по моим щекам.

— Вань, ты чего? — испуганно.

Попытка отстранить меня от себя, взглянуть в очи — но не поддаюсь. Сопровивляюсь — покорно уступает.

Миг — и еще крепче сжал в своей хватке.

— Что-то произошло, да? — цепенящая, пугающая тишина. — Ванесса, что случилось? — дрогнул, просел его голос от ужаса.

— Федя... если бы ты только знал... как я рада тебя видеть, — несмелым, запойным шепотом, молясь.

Обмер ошарашенный. Но секунды — и шепнул в ответ:

— Я тоже очень скучал.

Поднимаю очи. Немного отстраняюсь — поддается. Выдерживаю взгляд — но ровно настолько, чтобы сполна наполниться ядом... ненавистью к самой себе. Чтобы наполниться порохом для залпа.

— Федя... — горько, глотая слезы. Лицом к лицу.

— Да, Вань? — сжался невольно, предчувствуя ужасное.

— Я там с парнем познакомилась...

Заледенел не дыша, выжидает.

— Мы там... встречались. Гуляли... Целовались.

Казалось с каждым тактом, моим напором всё сильнее и сильнее всё трескалось внутри него, рассыпаясь на осколки.

— Чуть не переспали... — взрывом.

Ошеломлено еще сильнее округлились очи. Ожил. Невольно опустил голову. Молчит.

Едва заметные вдохи.

— Прости меня...

Сглотнул слюну.

Шумный, со свистом, вздох — и вдруг на уста силой натянул лживую улыбку. Взор в лицо. Глаза в глаза супостатами:

— Да че ты, Вань? — очи блестят, пронзая болью. Редко моргает. — Ты же взрослая... свободная, самостоятельная девушка. Сама вправе решать... с кем, как и когда...

Стиснул зубы, заиграв скулами. Отвел в сторону взгляд.

— Прости меня, — едва слышно вновь шепчу я, повесив голову, только и успевая глотать соленое послевкусие.

Убийственные, режущие мгновения тишины, перебивающиеся лишь шумным, тяжелым его, моим дыханием. Бешеным, грохочущим сердцебиением.

— А я это, — внезапно, попытка его состроить непринужденность, радость, былое настроение. Взор вновь мне в лицо. Дрожат губы. — Чего сюда...

Поддаюсь, перевожу очи на него, но все еще давлюсь позором, пряча стыд за ресницами.

— Ты же сказала две недели... — продолжил. — А тут уже и четвертая началась. Вот я и... к тебе домой зашел. Надеюсь, ты не против. У твоей мамы расспросил... что да как.

Молча, киваю головой. И снова повинным грешником склоняю перед ним голову — руби!

Не мучь, молю! Руби!

Внезапно движение, заерзался. Попытка встать — отстраняюсь, даю свободу — не препятствую.

Выровнялся на своих двоих.

— Поздно уже... пойду я, наверно, — скривился в лживой ухмылке. Еще миг — и коснулся моих глаз своим взглядом. Колкие мгновения — и не выдерживаю — отворачиваюсь, вконец испепеляясь от жара стыда.

— Ну да... — шмыгнула носом.

— Не плачь, пожалуйста... Вань, — тихо, несмело. Тревожно. Поморщился от неловкости. — Я еще зайду... на днях... Как получится. Может, в пятницу, или в субботу.

Прокашлялась, глотая позор:

— Да меня... — малодушно, — наверно, уже и выпишут скоро.

— Когда? — изумленно.

— Ну... не знаю точно. Но, вроде как, к концу недели и обещали.

— Понятно, — буркнул. — Кто там? Твои приедут?

Пожала плечами, не сразу ответив:

— Не знаю. У нее всё еще эта возня с крышей. Рабочие всё бунтуют, и так что-то по смете не сходится...

— Так ты... — встревожено, — тут, что ли, останешься? У бати?

— А? — удивляюсь, машинально взор в лицо, но тотчас отдергиваюсь. — Нет, — поспешно, закачав головой. — Тут Аннет, да и ей скоро уже в роддом ложится. Нет, — поморщилась от неприятных воспоминаний. — Скорее сама. На такси... или так, на автобусе доеду.

— В смысле, «на автобусе»? «Такси»? — огорошено. — Шутишь? — злобное, хоть и сдержанное. — Узнавай, давай, всё конкретно — и я сам тебя заберу.

— В смысле? Как? — невольно дернулась я от неожиданности. Сцепились наши взгляды. Мгновения боя.

— Как-как? — раздраженно. — На машине. Шмеля напрогу — пусть отрабатывает свои «права», не зря ж получал. Так что... к нему зайду и договорюсь. Ты только время узнай, когда к тебе подскочить. Чтоб мы не торчали тут под окнами.

— Да ладно... — от смущения опять пунцовеют щеки, прячу глаза. — Я бы так... сама. Это уже ж не с моря тащиться.

— Да че ты мне «ладнаешь»? — укором, но уже как-то мягко, добро. — Иди, говорю, — кивнул головой на вход в здание больницы, — узнавай. А я тут пока подожду.

— Да ну, Федь, — мямлю, уже сгорая от страха. Едва не заикаюсь. Мурашки по телу.

— ИДИ, говорю! — неожиданно, сквозь уже откровенную улыбку, тихий смех. — Давай! — кивнул головой. Обнял, излишне осторожничая, меня за плечи со спины — и подал немного вперед. — А я на крыльце подожду.

* * *

Несмелые шаги по лестнице к Феде обратно — и замерла в нерешимости, опустив взгляд.

— Ну что там? — первым не выдерживает. — Сказали?

— А-а, да, — запнулась я. Робкий взор в лицо. — До обеда... уже... можно.

— Хорошо, приедем.

— Федь, — поспешно. Дрогнул мой голос. Шаг вперед — вплотную к нему. Прижалась к груди, невольно уткнувшись носом в шею. — Прости меня... пожалуйста.

— Да хватит, Вань! Ну че ты? — взволнованное, колкое. Поспешно. Дернулся, несмело коснулся плеч. — Всё нормально. — Еще миг — и решился. Сжал, обнял меня, притиснув к себе сильнее. На ухо шепотом: — Всё хорошо, — колкая, звенящая пауза. — Я рад... рад, что ты сказала.

Вздогнула, я несмело отстранилась в попытке заглянуть в лицо. Но тотчас увиливает — отпускает, отодвигает и сам уже меня, глазами ушел в сторону.

Едва слышно:

— Ладно, я пошел. До пятницы.

Резвый разворот — и подался прочь.

* * *

И опять я раздавлена. Сломана...

Нет ни сил, ни желания.

Больно, очень больно осознавать... что сама, своими же руками всё разрушила. Если когда что и могло бы быть, то больше... не будет.

Но я и рада, что созналась.

Проще. Так проще. Перестал пылать внутри меня пожар страха. Перестало истязать такое же гнилое, как и я сама, самобичевание. Ни вопросов. Ни сомнений. Если не приедет в пятницу — значит не простил. И не простит. Никогда не простит.

Заслужила.

Весь следующий день я провалялась в постели, не имея сил даже голову оторвать от подушки (спасибо гражданам «сопалатникам» — их выписали, а значит, осталась без заботливых знакомых, и смогла просто соорудить вид нелюдимиой грубиянки).

Пятница. Еще пять утра, а я уже не в силах сомкнуть веки. Будто кто подключил к моим конечностям «плюс», «минус» и стал пропускать через меня ток. Жуткое, разрывающее сознание и плоть, напряжение. Сердце грохочет. Рассудок и душа умолкли. Все мы умолкли, не смея издать какой-либо лишний звук.

Мир застыл в ожидании...

Уже почти обед. Соблаговолила мой лечащий врач не только оформить документ по выписке, но и... даже во всех красках расписать, что как и зачем делать, чтобы в ближайшее время побережь себя.

Не приехал. Мой Федька не приехал.

Дальше ждать не имеет смысла.

А потому собрать уже и мелочи в пакеты да вызвать с дежурного телефона такси. Рвану сразу на автовокзал — к отцу и его... «мадам» заезжать даже не стану. Нет моральных сил на всё это, да и... незачем. Только зря тревожить Аннет.

* * *

Нелепое кружение по прилегающей парковке к больнице автомобиля с шашкой — и покорно замер почти напротив входа на территорию — заметила я из окна.

Попрощаться с доктором, откланяться остальным — и на выход со всеми своими «торбами».

— Это ты так тяжести не поднимаешь? — недовольно скривилась Алёна.

Нелепо улыбаюсь ей:

— Да тут так, хлам: в основном одежда.

— А она-то прям пушинка, — усмехается медсестра. — Давай, помогу, — силой выдирает пакеты — покорно поддаюсь.

— Спасибо большое, но не стоило.

— Ага, хитрая, — язвит дружески. — Небось, хочешь к нам на ПМЖ сюда, чтоб почаще такие красавцы приехали.

Шаги по лестнице.

— Та, — кривлюсь, давясь горечью. — Больше не приедут, не бойсь.

Еще рывок — и за порог.

— Ну-ну, — вдруг захохотала девушка. — Не приедет, говоришь?

— А? — запнулась я в шоке.

Но движение — и замираю подле нее, сверлящую что-то, кого-то взглядом.

Почти у самого крыльца взгромоздилось темно-синее «БМВ». А возле...

Поспешные шаги, бег к нам, огибая автомобиль.

— А мы уже заждались, что же вы такие сони? — рассмеялась Горяева, протягивая мою поклажу подоспевшему.

— Да там, — смущенно улыбнулся, махнув рукой. Не продолжил. Схватил предложенное. — Спасибо.

— А то мы тут такси уже вызвали.

— Зачем? — изумленное Феди. Моего Феди. Тотчас вперил в меня взгляд: — Я же сказал, что приеду.

— Ну, — буркнула я, пожав плечами. Спрятала стыдливо взор.

— Ладно, езжайте, я разберусь с ними, — благородное Алёны.

— Да там же вроде еще неустойку надо платить, — мнусь я в позоре и ужасе.

Цыкнул Рогожин, но смолчал.

Дернулся к машине. Открыл дверь и забросил на заднее сидение пакеты.

— Садись, — приказное мне. — А я сейчас...

Разворот — и живо поспешил в сторону парковки.

— Эй, ты куда? — удивленно рявкнул водитель. Миг — и вынырнул на улицу. Не Глеб. Не Шмелев.

Разворот ко мне лицом — узнаю: Токарев.

— Привет. Куда это он? — кивнул в сторону Федьки. — О, девушка! Здравствуйте! — радостно заулыбался на все свои тридцать два (или сколько их там у него), меряя взглядом с ног до головы Алёну.

— Здравствуйте, — съёрничала Горяева. — Опаздываем, молодой человек. Опаздываем.

— Да я так-то вообще только часа два узнал про всю эту ситуацию. Посему — не надо: гнали, как могли.

— Ох, какой, — ироническое, закачав головой. Залилась игривой улыбкой.

— А может, и Вас куда подбросить? — шаловливое, уже распушившего перья, Кавалера.

— Если только на второй этаж, — не уступает, кокетничает и моя новая знакомая. — А то еще работать и работать.

— Ну, эт я могу! — вдруг резвое движение — и кинулся к Алёне в попытке подхватить ту на руки.

Завизжала, захохотала девушка вмиг, пытаюсь улизнуть, вырваться из его цепкой хватки.

— Не надо! Не надо, я шучу!

— А я нет! — гогочет Токарев.

— Так, всё, герои-любовники! — неожиданно где-то сбоку раздалось Федьки. — По коням, пока нам люлей не выдали, что мы на территорию без спроса въехали.

— Во сколько заканчиваешь? — различаю вкрадчивый голос Артура на ухо

засмущавшееся (стоящей к нему в плотную, в плечу его рук) Алёне.

— Я сегодня в ночную.

— М-м-м... — вожделенно. — Я заеду?

— Если только утром, — смеется.

— Ну так... я и до утра могу...

— Садись, — на меня Федька, вырывая из тумана их разговора.

— А, да, спасибо, — смущенная, тотчас задергалась я. Подчинилась.

На заднее сидение — к своим пакетам.

— Поехали, — грозное Рожи Токареву, перебивая их уже вкрадчивое, интимное перешептывание.

— Да сейчас, — раздраженное «Водителя», махнул рукой. — Сам садись.

Запрыгнул на переднее пассажирское кресло Федор.

Захлопнул дверь.

Взор через плечо на меня:

— Ты как там? Всё нормально? Ничего не забыла?

— Да, вроде, нет, — качаю головой. — Всё хорошо. Спасибо большое. Прости, что так вышло.

— Да это ты прости... Просто я к Шмелю, как и договаривались. Еще часов девять было — а у него его «тачилос» не завелась. Починили, называется, — тихо смеется. — Хорошо, что Токарь дома был. Согласился подсобить. Так что это ты прости, что задержались.

Улыбаюсь счастливо, пряча взор.

— Много заплатил тому? — дернулась я, сообразив. — Давай я верну тебе деньги?

— Шутишь? — округлил очи. — Чтоб не было больше никогда такого разговора.

Убери, — кивнул на мою сумку, что я уже наготовила себе в попытках отыскать кошелек. — Вон лучше витамин себе на них купишь. Не чуди, прошу.

Вдруг разворот, взор на «голубков». Опустил стекло:

— Эй, граждане брачующиеся, вы, может, поторопитесь?

— Ну всё, давай, до вечера. Я заеду, — слышу торопливое Токарева.

— Жду, — смущенная хихикает Горяева. Еще миг — и взор на меня, помахала рукой на прощание — поспешно вторю ей.

Взревел мотор, тронулись с места.

* * *

— Вань, — неожиданно отозвался Токарев. — Я Рожу предупреждал уже. А ты как на то смотришь, что я заскочу кое-куда минут на десять? Ты не против? С кое-каким человечком надо встретиться.

— Да, конечно, хорошо, — пожала я плечами. — Как надо, так и делайте. Я-то чего? — смущенно улыбаюсь.

— Да то этот, — сквозь смех кивнул головой на Рогожина Артур, — сказал, что ты у нас сегодня Капитан и тебе решать.

Еще шире улыбаюсь (как и Федька, хотя и рачительней отвернулся к окну, пряча эмоции).

— Слышь ты, юнга, — Рожа. — Рули давай, куда тебе там надо... и не паясничай.

— Да чё я? — язвительное. — Я ниче, — хоочет.

* * *

Несколько поворотов — и свернули на проспект. А дальше — заехали во двор старых хрущевок.

— Я недолго, — живо выскочил наружу, едва заглушил двигатель. — Ждите.

— Да куда ж мы денемся? — ироническое Федьки.

Да делись.

— Я в магазин, — неожиданно отозвался, разрывая неловкость от воцарившейся тишины, Рогожин, вперив в меня взгляд, развернувшись вполоборота. — Тебе что-то надо? Может, мороженого?

— Н-не, спасибо, — запнулась я в растерянности. — Да и, наверно, нельзя.

— Воды?

— Ну, — пожала плечами. — Если только без газа.

— Хорошо, жди, сейчас буду.

* * *

Вернулись. Почти одновременно. Вот только Токарев уже не один: с молодым человеком (лет тридцати, да и на вид... тот еще «сомнительной», пугающей наружности).

— Ребят, вы не против? Подкинем Серегу до города.

Меряющий с головы до ног сего «экземпляра» взор Рогожина — и вдруг скривился:

— Пусть на перед падает, — грубое, приказом.

* * *

— А вы че это? Откуда? — живо разворот этого «попутчика» к нам с Федей, едва мотор взревел, тронулись с места. — Откуда такие замученные?

Вперил в меня пытливый, вожделенный взгляд.

— Я, кстати, Серега, — неожиданно дернулся, протянув мне ладонь.

— Остынь! — резкое, громом. Махнул, ударил своей рукой его Федор, отбив в сторону, — Се-ре-га, — коверкая интонацией.

Поддался тот.

— Да че ты? Я ж ниче, — ухмыльнулся мужчина. — Хороша девка. Твоя? — кивнул на меня.

— Моя, — гневное, откровенной угрозой.

— Ой, не играл бы ты с огнем, Серый. Не зли Рожу, — неожиданно отозвался Артур.

— Рожу? — удивленно метнул взгляд на Водителя. И вновь уставился на моего защитника: — Это ты, что ль, Рогожин?

— Ну, б***ь, и че? — едкое.

— Да ниче, — поспешно отстранился, отвернулся. Взор забегал по сторонам.

Нервически рассмеялся: — Слышал про вас, про ваш «квартет».

— Ну так, — загоготал Токарев. — Страна должна знать своих героев!

Рассмеялся и Федор. Смолчал.

* * *

Не успели выкатить мы за город, промчат несколько населенных пунктов, как встали... что вкопанные. Нет, конечно, чуток — пробухтели, роя ленивыми колесами асфальт, обочину, но миг — и покорно замерли.

— Че случилось? — встревожено отозвался Федор.

— Да чё-чё, б***ь! — бешено рявкнул Артур. — Вот так и давай этому га***ну тачку! С*ка! Как баб возить, как дела решать «по-удобному», м*ть его, он знает! А как бензин залить — так, е**** его * ***, он не в курсе!

— Ты, вообще, о чем? — гневное Рогожина.

— Да, с*ка, Артем, г**на кусок! Вчера я только заправился — этот попросил съездить по делам, тут, б***ь, «по городу». Ага, ***** в***чий, по городу! А как же! Бак пустой! И че теперь?! Куда пи**довать?!

— Да че ты завелся? — сквозь улыбку отозвался поспешно Серега. — Сча у кого-нить стрельнем, чтоб до ближайшей заправки дотянуть.

— А ты знаешь, где ближайшая? — рявкнул, вылупив на него глаза.

— Ну... — растеряно.

— То-то же, уже почти у нас! Так что, б***ь, это пи****ц! Сколько пеша драть!

— Да чего драть? — отозвался Федька. Вон, на автобус и за канистрой.

— Ой, да ну вас в *****! — вновь вмешался «товарищ-попутчик». — Че вы как маленькие? Сча всё будет! Сошьем у кого-нить, отбашляем чуть выше преysкуранта — и разойдемся все довольные.

— Кто отбашляет? — удивленно Токарев. — Ты, б***ь?

— Короче, понятно всё с вами, — гаркнул Федор.

Открыл дверь — выбрался наружу.

Спешно вторю и я за ним.

Вышли и остальные.

Подошла несмело я к Рогожину. Вдруг движение его — и обнял, притиснул к себе — прижалась в ответ, щекой к груди. Беглый, виноватый взор мне в глаза, и отвернулся. Взгляд на дорогу.

— Ну, и чё стоишь? — неожиданно дрогнул, отозвался Федор. — Иди, ищи, проси... Или только предлагать умеешь?

— Да че, сча... погоди, соображу.

— Что?

— Слышь, Токарь, — вдруг уставился на Артура Сергей. — А у тебя хоть «аппаратура» для всего этого процесса есть?

— В смысле, какая? — нахмурился тот.

— Ну, шланг там, все дела...

— Да есть что-то. В багажнике надо порыться.

— Ну, поройся, поройся, — паясничая, «попутчик». — А ты, — неожиданно взор

вперил в меня. — Готовься. Отсос*шь нам, — гоготнул.

— Ты че, с*ка?! — вмиг бешено рывкнул Рогожин, силой отталкивая меня от себя. Выпад к ублюдку. Даже не поняла, не видела, как резво впечатался кулак Федьки в лицо тому. — Ты ох**л?!

Попятился тотчас мужчина.

— Рожа! Рожа, стой! Рогожин! — влет кинулся к нему Токарев наперехват, бросив все, что вытащил из багажника, на землю. — Остынь!

— Еще раз в её сторону хоть что-то вякнешь — тут навсегда и останешься! Понял? — бешено завопил, всё еще не унимаясь, мой Защитник. — Цветочки, б***ь, тебе, с*ка, сюда таскать будут!

— Рожа, успокойся. Дурак он, за языком не следит! — с напором, силой сдерживает Федора Артур.

— Так я быстро научу! — исступленное.

— Да шутка это! Шучу! — наконец-то пришел в себя, собрался, отошел «Сереге». Прошелся ерзая, сжимая, потирая свою челюсть. Взор из-под лба на нас, вполоборота.

— Га**дона кусок, — все еще рычит мой Рогожин.

— Я про бензин, б***ь...

— А я, с*ка, про твой венок! Который сам тебе потом куплю! Лично! — и снова закипает Федя: дернулся к гаду.

Но прижимаюсь, вступаюсь уже и я, не желая, чтоб тот вляпался в проблемы из-за этого недошутника:

— Пожалуйста, не надо! — отчаянно молю. — Не стоит он того, — вкрадчивым шепотом.

Замирает покорно. Пристальный, изучающий взор мне в лицо.

Вдох-выдох. Тугие рассуждения.

— Вот правильно — послушай ее, — отозвался поспешно Токарев. — Не лезь в это д*рьмо!

Тягучая, колящая тишина:

— Ну и на*** тогда всё! — неожиданно Рогожин. — Сам с ним оставайся. А мы поехали.

— Как, куда?

Перепалка взглядов. И не выдержал:

— В п**ду по раки!

Разворот — и к тачке. Открыл дверь, достал мои пакеты. Схватил меня за руку (покорно подоспевшую к нему) — и пошагали вдоль трассы по пути следования.

— Федя, не злись, а! — вдогонку слышим Артура.

Не отреагировал. Только лишь крепче сжал меня за руку.

* * *

Еще немного, подальше отошли — и замерли.

— Присядь, — кивнул на бетонную сваю, что лежала неподалеку.

Поставил пакеты рядом.

А сам — к проежке...

С десятков, а может, и больше тщетных попыток — и вот оно... Старенький серый «Фольксваген» замер на обочине.

— За деньги до города?.. — слышу отрывком слова Рогожина...

* * *

Вежливо открыл дверь и пропустил вперед. Забралась на заднее сидение.

— Здравствуйте, — несмело шепчу водителю — пожилому мужчине.

— Здравствуйте, — слышу тихое, задумчивое в ответ. Окидывает меня взором через плечо.

Следом за мной и Федя пожаловал — взгромоздился рядом.

Поставил пакеты у ног.

— Так что... куда именно вас добросить? — метнул взгляд Незнакомец в зеркало заднего вида.

— Да можно у вокзала высадить, всё равно через него ехать. А там мы уже на автобусе.

— Не, ну а так... куда?

— Да нам так-то в сторону рынка, что на Ленинском. Знаете, где это?

— Ну так... — сквозь смех отозвался мужчина. — Сам оттуда.

— О! Вообще отлично, — улыбнулся (наконец-то) и мой Федька. — Повезло, так повезло.

— Ага, — ироническое. — Знал, кого ловить...

* * *

— Иди сюда, — внезапно шепнул Рогожин, протянув руки ко мне (едва беседа стихла, и воцарилось невольное молчание).

Запнулась, задергалась я, сгорая от взорвавшихся чувств, но поддаюсь. Движение — и, подсев ближе, улеглась ему на грудь.

Сжал в объятиях.

Зарылся носом мне в волосы, прижался губами к макушке, и обмер на миг, вобрав в себя воздух.

Мгновение — отозвался шепотом:

— Прости меня...

— Да ладно, — тихо смеюсь, давась смущением. Еще сильнее прижимаюсь к Нему, жадно вбирая Его запах, тепло, вкушая дурман, что порабощающим ядом стал разливаться по венам вместо крови. — Я даже рада, что у них бензин закончился, — и снова захожусь смехом. Уткнулась ему в шею, пряча от стыда лицо. А щеки так уже и заливают жар из-за малодушия сдержать свои чувства, мысли.

Тихо рассмеялся:

— Ну да, — ехидничая из последних сил. Не менее моего ощущается в нем напряжение, ток, что снова накаляет каждую нашу клетку до белого свечения.

Дернулась я тотчас. Подняла голову.

Губы к губам. Чувствуем друг друга дыхание. Сцепились на мгновение взгляды, а затем

и вовсе скатились к устам.

Взволнованно сглотнул слюну. Замер, жадно изучая мое лицо, будто впервые его видит.

— Так что там у вас случилось? — неожиданно, громом отозвался Водитель, отчего невольно вздрогнули, отдернулись мы друг от друга.

Отстранилась я на пионерское расстояние.

— А? — хрипло отозвался Федька, как и я, уставив взор на мужчину.

Живо бросил взгляд на нас в зеркало тот.

— Говорю, что случилось у вас, что посреди трассы оказались? — любезно повторил Незнакомец.

— А-а, — весело, не без смущения, протянул Рогожин. Шумный, горестный вздох, прогоняя вконец прежние чувства. — Да там... нелепая история вышла...

* * *

Высадил, причем буквально у самого дома (немного не доезжая).

Конечно, и предлагал Федя, и чуть ли не силой пытался в руки воткнуть деньги за «услугу», но мужчина напрочь отказался:

— Да что вы! Не чудите! Вон лучше, своей красавице фруктов купи! А мне — и так хорошо, скуку развеяли. Напомнили мне мою молодость веселую... И не в такие передряги попадал — и ничего: помогали чужие, выручали (да еще ой как!). И никто ни за что денег не брал. Даже не заикался. Так что не чудите. Это нормально, когда одни другим помогают, в час нужды. Не зря же мы — люди-человеки, — ухмыльнулся добро.

— Ну да... — протянул сквозь улыбку Федя. — Тогда... спасибо вам огромное еще раз! Удачи! Надеюсь, и я когда-нибудь Вас чем выручу!

Пожали руки.

— Ой, да брось ты! Придет время — другим сам поможешь. Добро оно такое: надо его дарить, а не ждать, что кто-то тебе преподнесет. Давайте, — кивнул и мне сквозь улыбку. — Берегите друг друга!

* * *

— Ну что, через двор? Так ближе будет.

— Ну, можно, — пожала я плечами.

Ну да. Как же иначе. Целая толпа в беседке, причем как никогда... и в такое-то время суток!

— Зайдем? — метнул на меня взор Федя.

Робко пожала плечами, смолчала.

— Всё равно заметили. А то еще обидятся, х*рни всякой надумают.

Невольно улыбнулась я. Шаги покорно за своим Поводырем.

— О-па! Какие люди! — выкрикнул кто-то из парней.

— О, привет! — узнаю голос Ники. Встретились наши взгляды. — Наконец-то вернулась! А то мы думали... уж совсем нас забыла.

— Так, а где пропадала-то? Море всё никак не отпускало? — гогочет кто-то, Серега

вроде.

— Или кто на море, — сквозь гогот Андрей.

— В больнице... — несмело шепчу, поражаясь, что Рожа никому ничего не рассказал.

— А что так?

— А ты че с ней? — слышу грубое, укором, Инны.

Невольно устремила я на нее взгляд, но тотчас осеклась: сверлит та презрением Рожу. А Федька молчит. Кривится, жует что-то нервически. Взор около.

— Так че в больнице-то была? — уже не выдерживает и Вероника.

— А, да аппендицит, — от смущения прячу очи.

— Федя, я с тобой разговариваю! — гневное Инессы.

— Ну, ты молодец! — наперебой ей Рыжик. — Как так? Что ли... семечек переела там? У голубей отбирала? — гогочет.

— Да, не знаю, — пожимаю плечами (а щеки, чувствую, уже от стыда начинают гореть; не зря Федька всё смолчал: заключают же шутками).

— Забирал ее... из больницы. В областной была, — неожиданно отозвался все-таки Рогожин.

— И че? — яростное Соболевой.

— Че ты к нему докопалась? — вмешалась тотчас Ника. Взор колкий на барышню. — Сделал человек добро. Разве плохо?

— А че, больше некому было? — презрительно, пронзительно, убивающее сверлит взглядом всё еще своего... «благоверного».

— Некому, — дерзко. Ответом глаза в глаза. Федя.

Скривилась та.

— Ой, да вы еще и подеритесь! Инесса, ты чего? — вступился Всеволод.

— Слышь ты, Сева! Не лезь, а! — гневно рявкнула та, метнув на него молнию.

— О, всё понятно! У кого-то явный... намечается приход «красной армии», — узнаю голос и Глеба.

— Ты не ох*ел, Шмель? — бешено на него.

— Харе, б***ь! — неожиданно громом Рогожин. Застыли все. Даже Шмелев осекся, желая парировать. — Забыл разрешения спросить! И за языком следи! Пацаны и так многое терпят!

— Ну всё, народ, тише, — поспешно отозвался Всеволод.

— Да за**ло уже, б***ь! Третью неделю всё пилит, как лоха какого-то бесхребетного! Я же не железный! Да ладно бы наедине, а то при всех! — взоры их сцепились. — Ты — моя девушка! А она так, просто друг. Чё тебе еще надо?! А дела решать, что когда и как мне надо, я буду самостоятельно! Уяснила?! А не нравится — п**дуй! Я тебе это уже не раз говорил!

— Федь, ты неправ... — неожиданно храброй стрелой голос Вероники. Замерли все, не дыша.

— Ты-то хоть не лезь! — гневное, но сдержанное. Очи в очи.

— Чё ты ее позоришь? — не унимается Некит.

— Я ее позорю? — вздернув бровями. — Она сама себя позорит!

— Ладно, всё, народ! Закрыли тему, — отозвался поспешно Сева. — Не дети, сами разберетесь. Не при нас. А то, и вправду... вам же потом неловко и будет.

— О да, — торопливо вмешался Шмелев. — Лучше давайте определимся, кто завтра уже точно едет на дачу, — уставился на меня.

Ошарашенная, отвечаю ему тем же. Молчу.

— Ну, я не смогу, — узнаю Нику, спасительно перевожу на нее взор. — Мать придумала нам с Риткой развлекалово на все выходные. Едем на дачу к ее подруге, че-то там помогать — не вникала, нодох*ра работы — это поняла.

— Меня тоже батя не пускает, — тихий, расстроенный голос Инны. Опустила голову. Скривилась. — Должен был в командировку свалить, но что-то отменилось. Теперь сиди, блин, под надзором.

— Рожа? — вперил Глеб взор в Федора.

— Да еду, еду, — раздраженное. Скривился: — Куда денусь?

— Настя, Катя?

— Ну, если родки не передумают с деревней, то мы сможем, — отозвалась Стася за их двоих с сестрой.

— Вань?

Пожала я плечами, несмело:

— Не знаю... спрошу. Но мне так-то... ни есть, ни пить ничего пока такого нельзя, — робко, на мгновение все же «удостоив» взглядом Шмелева.

— Ну, водку всегда можно, — слышу голос Рыжика сквозь смех.

— Я те дам водку! — гневное Федьки, метнув на него ярый взгляд.

Укором и окатила Инесса, вот только уже своего... Рогожина.

— Ну, я спрошу у мамы... — торопливо, пока опять они не сцепились, отозвалась я. — Как скажет.

— Спроси-спроси, — Глеб. — А поесть и попить — не переживай, мы сами за тебя справимся!

* * *

Еще немного — и по инициативе Федьки, пошли с миром.

Пакеты в руки — и в мой двор. До квартиры — торопливо распрощались: молнией разворот — и пошагал прочь. Да так... что едва успела вслед крикнуть спасибо...

* * *

Дача.

Я даже сама не знаю, хочу ли я туда.

Вернее, хочу. ХОЧУ! Если там будет Федя... и не будет Инны. ОЧЕНЬ ХОЧУ!..

Вот только... что в итоге? Нужно ли это всё?

Ведь так и грохочут его слова в моей голове относительно Инны и меня: «Ты — моя девушка! А она — так, просто друг».

Часть Третья. Пекельный раут

Глава 10. Дача

* * *

Федя, я, Глеб, Дима, Андрей, Сева, Настя, Катя, Валя — это и были те первопроходцы, что решили еще с утра поехать (всё подготовить к пирушке, да шашлыки уже начать жарить), а остальные же (оба брата Токаревых, Серега, Ира и прочие) уже вечером подскочат, как свои «неотложные» дела доделают.

Поезд. Камень, ножницы, бумага — и победил предложенный «Грибом» вариант: поезд. Да и на автобусе потом много еще пешком пришлось бы идти, а железнодорожная станция, как сам хозяин дачи уверял, то бишь всё тот же Андрей Рыжиков, под боком: мимо «копанки», через лесопосадку или кладбище — и уже на месте.

* * *

Повезло. Народу в пригородной электричке оказалось немного, а потому с легкостью разместились все на сидячих местах, причем обособленно.

Едва выкатили за город, как тотчас Настя бросилась, уселась на руки к своему Всеволоду, а то и вовсе прильнула, откровенно прижалась, да принялась что-то «сверх тайное» шептать на ухо.

Секунды выжидания, кривляния недовольно Кавалера — и сдался: покорно закивал головой, соглашаясь.

— Хорошо, пошли.

Никому ничего не объясняя...

— Эй, а вы куда? — удивленной выскочкой Шмелёв.

— Да там... — махнул рукой Сева, на мгновение метнув на нас взгляд через плечо.

Скрылись. В конец вагона — а там в тамбур и далее...

— Чудные какие, — не понимает Глеб. Мгновение тишины — и, видимо, что-то вспомнив, тотчас отозвался: — Слушай, Кать! — обратился он к «Метёлке Младшей». — А правда, что Настя с Севой в поезде, в плацкарте, при всех шпёхались?

— А я откуда знаю? — в момент взорвалась возмущением Екатерина. — Я что... над ними свечку держала, или что?

— Нет, ну как... она ж там твоя сестра... — нелепо промямлил.

— И что? — гневное.

— Ну... вы ж там общаетесь, — смущенно смеется.

— Ну и? Общаемся... Но не обязательно ж о таком! — раздраженно.

— Вообще-то... не «при всех», — неожиданно вклинулась Валя. — А по-тихому, пока все вокруг спали. И то, это если верить Колянцу. Который тогда вусмерть, в принципе, как и всегда, был пьян. Так что не факт... что это ему не белочка нашептала.

Рассмеялся народ — не сдержалась и я.

— А ты, Валь, хотела бы так? — не отстывает от своего Шмелёв.

Оторопела та вмиг. Округлив очи, вперила взгляд:

— Ты дурак, что ли?

— Да дерябнул он с утра, че, не видно? — сквозь улыбку неожиданно отозвался Федя.

Шумный вздох — и забросил руку на спинку скамьи, невольно заодно приобняв меня — поежилась в смущении. Задыхаюсь. Забилось в волнении шало сердце — но еще держусь.

— Ой, а то ты не? — укором, давясь смехом, уставился Глеб на Рогожина.

— Нет, — уверенное.

— В смысле? — удивленно вклинился Дима. — На тебя ж тоже разливали!

— И чё? — ухмылкой, взор уже на того.

— О! Рожа! А вы с Инкой! Где у вас самое бесшабашное место было? — и снова «социолог» Шмелёв отозвался.

— Слышь, ты не ох**л ли?! Не?! — взбешенное Федора, тотчас убрал руку от меня, выровнялся на месте, с вызовом подавшись немного вперед.

— Да че ты? — ржет бесстрашный Глеб. — Я ж так... ради интереса. Расширения кругозора. Мож, понравится — себе с кем замучу. А то лифт, крыша и подвал — уже как-то банально, — продолжил поспешно, замыливая ситуацию — поддался, расслабился, оперся спиной на скамью Рогожин). — Но самое, конечно было, тот еще экстрим, когда я эту... сиськастую с 9-го, в позе натуралиста жарю, а ее родки вернулись раньше с работы и давай туда-сюда ходить за стеклянной дверью.

— И че? — сквозь смех отозвался Рыжик.

— И ниче, — подзадоренное. — Пришлось по-быстрому сворачивать лавочку.

— И че, удалось? — гогочет Катя.

— Ну так! — сгримасничал, и вовсе уже счастливый от всеобщего внимания, Глеб. — Мастер знает своё дело! В бою закалён ого-го! — захохотал сам над собой Шмелев, отвесив характерный жест рукой.

Заулыбались и остальные.

— Те чё? Поговорить больше не о чем? — недовольно отозвалась Валя.

— Ой, какие же все вы зануды! — возмущенное рассказчика. — Жесть!.. А ты, Рыжий? — вперил взгляд в Андрея.

Смущенно рассмеялся тот:

— Да так... неважно, — отмахнулся рукой.

— Не ну, говори! Я ж признался! — давлением.

— Да ну тебя!

— Рыпун! — загоготал громче Шмелев.

— На карусели, в парке, — не выдержал Гриб. — Ночь, правда, тогда была. Безлюдно.

— Да ладно! С кем это?! — ошарашено.

— Ну... Жука сестру помнишь?

— Фу! С ней, что ли? — поморщился от отвращения.

— Да нет, дурак! — хохотом. — Подруга ее. Черненькая такая!

— А... о да, буфера там отменные.

— То-то же, — самодовольно прошептал Андрюха и вальяжно раскинулся на скамье, закинув ногу на ногу.

— А мне не дала... — неожиданно продолжил Глеб, задумавшись. — Той еще... ц*лкой прикидывалась.

— Шмель! Может, хватит, а?! — неожиданно взбешенно гаркнул Федя. — Тут так-то девушки!

— И че? — искренне удивился оратор. — Ты правильно заметил: девушки! Не девочки! Все мы тут... более-менее взрослые, и в курсе... что куда тыкается и куда суется.

— Идиот ты, Шмель! — вдруг гаркнула Валька и скривилась злобно, хотя не без колкой иронии. — Потому-то тебе и не дают!

— Почему не дают? — возмущенное. — Дают. Просто не все, которых хочется.

— А с чего тогда тебя так бомбит? — продолжила та. — Чё за тема странная? Явный спермотоксикоз!

— Ой, да ну тебя! Ты вообще сиди молча! До свадьбы «ни-ни»! Ты в каком веке живешь, а? — ядовитое Глеба.

— В разумном! — не уступает Валентина. — В котором думают головой, а не промежностью!

Цыкнул, глаза закатив под лоб.

— Так, — взгляд около «не унимающегося». — Катя, ты еще малая... За тебя и посадить могут, — гыгыкнул сам себе под нос.

— Придурок! — слышится той шепот, перебивая.

— Так-с! Точно! Ваня! — вскрикнул, вперив в меня взгляд, отчего я невольно дернулась на месте. Вжалась под его напором в спинку скамьи. Продолжил: — А ты бы где хотела? Или как? — гоготнул, давясь пошлостью. Глаза его вмиг заблестели.

Обмерла я, боясь даже моргнуть. Не дышу, давясь шоком.

— Те че, челюсть свернуть, чтоб ты заткнулся? — рявкнул Рогожин, исказившись от бешенства в лице. И снова движение угрозой навстречу наглецу.

— Эй, вы чё здесь? — перебивая, вдруг отозвался Всеволод, так вовремя подоспевший с Настей.

Невольно уставили все на него взгляд, едва раздалась звуки.

Стоят, счастливые, улыбаются.

Тотчас загоготал Шмель, завидев их лица:

— Во-от! — махнул рукой. — Гляньте, как светятся! А вы не верили!

Нахмурилась Стася:

— А что такое? Что не так? Че он там уже наворотил?

— А... да, — махнула Валя. — Че, Глеба не знаешь?

— Че, Глеба не знаешь? — коверкая интонацией, тотчас повторил за ней Шмелев, нагло перебивая. — Ну, хоть кому-то повезло! Ладно, — шумный вздох, и встал с места — невольно попятнулись новоприбывшие, давая свободно выйти из нашего «круга» разбушевававшемуся. — Я курить, — учтиво прокомментировал свои действия тот. — Сева, ты со мной? — уставился на все еще застывшего в растерянности, замешательстве Всеволода.

— А... нет, благодарю. Ты же знаешь, что я таким не увлекаюсь.

— Ах, ну да, — паясничая. — Чего это я? Это же не спортивно... Другое дело... по плацкартам, — уже более тихо, бубня, чтоб тот и не услышал за стуком колес поезда. — Скоро буду...

Шаги на выход.

Еще около часа — и прибыли. Не доезжая до основной станции, вышли на «переезде».

— В смысле, через кладбище?! — возмущенно рявкнула Настя, мигом ухватившись, прижавшись к своему Всеволоду — ответил вниманием. — Ты же говорил, что через лесопосадку еще можно!

— Да... — скривился. — Это еще метров триста пи**довать вдоль рельс, во-он туда, — махнул рукой куда-то вперед, — где грунтовка. Так проще — и куда ближе. Считай, сразу и выйдем.

— Иди сюда, — неожиданно тихо отозвался Рогожин, запнувшись на месте, разворот ко мне (спешно идущей за ним следом). Схватил за руку — поддаюсь. Шаги далее, за всеми.

— Не поняла! Ты что, прям около всего «этого», что ль, и живешь? — возмущенно гаркнула Катька.

— Да нет, — поморщился от раздражения Рыжик. — Не видно его. Просто так буквально на нашу улицу и выйдем.

— Да-а, Гриб! — протянула ехидно Настя. — Умеешь же ты с утра настроение задать!

— Ну, я предлагал по-другому, — тотчас еще усерднее забубнил в оправдание Андрей. — Вы сами отказались!

— Ага, — язвительное сквозь смех Вальки. — Чтоб мы еще на вокзале пьяными попадали. Нет уж, спасибо! С утра колдырить — это не наше.

Шаги вдоль забора, а там — через калитку и по узким тропинкам... пока не вышли в деревню.

Еще немного — и огромный, двухэтажный из красного кирпича дом встретил нас за высоким деревянным забором, неподалеку от него — гараж, сарай, огород... — всё, как и положено. А чуть сбоку — даже деревянная, резная прямоугольной формы беседка с большим (тоже красивой ручной работы) столом.

— Ну, добро пожаловать, народ! Располагайтесь! Кстати, там еще внизу, если идти через сад, озеро будет. Таких карасей батя мой иногда оттуда тягает, что просто ох**ли бы, если увидели! Вот буквально пару недель назад — на три кило!

— Ну ты рассказчик! — слышится смех Глеба. — А че не на пять?

— Да не! Реально! Ну хочешь, пойдём покажу?!

— Что?

— Таранку! Батя засушил!

— О-о-о, таранка это хорошо! — радостно протянула Валя.

— Жаль, что пива не взяли, — опечаленное Шмелева.

— Обижает! — слышится хохот Андрея. — Только ты уже водяру хлестал, — ядовитое подколом.

— Так на завтра, — едкой улыбкой Глеб в ответ.

* * *

Весь день я сама не своя. Шатаюсь из стороны в сторону. Хотя изо всех сил стараюсь везде помочь — то одним, то вторым.

С горем пополам накрыли на стол да засели стопки мочить. Кто чем — а я, как всегда, соком.

Да так... что уже и вечер стал скрадываться.

Не подходит больше ко мне Рогожин, изо всех сил сторонится. Хотя взгляд... нет-нет, да замечаю на себе. Но едва ему отвечаю тем же (тоже украдкой ото всех), как тотчас осекается.

Будто воры... на двух разных берегах.

— Черт! А салат-то никто не посолил! — возмущенное Андрея.

— А соль где? — взвинченное Вали.

— А ее кто-то приносил? — ехидно скалится Шмелев.

— Б**дь! — нервическое Насти. — Че ты ржешь, Глеб? Я так-то тебя и просила это сделать. Единственное, что тебе поручили!

— Да ладно? — искренне удивление. Гогочет. — Не было такого, не наговаривай.

— Вань, сходи, пожалуйста, на кухню. Там я на столе видела. Просто тебе оттуда ближе к дому, а я пока вылезу... — привстала со скамейки.

— Да сиди ты! — раздраженное Димы (которого та невольно задела).

— Да, хорошо, сейчас! — торопливо выпалила я, в момент сорвавшись с места.

— Да-а, ей только и ходить, — слышу голос Кати сквозь смех.

— Ну так ты бы сходила, — ехидное Насти.

— А шашлыки хоть кто-то посолил? — доносится с улицы хохот Рыжика.

По сеням — и в дом.

К столу.

— Да че уже спрашивать и возмущаться? — слышу голос Феди сквозь смех. — Кому что не так — сам себе досолит.

— Да майонез соленый! Что вы как маленькие? — раздраженное Вали. — Я никогда не солю, когда не майонезе замес.

— Че, опять горелые будут? — хохочет Всеволод.

— А кто здесь? — внезапно раздалось позади меня, до чертиков напугав, невольно вырывая из размышлений; тотчас схватил меня за талию и нагло прижал к себе. Косой взгляд: Шмелев. Да и голос признала.

— Отпусти! — гневное мое, попытка разорвать противные объятия.

— Ой, да ладно! Ванёк! Не брыкайся! — пошло скользнул рукой по телу и сжал до боли мою грудь.

— Глеб, отпусти! — громким рыком. И снова тщетные рывки — куда я, идиотка, против его дюжей силы?

— Сладкая моя, ну не сопротивляйся. Давай побалуемся! — и снова движение мерзких лап. Скатился, попытался забраться мне под сарафан.

— Отвали, ублюдок! — отчаянно завопила я, при этом чувствуя уже, как его похоть упирается в меня.

Гадкий, слюнявый поцелуй в шею.

— Шмелев! Шмелев не надо! Глеб, молю! — бешеное давление, попытки ударить его локтем в грудь.

Но вдруг его напор — и подал меня вперед.

Инстинктивно выставила руки вперед, упершись на стол, чтоб не грохнутьяся.

Вдруг стук двери.

— Это че еще за х**ня?! — бешеное, девичье. Тотчас дал слабинку мой захватчик — вырвалась я из объятий, отлетела в сторону, уже давясь слезами... и казалось, сидя, заодно... осознавая всё то, что чуть не случилось.

— Глеб, ты совсем, что ли, о**ел?! — не унимается та. Узнаю Валю. Не смотрю на нее, да и едва что вижу за пеленой. — Те че, пи**дюлей давно не давали? Ты че творишь?

— А че? Че-то не так? — ироническое сквозь смех. — Или завидуешь?

— Чему? Был бы кто попримечнее. А то так... одна комашня.

Протискиваюсь. Мимо них — и прожогом на выход.

— Вань, подожди! — слышу вдогонку мне Валентины. — Соль принеси, — рявкнула на Шмелева.

— Соль принеси, — перекривил ее слова, паясничая, Глеб.

— Ваня, стой! — торопливый топот за мной — и нагнала. Буквально у двери уже, в сенях, нагнала. Схватила меня в свои объятия.

— Ты как?

Попытка заглянуть в лицо — не даюсь, отворачиваюсь.

Прижала к себе сильнее — невольно уткнулась я ей носом в плечо.

— Тише, успокойся. Куда ты идешь? Чтоб все видели? Не фиг им знать всё это.

Покорно киваю головой, шмыгнув носом.

— А с Федей я поговорю. Пусть следит за своим пьяным другом. Хорошо?

— Нет! — отчаянно, сжавшись от окончательного расстрела ужасом, дернулась я. Не дала вырваться. Удерживает меня еще подле себя.

— Хорошо! Успокойся только...

— Ой, да че вы там? Ниче ж не было, — ядовитое гыгыканье проходящего мимо нас. — Только пощупал немного...

— Вали отсюда! — гневное, метнув на него презрительный взгляд. — А то сама тебе всеку!

— Бла-бла-бла, — едкое этого подонка.

Лязгнула дверь.

— Облапал, да? — шепотом.

Молчу, в позоре пряча лицо. А слезы новой волной, градом посыпались.

— С*кин сын! Гнида паскудная... — злобное чертыхание Вальки. Вдох-выдох. — Ко мне тоже как-то клеился, — неожиданно выпалила. — Пока я ему по я*цам, что дури было, не тарахнула... То еще зрелище было: скулил, что щенок. Ну, успокойся, Ванечка... — взор мне в лицо — невольно поддаюсь. Стерла слезы с моих щек. — Всё хорошо. А пьяные кобели... они такие. Если не научишься давать смелый уверенный отпор, то так и будут пристраиваться... Природа у них такая. Чуть градус по мозгам дал — как уже хвост трубой и чешется. Успокойся, прошу... А Федьке я скажу...

— Ну, Валь! — горько взмолилась я. Взгляд в очи на мгновение.

— Да не сдам тебя! — раздраженно. — Если так хочешь... Просто скажу, чтоб угомонил его. Сама же видишь... Не к тебе, так к другим пристанет — а там и до драки недалеко.

— О, б***ь! Не прошло и три года! — слышу радостный крик Шмелева с улицы. — Токарь, ты че, разучился ездить? Или дорогу забыл?

— Да эти... три дня собирались, — признаю раздраженный голос Артура.

— Пошли, — шепнула мне на ухо Валя. — Умоешься, выдохнешь. А то сча налетят — и начнутся расспросы. Хорошо?

Покорно киваю головой.

— Успокойся. Глеб придурок, но не насильник. У него просто... манера такая. Не зря ж ему мало кто дает, сама слышала... — тихо смеется.

Поддаюсь — криво улыбаюсь, давясь всхлипами.

— Если поначалу на моську и клюют, то чуть ближе узнают — и всё, как рукой снимает желание. С его-то мыслями в башке и дурным поведением... не знаю даже, как он вообще находит себе девок. А поначалу я даже сама на него заглядывалась...

— Да? — удивленно уставила я на нее взгляд (подчиняюсь — шагаю следом, топясь в ее заботливых объятиях).

— Ага, — ржет, кивая головой. — Дура я! Скажи?

* * *

Не выпуская мою руку из своей, утащила меня к колодцу.

Попытка набрать воды в ведро.

— Мда-а... — протяжное Валентины. — Вовремя у Гриба канализация забилась. Мучайся теперь с этим допотопным способом. Хорошо, что хоть для костра зажигалка нашлась, а не палочки пришлось тереть...

Невольно, криво улыбаюсь.

Глава 11. Явь

* * *

Так вовремя подоспевшие Токаревы, Серега, Ира и прочие... и вовсе утащили на себя всё внимание, а потому мне с Валей — практически ничего не досталось.

Забились в угол беседки.

Беглый взгляд на меня Феди — но тотчас его окликнул Артур, а потому... на том все и закончилось.

* * *

И пусть уже все поставили крест на шашлыках (и соль, и майонез, и приправа «не та», угли часто брались полымем), да всё же... блюдо удалось на ура. Оценил каждый.

И снова тост за тостом. Анекдоты, шутки экспромтом, стеб, и доставание парнями девушек — ночь пришла на порог неожиданно.

Рогожин так ко мне за всё это время ни разу и не подошел... Сторонился, как мог... Хотя взглядом, как и прежде, не брезговал одаривать.

Устала. Устала я от всего... да и голова уже, почему-то, шла кругом. Хотя кроме мяса (шашлыка чуток — лишь бы отстали со своим «попробуй»), картофеля вареного, хлеба и сока апельсинового не ела, не пила.

— Че, спать? — уставилась на меня Катька, заливаясь хмельной улыбкой.

Молча, смущенно киваю головой.

— Пойдем. А тоже уже и я готова.

Выбрать комнату (небольшая, с одной кроватью — то, что надо, чтоб никто не мешал). Раздеваться не решились — а потому обе завалились, в чем были. Живо забрались под одеяло... и попытались уснуть.

* * *

Очнулась от странных ощущений. Явно что-то не так.

Вокруг полумрак. Но разглядела Его лицо. Дернулась в ужасе — удержал. Еще напор — еще усерднее стаскивая с меня белье.

— Глеб! Глеб, не надо! — отчаянно вскрикнула я.

Но тот только заведенно рассмеялся.

— Расслабься, малыш! Я нежно...

— Не надо! — визжу уже исступленно, брыкаясь, не давая завершить затеянное.

Тотчас резво навалился на меня, пресекая. Проник рукой меж бедер, сжал за плоть. А далее движение, высвобождая и дальше меня от белья.

— Ванек, расслабься! — напором.

— Прощу! Не надо! Глеб! Молю! — отчаянно, заклиная всех ведомых и неведомых

Святых. Силой впиваюсь ногтями Шмелеву в кожу, отчего тот только ревностнее пытается раздеть меня до конца.

Чувствую его уже всего, как его плоть впивается в меня, разрывая рассудок на части.

Вгрызаюсь. Со всей дури. За щеку, за шею — сама не поняла куда.

Вскрикнул, отдернулся, невольно расслабив хватку, а потому мигом бросаюсь, слетаю я с кровати.

Встала, да грохнулась тотчас, запутавшись в одежине.

Машинальное движение, натягивая кружева, — и на четвереньках к двери.

Нагнал — да не успел схватиться — вылетела я прочь.

А дальше — ничего толком не помню. Только вспышки.

Как мимо толпы сиганула, громадную щеколду ворот открыла, в темноту нырнула...

Зов, крики эхом... девичьи, мужские...

Мчала... Мчала я, ошалевшая, куда глаза глядят. Сердце колотилось яростно, доходя от каления до предельных возможностей: вот-вот разорвется.

Еще несколько метров — и обмерла я, оцепеневшая... пришипленная к месту, впишись взором в целое царство кошмара за железным забором: поле ветхих перекошенных крестов... в бледно-голубом свете луны.

Окоченела. Стеганул страх осознанием по рассудку, пустив заодно новую порцию адреналина по крови, давая на мгновение крохи ясности, дабы в конец сойти с ума.

Оборвалось. Внутри меня что-то оборвалось и рухнуло на дно.

Волосы стали дыбом. Слезы иссякли.

— Б***ь, Ваня! — бешеное вдруг за моей спиной.

Дернулась я испуганно, взвизгнув. Но ловкая хватка — и оказалась в его стальных объятиях, в цепях. Силой притиснул к своей груди. Пронзающим звуком на ухо, сражаясь с учащенным дыханием:

— Ты чего? — рыком.

Прижимается своей щекой к моей.

А меня трясет — откровенно колотит от безумия в лихорадке.

Орать — дико орать хочу, да захлебываюсь воздухом, жутью творящегося, что лезвиями всего навалившегося в мгновение на меня полностью раскромсала сознание.

— Что случилось? Что такое? — понимаю. Медленно, подчиняясь реальности, осознаю: Федька. Со мной Федька. Мой Федька.

— Зай, что случилось? Ваня! Ванесса... Хорошая моя, ну не молчи! Я тебя умоляю...

Еще сильнее стискивает в своих объятиях.

Сверлю его взором. Глаза в глаза, да от столь близкого расстояния теряется фокус.

Холодно. Мне до безумия... холодно.

Трясет еще сильнее — не могу остановиться.

— Малышка моя... — вдруг утопил мое лицо в своих ладонях. Жадные поцелуи в щеки, лоб. Гладит по волосам. Отчаянно пытается выудить хоть что-то, всматриваясь мне в очи, а я лишь заторможено моргаю и глотаю немо воздух, как рыба. — Кто тебя напугал? Что сделал? Кто-то обидел? Артур? Артем?

Не сразу, но все же качаю отрицательно головой. Сама уже силой притуляюсь к Нему — поддается. Обнял, сжал до боли, крепко.

Носом уткнулась в шею. Дрожу — уже дрожу вместо шальных колебаний.

— А кто тогда? Глеб?

— Нет, — поспешное, уколom... А кровь, чувствую, вновь, с новой силой закипает азотом — и снова холодно, и снова начинает трясти.

— Гриб?

— Я домой хочу.

— ГРИБ?! — ошалевши.

— Нет, — торопко. — Федь, я домой хочу.

— Хорошо, — тихо. Нервически сглотнул слюну. — Настя, что ли, сказала что-то не то? — силой отстраняет меня от себя. Силится взглянуть в лицо, но уже не даюсь, отворачиваюсь.

— Нет, — тихо, уведя в сторону взгляд. — Неважно, — поморщилась. — Я просто хочу домой, — заикаюсь.

— И как? — немного помедлив. Обнял меня вновь, прижал к своей груди. На ухо: — До утра еще далеко. А поезд... поезд тот вообще... только под вечер.

— Я хочу домой. Я туда не вернусь.

Закивал головой. Шумный вздох. Застыл. Тугие размышления — и вдруг напор — отстранил меня от себя. Поддаюсь.

Взял за руку.

— Ну, пошли на вокзал. Может, так... пассажирский какой, или еще чего-нибудь...

Шаги вперед, по дороге.

— Только не через кладбище, — тотчас торможу его, застывая, как вкопанная.

Подчиняется — замирает на месте. Взор на меня:

— Через посадку. Идем...

* * *

Сели на перроне. Ноги к рельсам свесили. Обнялись (улеглась я ему на грудь) — обмерли, обронив взоры за горизонт.

— Ты мне скажешь, что было? — долго мучил себя Федя... и всё же сдался.

— Зачем? — нервическое мое.

Зачем, Рогожин, тебе знать... насколько я уже мерзкая и испорченная? Другими излапанная?

Ты и так... вряд ли меня простишь за Золотарева.

Не зря же... отныне и вовек я — «просто друг».

— Мне надо. Надо знать... что не так. Вань, скажи, пожалуйста. Я же все равно узнаю... рано или поздно. Просто... так это все будет... болезненнее для всех.

— Не надо. Прошу, не надо ничего. Все нормально... — шепчу испуганно.

Метнула взгляд на него — ответил. Сцепились взоры:

— Тогда пошли обратно, — едкое, напором.

И снова холод стеганул меня по спине.

Молчу.

— Или говори, или пошли. Если мои — то они обязаны ответить. Я такого не потерплю. Я думал, мы здесь все свои, а оказалось... Вань, мне надо знать. Понимаешь?

— Я просто перенервничала, — рычу, сиюсь быть как можно правдивее, сдержаннее. Опустила очи. — Я устала. Я хочу домой.

— Ты издеваешься? — возмущенно. Отстранил меня силой на расстояние сосредоточенного взгляда. Глаза в глаза — подчиняюсь его требованию, напору. — Ты там рыдала, как ненормальная. Убежала, х*р знает куда. И говоришь, «ниче не было»? «Устала»?! Я че, по-твоему, идиот?

— Нет, — виновато вновь опускаю очи.

Сарказмом:

— И с чего ты «перенервничала»?

Молчу позорно, еще усерднее пряча взор.

Гневно продолжил:

— Короче. Или там... «ничего не было» — и мы тогда сейчас встаем и тупо возвращаемся обратно. Или «было» — и тогда ты говоришь мне всё, как есть. Я везу тебя домой. А дальше — уже дальше. И это будут мои заботы. Тебя это никак не коснется. И никто не узнает. Будет «личная беседа» с этим козлом или... дурой, — немного помолчав. Вдох-выдох. — Решай.

Нервически сглотнула я слюну.

Жуткие, давящие мгновения тишины. Выжидания...

Бешено колотится сердце, сжимаются от страха мышцы — но...

Взор в лицо. Охриплым голосом:

— Если вернемся... — закусила на мгновение я губу от жути. Еще один вдох для смелости. Глаза в глаза, как никогда еще, с отчаянной выдержкой: — Ты можешь меня... не оставлять одну?

Окаменел. Скривил челюсть, скрывая эмоции. Выгнул брови.

Взгляд около... секунды жутких, грохочущих приговором, рассуждений — и закивал:

— Хорошо. — Еще миг — и будто лезвием по горлу: — Только я всё равно узнаю, кто это был. И что было. И если виноват — то пи**да ему, — грозно, твердо. И снова качание головой: — Так что зря ты так... — Немного помолчав: — Ладно, — поморщился. Шумный вздох. Встал, протянул руку: — Пошли.

Рассвет. Едва мы пустились вдоль ж/д путей по грунтовке, как встретил нас рассвет... Багровыми красками разрисовал, истерзал еще недавно серое, спокойное небо.

Сжал мою ладонь невольно сильнее Федя.

Беглый, косой взгляд... на свою горе-лю... на своего защитника, и опустила я голову, цепляясь взором за щебенку под ногами.

Остаться... как хочется остаться здесь, наедине с ним. Не возвращаться... в тот ад, где он — не мой, и я — нужна... но не ему. Интересна, да и то... лишь только на раз.

Где все так грязно, пошло и запутанно. Цинично.

Где ужас... тканым плотным полотном.

Выпустил мою руку из своей, обнял за талию — невольно усерднее подав вперед, едва завернули в посадку. И снова шаги рядом, но не отпускает, не отрывается от меня. Излишне близко, излишние... волнительно.

Недолгие, но счастливые минуты уединения, и выбрали на улицу.

Вдоль чужих заборов — и знакомый участок.

— Федь, — обмерла я у калитки, прерывая и его заодно ход.

Подчинился. Лицом к лицу. На расстоянии шепота.

— Что?

Прикрыла я веки.

Жутко, страшно... и больно подбирать слова, сознаваться, но поддаться — и снова зайти, окунуться в тот ужас — и того... пугающе.

— Давай... Можно... — обмерла я, закусив губу, так и не досказав начатое.

— Ну что?.. — едва различимо, обжигая дыханием мои губы.

— Давай... давай хотя бы в дом не пойдём?

Окаменел. Волной его напряжение передалось и мне. Мурашки по телу.

— Пожалуйста... — осмеливаюсь я вновь на звук.

— Ваня, что было? Кто? — шепотом, но с напором. Зарождающейся волной гнева.

Открыла глаза. Сцепились взгляды.

Но не смогла ответить, опустила очи.

Движение в сторону — но не дал уйти, схватил за руку. Покорно замираю.

Шаг ближе — и обнял меня, прижал спиной к своей груди. Зарылся носом в волосы, уткнулся в ухо. Шумное, волнующее дыхание — и вдруг поцелуй в висок. Вздогнула — но удержал. А дальше и вовсе тихий голос, что вконец разорвал всё внутри меня:

— Ванюш... молю, скажи, что случилось.

Дернулась невольно — еще сильнее сжал, вынуждая застыть, не шевелясь. А тепло его жалит, грызет. Убивает. Его аромат — от всего голова кругом. Задыхаюсь. Визжать еще сильнее хочется. Его грубость и нежность вопреки всем страхам и жутям вокруг вовсе тащат душу еще дальше — в преисподнюю.

Отчаянно рычу, из последних сил вступаюсь за праведность:

— Неважно. Хватит с меня позора. Я просто устала. Я хочу спать.

— Что ж ты за человек-то такой? — горестным шепотом.

И снова на мои глаза скрадываются слезы. Замирают мерзкие на ресницах.

Зажмурилась болезненно:

— Какой есть.

Глубокие, шумные вздохи — мгновения выжидания, всех за и против — сдался.

Звонкий выдох. Вдруг движение — прильнул ко мне — поцелуй в макушку, отчего дрожь волной холода прошла по спине, в груди зарождая иное цунами — пожар, смущение, трепет.

Отстранился. За руку — и повел, потащил меня куда-то в сторону.

— Куда? — взволнованно вскрикнула.

— В сенник.

Не то сарай, не то амбар. Несколько шагов внутрь — и замерли около высокой деревянной лестницы.

— Ну, вперед, — кивнул на меня, ухмыляясь.

А я таращу испуганно на него очи, глотнув слова от шока.

— Че? — улыбается криво. — Лезь, а я снизу, если что, подстрахую. Будешь падать — так на меня. Может, поймаю. А может, нет, — печальной, догорающей иронией гоготнул.

Покорно перевожу взгляд на шаткую, ненадежную конструкцию, ведущую стремительно вверх... аж на высоту второго этажа (если не третьего).

Мысленно перекреститься — и попытаться исполнить приказ.

Уцепился мертвой хваткой за лестницу Федька, не давая ей лишний раз дергаться.

Участливый, благодарный взгляд на своего помощника — и снова взор не то вперед, не то вверх. Рывок за рывком.

Еще немного — и выкарабкалась, забралась на настил.

Живо разворот, уставилась вниз: идет, идет за мной. Лезет вверх и Рогожин.

Невольно сжались мышцы от волнения.

Еще мгновения — и ловко выбрался наверх мой спутник.

Взгляд на меня из-под лба:

— Че? — улыбается. — Думала, брошу? Закину на чердак и лестницу уволочу?

Молчу. Невольно поддавшись на настроение — робкая, едва заметная улыбка.

— Ложись, — приказом. Кивнул на сено. — Ты же спать хотела.

Покорно закивала я головой.

Отползла на четвереньках подальше от края — и попыталась исполнить веление.

— Ай, — дернулась невольно, уколота, что прутом железным, толстым стеблем.

— Та да, — неожиданно рассмеялся Федор, умащиваясь рядом. — Как-то я уже и забыл, насколько эта перина мягкая и пушистая. — Еще одно ерзанье — и, скривившись, тотчас вновь расселся. — Ладно, — шумный вздох — и подался к краю. — Сча... чего-нибудь найдем.

Вниз по лестнице — а я, пытливо, тотчас за ним — аккуратно ухватившись за балку, взор обронила на первый этаж.

Уже шарился там мой Рожа.

Еще миг — и выровнялся, протянув вперед в одной руке какую-то куртку, а в другой — какое-то покрывало. Взгляд на меня:

— Фуфайку или ряднину? — озорная улыбка с нотками наигранной нелепости.

— Ряднину.

— Лови, — резво замахнулся, отчего тотчас испуганно отдернулась я.

— Да я шучу, — гогочет. Шорох — поднимается уже. — Не такой уж я ловкач, чтоб докинуть.

Живо к краю. Пытаюсь удержать силой стремянку, не давая ей танцевать на балке.

Еще движение — и обмер возле меня. Лицом к лицу.

Ласковый взгляд, теплая ухмылка:

— Че, не пустишь?

— Пущу, — едва слышно. Мигом отползаю в сторону, пряча за ресницами очи. Чувствую, как жар уже заливаает щеки.

Забросил полотно. Рывок — и выбрался наверх.

Сгорбившись (спасибо «высокой» крыше») принялся расстилать — живо подползла в желании помочь.

Общие усердия — и плюхнулся сверху Рогожин. Взор на меня, все еще сидящую, поджав под себя ноги, и в волнении изучающая происходящее.

— Ну?! — протянул ко мне руки. — Идешь? Или я один тут мерзнуть буду.

Благодарная, смущенная улыбка — и еще рачительнее пряча глаза, подползла к нему.

Разлеглась рядом. Его веление — и уместилась на его груди. Жадно обнял.

— А теперь спать, — непонятной едкой иронией и прокашлялся. Шумный вздох — и повелительно прикрыл очи (пытливый бросила на него взгляд).

Подчиняюсь. Зажмурила веки.

И снова мгновения... дабы улеглось волнение от событий (суть которых я, по-моему, до сих пор не осознала), и отдалась — тугим, не менее пугающим (нежели всё доселе творящееся), давящим мыслям и ощущениям.

Родное сердцебиение — мелодию которого я уже за сегодня выучила наизусть, и которую бы слушала и слушала всю жизнь. Запах — который бы вдыхала всегда. Тепло — в котором бы тонула и тонула.

Но всё это — призрачное. Запретное. Данное напрокат. «Демо-версия». Которой Он позволяет мне насыщаться, пока сам того хочет. Пока мир позволяет, не роняя на нас ни осуждение, ни зависть, ни злость.

Опять я — Его... украдкой.

А Он — мой, вопреки всем запретам и доводам рассудка.

Притиснулась к нему сильнее — тотчас отозвался движением: сжал крепче.

Сумасшествие.

Ну почему? Почему Он себе, мне всё это позволяет? Но через миг — снова ставит на место, возводя между нами стены. Почему... на большее не решается?

ФЕДЯ, ПОЧЕМУ?!

Что за игра, издевательство какое-то? Нерешительность?

Весь мир готов и можешь поставить на колени, вот только собственную судьбу в узду взять не хочешь, в жизни своей разобраться и на грамм не стремишься.

А я? Чего хочу я?

Знаю. Уже, наверно, все знают. Один ты молчишь.

Глупо всё как-то. И жутко.

Но забери эти мгновения — и того будет хуже.

Нет, будет ужасно. Невыносимо.

Пусть хоть так, украдкой. Чужой — но иногда мой.

Хоть так — в мои легкие будет попадать «воздух».

Но... как долго? Как долго ты себе это будешь позволять?

Пока Инна не прознает? Не запретит? Или пока... сам не насытишься?

А что мне делать потом? Как МНЕ потом быть? Жить?

Существовать... как?

Федя...

Никто не сможет (да и не хочу!) заменить тебя.

Ни Золотарев, ни Шмелев. Никто.

Да и другие придут в мою жизнь. Смогут быть хоть немного похожи на тебя? Вызывать те же ощущения, чувства? Надежду? Жажду? Мечту?

А если опять будет обман? Игра?

Ты пользуешься — но не скрываешь, заодно и меня делаю счастливой.

А если такие как Глеб придут? Без спроса возьмут?

Или такие, как Ваня, которые уедут на следующий день, не попрощавшись?

Или я ничего более не заслуживаю?

Не достойна?

— Федь, — несмело.

Вздрагнул:

— А?

Отстраняюсь — поддается. Взор в лицо, но тотчас не выдерживаю смущения, отворачиваюсь, а затем и вовсе вновь улеглась, уткнулась ему в грудь.

— Что, Вань? — тихо, голос просел от тревоги.

— Можно тебя о чем-то попросить? — шепчу, будто лезвия глотая.

— О чем? — движение — вынуждает меня приподняться. Взгляд в лицо, но прячу очи, окончательно сгорая от стыда.

И снова заливаюсь жаром неловкости — прижимаюсь к нему.

Страшно. До безумия страшно, но... осмеливаюсь. Разрывными залпами:

— Федь... пожалуйста...

— Что, Ванюш? — едва слышно, обжигая дыханием мне кожу. Гладит, проводит рукой по волосам, еще сильнее прижимая к себе.

Дрожу. Мурашки по телу. Задыхаюсь от его всего: запаха, тепла, что, казалось, уже проникли в меня, в каждую мою клетку. И даже сердца наши отныне стучат в один такт.

— Федь... — отчаянно, рубая все преграды, еще сильнее жмурясь от страха, — ты можешь быть моим первым?

Окоченел. Сжалась, затвердели все мышцы в его теле. Не дышит.

Жуткие, палящие, слишком долгие мгновения... дабы быть просто шоком.

Ответ. Это было... решение. Его решение, которое он уже принял, но еще не в силах озвучить.

Дернулась в ужасе, в позоре я, желая отстраниться, убежать от него, но тотчас расселся, ухватил, сжал, привлек к себе обратно — невольно забралась к нему на колени. Лицом к лицу. Щека к щеке. Соприкасаемся — но на нечто большее никто не решается.

И вдруг звук, будто свист выстрела:

— Зая, хорошая моя... — ласкает меня его дыхание. — Ты же знаешь... — разрезая мне

сердце. — Я не могу...

— Пожалуйста, — силой впиваюсь пальцами в его плечи. Еще стремительнее текут слезы. Притискиваюсь сильнее. Губы к губам. — Без обязательств. — Горьким шепотом: — Я не хочу, чтоб мной гадко воспользовались, обманули, или... еще чего. Я не хочу кого-то другого... запомнить. Федь... Не хочу, чтобы это был... кто-то иной.

Нервически сглотнул слюну.

Чувствую, невольно чувствую его уже всего собой. Его твердое, уверенное запретное желание, отчего еще сильнее начинает меня накатывать страх. Начинаю дрожать от происходящего, сгорать от перенапряжения.

...схожу с ума.

Слепая надежда голодным волком воет.

— Пожалуйста... — едва различимо, догорающее мое сердце шепнуло вслух.

— Зай, — набатом пульса в ответ. Из моей души потекли реки крови, уже осознавая по его интонации последующее. Окончательное.

— Пожалуйста, — горько я, сквозь плач, еще сильнее к нему тулюсь, отрицая, не желая ничего слышать. Сгораю от ужаса. — Пожалуйста!..

— Я не могу, — расстрелом. — У меня же Инна есть... она мне верит... и любит.

Взрывом рыдания вырвались из меня. Жуткой, убивающей правдой.

Его выбора. Его праведности. Моего грехопадения.

— А ты? — прощальным, неосознанным вздохом.

Отвернулся. Отчего невольно уткнулась ему в шею носом. Но держит, еще удерживает подле себя.

Звонящая тишина, разбитая ритмом разодранных сердец.

— Не знаю, — выхлопом кислорода в мои удушливые тенета. — Уже не знаю.

Еще сильнее меня сжал, притиснул к себе — отвечаю тем же.

— Прости меня... — горьким шепотом.

Грохот. Вдруг внизу раздался шум. Женский смех ответом. А затем и вовсе стал отчетливо слышен голос.

Ее голос.

Глава 13. Грешники

* * *

Грохот. Вдруг внизу раздался шум. Женский смех ответом. А затем и вовсе стал отчетливо слышен голос.

Ее голос.

Голос Инны.

— Да, б***ь! Где он делся?! Рожу, что, аисты унесли? Где вы его профукали? — возмущенно гаркнула Соболева.

— Да лазит где-то... — сквозь зевание, лениво ответил ей Рыжиков.

Тотчас отдернулся, выпустил меня из своей хватки Федор. Напор — и отсела покорно я в сторону. Ошарашенный взор (его) около. Поверхностные, лихорадочные вдохи.

Застыла и я, не дыша, боясь выдать нас всхлипами.

Еще один шумный вздох — дернулся, содрал с лица ладонями напряжение. Нервно выругался.

— Сиди здесь! — тихое, приказом.

Покорно закивала я головой, соглашаясь.

На край. Прокашлялся невольно громко — и в бой. Принялся спускаться.

Холодный, прощальный взгляд на меня — и скрылся.

Не посмела дальше даже взором провести.

Воровка. Я — воровка. И по делам мне!

Глухой стук — видимо, спрыгнул.

— Че орешь? — шутливое. Наверняка, как всегда, сейчас расписала его лицо добрая, озорная улыбка...

— Во, б***ь! Нашелся! — сквозь хохот голос Андрея. — Ты че там делал?

— Че-че? Мышей гонял, — гоготнул Рогожин.

— Придурок! Я уже распереживалась. Думала, свинтил, пока я сюда добиралась. — Инна.

— Так, а ты чего? Батя, что ль, отпустил? Курить есть? — судя по всему Грибу.

— Смотря че, — хохочет.

— Че-че? Сигареты! — не уступает в веселье и Федор.

— Ага, — едкое Соболевой. — Жди от него! Отпустит! Догонит — и еще раз «отпустит». Нет, свалил в командировку.

— Держи, — тихое, перебивая.

— Спасибо.

— И че, до утра? — сдержанное, с интересом Рожи.

— А тебе бы только до утра, — шаловливое Инны.

— Пошли, че стоим? Не на параде же... — Федя.

— А я думала, мы туда...

— Куда «туда»? — гогочет Рогожин.

— Ну, на сеновал, — хихикает скотина.

— Какой сеновал? — ржет уже откровенно Федор. — Я жрать хочу. А ей сеновал... От,

выдумщица! — дружеской иронией. — Пошлите искать, че там осталось со вчерашнего...

Отдаляющиеся шаги. Стихающие разговоры, которых уже и не разобрать.

Уснула. Там и уснула. Свернулась клубком, и, давясь обидой, ненавистью к Нему, к Инне... но, прежде всего, к самой себе, тупоголовой идиотке, утонула в размышлениях. В тяжелых, ядовитых мыслях. В презрении и боли. Устала. Ужасно я устала от всего — а потому и не заметила вовсе, как провалилась, погрязла в глубоком, непробудном сне.

* * *

Проснулась, когда уже солнце печально склонилось к горизонту.

Оглядеться по сторонам, попытаться сообразить, кто что где... и принять решение.

Как бы там не было, а здесь прятаться вечно не смогу. Да и толку?

Жить. Как-то... да надо жить.

Точки. Расставили все точки над «и». А значит, что еще нужно?

Четко и правдиво: у него есть Инна. А ты — ты просто друг. Так было и будет.

И даже один раз не светит.

И Федя молодец. Он хороший, правильный.

А ты, ты — тупая идиотка. И по делам тебе. Нечего на чужое рот разевать. На жуткое подбивать.

По заслугам...

Подползти к краю — и попытаться забраться на лестницу.

Шаткая гадина — с каждым движением на грани того, что точно грохнусь. Но еще держусь.

Удавиться — сейчас бы в самый раз.

Упасть, удариться обо что-то твердое головой — и точка. Али шею свернуть. Всему был бы конец.

«Или что-то сломать, и отхватить еще больше позора», — язвительно запричитал рассудок.

«Дура», — надулась на саму себя и я.

Еще рывок — и ступила на землю.

Победа.

«Блин», — поморщилась я, ухватившись за бок. Только теперь отчетливо понимаю, как ужасно болит живот, ноет, тянет шов.

Точно дура. Зачем вообще ехала? На что надеялась?

Овечка. Тупая овца. Я.

Только за порог — как тотчас налетела на кого-то. В ужасе дернулась назад (невольное обратное в помещение), едва только разум уловил, уяснил, кто это.

— Стой! — бешенное Его. За мной кинулся.

— Глеб, не смей! — отчаянно взвизгнула я, жадно выпучив очи.

— Стой, я не трону тебя! — и снова шаг на меня. Руки поднял вверх, разведя их в стороны. — Я просто поговорить хочу.

— Не приближайся! — гневно. Еще усерднее пячусь — пока не уткнулась во что-то, что прервало мой ход.

Но замер Шмелев — не шевелится. Лишь только покорно сверлит меня взглядом.

— Что тебе? — взволнованно я.

— Прости меня. Вань, — и снова шаг.

Дернулась я тщетно:

— Стоять! — визгом.

— Да стою, стою, — обмер. Опустил руки.

Потупил в пол взор.

Жуткие, звенящие мгновения выжидания — и невольно поддаюсь: немного расслабляюсь. Замираю вся во внимании, давя исступление напряжения.

Нервически сглотнул. Взгляд на меня, но тотчас осекся.

— Прости... — шепотом. — Я мало что помню, но... — и снова лихорадочное сглатывание.

Да так — что даже меня охватила дрожь от его состояния.

— Ваня... я... — робко. — Я сам был не в себе. Какую-то дрянь выкурил. Это пи**ец. Я... я идиот, — взор мне в очи.

Выдерживаем зрительный бой.

— Прости, хорошо? — он.

— Я Феде не сказала, — холодное, кроя истинные чувства.

Закивал, опустив очи.

— Знаю. Понял. — Но миг — и вдруг замотал головой. — Но дело не в том. — На меня взгляд: — Вань, прости. Честно! — скривился от боли. — Я не должен был.

Сглотнула скопившуюся слюну. Вдох-выдох. Страшно. Не знаю, можно ли верить, хотя... какая разница? Будто есть выбор?

Одобрительно закивала я:

— Проехали. Просто дай мне уйти, хорошо?

Обмер, осознавая сказанное. Но еще жгучие секунды — и дернулся на выход.

— Хорошо, прости, — причитая.

Вышел на улицу. Взор на меня.

Подчиняюсь.

Поспешными шагами на выход — и живо в сторону дома.

К беседке. В толпу.

— О, Ванёк! Ну ты и соня! Где тебя вообще носило? — застрекотал вдруг счастливо Токарев.

Беглый взор по ребятам и нахожу, то что искала (что душа, нутро требовало): сидят в углу, обнявшись.

Тотчас осеклась.

Присела на край, не проронив ни слова.

— Ванесс, а че ночью-то было? — сквозь сдержанный, тихий смех неожиданно отозвалась Настя.

— А че ночью было? — узнаю удивленный голос Инны.

Прячу очи от стыда, невольно отворачиваясь.

— Отвалите от нее, — вдруг злобно гаркнул Рогожин. — Че было, то было. Разобрались.

— Ну ты хоть ее нашел — и то хорошо, — не унимается Стася.

— Так че было-то? — узнаю уже голос Кати.

Укором взгляд на Метлицкую Младшую (что бросила меня одну, причем даже не предупредив).

Поняла та — виновато опустила очи.

Вот так и верь вам... всем после этого.

— А когда поезд? — отваживаюсь. Ищу взглядом Рыжика.

Рядом с опорной балкой, под навесом около сарая стоит.

— О-о, — протянул тот, потягиваясь. — Поздно вы, мадам, очнулись. Он еще пару часов назад как «чу-чух ту-ту» сделал.

Поморщилась я.

Косой взгляд на Рогожина — сидит, обнимает свою Соболеву. А та что-то шепчет ему на ухо.

Отвернулась.

К колодцу — надо пойти умыться. Да попить воды.

Встала.

— Эй, ты куда? — тревожное Вали.

— Воды попить.

— Дак, сок вон есть, — узнаю (заботливый, не менее взволнованный) голос Глеба.

— Воды хочу, — напором.

Разворот — и уже ничего не слушая и никому ничего не отвечая, пошла прочь.

Шорох, стук, топот за мной. Обмираю у цели, бросив пытливый взгляд назад.

Шмелев.

Едва попыталась взять ведро и подвесить на крючок (что на цепи), дабы затем спустить оную «конструкцию» в колодец, как тотчас опережает. Не дает. Сам ухватился за несчастное.

— Глеб, я ничего Ему не скажу, — рычу сдержанно, не роняя на «покаявшегося» взор. — Оставь меня в покое.

— Дело не в этом, — обмер. Выпустил тару из своих рук. Глаза в глаза со мной, но мое давление укора — и отвел очи в сторону. — Я не потому... Мне самому... перед тобой стыдно. Не должен был...

— Но сделал, — грубо, хотя сдержано. — Проехали.

— Мне жаль, правда, — взгляд мне в лицо, не касаясь глаз.

Обмерла я, потупив очи.

Прощение. Сегодня все мы — грешники. И всем нам нужно прощение.

Как и мне за то... что пыталась разрушить Их отношения. Любовь.

Покорно киваю я головой.

— Ну, че стоишь? — криво улыбаюсь. Метнула взор на ведро. — Тащи, давай, воду. И слей — хоть умоюсь. А то, наверно, страшная.

— Ты не можешь быть страшной, — с нотами горести усмехается. — Ты очень красивая.

Поддаюсь — заливаюсь уже и я искренней улыбкой (заодно покрываясь румянцем смущения).

Впервые мне кто-то подобное говорит.

— Но лохматая, — неожиданно добавил и заржал.

Рассмеялась и я, тотчас спрятав очи, уже вконец сгорая от стыда. Задержалась, приглаживая руками свою шевелюру, пытаюсь пальцами расправить пряди, распутать колтуны.

— Давай помогу, — резво подался ко мне.

— Не надо, Глеб, — испуганно дернулась, пытаюсь остановить.

Не послушался. Уверенный напор — и принялся поправлять где-то на макушке локоны, а одну, боковую прядь, и вовсе заправил за ухо. Улыбнулся.

Усмехаюсь смущенно и я.

Но дрожь по телу. Страх. Как бы не пыталась, а то... что пережила ночью, не в состоянии я так быстро отпустить.

Силу воли в кулак — рисую непринужденность:

— Так ты мне воды наберешь?

— А, да! — живо кинулся к ведру и, подвесив оное на крюк, принялся опускать в колодец...

* * *

Весь вечер за мной Глеб по пятам.

Паломник, фанатик новоявленный.

Раскаяние — жестокая штука.

Спасибо, что хоть не пытался коснуться меня, обнять. Так только — одна сплошная учтивость.

Но... зато о Феде и о... Инне некогда было думать. Все время, что двести двадцать, меня пронзал его голос. Шмелёв. Всё тот же Шмелёв.

— Глеб, — уже истерически хохочу я, вперив в него взгляд. — Я. иду. в туалет! Понимаешь? — язвительное. — Сама справлюсь. Ты там мне не нужен.

Ухмыляется:

— А вдруг? — доброе, без пошлости.

Улыбаюсь:

— Я серьезно. Оставь меня в покое. Хоть ненадолго. Молю. Идет?

Скривился, сверля уже смело взором.

— Хотя бы час. Дай мне час. Хорошо? — и снова перепалка взглядов. — Вон, — кивнула. — Иди Рыжику с углями помоги. А то опять все гореть будет, как вчера.

— Но нормально же получилось, — тотчас возмутился.

— Ага, — иронически паясничаю. — Потому что ты следил. Так что иди давай, и не подведи меня.

— Час? — коварная ухмылка, изогнув одну бровь.

— Час. Да, час. А потом снова твой кумир тебя приютит, — хохочу.

Загоготал и Глеб:

— Кумир, — невольно визгом. — То еще мне сказала. Скорее... А не, не скажу, — в момент оборвал себя.

Подмигнул вдруг. Разворот. Косой, вполоборота, на прощание взгляд — и покорно пошагал, заторопился в сторону Андрюхи.

— Ты че творишь?! — сердитое, рисуя всезнайку.

— А че? — оторопел у мангала Гриб.

— На**я так много?!

— А ты мяса, видел, сколько?! — доносится возмущенное Рыжика.

Но уже особо не вслушиваюсь.

По тропинке — мимо сарая да к дощатому «товарищу».

Глава 14. Агония. Плутводство Химеры

* * *

(В а н е с с а)

По тропинке — мимо сарая да к дощатому «товарищу».

Едва только мимо сеника, как громом узнаю Его смех. Ее голос.

— Рогожин, Вы на меня сегодня дурно влияете... — хихикает.

— Это я-то? — возмущенное сквозь хохот.

— Ты... ты, — бархатом.

Вдруг протяжной, пробивающей дрожью, стон. Ее стон.

— Федь, ну... — отчаянное.

И снова протяжное... зов похоти.

Прибилась, прижалась я невольно к наличнику у входа. Ноги подкосились. Сердце окаменело, забыв свой ход. Волосы зашевелились на голове. Задыхаюсь.

Горю. Вся внутри горю от охватившего меня кошмара.

— М-м-м... — протяжное, сладострастное. — Ты сегодня такой зверь.

Расстрелом.

Взорвалось тотчас все во мне.

Стон. Ее. Его.

Потекли реки крови из моей души.

Сжалась я от боли, от ужаса.

Присела на корточки.

«С*ка ты! А не... зверь», — грохнулась я на колени, давась слезами.

И снова ее стон, разрывая, добивая меня окончательно.

Вдруг где-то шорох — током меня пронзая.

На четвереньках поползла. Еще миг — и сорвалась на ноги. Сама даже не поняла — как кинулась вперед. В сторону туалета. Прижалась к дощатой стенке.

Сгораю. Поистине, сгораю заживо. В голове — ад. Захлебываюсь немymi рыданиями. А в голове не проходящим звоном ее стон.

И снова где-то чьи-то шаги.

Срываюсь на бег: выныриваю из-за угла — и в сторону беседки.

— Ты чего? — чье-то мужское, кого чуть с ног не сбила.

Прожогом... куда глаза глядят.

— Кто вино? — слышу отчетливо слова Вали.

К столу — выхватываю протянутую бутылку.

— Ого, мать! — гвоздями шутка, которую даже не осознаю до конца.

Агония. Сожрала меня агония.

Бег, переходящий на торопливую ходьбу.

А затем и вовсе ватные ноги — едва снова удерживают меня вертикально.

Вышла к озеру.

По тонкой тропинке вдоль берега через лес, наощупь, теряясь в сумерках, таких же отбросах, как и я, дара Закатного Светила — и затерялась среди высокого подлеска.

Присела, поджав под себя ноги.

Легкое, шизофреническое покачивание вперед-назад.

Таращу очи, захлебываясь мыслями.

Грохочет ожившее сердце. Предсмертный бой.

Больная фантазия, рисуя катастрофические картины.

Глоток за глотком, морщась. Но не так от спирта, как от отвращения.

ДУРА! Я — ДУРА!

Наивная корова, мечтающая летать.

«Зверь».

Зверь...

С*ка ты, а не зверь. С*ка! А я — конченная, тупорылая идиотка.

* * *

(Ф е д о р)

Ну вот, называется, пошел спать. Увязалась, что та болячка.

Хотя... глупо было ожидать что-то иное.

Залезла сверху.

Морщусь:

— Инна, я устал.

— Ну да, — хихикает ехидно. — Смешно.

— Что смешного? — невольно грублю. А башка, и вправду, раскалывается.

Душу готов отдать, лишь бы уснуть. Идиот, надо было еще днем лечь!

— Ин, харе прикалываться, — раздраженно. — Я же тебе сказал — я устал. Видимо, водка не пошла. Хреново мне. Не понимаешь? — гневно. Вперил в нее взгляд.

Коварно ухмыляется. Движение — и стащила с себя майку.

Ошалел я, завидев ее голую:

— Ты че... без лифа?

— А ты только заметил? — удивленное.

— А че эт ты? — поддаюсь, улыбаюсь. Руки сами невольно потянулись к предложенному. Сжал жадно — тотчас похотью отозвалось мое тело. Прильнул губами к торчащему соску, вобрал в себя, скользнул языком. Тихо застонала. — Ты ж не любитель? — шепчу.

— Просто... Рогожин, Вы на меня сегодня дурно влияете... — хихикает, задыхаясь уже от желания.

— Это я-то? — возмущенное сквозь смех. Отстраняюсь. Оперся руками по бокам. Очи в очи.

— Ты... ты, — бархатом. Прижалась ко мне, пробираясь руками под футболку, глядя живот.

Выгнулась кошкой на мне, и снова сжала бедра, притиснулась ко мне вплотную, да так, что ощутил ее собой. Жажда напряжением передалась, разразилась во мне, откликнувшись новым, срывающим уже с катушек, зовом продолжения. Невольно облизался. Гулкий, похотливый, заводящий стон этой заразы.

— Федь, ну... — отчаянное ее, вымаливая участия.

И снова движение, имитируя секс.

— М-м-м... — протяжное, сладострастное. — Ты сегодня такой зверь, — паясничает, гадина.

Невольно улыбаюсь, поддаваясь на ее настроение, ловкие покачивания, движения на мне, ласку рук, губ, языка не шее, посасывания мочки уха. С*чка. Да даже в одежде... эта негодяйка умеет доставить удовольствие. Адреналин по крови. Желание взрывом.

И снова стон.

— Инна! — гневно. Тотчас дернулся я, осознавая, что еще одно ее движение — и верно сорвусь.

Силой заставляю ее замереть. Лицом к лицу. Впивается поцелуем в губы. Взвыл от жути. От голода. Но, короткий, машинальный ответ, и вновь пытаюсь ее стащить с себя.

— Это из-за нее? Да? — отчаянное сопротивление. Поддаюсь — замер.

Отстранился немного назад, дабы отчетливо видеть лицо Инессы.

— Ты опять? — злобное.

— Ты уже сколько времени от меня бегаешь: то одно, то другое, — несмело, но окончательно. Опустила смущенно взор. — Скоро глобальное потепление даже приплетешь. Я устала. ЭТО Я! Я устала, — взбешенное. Очи в очи. — Федь, хватит, а! Не нужна, скажи! Чего ты меня мучаешь?! — взмах ресниц и потекли по щекам слезы.

Сжалось от боли мое сердце. Потух пожар.

Идиот. Какой же я идиот!

— Ну... ну хватит, — в момент дернулся. Прижал ее к себе — поддалась. Поцелуй в щеку. — Малыш, не плачь. Всё наладится.

— Но не с тобой, да? — горьким шепотом.

— Успокойся, — сильнее стиснул ее в объятиях. Робкая дорожка поцелуев по щеке — и слились губы в запойной ласке.

А перед глазами... Ваня.

С*ка.

Резво оторвался, отстранился. Притиснул к груди свою несчастную, зарылся носом в волосы. Шумный, горестный вздох.

Как бы я не старался... а всё равно в итоге — предатель.

Как не крути, а для обоих — гнида.

— Ин... давай спать? — отваживаюсь на звук.

— Так он... вроде, как готов же... — улыбается, смущенно закусив губу. Взгляд впился мне в глаза. — Давай, я все сама сделаю? Я сверху? Ну... — дует свои красивые, пухлые губки.

Нервически сглотнул я слюну. Мне кажется, я сейчас точно волком взвою и взорвется мозг. И не только... мозг.

Напором:

— Ин, давай спать, — твердо и решительно.

И снова сопротивление. Но мое стальное выжидание — и сдалась, слезла с меня. Разалелась рядом. Вторю ей. Руки сжались в кулаки.

Взоры в потолок. Как бы теперь еще успокоится.

Придурок.

— А ты бы хотел жить в деревне? — не унимается мой палач.

— Спать, Ин. Спать, — едва уже не чиркая от злости зубами.

(Ванесса)

Уснула. Видимо, алкоголь и полоумные грезы о том, как бы сейчас утопиться в этом озере (которое битый час сверлила взглядом), убаюкали, утащили меня в хмельной сон.

Дернулась я от очередного выстрела луча света мне в лицо. Прикрылась рукой.

— Ах, вот ты, б***ь, где! Ва-ань, — протянул с укором. Узнаю голос Шмелева.

Движение ближе — и присел рядом. Уложил свой фонарик на землю, рядом со мной.

Морщусь, но все же всматриваюсь в его лицо — дабы в конец увериться, что не спутала «гостя».

Глеб. Хорошо или плохо, но Глеб.

— Мы там уже все обыскались тебя. Рогожин уже целую взбучку всем устроил и истерику. Крестовый поход организовал.

И снова этот Рогожин! Будь он уже неладен! **НЕНАВИЖУ ГАДА!**

— Ты че это... сюда забралась? — продолжил мой фанатик доставучий. — Я тебя там всё ждал, выглядал... А ты... Ты че... — вдруг движение куда-то вбок. Тихо смеется: — В одно жало, что ли, всё выдула? — поднял (не сразу разглядела, поняла) бутылку, покачал ее, оценивая заодно и на свет степень наполненности тары.

— потуши фонарик, пожалуйста, — невольно поморщилась я, вновь прикрывшись рукой, не выдерживая уже ничего. — Глаза болят.

Шорох — поспешно подчинился. В момент разлеглась тьма.

Движение ближе ко мне, по-прежнему вприсядку (едва различаю очертания в размытом свете далекого лживого светила).

— Ты встать-то хоть сможешь? — и снова смех. Обдал его запах. Запах дурмана — алкоголя и сигарет. Ужалило чужое тепло.

Попытка обнять меня, помочь подняться.

Но сопротивляюсь, не поддаюсь.

Обмерла я, расстрелянная, прожженная шальной мыслью.

— Глеб, — несмело.

— А? — дернулся. Ослабил напор. Поворот головы — и наши губы на расстоянии вдоха.

— Ты еще хочешь со мной переспать?

— Че? — оторопел. Окоченел, расслабив объятия.

Шепчу отчаянно, прикрыв веки. Давлюсь страхом. Ужасом.

— Ты еще хочешь со мной переспать? — чуть громче.

Заколотилось еще усерднее его сердце, грохоча громом, разливая жуткое волнение и во мне заодно.

— Вань, ты чего? — нервически рассмеялся, но тотчас осекся.

— Хочешь? — уверенно. Твердо я. Веки распахнула. Взгляды встретились. И пусть размытый фокус — вызов принят.

Резво впился поцелуем мне в губы. Несмело отвечаю, но еще миг — и отворачиваюсь.

Понимает всё по-своему — голодные, откровенные поцелуи в шею, скользя языком. Поежилась я от гадких ощущений. Но держусь — силу воли в кулак и терплю.

Пошло прошелся руками по телу, сжимая грудь. Резвый напор — и повалил меня на траву — подчиняюсь.

Забрался мне под сарафан — усердия снять его.

— Не надо, — взволнованно гаркнула, ухватив Глеба за руки.

— Че? — удивленное.

— Так. Давай так. Без прелюдий. Пока нас не застали...

— А-а, — радостное, сквозь смех.

К белью — и ловко стащил оное с меня. И снова покоряюсь, помогаю.

Шорох, звон ремня, высвобождая себя от одежды. Он. Прижался ко мне. Протиснулся меж бедер — безропотно обвилась ногами вокруг поясицы. Дрожу от разрывающего сознание страха.

И снова поцелуи — силится коснуться моих губ, но отворачиваюсь.

До боли в груди, до кома в горле мерзко, волосы дыбом встают, осознавая, что творю... и с кем. Но... не отступлю.

Федя... Федя. Мысли только о нем. И что они творили с Инной.

Отчаянный напор — боль до одури там, внизу. Сжимаюсь от кошмара. Еще его попытка. Нервический смех:

— Узкая какая... Ты там не ц*лка, случаем? — гогочет смущенно Шмелев.

— Нет, — нагло вру, еще усерднее отворачиваясь, увиливая от его ласк губ, языка. А слезы уже застыли на моих глазах. Задыхаюсь. Вот-вот взорвусь рыданиями.

— Б***ь! Зай, расслабься! — нервозное. И снова его поступательные движения...

Боль. Отвращение. И снова сжимаюсь от ужаса.

Не могу. Не могу я так!

Но терплю.

— Вань... Вань, ты че, плачешь? — дернулся. Попытка заглянуть мне в лицо, но отворачиваюсь. Прикрываюсь руками. Хочет силой развернуть, отдернуть мои ладони — отбиваюсь. Резвое сопротивление: его, мое. Невольная драка. Сорвалась — зарыдала я вслух, захлебываясь эмоциями, сумасшествием.

— Б***ь! Малая, ты че?! — ошалев. Отстранился.

Отчаянно поджала я под себя ноги и еще сильнее завывала, сгорая от позора и никчемности.

«Уж лучше бы умерла. Умерла я. Умерла!» — набатом психопатия в голове.

Конченная я. Конченная! Лучше бы сдохла! Там еще — в больнице!

Убежал. Сбежал от меня мой почитатель.

Живо задергался на месте. Движения, натягивая на себя белье, брюки, — и умчал. Бросил одну, использованную. Вещь.

Недолгие, жуткие мгновения безысходности — и новый поток света. Шороха. Отчаянная, тихая, гневная брань.

Обмерла я, запрещая себе дышать, в страхе выдать свое местоположение.

Но еще миг — и брызнул луч в лицо, зажмурилась, задергалась я, еще усерднее скручиваясь в клубок.

Тотчас прильнул кто-то ко мне.

Узнаю запах. А затем и голос раздался. Его голос:

— Зая, ты как?! Ты меня пи**дец как напугала! Ваня! — отчаянно. Пытается обнять меня, прижать к себе. Отворачиваюсь, пытаюсь сбежать от происходящего — да тщетно.

Но вдруг движение — и окоченел.

Испуганно устремляю на него взор, лихорадочно моргая, прогоняя пелену временной слепоты и слез.

Сверлит, в шоке впивается взглядом в мое белье, что все еще валялось, небрежно брошенное рядом, на земле.

Взор на меня, на ноги — отодвинулся, давая больше простора.

В лучах предательского фонаря и я... замечаю на себе мазки, следы крови.

— КТО?! — ошалевшим ревом. До неузнаваемости исказилось его лицо. Отпечатался животный оскал. — КТО ПОСМЕЛ?! — исступленно, холод от ужаса внутри меня. Дрожу от страха, осознавая, что натворила. И что грядет.

— Это Глеб?! Да, Глеб?! — убийственной пронизательностью.

Тотчас сорвался с места, рванув во тьму, бросив рядом со мной свое светило.

Падая и вновь поднимаясь, отчаянно шатаюсь, сколько сил есть, сноровки, опыта, рвусь вперед. На звук. На крик. На мат. На перепалку...

Еще минуты сражения с непослушным, колючим, стегающим по коже, рвущим до крови плоть, подлеском — и вынырнула к ним.

Заботливый свет луны — и я отчетливо различила две фигуры.

Шаг к ним — и окоченела.

Месил, что было дури, убивал. Федя убивал Глеба.

Кинулась в момент. Но рывок, напор, невольное движение — и отлетела я в сторону.

Карабкаюсь обратно на четвереньках. Исступленно ору:

— Я добровольно! Добровольно я!

Еще удар в полуживое, хрипящее тело — и застыл, словно расстрелянный.

Неспешный разворот. Взор на меня пустотою.

Пытаюсь встать, пошатываясь.

Но подойти ближе страшно.

— Что? — мертвым голосом.

— Добровольно, — едва слышно. Приговором... для самой себя. Уж лучше... меня убей.

Меня, Федь. Глеб не виноватый...

Но не отваживаюсь все это произнести вслух.

— Да... да не было ниче, — сражаясь со вдохами, прохрипел Шмелев.

— Что? — и снова колющее Рогожина мне в лицо, терзая взглядом. Выдерживаю напор.

Стою, не шевелясь. Жду участия.

Отстраняется от своей жертвы неспешно мой Палач. Встает. Шаги ко мне ближе.

— Повтори... — уничтожающее спокойствие. Стегающее уже не страхом. Не кошмаром. А адом.

— Добровольно, — шепчу, шевелю губами, не осмеливаясь уже издать звук.

Плевков. Отчаянный, презрительный, жесткий плевков мне в лицо. Со всей ненависти и отчаяния.

Тотчас зажмурилась инстинктивно я. И не посмела больше открыть глаза.

Будь, что будет.

— Да не было ниче! — вновь слышу голос Глеба. — Узко у нее там. Пьяные все. Не получилось! Да и разрыдалась вовсю. Не было ничего!

— Узко, говоришь? — едкое. Унизительное.

Вдруг шорох где-то сбоку. Светло стало вокруг. Отчего еще сильнее захотелось сдохнуть в этот момент. Еще усерднее жмурюсь.

— Шалава ебу**я! — яростью.

— Э-э-э, — растерянное мужское. — Че это у вас тут?

— Ты че... Шмеля размотал? — возмущенное Насти. Шорох — кинулась (судя по всему) та к нему.

— Да не трогай. Нормально все, — слышу раздраженное Глеба.

— Так че у вас тут?! — грозное Всеволода (узнаю уже и его голос).

Опустила голову я, догорая в позоре.

Чей-то еще топот. И замерли на поляне. Отчаянные вдохи.

— Че за крики? — кто-то из Токаревых.

— А что здесь? — пронзающей стрелой голос подоспевшей Инны. Заикается, давясь воздухом. — Фух, — шумный вдох-выдох. — Нашли?

— Да лучше бы она удавилась! — громом Рогожина. Дернулся в сторону — мигмом открываю глаза. Слежу за ним испуганно взором: шаг к Соболевой и схватил ее за руку. — Пошли. Не*** тут ловить. Вообще.

Потацил в темень за собой. Подчинилась та.

Жалящие, осуждающие взгляды на меня со всех сторон.

В момент дернулась я — кинулась бежать.

Следом за этими — огибаю, перегоняю их — и долой, куда глаза глядят.

* * *

Через сад, двор — и за калитку. Уже хорошо знакомой дорогой... да так, пока не уперлась в кладбище.

Шальной взор по сторонам, ищу проходы — и в лесопосадку.

На вокзал.

Любой ценой добраться туда и сбежать.

Грохочет сердце, обливаясь кровью. Но позор, что клокочет своим презрительным смехом мне за спиной, давал исправно дозы адреналина и сумасбродства по венам. А потому

вперед. А потому — не уступаю страху.

Через подлесок, колючие кусты — и раздирая в очередной раз себе плоть до крови, выбираюсь к свету.

Фонари. Семафор. Светофор. Вдали — заветное здание.

Господи, заклинаю! Молю! Пусть поезд будет! Любой! В любую сторону! Лишь бы долой! Лишь бы прочь из этого ада!

Еще немного — и, временами сражаясь с трясинной щебенки, домчала. Беглый взгляд по сторонам, тараща очи — выискивая, чтобы никого лишнего не было здесь. Не хватало из одних лап в другие.

И вдруг крик. Гомон. Шорох — выскочило несколько парней из лесопосадки.

Узнаю среди них и Рожу.

Окоченела я от жути.

Что задумал этот безумный?

Разделились. Один, вроде Гриб, в сторону кладбища, переезда. Рогожин — в мою сторону. А третий, Сева, — вперед. Через пути — да по округе.

— Ваня! — в отчаянный, тщетный раз, вонзаясь стрелами мне в душу.

Поежилась — тотчас к зданию, на задний двор.

Забилась я в угол, спряталась за большую ржавую бочку. Колотит меня уже всю от ужаса. Всё тело ноет. Колет в груди, заливая жаром, отдавая тупой болью в лопатку.

Не дамся. Живой — не дамся!

— Ваня! — и снова грохочущее. — С*ка, ты где?! — более тихое, сражаясь наперебой с дыханием. — Найду же... и сам тебя размотаю. За**бала! За**бала уже нервы мотать! ВАНЯ! — и снова крик на всю мощь.

Шаги мимо (видимо, круг наввернул вокруг здания) — и в сторону перрона.

Несмело выглядываю из-за бочки. Мало что видно, но миг — и заметила Его: ко мне спиной. Прошелся туда-сюда Рогожин. Замер. Потер руками лицо и гневно выругался.

Взор около — и куда-то резво подался.

Мгновения тишины (только сверчки монотонно стрекочут) — и решаюсь. Подползла к углу на карачках, триста раз оглядываясь. Пытливый, аккуратный взгляд — и заметила. Вдалеке. Опять пошел к лесопосадке. На поворот.

Выровнялась. Взор по сторонам. И замечаю, осознаю: изменился цвет на сигнальных столбах.

Скоро будет. Лишь бы только никто из этих не вернулся...

...шальные, изматывающие минуты, пока железная гусеница доползла до заветной станции. Повезло — не «скорый». Пассажирский, но не «скорый»: остановился.

Бросаюсь к последнему вагону. К девушке. Отчаянно, горьким воплем:

— Заберите! Возьмите меня с собой, пожалуйста!

Вытаращила та на меня очи.

— Д-да как? — заикнулась испуганно. — Как я? Куда?

— Умоляю, пока они не вернулись!

Взор на дорогу — вижу: бежит Рогожин со всей мочи. Заметил, признал меня.

Вторит мне проводница.

— А-а... Быстро! — гаркнула испуганно и тотчас силой сама меня потащила на лестницу в вагон. Торопливые сигналы девушки. И поезд забухтел, издав гудки.

Живо опустила пол и закрыла дверь.

Прижалась я в ужасе к стеклу, нагло оттесняя свою спасительницу. Дико пучу глаза. Вижу его в окно — бежит... пытается ухватиться, заскочить хоть в какой-нибудь вагон — да тщетно, слишком высоко — или закрыты двери.

А затем и вовсе поравнялись. Пронзающий взгляд мне в очи. И скрылись долой — остался позади мой Палач.

— Пошли, — тихое, несмело проводницы. Попытка обнять меня за плечи, но осеклась. — Не переживай. Сейчас милицию вызовем. И гадов быстро схватят.

— Не надо! — в ужасе дернулась я.

— Как не надо? — обомлела девушка.

— Не надо, умоляю! — нервически сглотнула я слюну, осознавая в какой еще больший омут всех затягиваю.

— Н-но... — задергались ее губы, глотнув воздух. Лихорадочное моргание.

Но мгновения перепалки взоров, обоюдного шока — и сдалась.

— Ладно, пошли, давай, — хватает меня за плечи и подала из тамбура в коридор. — Чаю налью, успокоишься. А там обдумаем всё.

* * *

Жуткое, убийственное давление звенящей тишины (лишь только тихое постукивание, баюканье, биение пульсом стальных колес о рельсы).

Сверлит меня моя «спасительница» взглядом. Глодает мыслями.

Сложила я руки на столе, не притронувшись к ее гостинцам. Уткнулась носом, пряча не так лицо, как глаза, которые и так насмотрелись уже сегодня на свой жуткий позор и порицание. Молчу.

Безмолвствую, как и она.

Даже слез уже нет.

Пусто внутри. И жутко.

Жутко, что будет потом... Как приеду. Как начнутся вопросы. Как Он меня найдет.

Отомстит? Накажет? Проигнорирует?

Боже! Как я от всего устала! До безумия устала! Резиновые двое, или трое (сколько уже там?) суток. А словно год. Казалось, это было бесконечно.

Забросила я невольно ногу на ногу, изнемогая уже от ломоты в теле. Но больше всего ныл шов, тянул живот до одури. А так — легче. По крайней мере, хоть немного. Или мне так кажется...

Дрогнула девушка, коснулась меня, отодвигая сарафан выше.

Дернулась и я. Взор на нее, на себя.

Нет белья.

Окоченели обе.

Несмело убрала та руку.

Нервически сглотнула слюну. На и без того бледном лице отпечатался ужас.

— Ну, ты это... — взволнованно, глотая звуки, заикнулась проводница. — Ты если надумаешь, я помогу. Только не тяни. Пока освидетельствовать можно...

— Да всё нормально, — отдергиваю ее словом. Отворачиваюсь. Вновь уткнулась лицом в сложенные на столе руки. — Ничего не было. Не успели, — вру, вторя ее легенде. Или не

вру.

Шумный вздох.

Робко:

— Зря ты так. Виновные должны быть наказаны.

«А они и наказаны, — едкие мысли, которые не осмелюсь озвучить. — Потому что виновата здесь только я».

Глава 16. По осколкам прошлого

* * *

Повезло. До самого нашего города довели. Более того, этот прекрасный, добрый человек, девушка, имя которой я так и не удосужилась узнать, спросить, мне даже на маршрутку денег дала. А потому добрести до остановки и, в очередной раз смущаясь своего измученного, ужасного вида, забраться в транспорт.

Похмелье и усталость брали свое — чуть не уснула. Вовремя пришла в себя.

— Остановите, пожалуйста, — взволнованно-громко. — Да, здесь, — невольно киваю головой, будто тот меня видит. — Спасибо, — шатаюсь у выхода.

Еще миг — и как смогла, временами хромой ходьбой, временами нелепым бегом, добралась до подъезда. И ключей же нет. Звоню в домофон. Лишь бы мать была дома!

Хотя... уже утро. И пусть серые тучи затянули небосвод, все же уже светло вокруг и даже отчаянно где-то поет птица.

— Да? — заспанное. — Кто там?

— Мам, открывай! Это я!

* * *

В ванную. Пока она причитала и возмущалась, что я «шлюха подзаборная», и что «творю незнамо что», и вообще, «с кем это она меня отпустила»... я — в ванную.

На полный напор воду — под душ.

Смыть весь ужас. Всё долой. Забыть. Всё забыть. Вычеркнуть!

* * *

Долгие минуты моего сопротивления сну и убаюкивающему теплу — и сдалась. Она сдалась. Мама. Стихли Ее причитания: наверняка пошла спать.

А потому выключила я воду, вытерлась полотенцем, да замоталась в другое.

Шаги в коридор — так и есть: тихий, знакомый храп из соседней комнаты.

К себе — быстро отыскать белье, домашнюю футболку. Одеться.

А затем — в кровать. Под одеяло, особо не расстилая постель.

Сон. Мой залог выживания после всего — исключительно сон.

Вконец забыться.

* * *

Проснулась — на часах было уже восемь. Явно не утра.

Кусок в горло не лезет. Жутко ноет тело. Жить не хочется.

Но в квартире темно и тихо. Одна — а значит, уже не все так плохо.

Пойти посмотреть в зеркало на свой измученный шов. Поморщиться, покривиться — и все же решить на всякий случай намазать его зеленкой. И пусть перед смертью не надышишься, а вдруг...

Невольно взор на себя, в лицо — синячища жуткие. Настоящие фингалы. Да и губы разодраны. Исполосаны все руки, ноги — видимо, когда через кусты колючие лезла.

Шумный выдох.

Вот он — «светский раут». И ты, словно одичалое животное, выбравшееся оттуда.

Что за год? Что за жизнь? В кого я превратилась?

На море съездила — отметилась. На дачу — отличилась. И как теперь выйти во двор? А школа?

И снова под одеяло зарыться, накрывшись с головой.

А перед глазами Рожа.

Да всё о нем. Вспышками прошлое.

Сеновал. Как просила его, как отказал. Как целовал, хотя и не в губы. А после с Инной спал. Ее жуткое «зверь».

А дальше... дальше и того все страшнее вспоминать.

И всё словно в кино. Ненастоящее. Да и не со мной вовсе было.

Звонок в дверь.

Подкинуло меня на месте. Сжалась от ужаса, не дыша. Будто кто-то узнает, что я здесь.

Настырный стук.

Нет меня. Умерла. Умерла! Валите прочь.

И снова трезвонят нагло.

А вдруг мама? Ключи забыла? Посеяла...

Как я тогда... Тогда... Сто лет тому назад, уже кажется. Когда впервые его повстречала... на свою беду.

И снова стук.

Черт, так и соседи всполошатся.

Вот же нахалы. Но темно же, тихо — чего ломиться?

Взор в глазок аккуратно.

Лишь бы не Рогожин! Лишь бы только не он!

Или он? Лишь бы... Он?

Некит. Реально. Вероника.

Живо отпираю замки. Взор на нее (невольно поморщившись от света, что ужалил меня, сочась из коридора).

— Жива всё-таки, — победное Рожиной. Счастливая улыбка.

* * *

На кухню. Врубил я свет. Включила чайник — зашумел, доводя до бешенства. И без того голова раскалывается. А теперь просто — жуть.

«Черт!» — нервно выругалась я про себя.

Присела напротив. Виновато повесила голову. Жду.

Ну, давай! Начинай! Когда-нибудь да все равно придется предстать перед вашим судом.

— Ну, рассказывай... что там произошло? Че этот полоумный полхаты разворотил и куда-то свалил. Девки в шоке. Инка вообще разговаривать со мной не хочет, — неожиданно пулеметной очередью протараторила Ника.

— Ничего... — шепчу пристыжено, не поднимая глаз.

— Вань, ну... — несмело. — Так-то... ты вообще жутко выглядишь.

— И что, прям вообще ничего не знаешь? — язвлю. С вызовом взгляд в очи.

— Ну, так, — пожала плечами та. — Только что Настя рассказала. Мол, драка случилась. Федька Глеба отметелил жестоко. А потом ты сбежала куда-то. Тебя все пацаны бегали, искали по округе, пока Рожа не вернулся и не сказал, что ты на поезде укатила. — Немного помолчав, так и не дождавшись моего участия, продолжила: — Что случилось? Вань, а? Я же помочь хочу.

— Ничего, — отвернулась я, взор около.

— Тебе что-то Шмель сделал, да? — тихо, вкрадчиво. Голос дрогнул.

— Нет, — резво. Метнула я на ее взгляд, но тотчас осеклась. Вновь отвернулась. Тихо:

— Я с ним чуть не переспала. Вернее, — поспешно, перебивая себя же. Сглотнула скопившуюся слюну. — Я не знаю, было что у нас... или нет.

— В смысле ты не знаешь? Как это? — оторопела та, заикнувшись. Вытаращилась на меня.

Еще рачительней отворачиваюсь.

— Просто... — нервически ковыряю, грызу ногти. Шумный вздох. Опустила голову. Чувствую, как стыд раздирает уже полымем щеки. — У меня этого еще ни с кем не было. Я не знаю, как это должно быть, как должно ощущаться. Но Феде он сказал... мол, что... не было. Не получилось. Но... кровь была. Не знаю...

— П**дец, — шумный вздох. Вдруг тихий рев и содрала с лица эмоции (отчего устремила я на нее взгляд). — Ваня! Шмель! Ну... — запнулась, проглотив какие-то другие ругательства, слова, мысли. — Ну, ладно бы кто другой! Но это же Шмель! Он же тупо... тупо использовать тебя хотел! — горестно.

Сжались позорно все мышцы в моем теле.

Опустила очи.

Ведь и я не лучше...

— Я знаю... — тихо. — Вообще, я почти ничего не помню. Голова дурная до сих пор.

— Пила, что ли? Вернее, — осекла та себя, — что пила?

Взор на нее, скривилась я:

— Да сначала сок. Вообще, — скривилась. — Не знаю... мне кажется уже, что там намешано что-то было. Прям голова потом кружилась. А после... Короче там, — нервически сглотнула слюну, и снова грызу ногти, беглый взгляд по сторонам. — Ситуация одна неприятная была...

— Какая? — резвое, требованием.

— Да неважно, — гаркаю взвинчено. Взор украдкой на Нику, и снова по стенам скользят. — Короче, я еще бутылку вина сверху. И там, у озера уснула. А там Глеб. В общем, глупо вышло. Стыдно капец.

— Да ладно стыдно! Че сбежала-то?! Там народ тебя потом сколько бегал искал! Все в шоке были! Ментов уже хотели вызывать! А если бы кто из местных... в сарай затащил? Или там в лесу... кто залетный? Ты, вообще, чем думала?

— Да ничем, — опустила я очи.

— А я-то думаю... че Федька не в себе вернулся.

— Сильно злиться?

— Да вообще говорить со мной не стал. В душ, переоделся — и сразу свалил, громя все по пути. Рожа, конечно, Рожа... Но... давно я таким не видела. — Немного помолчав, подытожила та: — Да уж... доверили... приглядеть.

Звонкий вздох, прогоняя горечь. Я:

— Да причем тут? — уставилась на нее. Не отвечает взглядом — еще и лучше. Могу хоть разглядеть ее лицо. — Я не маленькая...

— Маленькая, — резво глаза в глаза. — Маленькая. Была б не маленькая — такого бы не наворотила!

Опустила виновато голову. Молчу.

— Ладно. Что уж есть. В будущем умнее будешь, — гневно, но сдержано. Шумно вздохнула. Вдруг забросила мне руку на плечи. Притянула к себе.

Обмерла я в ее тепле, заботе... понимании. Отчего тотчас волна жалости ударила в сердце, сметая все стены обороны, ежовых рукавиц, в которых я сколько времени пыталась себя держать.

— Не грузись, — финальным выстрелом.

Потекли по моим щекам слезы. Всхлипнула я невольно.

— Ты че, реवेशь? — живо отстранила меня от себя, попытка заглянуть в лицо — отворачиваюсь. — Вань, ты че? — взволнованно, с ужасом. — Но всё уже в прошлом. Перебесится. Забудется.

— Ника, мне страшно, — визгом. Отчаянным. Жутким.

Взгляд ей в глаза, но в момент осекаюсь. Отворачиваюсь.

— Ты чего? Он че тебя... насильно? — с ужасом выпалила, заодно морозом стегая и мою плоть. Поежилась. Усердие заглянуть мне в очи.

Отворачиваюсь силой. Живо стираю со щек соленые потоки, давлю в себе рыдания.

— Нет, — горько. Со свистом выдох. — Не то... просто... А вдруг... вдруг оно было? Какую болячку подцепила? — сцепились взоры.

Округлила зенки та.

— Ну, раньше надо было думать, — тихое, не без укора. Опустила взгляд.

— А вдруг я от него забеременею? Вдруг он соврал?

Окоченела. Жуткие, пугающие мгновения зрительной обоюдной перепалки — и наконец-то ожила Вероника:

— Так ты думаешь... что все же что-то было?

— Да не знаю я! — криком отчаянным, вырываясь из ее хватки, плена объятий. Смело глаза в глаза. — Я не знаю, Ника! — заколотила себя в грудь. — Ну а вдруг! Но я боюсь идти к гинекологу! Понимаешь? Да и что я ей скажу? Что не знаю? Что не помню? Что я была пьянущая вусмерть? ЧТО?!

— Ну... ничего не говори, — пожала та плечами. — Просто сдай анализы.

— Но она тогда туда полезет! А вдруг я еще того? Я не знаю, — опустила взор, закачав головой от горечи, негодования.

— Ну... хочешь, я спрошу. Ну там... разузнаю. Мне-то, конечно, он не скажет. Но вот Роже...

— Шутишь?! — с вызовом в очи. — Даже если и было, он ему правду ни за что не скажет! Даже если и добровольно все было.

— Ну, я про болячки, — раздраженно гаркнула. — А если даже не у него, то у баб каких-нибудь, которых до этого тягал. Ну это... про серьезные проблемы. А на такие, которые сразу видны, пойдешь сдай мазки, но скажи... что самого проникновения не было.

— А с беременностью?

— Ну... тут три варианта: противозачаточные или... Короче, к гинекологу тебе надо... если переживаешь. А про болезни я расспрошу.

— Да не надо, — скривилась я, отвернулась. — Все равно правду не скажет.

— Я для себя расспрошу. Так и быть, — резво, уверенно.

— В смысле?

— Шмель давно ко мне свои шары подкатывает. Вот пусть справку несет.

— Ты чего? — таращусь на нее в ужасе. — И что потом? Ты с ним?

— Ты что дура? — резво Ники. — Прости, — криво улыбнулась, спрятав взгляд. — Да нет же, конечно. Пошлю, как всегда. Скажу, передумала: прошла течка, — улыбается.

— Честно, сделаешь? — молящим взглядом на нее.

— Ну а че нам, кабанам? — гогочет. — Гляди, не первого обламываю. — Немного помолчав: — А ты... вообще, правило себе заведи: презик везде с собой таскай. Не надейся на этих к*злов. Даже если... мамой, там, клянется.

— Да я не... — замялась, спрятав взгляд.

— Ну, мало ли. Всякое... в жизни бывает. Всё нормально будет. А про противозачаточные — я узнаю. Че там да как. И Шмеля раскручу. Причем... завтра постараюсь. Ну чтоб... заодно, может, сознается, было или нет. Только я там, — вдруг, гримасничая, закачала головой и коварно улыбнулась, — гадостей про тебя наговорю. Без обид, хорошо? Ну, чтоб... не догадался о нашем заговоре.

— Хорошо, — благодарно улыбаясь, закивала я головой.

— А ты не грусти. Забудется всё. Пройдет. У нас не одна «дача» без драк не проходила. Один раз... этот их... да Шмель же! Чуть нашего Вована не утопил: бабу не поделили. Так я еще в озеро бросалась разнимать этих ублюдков. А там и Федька подключился — обоим досталось. Фингалища такие были, — показала на себе шутливо, явно преувеличивая. — Прожектора на весь еб... лицо. Так что... забей. То у вас... цветочки. Просто, что... за тебя переволновались. Как бы что не случилось. А с этим разберемся. Разузнаю всё у Шмеля. А к врачу — сходи. Только не говори, что насильно, или что пьяная была. А то начнется. Скажи со своим парнем постоянным. Но, мол, у вас двоих это впервые... и оба не поняли, как что случилось. А вообще, ты очень боишься всего этого и хочешь перестраховаться. Короче, упали на дурочку... Десять минут позора — зато потом спокойная. У нас, кстати, в консультации тут женщина хорошая. Сходи к ней. А в больницу не иди — там злая бабка. Помню, сразу меня шлюхой окрестила. Хотя ж я даже не того...

— Да ладно? — вытаращилась я на нее.

— А че? — заржала та. — Прямо так по мне сразу скажешь, что меня все таскали?

— Да нет, — поспешно. — Просто... ты такая продвинутая... Да и с парнями вон сколько и как легко общаешься...

— И что? — дерзкое. Защитой. — Я так-то и по роже многим съездила, и бухала с ними, и в одной комнате спала. И даже могу в одной раздевалке переодеться (не догола, конечно, но...). И что? Это сразу значит, что у меня ноги не сдвигаются? Или что?

— Да нет... просто, — отвернулась я. — Просто... я их как огня боюсь. Хотя и интересно, тянет. Но... не знаю.

И снова пролегла между нами тишина.

— Ладно, — вдруг шумный вздох и хлопнула по своим коленям ладонями. Встала Ника. Взгляд около. Потянулась. — Пошла... Может, еще сегодня Шмеля найду. Подразню кобеля. Главное, чтоб Рожа не прознал... а то еще и я отгребу по полной, — рассмеялась тихо. — А ты, — взор на меня, — не грузись. Я раз так набухалась, помню, а вернее... меня все пытался один к*злина спoitь — вовремя я просекла, а потому все еще более-менее вышло. И короче, просыпаюсь от того, что понимаю, что что-то не так. А эта с*ка втихую ко мне в кровать, и давай с меня труселя стаскивать, да пристраиваться сзади.

— Так и у меня почти так было... — поспешно отзываюсь, вызывая хоть к какому-то оправданию.

— Да? — заржала вдруг. Взгляд в лицо мне.

— Ага, — прячу очи.

— И че потом?

— Да ничего. Сбежала...

— О-о-о! Молодец! — сглотнула слюну. — А мне пришлось самой тогда отбиваться. Но я-то... девочка ученая. Так зарядила, что аж звенело у бедного. Всех разбудил. Зато потом, — цыкнула, гримасничая, — штиль. Ни одна с*ка ко мне не осмеливалась втихую или в наглуую подкатить.

— А этот, — смеюсь смущенно, — импотентом не остался?

— Не знаю, — тихо хохочет. — Но рыдал долго... И это ему еще повезло, что Федька где-то там с Инкой шкерился. Если бы сам запалил — оторвал бы ему его хобот. У Рожи бзик на этот счет. Ты что! — закатила глаза под лоб. — Для него шлюха — это... хуже крысы. Не знаю там... хуже бомжа. Так что да... Бдит наш Федька нашу честь. Ой, как бдит, — гогочет. Шумный вздох, продолжила Ника: — Ладно... пошла, проведи. Пойду прошвырнусь... где они там тусуются. А нет — то завтра найду. А ты давай... отходи, и приходи обратно к нам. Ты — хорошая, а нам такие нужны, — добрая, веселая улыбка Рожиной.

* * *

Разузнала. Как и обещала, все разузнала. Вечер следующего дня — а она уже у меня.

Мать дома — вышли в подъезд. На последний этаж — и, по инициативе Ники, на крышу.

Нашла Шмеля Ника, но там и Рожа заодно был. Так что план резко видоизменился.

С Федей поговорила — не пришлось Шмеля на справку раскручивать. Рожа уверил, что буквально неделю назад Глеб проходил медосмотр у себя на работе, и раз до сих пор остался работать, то значит здоров.

— А кем работает? — улыбаюсь смущенно, осознавая, что вообще ничего не знаю о Шмелеве (а готова была с ним переспать, ну-ну; может, Рожа и прав?).

— Да хрен его знает. Где-то кем-то в больнице. Медбрат на скорой, или как-то так. Короче! — гаркнула. — Про то, что «было» или «не было», — неожиданно торопливо продолжила Некит. — Короче, набухала я его. Глеба. Не искалось тебе? — заржала та.

— Не, — пристыжено прячу взор. На устах — кривая улыбка.

— Ох уж он трепло! Хуже бабы. Но да ладно, — поморщилась. — Короче, не было

ничего. Напугала ты его. Кровякой своей, плачем. Мол, куда там... кончать? Там сам чуть не кончился, — рассмеялась нервно. — «Я еще толком не вошел, — говорит, — а выходит, что уже, вроде как, силой взял... И это при том, что Рोजа на стреме — п**да же, конкретная. Причем сразу, на месте. Без суда и следствия. Я давай бежать. А тут Он, Федор собственной персоной, — я уже даже молиться никаким богам не стал. Убьет. Понял, что убьет. И убивал. Но тут Эта прибежала. И как давай вопить: «Я добровольно! Добровольно!» Я и ох**л. Сразу принялся объяснять, но Рогожин уже ничего слушать не стал. Свои выводы сделал. Короче, так или иначе, обоим п**дец». А потом еще и она, Малая, то бишь ты, Вань, — взор на меня беглый Ники, и снова за горизонт, — пропала. Пошли искать. Даже Шмель, хотя, говорит, после всего еле двигался... и видел, что вокруг, гы. Девок в дом загнали, дверь на ключ заперли, а сами — на разведку. Ну, а дальше... дальше ты знаешь.

Часть Четвертая. Школа

Глава 17. Учеба

* * *

Скрывалась. Как могла — скрывалась. Иногда за продуктами быстро прошвырнуться на рынок, молясь, чтоб нигде ни с кем из их компании не пересечься, а в остальном — сидеть покорно в четырех стенах: то спать, то в телевизор втыкать, то книги «на будущее» штудировать (по списку литературы на лето — как еще никогда доселе).

Ничего. Ничего больше не хотела.

Ника, конечно, заходила пару раз. И даже Настя. Но мамы не было дома — а потому умело я состроила вид, что никого нет в квартире.

Про отца — он так и не узнал, что произошло. Спасибо матери. А, вернее, ее нежеланию ввязываться в проблемы.

А потому прошло.

Всё прошло. Перешагнули.

А там и вовсе — первое сентября. Пора браться за ум и учебу. Спасибо, что хоть не в одном классе со всеми ними.

Я надеюсь.

* * *

Линейка. Черт бы ее побрал.

Одиннадцатые классы — обязаны «состыковаться» с первоклашками. Гимн страны, речи. Танцы, пляски. Подарки малышам. Первый звонок.

Да только я — вся на иголках. Что двести двадцать ко мне подключили.

Уже пару раз видела знакомые лица — Настя, Инна, Дима. И даже Некит.

Слава богу, ни Рожи, ни Шмелева.

И на этом спасибо.

— Да станьте по классам! Что вы, как дикари, столпились? — причитает наша классная.

Жуткое зрелище.

— Слышь, а ты че, новенькая? — слышу едкий смех за своей спиной неустанного местного клоуна.

— Да нет, уже как восемнадцать лет отроду, — злобно язвлю, исходясь на нервах.

— Ты че, больно умная, да? — гневное. — На меня смотри, когда с тобой разговариваю.

Дабы не распалить конфликт еще больше, нехотя, но всё же подчиняюсь. Разворачиваюсь.

Уловила невольно взглядом за его спиной: Инка с Настей. Окатила мадам Соболева меня презрительным взглядом, что-то буркнула своей подруге и отвернулась. Беглый, колкий взор Метлицкой Старшей на меня — и та тоже отвела очи в сторону, сделав вид, что

не заметила.

Ну и плевала я. Плевала на вас! Мне еще и лучше!

— А звать-то хоть как? — не унимается мой развеселый собеседник.

Игнорирую.

— Ванесса, — неожиданно вместо меня отвечает какая-то девушка.

— О, наша Мина всё знает! Умница! Пять баллов! Возьми с полки пирожок! — гогочет.

Отвернулась «всезнайка» тотчас, раздраженно фыркнув.

— Несси, что ли? — взор уже на меня этого нахала. — Чудовище? А че озеро с собой не прихватила?

* * *

Так и прицепилось с тех пор ко мне это прозвище. Если не «Несское», то просто «Чудовище». Более того, классный руководитель умудрилась меня посадить за одну парту с этой «Миной». И теперь сие место стало очагом взрывного изгойства.

И если не пнет, то мерзкую шуточку точно в нашу сторону кто-то да отвесит.

* * *

Физкультура. Спасибо моей недавней операции — получила освобождение от этой каторги (жаль, что от доставучего клоуна Картошина мне никто справку не даст). И даже за это прилетело:

— Да... скелетам бегать нельзя — по дороге рассыплются! А нам потом собирай и лепи обратно. А биологичка-то на больничном! Еще че-то не то и не туда прилепим.

— Ага, — не уступает и его друг. — И вместо Ванессы какой-то Вован получится.

Ох, уж эти идиоты. Антон Картошин и Костя Леонов. Два «брата-акробата». Не по крови. По уму. Не зря же сколько лет за одной партией (судя по рассказам), на галерке. Вечно сидят и единственное что, кроме как резаться в дурака, делают, так это гогочут и бумажками кидаются в тех, кто, по их мнению, не должен был и рождаться, а не только... в школу, к ним в класс попадать.

* * *

Попить воды. Дождаться свою подругу по несчастью, Минину Олесю, Леську, и потопать в столовку. Что-что, а булочки здесь отменные.

Купить чай с витушкой — и за стол.

— А че... че у нас тут? — гогочет. Завалился рядом Картоха. — А че на нас не наливают? — вперил в меня наглый взгляд.

— Отвали, — окатила презрением я его — и отвернулась.

Принялась жевать свой обед.

— Ну хоть немного... поделись, а? — ехидное. Потянулся к моей булке.

— Тебе что, пальцы сломать?

— А че ты такая борзая? — отломил кусок и тотчас показательно принялся жевать, приблизившись ко мне. — М-м-м, вкусная.

— И подавись ей, — рычу.

Ржет скотина.

— А че у нас тут? — слышу знакомый голос.

Невольно обернулась я. Так и есть — Ника.

Виновато, смущенно опускаю очи.

Знаю, как я их проигнорировала — так и они нынче мне этим платят.

А кое-кто... и заслужено презирает.

— О, б***ь, Малая! — громом где-то надо мной. Рожина. — Жека, возьми на меня! И сюда дуй. Я те потом деньги отдам.

Живо присела рядом, между нами с Антоном. Вздрогнула я невольно.

— Привет, народ! — Некит.

Торопливо завторили мы ей в ответ:

— Привет...

— Привет.

— Здорово.

Взор около Вероники. И на меня:

— Ну, здравствуй, Вань! — счастливая улыбка окрестила ее уста.

— Привет, — смущенно шепчу, повторяю, не поднимая глаз.

— Че не заходишь? Мы уже соскучились ужас как! Я, кстати, пару раз заходила к тебе, домой. Да и Валька с Метёлкой. Мы уже думали, всё... свинтила от нас, молча, в свои теплые края.

— Да нет, просто... — мнусь. — Учеба... все дела. Сама понимаешь.

— Ой, да ну ее! — звонко захохотала Ника. — Не напоминай! Эти восемь утра — кто придумал в такую рань просыпаться?!

— О-о, зато наша Несси, — внезапно отозвался Антон, — как и Мина, не свет не заря — а уже в классе. Они, наверно, спят и видят, как бы поскорее обратно в школу вернуться.

Обмерла, окоченев от шока, Некит:

— Те че, кто-то слово давал, или че? — дерзкое. — Слышь, Картоха, если ты тут сидишь, не значит, что я отменила мораторий на твои шутки. Не твое — не берись. Я тебе давно уже это сказала.

Нервически рассмеялся, смолчал.

— Вань, так че? — вперила в меня взгляд. — Когда в гости-то? Если не ты к нам, то мы к тебе? — хохочет.

— Ну... — замялась я, пожимая плечами.

— Оба-на! — и еще один знакомый голос за моей спиной. Обняла на миг за плечи.

Присела рядом, протискиваясь между нами с Лесей. Валька.

— Привет, — счастливо улыбаюсь ей.

— Катька, Настя, айда сюда, — махнула враз та рукой.

Подоспели. Только втроем. С еще одной девчонкой.

— Кстати, — неожиданно вновь отозвалась Вероника. — Познакомься, — кивнула на незнакомку головой. — Вы вроде еще не пересекались. Ритка, Рогожина Младшая. Наша с Федькой сестра.

— И моя одноклассница заодно, — вклинилась радостно Катя.

— Привет, — смущенно шепчу ей, заливаясь краской. Не то от нового (волнительно из-за важности, принадлежности) знакомства, не то... упоминания о Нем.

— Привет, — незамедлительный, строгий, сдержанный ответ той.

— Кстати, как там Рожа? — торопливо отозвался задвинутый на галерку Картошин.

— А че, соскучился? — ехидное Ники.

— Да нет, просто...

— Давно он тебе уши мял, да? — гогочет Рожина.

Скривился, отвернувшись. Смолчал. Только сейчас заметила — рядом с ним уже и его любимый «Костяныч» нарисовался. Чай с булками принес.

— Так че, как дела? — отозвалась Валька. — Совсем про нас забыла!

— Вот и я ей об этом, — рассмеялась Некит.

— Да вообще, выпороть давно пора! — слышу голос Жени.

Черт. Да вся честная компания скоро тут соберется!

Разве что...

— Привет, народ!

А нет, вот и Она. Собственной персоной. Передернуло меня от Ее голоса.

— Привет, Инесс, — поспешили ответить ребята.

— А че вы тут? У нас переезд? — гоготнула, но тотчас осеклась. Увидела меня.

— Да вон, пропажу нашли, — кивнула на меня Ника.

Отвечаю участием — сцепились наши взоры.

Перекосилось от злости Ее лицо.

— А, ясно... — несмело. — Ладно, я пойду. Булку куплю и пойду. А то мне сегодня еще в библиотеку зайти надо.

— Иди-иди, — ироническое Вали.

— А когда ты ботаничкой успела стать? — отозвался ядовито за ее спиной Димка и нагло протиснулся вперед. Упал за стол, еще дальше оттесняя моего назойливого «надзирателя» Картошина.

— Ой, да пошел ты! — гневное, бросая на него взор через плечо.

Разворот — и пошлагала прочь.

— ПМС на лицо, — саркастическое замечание Жеки.

— Да у нее пожизненный ПМС, — гогочет Валентина. — Как же она меня своим высокомерием бесит.

— Ой, да ну ее! — махнула рукой Вероника. — Давайте лучше о Ване поговорим! Ну что, Ванёк, где пропадал? Как жил без нас? Скучал?

— Скучал, — заливаюсь смущением сквозь улыбку.

— Ну так заходила бы почаще! А то век уже не видал, — забубнил Димка с напханым ртом.

— Жри, давай, не отвлекайся, — гаркнула на него Валя.

Поперхнулся, тотчас закашлялся.

Заржал народ.

— Сглазила! — взвизгнул сквозь смех Женя. — Это вам не хухры-мухры! Гнев Валентины всеильный!

— Сча и тебя настигнет! — гогочет Катька...

Жутко, больно... и до безумия приятно. Будто и не уходила я из их жизни никуда. И их

— не прогоняла из своей.

Даже не знала... как привыкла к ним. Привязалась. Как скучала.

Беглый взор на Нику — и пристыжено повесила голову.

Черти что... и как теперь быть? Вот как?

Опять всё сначала?

Но только-только перестала выть по ночам, осознавая... что навек потеряла Его. Что сама... себе обрезала крылья.

Звонок. Как всегда, неожиданно и не вовремя.

Живо спохватились. Дружный, возбужденный галдёж — и быстро распрощались. Кто куда.

Бежим, бежим под едкие подколы Картохи и Леонова со всей мочи в кабинет мы с Миной.

И тем не менее... опоздали.

Четверо. Та еще, скажу вам, компашка. Что у всех челюсти отвисли: две заядлые «заучки» и самые отъявленные раздолбай, хулиганы в классе.

— Проходите, — скривилась учительница, что холодной водой, окатив нас взглядом.

Мигом на свое место. Торопливо достали все необходимое — и выровнялись, послушно сложив руки друг на дружку. Устремили взор на педагога.

Сердце колотится, мысли ходят ходором. А в душе — и того полный раздрай... кавардак. Прошлое, что так отчаянно пыталась перечеркнуть... вновь на меня навалилось, накрыв волной воспоминаний и двойки, раздирающих не только сознание, но и плоть, чувств. Эмоций.

— А это что... твои товарищи? — неожиданно, приблизившись, шепнула мне Леся.

— Ну... да, — пожала я плечами.

— Ванесс! Ванесс! — громом раздался за моей спиной голос. Невольно дернулась. Разворот на миг — и вправду, Картошин. «Ты-то что тут делаешь?» — хотела, было, гаркнуть, но тотчас осеклась, сгорая от неловкости из-за своей фривольности на уроке.

С последней-то парты да на вторую! Да еще и «Ванесс» вместо привычного «Несское»!

— Ванесса! — и снова шипением «змей-искуситель».

— Что? — злобно рявкаю, делая полуоборот.

— А это че... твои друзья?

— Да, — шепотом, более сдержано. Отвернулась. Какие же тупые вопросы! Нет, блин! Все мы любители попритворяться, что давно знакомы!

Не то ядовитое, не то искреннее:

— И че, даже Некит?

— Да! — максимально тихо, но все же вышло воплем. Не устаиваю взглядом (дабы и дальше не раздражать и без того уже злую Анфису Николаевну).

— А говорила, что новенькая... — не унимается Картошка. — Не отсюда...

Взрывом — живо разворот, окатываю презрительным взглядом:

— Ты от меня отстанешь сегодня, или нет? — излишне громко вышло.

— Так! Прекратили разговоры! — взбешенное учительницы, вынужденно прервавшей свою монотонную речь.

Мигом обернулась я обратно. Выровнялась. Черти что! Не день — а какое-то безумие!

— Ты там хоть не в обиде? Ну... Что я тебя там... Несским называл? — и снова хриплый баритон пытался давить из себя шепот. — Я ж не со зла. Я так, шутя...

— Все нормально, — косой взгляд на «доставучего». — Забудь.

— Я ж не знал, что ты «своя»...

— Картошин! Ты сейчас к доске пойдешь отвечать! — разгневанно рывкнула «Николаевна».

— Так мы ж еще ниче не выучили! — возмущенное Антона. Вытянулся, как гусь на параде.

— Это Вы ничего не выучили за десять лет, Антон, — язвительное женщины. — А других не суди по себе.

Тихий смех волной прошелся по классу.

— Так-то девять! Я, как и все, четвертый перескакивал!

— А зря! — не унимается Шевцова. — Вот ты — зря! — сквозь улыбку. — Может, хоть какой-то бы толк вышел.

И снова хохот по классу.

— Так что давай, — продолжила учительница. — Заканчивай с разговорами. И сам не отвлекайся, и Ванессу не отвлекай. Лучше в новый материал вслушивайтесь. А о чувствах своих... ей на перемене расскажешь.

И снова дружный гогот.

— Дык она... — не уступает Антон, — на перемене сразу сбегает.

— А ты ей не груби, — слышу чей-то девичий голос. Живо обернулась я — но уже не увидела кто это был.

— И Чудовищем не зови, — различаю тихий шепот сквозь смех с последних парт.

— Ладно, пошутили, и хватит, — резво оборвала Николаевна. — Давайте займемся учебой. Материал сложный — вникайте, пожалуйста.

Буквально только начала вновь свою запойную речь Шевцова, как тотчас снова раздался шепот Картошина:

— Ванесс! Несси!

Искренне пытаюсь игнорировать, вслушиваться в то, что пытается втолковать нам учитель.

— Ну, Ванесс!

— Ну что? — гаркаю, откинувшись на спинку стула.

В момент благодарно приблизился ко мне мой «интервьюер», разлѣгшись на парте. Едва ли не на ухо:

— Дашь свой номер телефона?

— Зачем? — злобно.

— Ну как зачем? Позвоню... Сходим куда-нибудь.

— Куда? В лес по грибы? — язвлю. — Спасибо, находилась. Больше не тянет.

— Ну, Несс! В кафе! Ну?

— Антон, отвали! — раздраженное. — Некогда мне!

— Чего? Из-за учебы? Ну так на выходных! — и снова настырный шепот на полкласса.

— Дело не в ней! — гневно гаркнула, метнув на него взор. Живо отстранилась. Схватила ручку и давай записывать то, что расписала Анфиса Николаевна на доске.

— Че, парень есть? — и вновь пронзающее. — Ванесса! Несси! Ну!

Скривилась недовольно учительница, закачав головой. Но благодушно смолчала в этот раз.

— Да есть, — разворот — осмеливаюсь. Глаза в глаза, чтоб окончательно расставить

все точки над «и». — Всё?! — дерзкое.

Молчит, изучает меня взглядом.

Раздраженно закатила я очи под лоб. И опять отворачиваюсь.

Да только секунды — и снова этот бесящий голос:

— А как звать?

— Иван, — рычу, строча буквы и цифры в тетради, и дальше списывая с доски.

— Иван?

— Да, Иван. Ваня.

— А сколько ему лет? Он из нашей школы?

— Нет, не из школы. Двадцать ему. В универе учится.

— А где вы познакомились?

— Где познакомились, там уже таких не выдают! — рявкаю на него (хоть и тихо) с разворотом.

— Жаль...

— Жаль, что не выдают? — не выдержала и рассмеялась над двойкостью момента.

— Жаль, что парень есть.

— Бывает.

— Ванесса! Ты-то хоть куда? — неожиданно грозное Шевцовой.

Живо осеклась. Отвернулась.

— А ты, Картошин, — продолжила та, — еще один звук — и за дверь пойдешь.

— Да всё, всё! Молчу! — Антон.

— Мало, что молчишь! Пиши давай! Кому я тут черчу на доске?

— Дак вон! — ядовитое, тотчас голос стал, как прежде, напыщенно-мерзкий. — Мина за всех старается! Леся, не подведи! — паясничая, исковеркал слова интонацией.

— Кар-то-шин! Перестань ерничать! — искренне гневное уже учительницы. — Я сейчас действительно тебя за дверь выставлю!

— Да всё! Молчу, молчу я! — обижено.

* * *

Выход. Нашла я из всего этого выход.

Не выдержу с Ним встречи. Пока сколько миловала судьба (ходила в школу или на рынок за продуктами бегала) — ни разу Его не встретила. Пусть так всё и остается. Не смогу. Не смогу более смотреть Ему в лицо, видеть, как они с Инной обнимаются, целуются.

Он — не мой. И я с этим смирилась. Окончательно.

А потому игнор. Опять скрыться из виду: перестала ходить в столовую, а после учебы — стремительно домой и вновь прятаться за стальными дверями.

Глава 18. Омут

* * *

— Слушай, Ванесс! — неожиданно выпалила в мою сторону Мина. — А давай завтра пойдем на озеро?! Позагораем,купаемся.

Вперила я в нее удивленный взгляд:

— Так уже ж после Ильи. Сентябрь, как-никак!

— И что? — возмущенное Олеси. — Жара, духота вон сколько дней стоит. Бабье лето и вовсе девичьим оказалось, — хихикает.

Невольно улыбаюсь ее странной шутке.

— Ну, — несмело пожала я плечами. — А там обычно много народу бывает?

— Да, но летом. Ну, посмотрим, если людно, или вода холодная... или зеленая, вся в ряске, — то так, просто позагораем да обратно потопаем домой. Хоть на часик, на два! Пожалуйста!

Черт...

Шумный вздох. Лишь бы только там... никого из «этих» не встретить. А в остальном...

Скривилась я.

— Ну молю! Пожалуйста! — захлопала своими огромными ресницами, пронзая взором, Мина.

Еще миг — сомнения — и сдаюсь.

Надеюсь, хотя бы «они» — нормальные люди. И в сентябре на озеро их не потянет... ни загорать, ни купаться.

* * *

Ага. Конечно.

Не потянет.

Нет, поначалу все было просто отлично: и добрались без приключений. И народу... не то что бы. И место нашли себе идеальное: подальше от входа, за трубой «земснаряда». Да так, что практически и не видно нас, «стесняшек».

Разлеглись — и давай жарить свои бока. Хоть раз... за лето. Кхм, год. А то и больше... (ведь и на море... особо не довелось).

* * *

— Ну что, пошли купаться? — и снова этот коварный, вынуждающий взгляд Леси, прикипевший ко мне.

Мне кажется, этот человек кого угодно на что-либо уговорит, если то ей будет угодно.

Причем, не так умелым ораторством, как надоедливый нытьем.

Подчиняюсь.

Глупые, долгие минуты попыток осторожно зайти в воду, конечно же, по моей традиции «везения» резво оборвал какой-то нахал, что влетел рядом с разгона, окатив меня не только волной, но целым градом брызг.

— Да аккуратней, ё-маё! — взбешенно рявкнула я.

Еще мгновение — и вынырнул.

Токарев.

Лицом к лицу со мной. Тотчас загоготал:

— Оба-на! Вот так встреча! Валюха, глянь, кто здесь! — махнул кому-то рукой позади меня. Резво обернулась я.

Действительно, Валя.

Вытаращила в ужасе я на нее очи: Господи, лишь бы только они вдвоем! И больше никого! И плевать на подноготную, почему так! Молю!

— О-о-о! Малая, привет! А мы уже опять гадать стали, что такое учудили, что ты от нас сбежала!

— Да я... — пристыжено опустила очи. Покраснела.

— Шучу я, не грузись! — подошла ближе. Обняла. Поцелуй в щеку.

Торопливо отвечаю ей тем же.

— А ты тут как? С кем? — Валя.

— Да вон, с подругой, — метнула я взгляд на Минину.

— Привет, — кивнула ей Гладун.

— Привет, — поспешно ответила Олеся и подплыла ближе. Выровнялась рядом.

— А познакомь! Познакомь! — в момент заскакал рядом с нами Артур, впиваясь похотливым взором в девушку.

— Олеся, — важно проговорила та и гордо вздернула подбородком.

— Ох, какие мы! — не удержался от язвы «кавалер». — Артур Токарев. Можно просто Артур Альбертович, — протянул руку в знак приветствия.

Секунды осознания, сомнений — и поспешно пожала ладонь Леська в ответ:

— Тогда для вас тоже — просто Олеся Анатольевна.

— Оч-чень приятно, — ироническое Казановы. — Безмерно рад знакомству!

— Взаимно... — залилась краской смущения Мина.

— А где ваше покрывало? — охально перебила их Валя, обратившись ко мне. Взор забегал около. — А то че-т вас и не видели... Хорошо, что хоть в воде встретились, — гоготнула.

— Ага, хорошо, — попытка нарисовать искренность, но сарказм все же просочился. — А вы... это кто? — давясь тревогой, помедлила я.

— Да все, — махнула рукой куда-то назад.

Поежилась я от ужаса. Тотчас взором последовала за ее «указанием» — да тщетно: никого знакомого среди толпы так и не отыскала — спасибо «хорошему» зрению. Скривилась я, еще больше давясь страхом.

— Ну, че стоишь? — неожиданно рассмеялась Гладун. — Ты выходишь, или заходишь?

— Да она еще так и не окунулась, — торопливо отозвалась отчего-то вконец осмелевшая Леся.

Взгляд укором на нее, но та проигнорировала. Да и вообще, с этим у нее очень туго: понимать других людей, чувствовать. Эт не книги, знания, наука!

Шумный вздох.

— Да я передумала... Тем более шов, не хочу его в таких местах мочить. Пусть уже и затянулся, вроде. Так что я так... ножки помочить.

— Да пописать! — неожиданно язвительно за моей спиной.

Только разворот — как волной брызг меня окатило. Узнаю — Андрюха. Гриб.

— Привет, Малая! — счастливое.

— Привет, — рычу, уже тарахтя зубами от холода... и гнева заодно.

Утащили. Верой и правдой, не без помощи все той же Иуды Мининой, утащили меня с ней (и со всеми вещами заодно) к себе, туда наверх. Ближе к выходу.

Покрывало к покрывалу.

Сижу, мнусь на уголке полотна, прячась под полотенцем не так от дубарника уже, как от смущения.

Кого здесь только не оказалось: и Ника, и Катька, и Настя, и Сева, и Коля, и Ира... и даже Артем, Токарев Старший!

Все, кроме... моих горе-терзаний.

Ни Рожи, ни Инны, ни (слава богу) Шмелева.

— Ванька, ты что-то совсем вредной стала, — неожиданно оторвался Всеволод. — Вовсе нас забыла. Мы чем-то обидели тебя? Или что? Просто... — взор около. — Народ волнуется. И уже давно. И никто толком ничего не знает.

— Ну... — смущенно опустила я очи.

Да как же: не знает! Еще как знает! После того концерта и идиоту стало бы понятно. Причем сразу всё обо всех.

И о нас с Рожей. И обо мне, и моем... «легком», или «нелегком», но шальном поведении...

— Ой, отстань от нее, — нервически гаркнула вдруг Вероника. — Что было, то было. Че вспоминать?

— Так вдруг опять сбежит? — поддержал неожиданно молодого человека и Токарев Младший. — И вон, — кивнул вдруг на Леську, — свою прЫнцессу с собой утащит, — гоготнул.

— А то тебе твоих мало! — возмущенное Вали.

— Цыц! — шутливо гаркнул на нее Артур.

Скривилась та, закатив глаза под лоб:

— Жене своей будешь цыкать! — раздраженно.

— Нет у меня жены! — возбужденно-развеселое. — Так что буду цыкать на тебя! Смирись!

— А вдруг потом еще жениться придется? — заржал, тотчас вмешиваясь, Рыжиков. Присел на покрывало рядом со мной. Пол-оборота — и вдруг протянул мне кусок батона с колбасой. Подмигнул: — Должок.

Не выдержала я, рассмеялась:

— Спасибо, не хочу, — смущенно.

— А че ты в полотенце? Холодно, что ли? Так давая я тебе свою мастерку дам?

И снова это слово — кольнуло в сердце воспоминание.

— Нет, не надо. Спасибо большое. То я — так...

Покорилась, стянула, убрала с себя свою «защиту».

Беглый, пытливый, изучающий взор по всем моим формам Рыжикова — и в момент стал вновь жевать. Отвернулся. Взгляд на ребят.

Скрестила я руки на груди — чтоб хоть так немного прикрыться.

— О! А вот и пропажа! Вы че там, в моржей записались? — едкое, грохотом вырвалось из Андрея. Подчиняюсь — устремляю взгляд на тех, кто шел с берега к нам.

Окоченела в шоке.

Округлились и Его очи, едва наши взоры сцепились.

Жуткие мгновения — и вырываюсь из плена: взгляд на рядом идущую с Ним Инну. Обнимает ее за талию, прижимает к себе.

Вперилась в меня «мадам» — от шока исказилось ее лицо. Вмиг метнула взор на Рожу — и снова на меня. Скривилась в оскале. Заиграли скулы.

— Глянь, кого Валька с Токарем в водоеме выловили! Ванек собственной пЭрсоной! — кивнул на меня головой Гриб.

— Вижу, — сдержанное Федора.

Резвый разворот — и присел на покрывало. В дальнем углу. Строго по диагонали. Взгляд на свою ненаглядную. Что-то ей сказал тихо — ответила, огрызнулась.

Гневный взор на меня, отчего тотчас осекаюсь — увожу очи в сторону — и присела на подстилку.

Обнял Федя ее за плечи.

Заревело мое сердце. Заныла душа. На глаза проступили слезы.

— Слушайте, — внезапно радостно отозвался Коля. — А давайте в дурня сыграем?

— Так народу ж много, — возмутилась в момент Настя. — Что, кому-то опять тупить?

— Ну... тогда в покер, — растеряно все тот же.

— А какие там правила? — влилась в разговор уже и Катя.

— Короче, — внезапно резко перебил их Андрей. — Не гоните лошадей. Еще успеем. Давайте лучше жрать! А то я че-т уже проголодался! — и, заливаясь довольной улыбкой, погладил себя по животу.

— А тебе бы только жрать! — язвительное Вальки сквозь хохот.

— И, главное же, сам по себе-то — дрыщ! — возмущенное Метлицкой Старшей.

— Ага, — поддержала ее Гладун.

— А завидовать, девочки, нехорошо! — иронией отозвался Рыжик.

— А ты не выделяйся из толпы — и завидовать не будут! — вмешалась вдруг Инна.

Косой, вполоборота взор.

— Вот и ты не отделяйся! Вернее, вы! Че ж*пами к нам? Новая мода? — гогочет вдруг Токарев. — Федя, ты че там залип? Айда сюда! Штрафные наяривать будем.

— В смысле, штрафные? — возмущенное Валентины. — Еще ж никто не пил!

— А время-то во-он уже сколько ляпнуло! Так что, женщина, не спорь! Сказано штраф — значит штраф.

— Вообще-то, глупо на водоеме синячить, — не унимается Гладун. — Что, мало было на наши головы приключений?

— Так, а где еще синячить? — не уступает Артур. — Не все же время по дачам шариться? А в беседке... там уже давно не то. Считай, что дома колдырить.

Заржал Рыжик:

— О да, еще осталось без повода — и нормалды. Сразу можно идти зашиваться!

— А то так мы с поводом колдырим! — хохотом взорвалась Настя.

— Не ну... как? — в растерянности запричитал Андрей.

— Вообще-то, дамочка, — ядовитое Токарева на помощь другу. — Это Вы, может, и без

повода. А мы повод — всегда найдем!

Взорвалась звонким смехом толпа.

— Уж вы-то да! — ехидное Ники, интонацией коверкая слова. — За вами, героями, точно не станется!

— Ну так, — счастливое Гриба.

— Короче, че вы все пи**дите?! — возмущением вдруг Артур. — Еда сама себя в тарелки не наложит!

— «Вы» или «мы»? — ядовитой иронией Валя, но покорилась — потянулась к сумкам исполнять «женский долг»: расстелить скатерть, достать салаты (в пластиковой таре), овощи. Поспешила за ней и Метлицкая, выуживая из пакета хлеб и одноразовую посуду.

— А ты че стоишь? — возмущенное на Рыжикова. — Доставай свое сокровенное, — кивнула на поклажу около него.

— Так, а кто что пить будет?

— Че-че? — ехидное Катьки. — Че нальешь!

— Я те налью, Малая! — серьезное, гневом, Андрюхи. — Так налью... по ж*пе венником! Сок тебе взял!

Скривилась та, показав язык. Вмиг отвернулась.

— Так, а вы, че, — Валька, — реально встречаетесь? Или чего это он... раскомандовался?

— Ну так, — поспехом Рыжик, не давая ответить Екатерине вперед. — Ты видела ее буфера?

— Че?! — тотчас взвыла Катька. Сорвалась с места и прожогом кинулась к негодяю.

— Ой, не-не-не, я пошутил! — отчаянное, сквозь гогот, Гриба.

Да не спасло — отчаянные, резвые оплеухи прилетели «несчастному». Но ловко сообразил: силой в объятия — и впился грубым поцелуем в губы, пока и вовсе не спало сопротивление.

Но едва отстранился, как в момент всю романтику и убил:

— Да я ж не вру! Чё ты? — ехидное сквозь смех.

— Скотина ты! — и опять ядреный лещ прилетел хулигану.

Едва осознанно метнула я взор на «отшельников»: Рогожин по-прежнему ко всем спиной. Молчит. А вот Инка — на ту наткнулась: лицом к лицу, отчего тотчас меня окатили полным презрения взглядом, будто помоями.

Смущенно опустила я очи.

— Так, а вы, девчата, — кивнула на нас Валя, — че пить-то будите? Сок, вино, наливка, водка? У нас тут полная затарка! Выбирайте! — рассмеялась та.

— Сок.

— Хрен вам сок! — заржал вдруг громко Рыжик, отрываясь от губ своей красавицы. — Его там мало — и покупал Малой, чтоб мне больше не шалила. А напитки — запросто. Любой — на выбор, какой душа желает.

— Шутишь? — возмущенное Насти, впериw взор в раскрытый пакет. — Минералка, кола и лимонад? Это ты называешь «всё, что душа желает»?

— Не нравится, — скривился, — сама следующий раз покупай.

— И буду. Гриб, ну ты... точно гриб!

— Зато водяра отличная! — резво перебил их перепалку Токарев. Схватил бутылку и умиленно прижал ту к щеке.

Рассмеялся народ такой клоунаде.

Но еще миг — и вновь стал серьезный. Взор на мою Минину:

— А вы, мадам, что будете пить?

— Ну... напиток.

— И че, всё? — не унимается, разбитый шоком и разочарованием, Артур.

Смущенно опустила глаза. Смолчала.

— А ты, Вань? — на меня уже Токарь.

— Да она уже сказала! — раздраженно Валька. — Колу или Лимонад?

— Лимонад, — поспешно я.

Протянула девушка мне бутылку.

— А колбасу взяли хоть? — взволнованное Рыжика, который, видимо, насытился ласками, а потому смело решил погасить уже и иной голод. Закружил над мисками.

— Держи стакан, — протянул мне учтиво Коля.

— Спасибо, — мигом выхватываю.

— И подруге, — все та же учтивость.

— Благодарю, — Минина.

— Ну че, держишь, греешь? — внезапно на меня Токарев. — Открывай давай, — кивнул. — И нам плесни, а то запивать нечем.

— Занюхивай, — ехидное Ники. — Видишь, народу и так из «негорючего» практически ничего не досталось.

— Ой, и ты туда! — торопливое в защиту свою Андрюха.

Едва только сделала поворот крышки — как тотчас фыркнуло, зашипело всё вокруг. Забуянил напиток.

— Закрывай!

— Залепи его! — отчаянное буквально со всех сторон, визгом.

В момент подчиняюсь.

Дружный тихий смех волною. Взгляд около, невольно в запретное место — и встретились на мгновение наши глаза с обернувшимся на панику и шум Федей. Вид серьезный, грозный.

Тотчас осеклась, спрятала взор под ресницами.

— Вот те, б***ь, и попили, — веселой иронией Гриб. — Это чтоб не возмутились.

— Да, Ванёк, обк*нчал тебя всю Лимонадик, — загоготал враз Артур.

— Завались, б***ь! — громом неожиданно взбешенное Рогожина.

— Рожа, ты че? — ошарашено гаркнула на него Ника.

— А че он? — вперил взгляд в сестру.

— Да это шутка, — пристыжено, тихо в оправдание не менее, чем все здесь, ошарашенный Токарь. — Рож... че, настроения нет? Так выпей, — кивнул на стопки. — Давно налито.

— У тебя забыл спросить, — оскалился.

Встал вдруг. Прожевал эмоции, взор около. Разворот — и пошагал прочь.

— Эй, ты куда? — встревоженное Инны. Бросилась за ним — но едва догнала, как в момент получила очередную дозу крика.

— Да иди ты к ним! Че ты увязалась? — исступлённо выпучив очи. Лицом к лицу. Отдернулся — и пошагал дальше. К воде.

Мгновения дабы прийти в себя, проглотить, подавить позор — и метнула на нас взгляд.

Отвернулись мы.

Лишь Токарь смелым оказался. Махнул ей рукой:

— Айда к нам! Оставь его!

Подчиняется. Едва замерла рядом, как продолжил Артур:

— Задолбал его уже «ПМС». Ей богу, что баба. Вечно не в настроении.

— О-о, да, — протянула Инна, но тотчас осеклась. Колкий взгляд на меня — и отвела глаза в сторону.

— Че стоишь, садись? — метнула на нее взор Валька.

— Блин, — буркнула я тихо, в очередной раз ощупывая себя. — Че теперь, сохнуть так?

Еще и все липкое, — в подтверждение машинально вновь щупаю себя за плечи.

— Давай салфетку дам? — кинулась к сумке Катя.

— Да какая салфетка! — перебила ее Валя. — Пусть идет в озеро, окунется — и все пройдет. Нашли проблему. Другое дело покрывало — только вчера его постирала...

— Прости, — пристыжено прошептала я, виновато опустив очи.

— Да причем тут ты? — возмущилась Гладун. Перевела я на нее взгляд в благодарности. — Это вон, тому, — кивнула та в сторону Рыжикова, — по шапке надо надавать. Что нес так, будто в центрифуге прокручивал!

— Ну так, — сквозь гогот Гриб. — Чтоб п-пЭнистое было!

— Я тебе сейчас дам... «пэнистое»! Вот заберешь после всего покрывало — и сам будешь стирать!

— А я Катьке отдам! Не зря ж она теперь моя — жЭнщина!

— Слышь ты, женщину нашел! — гаркнула вдруг Настя. — Сча подзатыльник получишь! Она так-то малая!

— Ага, ага, — паясничая. — Малая, — залился сарказмом.

— Ты че, ох*ел?! — гневное Метлицкой. — КАТЯ! — взбешенное на сестру.

— Да шутит он, шутит! Тупо — но шутит! — отчаянно заторопилась оправдаться Малая.

Взор на своего благоверного, с обидой, едким укором: — Андрей!

— Да что я, дурак... портить свою малинку? — вмиг ухватил в объятия и прижал Катьку спиной к себе. Поцелуй в щеку. — У нас сплошной целибат!

— Смотри мне! А то оторву тебе твой хобот! — злобное Стаси.

— Ладно, — шумный вздох и попыталась я встать, невольно перебивая их перепалку. —

Пойду, и вправду, искупаюсь... а то реально, вся липкая. Прямо противно.

— Хочешь, помогу тебе? — развеселое Кольки.

— Да сиди ты! — резвое вдруг Вальки. — Еще один... Казанова! Давайте, начните. Давно Шмеля не вспоминали.

— А где он, кстати... делся? — торопливое начало Артема (Токарева Старшего), а затем резко по тормозам — утопая в мыслях. — Чет давно его уже не видел.

— Да рассорились они с Федькой, — украдкой Ники ответ. Беглый взгляд на меня.

— Че, совсем? — удивленное собеседника.

— Да хрен его знает! — неожиданно перебила Настя и махнула рукой. Взор на Инну, что уже, казалось, темнее тучи стала. — Ну что, пьем, али как? — миглом ухватила та за стопку. — Инесс?

— Пью, пью, — тихое, сдержанное девушки.

Глава 19. Предатели

* * *

Взор по сторонам — и не нашла среди толпы Федора: ни на берегу, ни в воде. Оно и к лучшему.

Церемониться некогда. А потому стиснуть зубы, заодно волю в кулак, да пуститься с разгона в воду. Немного проплыла — и снова на берег.

Выжала купальник. Взгляд устремила на компанию — и обмерла в шоке. Федя. Стоит буквально в нескольких метрах от меня и сверлит пристально взором. Откровенно изучает все представленные виды.

Несмело шагаю к нему ближе — и гаркнула едва осознанно:

— Что?

Смолчал. Отвернулся — пошагал прочь, к воде.

Ну и плевать.

Поспешно к ребятам.

Едва только замерла рядом, как вмиг оценивающий взгляд тех по всем моим мокрым формам. Да еще, как назло, купальник без поролона — так что все мое волнение тотчас проступило позором. Мигом скрестила я руки на груди, шаг в Мине:

— Лесь, дай, пожалуйста, полотенце.

— А, да, — задергалась взволнованно подруга.

— У тебя тут... это, — неожиданно отозвался Рыжик — и показал себе на грудь.

Поддаюсь — кое-как взор, несмело сдвигая руки (но уже прикрываясь заботливым махровым полотном) — водоросль.

— Ох, Ежкин кот! — нервно вздрогнула я, убирая длинную слизкую ленту.

— Да еще осталось, — всё тот же заботливый Гриб.

— Да нет у нее ниче там! — раздраженное Кати.

— Ого-го! Еще как у нее там есть, — многозначительно взревел Токарев и пошло замигал бровями.

— Дурак! — рассмеялась я в смущении, заливаясь краской. Спрятала взор.

Провела поспешно ладонью, убирая гадкое растение. Вот только липкость, да еще теперь и слизь, уж никак не хотели со мной прощаться.

— Черт, не до конца смылось, — бурчу. — Опять пойду, — отдала полотенце Лесе и мигом разворот. Едва не срываясь на бег.

— Гляди-ка! Понравилось, — иронией Артур мне вслед. — А то не хочу, не буду...

* * *

Торопливые шаги к берегу.

По колени в воду. И опять это издевательство, испытание холодной водой.

Черти что! А ведь, и вправду, не хотела! Да еще было бы где! Одно дело — море, а другое... эта лужа. Ух, испортило оно (это море) меня. Теперь мелкие водоемы брезгливо

воспринимаю... А тем более сейчас, когда вода цветет. Да и хотя бы не эти водоросли слизкие!

Шумный вздох для смелости — и едва снова попыталась резво погрузиться в воду, как вдруг кто-то молнией пронесся мимо меня. Да так близко, что, если бы я вовремя не отшатнулась в сторону, то точно бы сбил с ног. Но вдруг шаг — и напрямик по илу поплыла, поскользнулась я — да в водоросли, в этот мерзкий огород Нептуна! Дернулась в ужасе — и уже сама кого-то задела. Ухватил, сжал меня тот за руки крепко. Испуганно устремила я взгляд: Рогожин.

— Ты чего? — удивленно на меня.

— Да я там, — смущенно прячу очи.

А ощущаю Его, ощущаю так близко, да даже ноги наши невольно соприкасаются, отчего еще сильнее напряжение, накалом ток — трясет меня уже от безумия, что накатывает шальной волною.

Заикаюсь от страха:

— Прости, — пытаюсь отстраниться, вырваться из его хватки, но не дает. Оторопела я. И снова взор на него. Глаза в глаза. — Что? — хрипло я, сгорая уже от ужаса, что вспышками кошмарного прошлого стал нещадно стегать меня.

— Поговорить надо, — грозное, требовательное. Расстрелом. Сильнее стискивает меня за запястье. Взгляд по моему полуобнаженному телу, но тотчас отдернул себя. Разворот. Потянул за собой на глубину: — Поплыли.

— Зачем? — недоумеваю, но вынужденно подчиняюсь. — По-моему, и так всё ясно, — отчаянное, на автомате, откровенно страшась остаться с ним наедине.

Замер на месте. Взор на меня:

— А мне не ясно, — гневом.

Поежилась невольно.

Рывок — и, выпуская меня из своей хватки, поплыл вперед.

Мгновения нервозности. Взгляд на берег — и замечаю Инну. Стоит, сверлит нас взором. Мигот отворачиваюсь. И снова уставилась на Федьку.

Замер и Рогожин. Разворот:

— Плынешь? — риторически. Приказом.

Подчиняюсь.

Рывок — и следом за ним.

* * *

На остров.

Еще немного — и по илу, пока не выбрались на берег.

— Ну? — гаркаю от волнения я на него.

Вновь хватает меня за руку и куда-то тащит.

— Федя, зачем всё это? Что ты хочешь? Я вас не трогаю, зачем...

Но не дает договорить. Резвый напор — силой разворот — и впился мне поцелуем в губы.

Окоченела я, ошалев. Выпучила испуганно очи.

А он — прикрыл веки и творит нечто несуразное. То... от чего туман сразу в глазах, да

дурман по крови.

Вдруг движение руки — и нагло сдвигая лиф вверх, схватил, утопил мою голую грудь в своей ладони.

Дернулась я невольно — удержал. Натиск — и прибил спиной к дереву. Ощущаю. Ощущаю собой его тело. Тепло. Родной запах. И, как оказалось, не менее шальной, манящий вкус.

Бешено колотится сердце, путаются мысли. Немеет душа.

Еще напор ласк, поцелуя — ворвался в мой рот языком.

Мурашки по телу. Задыхаюсь.

До сих пор не могу поверить, осознать, что это мой Федька. Мой Федька со мной. А потому еще усердней таращусь на него, хватая каждое мгновение происходящего. Еще момент — и поддаюсь, отвечаю несмело. Будто взрыв — вовсе слетает с катушек мой супостат. Стащил, сорвал с меня купальник. Отшвырнул в сторону. Жадно сжал грудь, играясь, наслаждаясь от тактильных ощущений, чувствуя своими ладонями мои торчащие соски. В момент сжались мышцы у меня внизу живота. Запылал огонь, разливая жажду по венам. Нагло протиснул Рогожин меж бедер свое колено и прижался ко мне собой, вплотную. Ощутила его всего. Ни отвращения. Ни жути. Сплошной зов плоти, удовольствие. Души. Его. Моей. А потому оба смело последовали за желанием.

Тотчас нырнул руками мне в трусики. Сжал за ягодицы, еще сильнее подавая на себя, насаживая уже буквально.

Невольно застонала я, уже окончательно сходя с ума.

Его. Вся и без остатка. Пусть украдкой. Воровкой. На один раз, без обязательств. Как просила. Но буду его. А он — мой. И только мой.

Шальной поцелуй мне в шею, доводя уже до откровенных стонов. Задыхаюсь. Казалось, и сердца вот-вот разобьются от столь шального, залитого вожделением, бега.

Взор в лицо, с жадностью изучая его: Господи, неужели правда? Неужели действительно мой Рогожин, мой Федька со мной?

Жадным поцелуем припал к губам, но вдруг миг — и замер покорно. Забыли и руки свой ход.

— Малыш... не так, — громом.

Поежилась я от ужаса.

Попытка отпустить меня, отстраниться — силой удерживаю подле.

Глаза в глаза.

— Пожалуйста, Федь... Пожалуйста, не надо! Не прогоняй!

— Не так, котёнок, — опустил меня на землю. Но все еще вплотную ко мне. Провел, погладил по волосам. Приблизился — обжигая дыханием кожу: — Не здесь, не при таких обстоятельствах. — Поцелуй в висок и обнял за плечи, притиснул к себе, так что своей грудью полностью ощутила его. Но напор, ловкое веление — и сплелись наши губы на мгновение. Запойный, не менее сладкий, чем все, что доселе с ним здесь было, поцелуй — и отстранился. Шепотом на ухо:

— Давай лучше успокоимся. И всё сделаем правильно.

— Но мы уже предатели, — горестно вымаливая не идти на попятную. Подарить то, о чем сколько мечтала. Хотя бы раз уступить.

Эту тайну я унесу с собой! И даже если выберешь Инну — я смирюсь!

— Зай, прошу... Послушай меня. Мы и так... многое натворили. Тут ты права. И не

только сегодня.

— Феденька, пожалуйста... Федь, — отчаянно хватаюсь за него, змеей обвиваюсь руками вокруг шеи и силой притискиваю к себе. Отвечает на позыв. Короткий поцелуй — но отстраняется. Палач сильнее: и духом, и телом.

— Нет, Вань. Ты сама же достойна большего. Нормального. Да и Инна... я сам себе этого потом не прощу, — обжигает шепотом.

Напор — и разорвал кольцо моих рук на своей шее. Отстранился.

— Пошли в воду, там быстрее попустит от холода, — живо наклонился к земле. Беглый взор на меня — и протянул бюстгальтер.

Очередные слезы... побежали по моим щекам. Отворачиваюсь.

Обнял, прижал к своей груди спиной. Взор потупил вниз, упершись подбородком в ключицу. Взгляд на вожаденное: нагую мою грудь. Сверлит взглядом. Рывок — и сжал ее до сладкой боли, и снова откровенно наслаждаемся ощущениями: он, я.

Миг — и вдруг взрыв, сквозь хохот.

Силой отстраняется, выпуская меня из хватки.

— А-а-а, — протянул отчаянно криком, сдирая с лица эмоции ладонями (взор на него роняю, обернувшись). — Что ты со мной творишь? — жутью давясь, горько смеется.

— А ты что со мной? — не менее болезненно, с обидой, вовсе уже не понимая, что происходит.

Глаза в глаза, но тотчас осекся. Отвел очи в сторону.

— Я просто хочу сделать всё, как надо, — невольно грубо вышло. Прокашлялся: — Одевай, — кивнул головой, — и пошли, — вердиктом. — Заждались наши. Не хватало еще скандала.

* * *

Жуткое чувство. Без вины виноватая. И предатель, и, тем не менее, все равно черту не пресекли. Ничего такого не натворили, за что, хоть и стыдно, но было бы необходимо получать.

Разве что поцелуй... Его на моих губах. Да и касания, ласки... по всему телу.

«Черт!» — живо закачала я головой, прогоняя наваждение.

Взгляд украдкой на Федьку, но тотчас оборвала себя. И снова между нами жуткая диагональ взоров. Целая вселенная, режущая, кромсающая души на части.

— Рожа, идешь купаться? — кинул вдруг Токарев Рогожину.

— Да только ж был! — рассмеялся тот. — Дай пожрать нормально.

— Да потом, пошли. Поговорить кое о чем надо...

— Ну, б***ь! — возмущенное. Но поддается...

Да только не успели отойти, как тотчас за ними подрывается и Инна, ничего никому не сказав.

Невольно вытянулась я, пытаюсь увидеть хоть что-то из-за холма — тщетно.

Черт! Черт! Черт!

Еще минуты сгорания от жути — и сдаюсь. Встала с земли.

— А ты куда? — пытлиное на меня Вали.

— Да ноги затекли, — почти не вру.

Но взор уже шарится по берегу. Отыскала Токаря, а вот Рожи... как и Инны...

Заледенела я от ужаса.

Сама даже не поняла, как кинулась туда.

«Без обязательств. На раз. Предатели...» — все растаяли вмиг слова, былые мысли.

Я мчала за своим: и если не убедиться в том, что Федька честен со мной, так хотя бы окончательно поставить точку во всем чертовом треугольнике. Где я уже не выдерживаю. Где я просто схожу с ума!

И хватит врать, что выдержу! Нет! Ни грамма! Ни капли! Он мой! МОЙ!

Вдоль берега, огибая травянистые холмы-выступы, — и в сторону зарослей.

Еще немного — и замерла в ужасе: присела, смело, уверенно присела Инка перед Федей и принялась расстёгивать его шорты. Милая, смущенная, счастливая улыбка ее:

— Котенок, доверься мне, — убивающее хихиканье. — Твоя кошечка точно знает, что делает.

Не сопротивляется, не противостоит Рогожин. Стоит, покорно выжидает, молча. И пусть ко мне спиной — всего этого достаточно, чтобы понять, кто... на что горазд.

Лопнуло, разорвалось мое сердце. Потекли реки крови.

Вновь разбита и сломана. Да только уже точно ничего не хочу про Него знать!

Рывок прочь — и, не заворачивая даже к своим, напрямик на выход. По грунтовке — куда глаза глядят...

Глава 20. Чреватость

* * *

Только не домой. Не хочу, не могу. Не в состоянии я явиться в таком виде на глаза матери. Опять будет цунами причитаний и упрёков.

Не знаю, сколько кружила там, среди зарослей, пока выбрела на знакомую местность.

Соседний микрорайон. Совсем немного — и дом Олеси. Поднялась к ней на этаж и забила в угол, около двери.

А там и она уже скоро, с моими вещами пришла.

Поспешно одеться, прятая свой позор и нелепость.

— Тебя, кстати, там всей толпой ищут... — скривилась Минина.

Ну и хр*н с ними.

Осталась ночевать у Леськи (спасибо за приглашение). Матери позвонила — предупредила, а ее родителям наплели про учебу, что на понедельник готовимся к первой контрольной, а сами спать завалились часов в десять.

— Ну не реви. Мужики к*злы, будто ты не знаешь?! — возмущенное подруги.

«А ты-то откуда знаешь?» — хотелось, было, задать вопрос, но сдержалась.

Мина и отношения с парнями, мужчинами — ну уж очень диаметрально противоположные понятия.

А днем — днем втихую пробралась я к себе в квартиру, и опять для всех «непрощенных визитеров» состроила вид (пока мама где-то там по делам ходила), что никого нет дома.

* * *

Но... понедельник, понедельник никто еще не отменял. Как и уроки.

А потому утро — будильник — и я исполняю свой общественный долг.

Или личностный.

Что за целый день пытались учителя в голову вдолбить — ничего не усвоила, да и не услышала. Не до того было. Лишь машинально строчить конспект под диктовку.

На большой перемене заныкаться в кабинете, как всегда, а дальше — и вовсе: дожить до последнего урока и бежать спешно долой.

Только у самого выхода встреча.

Очень даже неожиданная. И странная. Страшная.

Инна, Настя... и еще какие-то девчонки, которых я не знаю.

— Пошли, поговорить надо, — грозное Соболевой.

Подчиняюсь.

За школу. На задний, закрытый от посторонних глаз, двор. Хотела я, было, раньше затормозить, да не дали: тотчас напор — и подтолкнули «учтиво», доходчиво заодно объясняя, кто тут и что решает, чем управляет.

«Бежать! Надо бежать!» — отчаянно вопил рассудок, приказывая спасти свою шкуру.

«Но за что? За что агрессия? Он с ней. Он — ее. А Ваню, как всегда, обнадежили и

обманули. Бросили. Предали. Сломали. Хотя...» — жаром отозвался поцелуй Федьки на губах, ощущения ласк по телу.

Нервически сглотнула я слюну.

Неужто Она всё знает? Знает о нас... там?

Еще шаг — и вдруг удар в спину — подалась я машинально вперед. Разворот и поймала меня в свои руки Инка. Удар под дых, пощечина наотмашь и пнула меня от себя — отлетела я в сторону, невольно взвизгнув. Слетела сумка с плеча — рассыпались вещи. Сжалась я от боли, что заныла в животе, отдавая резью в шов. Слезы проступили на глаза — но еще сдерживаю рыдания.

— Я тебя, с*ку, раз и навсегда отучу на чужое зариться! Шлюха ты убогая! — внезапно ухватила меня за волосы Соболева и тотчас со всей дури стукнула лицом об турник — завизжала, заревела я отчаянно, захлебываясь страхом, жутью. Вкус сладко-соленой во рту.

Но не дала упасть. Разворот к себе лицом и, все еще удерживая, прошлась, стеганула острыми ногтями по лицу, раздирая до крови. Удар, пинок — и отшвырнула меня от себя на землю. В грязь. Грохнулась я плашмя.

Попытка встать — как вмиг в живот с ноги удар.

Завыла я позорно, задыхаясь от кошмара.

Присела рядом та. И снова за волосы ухватила меня, сжала до боли. Лицом в лужу:

— Пей, с*ка! Пей, мразь! А то сейчас домой дотащу — и из толчка заставлю хлебать!

И снова гневный напор — скольжу руками по земле, не имея возможности сопротивляться, удержаться.

— Пей, шлюха еб**чая! А то хуже будет! Знай свое место! Собака паршивая!

— Не буду! — отчаянный рык сквозь рев.

— Ну, б***ь! — вдруг кинулась куда-то вбок. Что-то схватила — увидела, различила я в ее руках стекло разбитой бутылки. — Пей, гнида! Пей, или порежу тебя всю! Особенно твою смазливую рожу! Навсегда уродкой останешься! ПЕЙ! — неистовое, закладывая мне уши.

— Не буду! — смертником гарчу, а сама уже едва не захлебываюсь грязью, так отчаянно вжимает туда меня эта мразь.

Вдруг рывок — и развернула меня к себе лицом. Только замах, как вдруг шорох — дернулась, перевела она взгляд. Испуганно, сгорая от жути, свторила и я ей.

В считанные секунды рядом — удар — с ноги в грудь, отчего та только и отлетела от меня, взвизгнув от боли.

— Е**чий случай! Вы че здесь творите?! — различаю, да и так уже узнаю, могу рассмотреть Ее, приставая, отрываясь от земли. — Вы че, б***ь, с*ки, совсем е**нулись?! Да я сейчас сама каждой из вас так вь*у, что по кускам вашу челюсть собирать будут! Поубиваю на***! Вы че творите, а? Нелюди паршивые? Настя? — в ужасе вытаращилась на Метлицкую. — И ты?! Ладно эта е**нутая, с нее вообще нечего взять! Одной пи**дой только и думает! Но ты?!

Стоит, молчит, потупив взгляд, Стася.

— На*** свалили, быстро! — бешено рявкнула моя защитница на остальных. — А то сама вас сейчас всех в асфальт укатаю! И никакие менты не помогут! А ты куда, тварь?! — резво кинулась к Соболевой, что попыталась встать и уйти в сторону. — Я с тобой еще не договорила!

— Ника, не лезь! Не твое это дело!

— Мое, б***ь! МОЕ! И ты мне не указывай, что мне делать. Уяснила?! Если тебя е**т

Рожа, не значит, не смогу вье**ть я! Давно уже, б***ь, кулак чешется! Да всё повода достойного не находилась! Сопля ты мерзкая! Намотаю я тебя — что выть еще будешь, тварь убогая!

— Это наши с ней дела! — яростное осмелевшей Инки.

Пытаюсь окончательно встать я, едва боль в животе утихла — и смогла нормально пошевелиться.

Живо шаг ко мне — и помогает выровняться Вероника. Прижала к себе.

— Ты как? — взор в лицо.

— Нормально, — отрешенно шепчу.

Взгляд на Соболеву:

— На**й пошла! — бешено Рожина. — Я завтра тебя найду! П**дец тебе будет! Так что лучше и не приходи в школу! — И снова на меня: — Вань, давай к нам, обработаем раны.

— Нет, я домой, — пытаюсь дотянуться до своих вещей на земле. Тотчас присела Ника. Помогает собрать.

Взор через плечо на замявшуюся в растерянности, в ужасе Инну:

— Он мой, — неуверенно, но грозно.

— Твой, твой. После сегодняшнего — так точно твой, — язвительное Некита.

Разворот — и повела, потащила меня в сторону дома, заботливо придерживая:

— Все хорошо, Вань. Не переживай. Умоем, переоденем — а остальное заживет, пройдет... Никто и не догадается. Не узнает... Мне тоже нос ломали. И не раз. Как и Федьке. Ниче, всё вправляется, и всё срастается...

* * *

«Всё вправляется... и всё срастается...»

Так Ника говорила?

Да только... не в моей судьбе.

Видимо, и вправду, я сильно нагрешила, что жизнь мне надавала столько оплеух. Причем сразу, за столь короткий период.

Сбылась мечта, да только старая, просроченная. В очередное подтверждение моего «сверх везения» (а может... оно и к лучшему). Как бы не пыталась успокоить Вероника мою мать, Рожину буквально сразу в грубой форме выставили за порог. А через два часа в дверь... позвонил отец. Молча собрал сумки. И меня, едва ли не на руках вынес, вывел из дому. В машину. Прочь. Обратно. В некогда родной (областной) город.

Больница, швы, УЗИ, вправление носа. Антибиотики. Истерики и причитания Аннет. Грозное, хоть и без крика, отца веление. Причем для нас обеих:

— РЕШЕНО, — взбешенное, как еще никогда доселе. — Ванесса будет жить ЗДЕСЬ. С нами. Никаких впредь разъездов. И на этом — ТОЧКА.

Так что... еще две недели, дабы сошли позорные синяки — и, со справкой, что была все это время в санатории, я уже смело могла обратно идти в привычную школу, в до боли знакомый класс. Всё, как всегда. Да только... не мое это больше, не родное. Ничего уже не будет... как прежде. Я стала другой. И здесь я — чужая.

Да отцу было плевать...

Что по ночам слезы лила. Что днем... лишь делала вид, что жива. Что я — не зомби.

И огрызаться, огрызаться любому обидчику стала — как научили они. Они — тандем Рожиных. Те, которых не увижу больше никогда. Но буду любить... до конца жизни.

* * *

— Кто? — уставил на меня глаза папа. Убийственный взгляд. — Кто? Кто это сделал? Виновато опустила голову.

— Ваня. Ты добалуешься! И уже не я буду задавать тебе эти вопросы.

В ужасе вперила на него взор.

Что? Что ты от меня хочешь услышать? Что?

Сдать ее? Сдать?!

Не могу! Хотя, возможно, и заслужила она. Не могу...

Ведь, по сути, права. Инна права.

В кого я превратилась?..

В шлюху, которая хотела отбить, увести молодого человека у другой.

Так что... по заслугам. Мне досталось по заслугам.

Наверно, лишь так могло до меня дойти, что и как творю. И пусть, будь я на ее месте, никогда бы так ни с кем не поступила, но... она права.

— Чего молчишь? — грозное. Поморщился от злости, от боли. Пронзительный взгляд. — Какие еще тебе доводы нужны? Или ты боишься? ВАНЯ! — рявкнул, отчего невольно передернуло меня на месте. Опустила очи. Никогда я не видела его еще таким. Бешеным... и не способным совладать с собой, с гневом, с эмоциями. — Ты понимаешь, что они не просто чуть не покалечили тебя, но и едва не убили! ВАНЯ!

— Шов уже почти зажил, — бурчу себе под нос.

— Что?! — возмущением. Приблизился. Заглянул мне в лицо.

Не поднимая глаз:

— Ничего. Я сама заслужила.

— Не понял! — испуганное, оторопев. Вытянулся в ужасе.

Отваживаюсь. Глаза в глаза:

— Я сама виновата. Заслужила.

— Что? Ты хоть в своем уме?! — отчаянное. — Что такое можно было сотворить, чтоб такое заслужить?! Да будто я тебя не знаю! Ты и мужи не обидишь!

И вновь опустила я пристыжено очи.

— Но обидела.

— И что?! — вердиктом. — Есть для этого слова. Вы хоть пытались поговорить?! И не поверю, что до тебя бы не дошло! Или, в конечном счете, есть смирение. Суд. Или что... те, кто это творил, далек от всего этого? — замер, не дыша, выжидая участия. Но тщетный миг — и сдался: — Звери. Это были просто звери. И их надо укрощать. Наказывать.

— А я — не зверь, — храброй иронией, как еще никогда. Очи в очи. — И я выбираю смирение.

— А я — нет.

Едкая моя улыбка, опускающая взгляд.

Все вы... одинаковые. Просто у каждого свои методы.

А вот я — я не хочу всего этого. Этой вашей войны.

Я заслужила — я получила.

А всё остальное — прощаю. Потому что ты прав: я — человек. И я выбираю мир. Выбираю смирение.

— Я жду, — грозой.

И снова молчу, покорно повесив голову.

— Не скажешь, да? — накалом слова. Вот-вот рванет.

Сжалась я невольно от страха. Не дышу.

— Хорошо, — вдруг разворот — и пошагал на выход. — Значит, следовательно сама все расскажешь.

— Не надо! — визгом. Кинулась вдогонку.

Покорно замер — налетела следом.

Отчаянно, мольбой:

— Ну, зачем?! Папа! Зачем?! — причитанием. — Всё и так в прошлом! Никогда уже никого больше из них не увижу! Я тут — они там. Зачем все это?! Зачем новая нервоотрепка? Мне и так плохо! Зачем еще больше меня добивать?! Папа, МОЛЮ!

Заледенел от шока. Жуткие, убийственные, немые мгновения натянутой струной выжидания — и вдруг:

— Хорошо. Тогда с тебя договор. Ты никогда не ищешь с ними встречи, избегаешь любых контактов. Даже просто «привет» — всё забудь. Нет больше ничего и никого из того твоего странного прошлого. Если так — то я их не трогаю. В противном случае — сядут все. Даже если просто мимо проходил или проходила. Идет? — заряд орудий.

— Идет, — залпы.

* * *

Не позвонил. Сколько времени прошло (уже почти зима), а ни разу не позвонил мне Федя. Даже если и нельзя мне. Не позвонил — ни разу. Не говоря уже о том, что бы взять и лично приехать. Ладно, я под замком. Под присмотром тотальным (позже даже узнала, что ко мне батя тайно приставил охранника), но ты... ты!

Ты-то мог... за все это время что-нибудь да придумать. В школе-то... я открыта для всех «посещений».

Если оно тебе надо было бы. Действительно надо.

Но... нет.

Инна выиграла войну.

Твой. Отныне и навсегда мой Федька — твой. Лишь только твой.

Бонус (время 19 главы; озеро). Разбитые мечты

Желательно читать именно после 20 главы.

* * *

(Ф е д о р)

— Рожа, идешь купаться? — брякнул неожиданно в мою сторону Токарь.

— Да только ж был! — рассмеялся я. — Дай пожрать нормально, — и показательно закинул кусок колбасы себе в рот. Тщетная попытка один голод перебороть сытостью от другого.

— Да потом, пошли. Поговорить кое о чем надо...

— Ну, б***ь! — возмущенное. Вот же ж до**ался.

Шумный вздох — но встаю. Дела есть дела. Мало ли что за моча тому в голову уже стрельнула.

Шаги за холм, по спуску к воде и чуть в сторону, вдоль линии берега. Послушно поддается на затею.

— Ну?

— Ты вообще ох**ел? — внезапно, громом.

— Я? — откровенно заржал от его такой наглости.

— Мальчики! Мальчики, я с вами! — слышу свою писклю, отчего невольно аж передернуло меня.

Замер на месте. Обернулся. Полный раздражения взгляд на Инку:

— Ну... тебе-то что? — сдержанное. — Не видишь, у человека разговор ко мне есть? А с тобой потом, как с этим закончим.

Станный, колкий взгляд на Артура той — и вдруг цыкнул Токарев. Странное выжидание.

— Ладно, — шаг ближе к нам. Махнул рукой: — П**дите! А мы с тобой потом разберемся. По трезвому.

Поморщился я от злости. Взгляд вновь на Инессу:

— Ну, довольна? И потом! — взрывом, замотал я головой. — Вы мне пожрать сегодня дадите, или хотите, чтоб я и дальше на всех тут орал? — откровенно гневное.

Ушел, «заботливо» оставил нас наедине с этой истеричкой.

— Ну, че молчишь? — вперил я пристальный в нее взгляд.

— Мы можем поговорить? Seriously? Наедине. Сейчас, — рваными фразами, а на глаза уже проступила влага. Черт. Опять.

Да ЧТО ЖЕ ВЫ СО МНОЙ ДЕЛАЕТЕ-ТО?! Я же не железный!

— А потом никак нельзя? Обязательно пока я злой? — стараюсь держать себя в руках.

— Да. Нельзя, — заторможено.

Раздраженно скривился. Шумный вздох. Разворот — и, кивнув головой вперед, уже этой предложил покорять ранее заданный маршрут.

— Ну? — гаркаю я, не выдерживая ее молчания.

Шаг в шаг. Уцепилась мне за руку — поддаюсь — обнимаю за талию.

Но уже ее веление, напор — и свернули на старую нашу поляну, что среди высокого подлеска.

— Что тебе, Ин? — пытаюсь давить из себя учтивость и доброту.

Замираю на месте, окончательно давая ей понять, что дальше, чтобы она не задумала, не пойду.

Подчинилась. Застыла. Глаза в глаза. Тревога, боль, страх заплясали на лице, коверкая милую мордашку.

— Ну, зай, чего ты хочешь? — терплю.

Хотя устал. Устал, б***ь, от всего! От ВСЕГО!

Вот чего она от меня сейчас хочет? ЧЕГО? Да и... нашла момент. Я готов уже от перенапряжения не то, что кому-то по морде съездить, но и, с*ка, убить, а она лезет. Всё потерпеть не может. Да и сама уже, наверно, сто пудово, дерябнула. Начнет сейчас вопли.

Я знаю, что пора. ЗНАЮ! Пора уже окончательно искренне поговорить и расставить все точки над «и». Дорвать то, что вот уже сколько месяцев рвалось... и, по ходу, окончательно пришло в износ.

Но не здесь. Не сейчас.

Я знаю. Знаю, что ее предал. Подвел. И нет, и никогда не будет мне прощения. Плевать. Не хочу ей делать всё еще ужаснее.

По-людски. Всё надо по-человечески, нормально сделать. Приду к ней домой — и поговорим. А не здесь, не сейчас, когда может наделать столько глупостей, что потом никогда не расхлебаем их.

Но вместо слов. Вместо слез и истерик — присела.

Плавно, игриво опустилась на колени передо мной, вовсе ничего не стесняясь (это тебе не безлюдный остров) и принялась развязывать шнурок на моих шортах. Стою, сверлю ее взглядом, сражаясь с шоком.

Милая, смущенная, счастливая улыбка, кроя правду:

— Котенок, доверься мне, — нервическое хихиканье. — Твоя кошечка точно знает, что делает.

А я... а я не знаю, что даже сказать, что сделать. Ведь знает, понимает всё — и играет, рвется в огонь, спасая то, что уже не суждено спасти. Я уже не хочу. Не могу. Не выдержу.

— Инна, Инночка, — живо хватаю за запястья и силой останавливаю. Замерла в испуге. Взгляд мне в глаза — потекли по ее щекам слезы. Но еще улыбается, сражается с собой.

— Пожалуйста, Федь... — тихо, смущенно. — Пожалуйста, — горькой молитвой.

А мне что кислотой всё изнутри облили.

Силой заставляю встать — обнял, прижал к себе. Уткнулась носом в шею.

Еще мгновения — и взвыла, зарыдала звонко:

— Пожалуйста, не бросай меня! Федя! Федечка! Ты обещал! Обещал, что мы женимся! Обещал, что будем всегда вместе! Говорил, что любишь!

— Люблю... — тихо, давясь уже и сам сухими слезами.

Я знаю, знаю, что предал. Но не могу. Прости. Прости, если когда сможешь.

— Я покончу с собой! ПОКОНЧУ! — нервно дернулась в моей хватке — но удержал. — СЛЫШИШЬ?! — рычит, давясь соплями. — Я покончу с собой, если ты меня бросишь! И будет всё это на твоей совести!

— Малыш, успокойся! — гневно, сжимая до боли, пытаюсь хоть как-то ее отрезвить. — Никто никуда ни от кого не уходишь.

— Клянешься? — и снова яростно задергалась в моих руках. Попытка заглянуть мне в глаза — не даюсь — лишь сильнее к себе ее прижимаю.

— Пожалуйста! — не унимается Второй мой Палач. — Пожалуйста, Федь.

— Тише, котик. Успокойся.

— Ты не бросишь же? Не бросишь? — нервно.

— Нет, зай. Никого не брошу. Успокойся, — шепчу нервически, а в голове уже закипает мозг. Вот-вот и сам уже детонирую.

— Не ври мне! — рычит гневно, но еще сильнее цепляется за меня, прижимается в ответ. — Нет, ври! Ври! Только не бросай! — и снова истерический запойный вой.

— Успокойся, Малыш. Всё будет хорошо. Успокойся, молю, — поцелуй в висок.

Живо отвечает сопливой лаской, куда попадет. Невольно улыбаюсь своей маленькой неряхе, дурочке. И вновь сердце наполняется старыми чувствами, нежностью. Воспоминаниями. Когда всё... и вправду, у нас с ней было хорошо. Давно. Давно это было.

Сжал еще крепче. Искренний поцелуй в губы. Поспешно оторвался.

Облизалась. Истомно зажмурила веки. Счастливая улыбка — но тотчас исказилось ее лицо. И вновь волна боли накрыла с головой:

— Я покончу, — и вновь этот жуткий рык отчаяния. — Покончу с собой, если ты уйдешь. Убью. И ее, и себя. Но не быть вам вместе!

— Нет никакой ее, — гневно. Стиснул вновь невольно уже расслабившиеся объятия.

Уткнулась носом мне в шею.

— Я люблю тебя, — что ножом по сердце, ее слова. — Очень люблю.

— И я тебя, — лгу.

* * *

Еще шаги — и обмерли около ребят.

Взглядом окидываю около:

— А где Ваня? — тревожно. Зачуяло сердце беду.

— Дык она... куда-то туда, к вам побежала, — растеряно прошептала Ника.

— Тв*ю ж мать! С*ка, а!

Оторопела Инка. Сцепились наши взоры. Заблестели вновь на ее глазах слезы.

Но уже по ***. «Ваня, — грохочет сердце, разум, душа. — ВАНЯ». Если с ней что случится — то я уже точно всего этого не переживу.

— Че, опять? — слышался голос Токаря.

— Че вы? — гневное, взволнованное Вальки, наперебой вспышками фразы, силой вклинивались в мой дурман шока. — Пошлите ее искать, или что?

— Че ее искать? — неожиданно Гриба. Передернуло меня на месте. Пронзительный взгляд на Андрюху. — Вон она, минут пять назад... мимо нас сиганула на выход.

— В смысле, а че ты ее не остановил? — округлила очи Гладунша.

— А зачем? Если человеку надо, — невозмутимое.

— Так хоть бы нам сказал! — гневное Ники.

Рванул. Ничего не стыдясь, и ничего больше не соображая — рванул я за НЕЙ.

Искали. Где только могли, искали. Нигде не было. Ни дома, ни в школе. Ни даже на Луне.

Куда делась — одному только черту известно.

Том II. Светлое будущее

Часть Пятая. Крушение

Глава 21. На весах Фемиды

Жить. Единственный способ найти силы жить, существовать и далее — это с головой уйти в работу. В труд. В учебу.

Надрывные, как еще никогда, усердия. Помимо школьной программы — заглатывала всё из вне. Вместо отдыха — библиотека. Вместо пустого сна, где постоянно Он, — книги. Да что поядренее: история государства, всемирная история, отрасли права. И пусть, может, еще рано, но всю готовилась к университету. Даже на курсы записалась. Взяла ко всему и обязанности репетиторства относительно пары младшеклашек. Всё, лишь бы не было времени для мыслей о прошлом, не было времени... для слез.

А там и Аннет родила. Мальчика. Няня, правда, во всем помогала, так что меня это ничего практически и не коснулось. Но, если что, носом не воротила — с радостью бросала все силы на помощь и туда.

* * *

Весна. Победа уже не только на школьной олимпиаде по литературе, но «город» и взяла. Прямой путь на область.

Я тянулась к делам, а они благодарно отвечали мне тем же.

* * *

— В туалет ходите, а то потом вас никто не выпустит, — любезно напомнила, проинструктировала нас учительница.

— Спасибо, — тихо, смущенно шепнула я и выбрела из класса в коридор.

Чужой лицей, незнакомое здание. Попытка покружить немного, расспросить мимо проходящий девчонок — и добраться до заветного места.

Черт дери, такое все «крутое» вокруг, а тут прям... еще совдепией пахнет! В переносном смысле, кхм. Все старое — разве что... за счет покраски кажется «свежим» и не столь запущенным.

Попытка взгромоздиться на этот фаянсовый трон.

Слышу голос. Не знаю почему, но мне кажется... он до боли знакомым, хотя кто — явно ума не приложу.

Замерла, как есть, так и не решившись ни на что большее.

Жду.

Еще шаги девиц — замерли напротив меня. Взоры по бокам — и пустились в бой.

А я и дышать забыла как.

Спешно выполнить долг — и в коридор. Ждать, сгорая от чувств. Как, что... что мне ей сказать? Как представиться? И стоит ли? И вообще, а вдруг я обозналась? И это... вовсе не

Она?

Еще мгновения — и пустились в мою сторону.

— Рита! — взволнованно окликнула я ее.

Обмерла покорно девушка. Беглый, изучающий с ног до головы меня, взгляд, и вдруг кивнула головой:

— Да. Мы знакомы?

— Т-ты же Рожина? — невольно заикнулась я на нервах.

— Рогожина, — с некой сдержанной агрессией.

— Ну да, — счастливая я, покорно закивала головой. — Рогожина. — А сердце уже пустилось в шальной, радости пляс. — А й-я Ваня, Ванесса. — Шаг ближе к ней. Стоит сверлит, бурит меня пристальным взором. — Ты, наверно, меня не помнишь... Но мы как-то виделись в школе, в столовке. Я п-подруга... Ники и... Феде.

— Рада за вас, — грубо. Нахмурилась вдруг.

Но не отступаю:

— Прости, что лезу, — от смущения едва не шепотом. — Просто... счастлива была повидать.

— Взаимно, — откровенно жеманно, лживо. Разворот — и подалась та на выход. — Пошли, — кивнула подруге. Спешно подчинилась девушка.

— Погоди! — отчаянно я. Следом.

— Что еще? — раздраженно. Замерла, вновь взор вперила в меня.

— Как там они? Как там... — не смогла договорить.

— Нормально, — все так же грубо. — К выпускному готовится. А че ты ей сама не позвонишь? Спросила бы лично...

— Да я... — замялась, пристыжено опустила взгляд.

Жгучие мгновения выжидания, и неожиданно:

— Понятно. Бывает, — разворот и на выход.

— А Федя? — горестно ей вслед, смертником.

Обомлела Рогожина.

Взор на меня через плечо:

— Да что ему? — гневно. — Посадят. Так ему и надо, идиота кусок.

— В смысле? — окоченело в момент сердце мое. Застыла вокруг жизнь.

— А ты че, не знаешь? — в мгновение расписала ее уста странная, довольная, больная улыбка. Разворот, лицом к лицу: — Попался... на своих темных делишках. С осени — в СИЗО. Суды запоем. Десятка светит, хотя... по-моему, ему и это не поможет. Не дойдет до барана.

— За что? — агоническим шепотом.

— Разбой.

— А Инна?..

— А че она? — гоготом. — Она умная девочка. Сразу бросила его. Ибо нефиг там ловить.

Потемнело в моих глазах.

Ничего уже не видела, не слышала. Не поняла, даже как оказалась одна. Как звонки прозвенели.

Даже как в кабинете на автомате оказалась — тоже не поняла. Слезы нескончаемыми

потоками.

И строчки не написала.

Даже толком с доски шапку списать не смогла.

С этой жуткой новостью... казалось, я... умерла.

* * *

Молча встала и ушла.

Донесли. До папы все донесли.

Единственное мое оправдание, которое всем твердила запоем: мне стало плохо. Очень плохо. Невыносимо.

А потому... встала и ушла.

— Молча?! — бешеным ревом. — Никому ничего не сказав?! Ты в своем уме?! А если бы... ты где-нибудь в обморок грохнулась? Под машину попала? Что это за безответственность? Я тебя просто не узнаю! Ванесса! — немного помолчав, прожевывая ругательства, эмоции. Отец. — А ну взгляни на меня!

Подчиняюсь.

Но за пеленой слез уже вновь ничего не вижу.

— Чего реवेशь?! — гневно, хотя более сдержано. — Тебе до сих пор плохо? Что стряслось? Поехали к врачу, — попытка схватить меня за плечо — увиливаю.

Лихорадочно качаю отрицательно головой:

— Дело не в этом... — виновато опустила очи.

— Тогда что?!

— Папа... — отчаянно. Стерла живо влагу с лица. Пристально в глаза. Робким шепотом: — Спаси его...

— Кого? — оторопел, немного подавшись назад.

— Спаси... молю!

— Да кого?! — взбешенно, вытаращив очи.

— Федьку... Рогожина, — с всхлипом глоток свежего воздуха. — Ему срок грозит. Очень большой. Очень...

Побледнел до неузнаваемости.

Но мгновение — и затряс головой, будто прогоняя страшное видение.

Нахмурился:

— Это один из этих?! Да?! Из прошлого твоего?! Из тех мра... нелюдей, что с тобой то сотворили?!

— Он там ни при чем! — поспешно. — Пожалуйста! Папа!

— А как же наш договор? — с презрением, давясь яростью. Хотя явно хочет сказать нечто иное, куда более болезненное, грубое. Ранящее. — Вот так ты его выполняешь?! Вот так тебе доверять?!

— Пожалуйста! — отчаянно. Захлебываясь слезами: — Молю! Я на все готова! Всё выполню, что бы когда не попросил! Только спаси! — Миг — и кинулась перед ним на колени, прижав руки к груди: — Умоляю, папочка! Я никогда ни о чем таком тебя не просила! Спаси его!

Ошалел. Забыл, как дышать. Но еще секунды разрывного состояния — и вдруг дернулся.

Живо ухватил меня за плечи и силой поднял вверх — поддаюсь. За грудки — и бешено затряс, вопя в лицо:

— Не смей! Никогда больше не смей так унижаться! Ни перед кем и ни ради кого! Слышишь?! — невыносимое, исступленное. Казалось, словно бес в него вселился. — СЛЫШИШЬ?! НИКОГДА!

— Пожалуйста! — смертником. Без Федьки — мне нечего больше терять. И нет, ради чего жить.

Окаменел. Очи в очи, захлебываясь ужасом. С осознанием всего того, что творится вокруг. Со мной.

Еще секунды, минуты зрительного боя — и выигрываю. Я выигрываю. Мотнул головой, выпустил из своей хватки.

Прошелся по комнате, сдирая с лица ладонями напряжение. Миг — и стрелою взор на меня, замершую на собственном суде Фемиды в лице отца.

— Хорошо, — громом. — Посмотрю, что смогу... Но ничего не обещаю.

* * *

— Поздно. Слишком поздно ты сообщила. Там уже все фактически решено. Наверняка сядут. Вопрос только... на сколько.

На выпускной не пошла. И ничьи просьбы не помогли. Даже Аннет на уговоры расщедрилась («это бывает лишь раз в жизни», «не простишь потом себе», «будешь жалеть всю жизнь» и прочие «бла-бла-бла»).

Не смогла. Ничего не смогла... Пусть уже и всё оплачено, и платье давно куплено. Не смогла.

Эти недели, месяцы — сама не своя. Не жила — отбывала.

Было безумно страшно прийти домой и узнать, узнать от отца, что... всё. Конец. Приговор вынесен. И хоть ни о чем больше папа не распыхался, не рассказывал, я знала... знала, что не бросил затею. Что ради меня сделает всё возможное. Но при этом и я все дальше и дальше оказываюсь от Рогожина. Все тверже, крепче и основательнее растет мой долг исполнить старое обещание: и действительно... больше никогда с ними не пересекаться впредь и не напоминать о прошлом.

— Завтра.

От его голоса даже побежали мурашки по телу.

— Что завтра? — испуганно, отрицая очевидное, хриплым голосом.

— Завтра окончательный приговор. На заседание не пушу, но...

— Когда?

— В одиннадцать.

* * *

Под присмотром Сереброва Владимира Алексеевича я и просидела в кабинете одного всё это время. Кофе, чай, печенье — а мне бы удавку, да мыло в придачу.

— Вынесли, — внезапно влетела молоденькая девушка, секретарь. Растерянный взор то

на дядю Вову, то на меня.

Побледнела я. Не было ничего доброго, обнадеживающего... ни в ее лице, ни в словах, ни во взгляде.

Резво сорвалась с места — и вперед. Под двери зала суда. Да только миг, еще один шаг — и отворились врата. Вывели осужденных. Под конвоем.

Окаменела я, будто под взглядом Горгоны.

Не сразу заметил. Сообразил, но тотчас вывернулся, в ужасе метнул на меня взгляд:

— Ваня? — ошарашено. Бучардой по мертвому мрамору.

Не дышу. Будто тот Шредингер, молюсь на незнание.

И снова молчаливое веление, напор — поддается моя горе-беда. Уводят прочь.

Но миг — и будто молнией, кромсая, победно разбивая меня на осколки.

Силой сопротивление, разворот и криком, моим личным исходом, выдохом Фемиды:

— НЕ ЖДИ! Слышишь?! ВАНЯ, НЕ ЖДИ!

Семь лет. Единственное, что удалось для всех нас выбороть — это семь лет, с возможным УДО.

Глава 22. Сделка с дьяволом

* * *

Но жизнь не остановилась. Жизнь продолжалась. Если я замерла тем жутким, убийственным днем, то мир вокруг — отнюдь нет. Планы, дела, проблемы, решения. Все вокруг, будто тот адский рой, закрутилось, порождая, производя то одни, то другие действия. События. Приговоры... И всё в одночасье, в короткие сроки.

Мало, что мать последнее время зачастила наведываться (еще до всего того... «обрыва») да странные речи распускать (якобы мне достойную партию нашла, и уже... едва ли не обо всем договорилась; чушь какая-то, ей богу). Как тут... чередой расстройств, неудач, сложностей на работе у отца, неугодных перемен в аппарате начальников и прочее, о котором нам с Аннет он ничего не рассказывал (так только, слухи, догадки, мысли, что мимоходом из телефонных разговоров мы выуживали, да из поведения, вида истолковывали) — сломался. Сломался мой папа. Мировой человек, глыба, скала, стена, за которой мы все так дружно и радостно прятались, сломался. Вождь пал.

Инфаркт. Больница.

— Обещай, что ты выполнишь... то, о чем я тебя попрошу, — внезапно уставил на меня свои усталые глаза папа, пробираясь взглядом в самую душу.

Побежали мурашки по телу. Страх хлыстнул плетью по позвоночнику.

— О чем? — сердце сжалось в ужасе, предчувствуя страшное. — О том, что никому не говорить, что на самом деле с тобой? — взволнованно затарахтела, глупо хватаясь за бредни, как за спасательный круг. — Так я уже дала слово! — немо взмолилась не рушить надежду.

— Нет, Вань, — поморщился. Движение руки — и похлопал по койке, рядом с собой, приглашая присесть. — Иди сюда.

Йокнуло сердце.

Поежилась. Несмелые шаги ближе — подчиняюсь.

— Тогда о чем? — напряжение накаляет уже добела.

— О Лёне, — тяжело выдохнул.

— Какой... Алёне? — глупо. Глупо отрицать очевидное.

— О Лёне. Леониде Сереброве. Сыне дяди Володи.

— Что с ним? — грубо. А разум уже завопил, сопоставил все части пазла в единую картину: слова матери, его решение — мой суд. Мой приговор.

...

— Он меня старше на восемь лет!

— И что? — удивленно. Не уступает отец. — Я тоже Аннет куда старше — и ничего, нам это никогда не мешало. И потом... зато университет у него уже за плечами. Работа стабильная. Должность отличная, зарплата высокая!

— Ну да... дядя Вова постарался! — ядовито, не сбавляю оборотов и я.

— И что? — грозно. — А то за тобой никто не ходит, попу не подтирает! Соломку вперед не стелет!

Оторопела я от услышанного. Онемела, глотнув звуки.

— Чего замолчала? Разве не так? Так вот нечего упрямитесь. Строишь тут из себя, —

невольно грубо, но тотчас осекся. — Он хороший малый. И тебя в обиду не даст.

— Откуда знаешь? — выпадом словесным. Глаза в глаза. — Может, при папеньке он и есть хороший!

— Да что ты прицепилась к Вовке?! Я же тебе не свекра выбираю! А мужа! И с умом ко всему подхожу, обдуманно! Лёня — отличный вариант! И не ради себя прошу или матери! Ради тебя! Твоего светлого будущего! Твоего и твоих детей! Моих внуков.

— Просишь? — горестно, окончательно осознавая свое бедственное положение. — Или приказываешь?

— Хочешь считать, — вердиктом, — что приказываю — считай.

Жуткая тишина, прибитая набатом пульса... Повесила я голову на плечах. Казалось, волосы уже шевелятся на голове от несуразности, от жути происходящего.

— Почему именно сейчас? — отваживаюсь. — А как же... учеба, карьера? — отчаянная попытка выплыть из этого зловонного болота.

— Ты же видишь... в каком я состоянии? — взором ткнул на койку. — Никто не знает, что будет завтра. Я не смогу вас с матерью вечно содержать, сама понимаешь. Да и не так уж много я смогу оставить вам после себя. С аппетитами твоей матери — быстро все ляпнет. А дальше? На сухарях — долго протяните? Вань, ради твоего же блага! И твоих детей. Поступи по-умному, а. Уступи матери. И мне.

— Я его не люблю, — горестно. — И никогда не полюблю... — Глубокий вдох для смелости — и самое сокровенное, как на духу: — Я другого люблю.

— Да я всё я понял уже про твоего Федьку! — махнул рукой и раздраженно скривился, уведя взгляд в сторону. Поежилась я от шока. Продолжил: — Чего там не понятного было после того твоего... концерта?.. Или вон, сколько мы тебя с Анькой... после суда успокоительными отпаивали. Страшно было даже домой идти, узнать... что ты что-то с собой натворила.

Пристыжено опустила я голову. Жар смущения, стыда разодрал щеки.

— Только толку-то, зай? Что он тебе даст? Даже когда выйдет? Какое у вас будущее? Нулевое? Или на минусовой отметке? Не противься. Ради себя же! Да и слово ты мне давала. Если попрошу что-либо... исполнишь.

— Так нечестно! — распятая, устала на него полные слез глаза.

— Честно — нечестно, зато правильно. Ты мне обещала. Вот будь добра, сдержи слово.

* * *

Казалось, счастливее нет человека на свете. Улыбка до ушей, слезы радости градом. От чувств даже дыхание перехватывает.

Не я это была, нет. И не Лёня — тому, по-моему, вообще всё фиолетово было. Еще с утра накатило со свидетелем по паре стопок и на автомате выполняли все то, что ему велел тамада.

Мать. Самой счастливой на свете была моя мать. Сбылась ее мечта. С одной шеи — да благодатно на другую, помоложе.

Ну что ж, Серебров. Прошу любить и жаловать... дорогую тещу.

А я... я, словно мертвая. Только временами тонкие струи горячих слез по щекам выдавали... «счастливую» Невесту.

— Ну что же ты, родная? — запричитала какая-то женщина (которую и знать не знаю). — Весь макияж сейчас испортишь.

Я жизнь тут себе порчу... А вы... вы о всем этом фарсе, мазиле печетесь.

В голове — туман. Путаются не только слова, но и мысли. Уже и лекарство Аннет не спасает. Сплошной дурман. И качели эмоций — от слез до истерического смеха. От полного равнодушия до желания всех изничтожить здесь.

Приглашение регистратора — и зашли в зал.

Долгая, монотонная, до тошноты прознающая речь... о счастье, о светлом будущем, о новой ячейке общества. О детях.

Дернулась я в сторону, но отец тотчас схватил за руку. Удержал.

На ухо шепотом:

— Успокойся, — грозно.

— Мне плохо, — шепотом; не вру.

— Потерпи. Осталось недолго.

Еще минуты собственного погребения — и подписи. Кольца — зажимы, кандалы для некогда свободных птиц. И фото — на память. О том, как можно заживо похоронить человека.

Попытка мужа вновь поцеловать меня — но уже увиливаю:

— Мне плохо, — грублю.

Силой вырываюсь из объятий — и на выход.

На свежий воздух. К машине. Уперлась руками в капот. Попытки отдышаться. Не дать и так пустому желудку вывернуть всё наружу.

— Беременна, что ли? — слышу перешептывание где-то сбоку.

Бросаю на них гневный взор. Да сил не хватило на язву.

Очередной пустой, немой вздох — и отвернулась.

— Вань, ты как? — узнаю голос отца. Поспешно подхватил меня под локоть, силой обернул к себе лицом.

Еще один глоток кислорода — и вырываюсь из его рук.

Рыком:

— Нет больше Вани! Для Вас, Николай Артурович, я отныне Ванесса Сереброва! Я выполнила долг! Оставьте теперь меня в покое!

* * *

Пара моих фырканий на мужа, сверх короткие «горько» чмоками — и едва меня не стошнило прямо на мужа.

Ушла. С позволения своего нового «Господина» — отправилась в какую-то коморку в ресторане — дабы прийти в себя.

Пару часов сна Невесты, дюжей дозы алкоголя в Жениха — и танец молодых был шикарен. А дальше — откланяться — и поехать домой. Из омута — да в самое пекло.

* * *

Если лобзания этого пьяного животного я могла выдержать, то лишь от одной только мысли, что мне придется с ним переспать, меня бросало не только в холодный пот, мандраж, а просто в жестокую истерику. Ужас.

Откровенно трясло. Очередные позывы тошноты просто пеленой меня заслали.

Я сходила с ума. Молилась всем ведомым и неведомым Святым.

Уж лучше бы Шмелев был мой первый... тогда, добровольно, на озере, чем... это мерзкое чудовище.

— У меня живот болит, — отчаянно выпаливаю, когда его ласки стали уже откровенными и за платьем пошло долой белье.

— И что? На нервах, — тихий смех. — Бывает, хорошая моя. Сейчас всё пройдет, обещаю.

— Не надо! — с визгом отдергиваю его руку из-под моего лифа.

— Ты чего? — оторопел, выпучив на меня очи.

Нервически сглотнула я слюну.

Страшно. Страшно что-то не то ляпнуть, но еще страшнее — допустить, то... что...

Хотя оно и неизбежное. В конце-то концов.

Но пусть не сегодня. Не сейчас.

Потом. Потом...

Сегодня и так стресса...

— У меня месячные.

— И что? — еще сильнее таращит глаза. — Ты же моя теперь жена. Так что я ни капли не брезгую.

— Не надо, пож... — но не дал договорить.

Силой впился в губы своим слюнявым ртом.

Грубые движения рук... повалил на кровать.

* * *

Когда-то я смеялась над старой книгой по «домоводству», где была расписаны нормы, регулирующие отношения супругов в семье, в том числе и в спальне. Была там одна забавная строка (помимо безоговорочного подчинения во всем мужу, «холенья и лелеянья» его), к которой рождалось у меня уйма рассуждений и предположений, хотя, в основном, шуток: после совершения полового акта с женой, муж должен позволить ей пойти в ванную, не следуя за ней, а дать ей побыть наедине, одной. Возможно, она захочет поплакать.

Отныне я больше над этим не смеюсь.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде, чем я смогла прийти в себя. Собрать осколки прошлого и настоящего, чтобы понять, признать, что произошло, на что согласилась. И что грядет.

И да. Со Шмелевым у меня так ничего и не вышло.

Теперь я знаю уж точно.

Увы. Уж лучше бы он был моим первым, чем этот... гад.

* * *

Одеть на себя какую-то грязную (выуженную из стиральной машины) футболку мужа — и вернуться в комнату. Мышью забраться под одеяло — и замереть. Лишь бы не проснулся. Лишь бы вновь ничего не потребовал!

Но вдруг шорох, скрип, дрожание кровати — и приблизился ко мне, обнял, прижав меня спиной к себе.

Окаменела в ужасе.

Господи, молю! Только не сегодня! Только не продолжение ада!

— Ты девственницей была, да? — выстрелом, внезапное.

Поежилась от жути.

Не знаю, отчего больше (или чтобы не тешить его самолюбие, или чтоб не отдать сокровенное ему, или чтоб хоть как-то, возможно, отбить охоту, вызвать отвращение — пусть лучше он разведется со мной!) ляпнула. Да так, что и сама не сразу поняла, что произнесла:

— Нет.

Обмер в удивлении.

Жуткие, пугающие мгновения — и вновь продолжил:

— А с кем тогда? Давно? Или сколько их там... было? — в голос сквозило недоверие, непонимание.

— Один, конечно, — провернулась в его хватке, заодно отодвигаясь на пионерское расстояние, расстояние взгляда. Но тотчас и осеклась, увела очи в сторону. — Мы тогда на даче были. Выпили. Одни остались. На чердаке. Ну и...

— ХВАТИТ! — гневно, — живо оттолкнул меня от себя. Перевернулся на другой бок. — Шлюха, — громом.

Убийственные мгновения тишины, приговора... пока не засопел.

А по моему разуму разлилось жидким, раскаленным металлом осознание того, куда еще дальше мы продвинулись. И кому я досталась.

Хотя... наверно, и я не лучше.

Ведь искренне презираю его.

Глава 23. Тирания

* * *

Еще и девяти утра не было, как радетельный друг, Свидетель наш со свадьбы, Георгий Матросов, он же Жора, прискакал к своему горячо любимому другу.

По стопке для опохмела — и пошли «разогревать мотор», дабы проследовать во вчерашний ресторан для продолжения пира.

А в моей голове набатом сегодняшняя ночь, да и разговоры с Никой.

Под предлогом за таблетками для желудка, в аптеку.

Срочное. Противозачаточное.

Там же и глотнула на сухую.

* * *

И снова попытки строить вид, что не я это готова все спалить вокруг дотла. Что каждое живое существо в этом зале... ненавижу и презираю до глубины души. Особенно его — моего «золотого» муженька, что так и норовил украдкой Свидетельницу потискать, раз жена... несговорчивой моральной уродкой оказалась.

Но ночь... расставила вновь всё на свои места.

И снова я в ванную — заливаться слезами... и ненавистью к самой себе.

Благо, третий день — вместе с дружками укатил на озеро. На рыбалку. С ночевкой.

Дожила до понедельника — и к платному гинекологу с самого утра.

Едва ли не на колени упала, моля спасти от жуткой участи, но так, чтобы муж не догадался.

Для чего-то серьезного — требовались анализы, а потому пока — спермицидный крем.

И надежду в придачу.

* * *

Учеба. Кроме всего этого ада... еще и поступление на носу. Будто со свадьбой никак подождать не могли. Будто завтра планета скукожится, и засосет ее в Черную дыру.

Но черт с ним. Как уж есть.

Учеба. Вновь учеба — панацея от мыслей, слез и страха. И снова попытки забить голову всем, чем только можно, лишь бы уйти от реальности...

Пришел лишь под вечер Лёня. Пьяный, помятый, замученный.

— Ты что... работу прогулял? — с опаской отозвалась я к нему, едва тот помыл руки и подался в сторону кухни.

— Тебя забыл спросить, — грубо рявкнул. Но тотчас прокашлялся. Взял стакан, набрал из бутылки воды. Разворот и, опершись на столешницу, окинул с ног до головы взглядом: — А ты чем занималась? Зачем к врачу бегала? — глоток спасительной влаги.

В ужасе очооченела я, уставив на него очи:

— А ты откуда знаешь?

— Я всё о тебе знаю. Ты же теперь моя жена.

Побежали мурашки по телу.

Лжет, не лжет?

Пристыжено опустила глаза. Ва-банк:

— Я же говорила... живот болит.

— Ты говорила, месячные, — поспешно, едко.

— Ну да... — хрипло, задыхаясь. Нервно сглотнула слюну. — Просто... по-странному как-то. Ты кушать будешь? — вперила в него взор, моля поддаться — поменять тему. — Я тут суп приготовила. И тефтели.

— Нет, спасибо, — неожиданно как-то уже мягче отозвался. Оторвался от стола, стакан в раковину и на выход, на ходу обронив: — В ресторане поел.

* * *

— А чего тут... книжек столько? — обмер в растерянности среди зала.

— А, это... — испуганно кинулась я, собирая, сгребая все свои вещи. — Это я к поступлению готовлюсь. Прости.

— У себя была, что ли?

«Ты же всё знаешь!» — так и захотелось съязвить.

Сдержалась. Значит, врет. Ничего толком не знает.

— Да, у себя.

— Понятно. Только на хр*н тебе всё это? — раздраженно.

— В смысле? — оторопела я.

— Ты же замуж вышла.

— И что? — еще шире мои глаза, поражаясь абсурду заявленного.

— Мне жена нужна. А не академик наук, — с отвращением.

— Но мне это надо... — растеряно пожала плечами.

— Зачем? — невозмутимо. — Ты теперь у нас будешь зарабатывать? А я — на кухне... супы варить?

— При чем тут это? Я же успеваю все...

— А дети когда пойдут? — вперил убийственный взгляд.

Поежилась от жути. Сердце замерло в страхе, предчувствуя гнев, если узнает правду о моем походе. Нервически сглотнула слюну. — Я это... — невнятно зашептала, — я академку возьму.

— Ну-ну. Деньги некуда выкидывать.

— Я на бюджет.

Тотчас прыснул от смеха, заливаясь ядом:

— Ну-ну, давай. Удачи, наивная дурочка. Если что — то я тебе даже проставлюсь. Удиви меня, Фунтик!

* * *

Видимо, и вправду, сильно устал... потому что этой ночью ко мне даже не притронулся. Зря только кремом нащиговалась. Хотя нет, не зря. Уж лучше перестраховаться, так как срочным — запретили больше пользоваться. По крайней мере, полгода нужен перерыв.

* * *

А дальше — и вовсе повезло. Командировка на несколько дней. До выходных могла выдохнуть.

Я знаю, знаю, что перед смертью не надышишься. Что так или иначе... мне придется со всем смириться, принять. Но не могу. Не могу. Каждый раз — как будто предаю Федю. Себя. Каждый раз — как будто какой-то страшный зверь меня глодает, раздирая сознание изнутри.

Не ведаю, как дальше, и когда это придет смирение... но от страха, этого постоянно понимания, что будет при встрече с ним ночью — сродни пыткам. И скоро... мне кажется, я действительно сойду с ума. Если не сведу счеты с жизнью.

Не могу... сил на все это не хватает.

И снова учеба лекарем. В понедельник экзамен. Зубрить по сотому кругу то, что уже и ночью разбуди — расскажу наизусть. Я справлюсь. Я докажу, что могу. А далее — далее, если есть бог где-то там, он разведет нас. Не даст гнить рядом с тобой. Или просто заберет к себе. Но я не могу. Не хочу. Не буду...

Уснула с немой мантрой на губах. И снова во сне Федька, которого у меня отбирают. Или убивают. Или просто он тает, словно марево.

За что? За что мне все это? Неужели... это и есть расплата за то, что пыталась разлучить пару? За то, что невольно горе дарила другой?

* * *

Серебров вернулся домой лишь в воскресенье. Под вечер. Пьяный в усмерть.

Только и успела я ему всучить миску с борщом да сметаны банку.

В ужасе молнией в ванную. За заветный тубик, шприц и дрожащими руками исполнить задуманное.

— А это что еще? — разрывающим небеса громом прозвучали его слова. За шумом воды не услышала, как дверь открыл, вошел. Замерла я, не дыша, пойманная, словно вор, на горячем.

— Л-лекарство, — только и смогла выдавить из себя.

— С кем это ты уже тр*халась тут без меня, что подцепила заразу? — саркастически-хладнокровно. Выпад — и выхватил тубик. Повертел в руках.

Холод охватил меня изнутри, отрицая даже законы физики и кипятка, что рвался из лейки дождика.

— Ты ох*ела?! — взбешенно, округлив очи. Тотчас вперил в меня жуткий, убийственный, пронзающий взгляд. — Это то, что я думаю?!

Сжались все мышцы от страха, выгоняя влагу из тела долой.

— Нет, — отчаянно, глупо вру, давась уже слезами.

— Ты что мне лапшу вешаешь, тварь?! — неистово. — КАКОЕ НЕТ?!

Вдруг рывок — и ухватил меня за волосы. Дернул на себя.

Не поняла даже как выбралась, вылетела из ванны. Поволок. Будто вещь, будто тряпку какую, на крики, мольбу, рев не обращая уже никакого внимания.

— Ах, детей она от меня так хочет! Бережется, гнида е**чая! — разворот за руку — втолкнул меня в зал, швырнул на пол. Отлетела я к батарее. — Сейчас я тебе покажу, как предохраняются! Так покажу, что, с*ка, сама еще у меня будешь молить, чтоб все по-человечески было!

Схватил нахрапом, к себе спиной.

— Не надо! Леня, молю! — горестное. А в голове уже мозги закипали от ужаса, осознавая, что именно тот хочет сотворить.

— Ты у меня, мразь, на всю жизнь запомнишь, как меня в дураки шить, шалава ты малолетняя! На чердаке, значит, говоришь?! И куда он тебя?! НУ?! — бешено, выламывая руки до боли, пытаюсь свершить все неестественным путем. Рвя меня до крови и адской боли.

Завыла, завыла я не своим голосом, кошмаром давясь.

— Не надо! Не надо! Я врала!

Сдалась моя вселенная.

Да только Тиран уже ничего не слышал.

Не вышло задуманное, так вышло иное — привычное. Не менее мерзкое и унижительное.

Бросил там, у батареи — и сам ушел в спальню, на кровать спать.

Поздно уже было что-то делать. Да и пришла в себя лишь под утро, окончательно все осознав.

* * *

Это был понедельник. Тот самый. Экзамен. А я ни стоять, ни лежать, ни сидеть толком не могла — все тело адски болело. Да и руки... до сих пор тряслись. Спасибо, что хоть Серебров на работу отправился.

Но уйти из дому — ушла. Не смогла... больше оставаться в этой адской темнице. Там, где не только меня окончательно лишили детских наивных грез, но всякого... человеколюбия.

Куда пойти? Куда податься? Кому жаловаться? Ведь всем... на все плевать.

Да и... вроде как, сама заслужила.

Опять... сама заслужила.

Сама даже не поняла, зачем сюда пришла. Ведь отец явно сейчас... тоже на работе. Но, тем не менее, жму звонок.

Аннет.

— О, привет, — торопко, отступая, давая мне невольно понять ее приглашение. Потопала на кухню. — Ты какими судьбами? Как жизнь молодых?

Разулась — и покорно проследовала за ней. Присела на стул.

— Чего голову повесила?

— Я его ненавижу, — искренне и взрывом. Как никогда еще с ней... искренне. Глаза в глаза.

Оторопела та, выпучив на меня зенки. Так и замерла со столовой ложкой полной какой-

то каши, смеси посреди кухни.

Еще один взмах моих ресниц — и потекли слезы. И снова позорно взор уткнуть в пол. Каюсь.

Господи, мне даже больше не к кому пойти. Никому не нужна. Никто не хочет слышать. И даже ей все равно, но все же...

Нервически сглотнула девушка слюну. Шумный вздох.

Разворот и опустила заготовленное в детскую бутылочку.

Руки в боки — и вперилась в меня:

— И что ты от меня хочешь?

— Ничего, — с обидой, залпом. Живо встала я с места, только в коридор, как тотчас поймала та меня за руку:

— Стой!

Подчиняюсь. Лицом к лицу, не касаясь глаз.

— Присядь, — кивок головы, указывая на стул.

— Я пойду. Зря я вообще... пришла, — растерянно, с опаской: уже не знаю... от кого что еще можно ожидать. И кто еще как решит меня наказать, унижить.

— Вань, присядь, пожалуйста. Давай поговорим.

Колкие сомнения — и покоряюсь.

Вторит и Аннет мне. Напротив.

Шумный вздох. Взор около. И вдруг осмеливается, шепотом:

— А замуж ты за него зачем тогда пошла?

В удивлении выгнула я брови. Миг — и сдалась: очи в очи.

— Отец заставил.

От шока даже рот ее на мгновение приоткрылся.

— А то ты не знала, — невольно язвлю.

Еще бы! Его же женушка всегда в курсе всех событий!

— Нет, — искренне, замотав головой. Прокашлялась. — Но... почему?

— Неважно, — от стыда прячу очи. Гадко сознаться, в том, в чем всегда за глаза, наедине тихо сама с собой, обвиняла Анну, а в итоге и сама оказалась не лучше — поступила точно так же.

Жгучие мгновения растерянности, выжидания, и вдруг снова отозвалась:

— Ну... не знаю. Если уж... так.

— Я домой пойду, — резво вскакиваю вновь.

Разворот, как тотчас мне в спину, будто бомбой:

— А ты другого представляй.

— Что? — в ужасе уставилась я на нее, не веря своим ушам.

— Другого, говорю, представляй. Глаза закрыла — и вперед, — смущенно, тихо прошептала.

— Так, как ты с моим отцом делаешь, да? — сама не знаю, почему сорвалась, столь жуткое ляпнула.

Опешила девушка. Мгновение — и наконец-то натянула на лицо свою привычную, злобно-циничную маску:

— До него. А ты, Вань, — гневно, — взрослая девочка. И хватит из себя жертву строить. Тут два выхода: или смирись... и слушай, что тебе советуют, раз этот брак так нужен был. А нет — мы не в девятнадцатом веке. Паспорт в зубы — и на развод. Гляди, и покороче браки

в жизни случались.

Ошарашенная, виновато опустила я голову. Молчу.

— И потом... это же мужики. Всё от тебя зависит. Будет ли он тебя любить и за тобой ухаживать, слушаться и подчиняться, или же станет деспотом и разотрет тебя в порошок. Прошло детство. Включай мозги. И хитрость. Нужен — хватай за рога и правь парадом. А нет — пинок, и пошагала смело дальше по жизни. Не повторяй моих ошибок — не жди годами, что ненужное вдруг станет нужным. А отца твоего — я люблю. И ребенок у нас с ним — общий и долгожданный. Что бы там твоя мать про меня не говорила, и какие сплетни в чужие уши не вливала. Так ей и передай. И себе запомни. Я люблю Колю. И мне плевать, что это вас раздражает.

* * *

Когда попала домой, Он уже вернулся с работы.

— Где шлялась? — грозно.

— У мачехи, — виновато, с испугом, тихо.

— Что... новые методы контрацепции выпрашивала? — ядовитым сарказмом прыснул.

— Нет, — поспешно.

— Или жаловалась?! — исступленно.

— Нет, конечно, — опустила голову. Помыть поспешно руки — и на кухню. — Кушать будешь?

— Нет, б***ь! Я воздухом питаюсь! Чего у нас пусто?! — не умирят пыл.

— Там вчерашнее... — тихо с испугом.

— Сама жри вчерашнее! Я что... мало денег зарабатываю?! Что буду этим дерьмом давиться! — тотчас схватил кастрюлю (что я успела достать из холодильника) и запулил в раковину. Зазвенела посуда. — И чего, б***ь, тарелки немыты?! Или что, у тебя руки только под крема заточены?

— Мне плохо было, — взволнованным шепотом, пряча взгляд.

— Плохо?! — яростным криком. — Я сейчас быстро тебе хорошо сделаю!

Замах руки — как миг завизжала я, давясь страхом. Забилась в угол, прикрываясь ладонями.

Но... не тронул.

— Моду взяла... пререкайся! — более сдержано. — ЖРАТЬ ДАВАЙ! — отступил пару шагов назад. — Чего замерла?!

— Прости, сейчас, — торопливо. Кинулась я к холодильнику прожогом.

— И не ной мне здесь. Бесишь.

Ушел в комнату, к телевизору, давая нерадивой жене... больше свободы.

* * *

Смирение. Мой выбор — смирение.

И эту ночь, хоть душой... но провела я вместе с Федей.

И пусть я не понимала до конца, что имела в виду Аннет, а все же... в чем-то ее советы принесли плоды.

Я стала тише, спокойнее. И моя отзывчивость, короткость все же утихомирили Тирана.

Несколько недель пыток-попыток ужиться вместе, подчиняться воле мужа — и мы уже... почти нормальная семья. По крайней мере, со стороны, пока не закрывалась за нами дверь, и мы не прятались ото всех на свете.

Ложь. Спасительная ложь, игра и сплошное притворство.

Он пользовался мной, а я — им.

Как ни крути... но как-то, да будет.

А там и результаты анализов пришли. Подобрали мне гормональный препарат.

Осталось только тайно купить, придумать, где прятать, и дожидаться месячных.

Не знаю. Если я и могла принять самообман ночей, то ребенок... от этого ублюдка — казалось, это сродни преступлению против всего человечества. Против себя самой.

Как ненавидела Сереброва — так и ненавижу до сих.

А развод... может, Аннет и права. Не девятнадцатый век. И плевать на отца, на данное ему слово. На всех плевать — и начать самостоятельно распоряжаться своей судьбой.

Черт! По-моему, единственное, что я жизни знаю, так это то, что ничего не знаю. И никакая золотая медаль мне не помощник. Увы... такому в школе не учат. И вряд ли когда станут учить.

Как делать правильный выбор. И где найти силы... дать фатуму бой.

Да поздно. В конечном счете, все это (все эти мысли, грезы, надежды на собственную смелость) — всё оказалось тщетным.

Поздно.

Сначала эта запойная молочница (с той самой роковой ночи, когда меня мой муж пробовал всячески) и до сего дня, а дальше... тошнота, слабость, постоянное нервное напряжение.

УЗИ.

Беременна.

Я. Беременна.

Наверно, я окончательно осознала все то, где сижу, что творю, на что решилась, только когда меня переодели в сорочку — и посадили на койку, в ожидании очереди на... аборт.

Мне даже не было страшно.

Казалось, всю меня изнутри настигивали льдом, и эти шипы, дико таращась в разные стороны, разрывали не только сознание, но и плоть.

— Ваня?

От ее голоса меня даже подкинуло на месте, вырвав заодно из своего дурмана, кошмара, сна.

Уставилась в знакомое лицо.

— Узнаешь? — мило улыбнулась девушка. — Алёна я, ты еще с аппендицитом к нам

попала. Да вот же, не столь давно. А я вот теперь здесь. А ты как тут? Подожди, — поморщилась. — Это ты, что ли, следующая? — дико вытаращила очи. — А то, думаю, совпадение. Тоже Ванесса.

Но всё и так понятно.

От стыда опустила я взгляд. Повесила голову. На глаза проступили слезы.

— Да ладно, Ванюша! — живо присела рядом и обняла меня за плечи, прижала к себе. — Ты чего?! Всё наладится!

— Я не знаю, что мне делать.

— Зайка, хорошая моя, — внезапно сжала меня в своих руках, поцеловала в висок. — Успокойся.

— Я ничего уже не хочу. Ничего, — отчаянно. Утопила лицо в ладонях, давась уже новым накатом истерики. — Алё-ён, — горько, — почему я тогда не умерла?! Почему? Почему не дали?! Почему я до такого докатилась?! Почему?!

— Ну, — несмело. — На всё воля божья.

— Я не знаю, что мне делать, — в голос вновь произнесла то, что уже мантрой отбивал мой пульс рассудка. — Просто не знаю...

— И не делай, — внезапно. Еще сильнее сжала в своей хватке. — Обдумайте еще раз все хорошо, сообща. Поженитесь, родите. И все наладится.

— Мы, — захлебываясь позывом сумасбродства, рассмеялась я, — и так женаты, — в позоре отвожу взгляд.

— Ну так тем более! А тут вдруг... что не так пойдет, и все: считай приговор на всю жизнь. Да и потом! Ва-ань... это же ребенок! Это... не болезнь и не проблема. Это радость. Да, приносящая заодно некие сложности, но... тем не менее радость! Поверь моему опыту — с его рождением... все ссоры, все эти бредни, страхи — все отойдет на второй план.

— А если я его тоже буду ненавидеть? Точно также? — в страхе уставилась ей в глаза, вымаливая правды, истинного предсказания. Верного решения.

— Кого? — оторопела та.

— Ребенка. Как отца его.

Обомлела. Но миг — и наконец-то совладала с собой. Вздернув бровями, шумный вздох. Взор коло — и снова мне в лицо:

— Вообще-то, это прежде всего твой ребенок. Тебе его вынашивать, выкармливать, воспитывать. И поверь, когда он родится...

— Ален, — перебиваю ее. — Мне только девятнадцать, зачем мне все это?

Вонзаю в нее взгляд, полный укора, будто это она в чем-то виновата. Будто она меня тащила под венец...

— Ну... Девятнадцать, так девятнадцать. Когда уж получилось. Не пятнадцать. Отличный возраст. А если останешься вообще навсегда без детей, что тогда?

— Из детдома возьму, — рыком, отворачиваясь.

— Ага. Легко сказать, да тяжело сделать. Не каждый сможет вынести эту ношу до конца и достойно. Вань, — отдернула меня за локоть — не поддаюсь, — если сомневаешься — не делай. Молю тебя, не делай. Ведь потом все осознаешь до конца, а будет уже поздно... Не простишь себе никогда. Поверь! Не делай. Ребенок не должен платить за грехи отцов. Он не виноват... и не заслужил, чтоб его убили. Ручки, ножки заживо оторвали.

Поежилась я от ужаса. В страхе уставилась на нее:

— У меня еще маленький срок.

— И что? — грубо. — А сердечко его уже бьется. Он там, — коснулась вдруг моего живота, — живой. Понимаешь? Прошляпили? Прошляпили. Бог дал — дал. И нечего идти против судьбы. Смирись — и подари ему счастье. Ты мать — и это в твоих силах. Подари ему жизнь. Ведь у него... кроме тебя, способного на это, никого нет. Ты единственная, кто ему сейчас нужен. А он — нужен тебе. Иначе бы... не сомневалась. Не сидела бы здесь со мной и не лила слезы.

* * *

Не смогла. Я не смогла.

Едва открыла дверь, как с порога... встречающему меня, вновь разозленному моим отсутствием, мужу:

— Я беременна.

* * *

Сказать, что Леня сильно вдохновился, переменялся — соврать.

Конечно, он стал мягче, да и близость... стала, что ли, более учтивой, аккуратной, в остальном... еще не раз мне пришлось убеждать, что я тогда соврала... и до него, как и ныне, у меня никого, кроме него, мужа, нет и не было. И этот ребенок исключительно от него.

А после... и вовсе гинеколог объявил мораторий на интимную жизнь, основываясь на возможной угрозе выкидыша. Недели затишья. Недели счастья.

А Лёня... Лёня мне даже цветы стал порой дарить. Отчего еще страшнее становилось.

Знакомы, вроде, давно, живем вместе не первый месяц — а человека этого вообще не знаю. Что он захочет в следующий миг (убить или просто обнять) — даже близко не предполагаю.

* * *

Наверно, я первая жена, которая так отчаянно мечтала, чтоб у мужа появилась любовница. Чтоб он к ней шел за близостью и ласками, а не ко мне. Чтобы от нее требовал все то, что должна отдавать жена в кровати. Накормить, помыть, постирать — что угодно. Я буду твоей служанкой. Но только... не постель.

Врала. Нещадно всем и вся врала, что живот внизу тянет, болит, что токсокоз шквалом, да и давление помогало, а потому почти сразу на сохранение положили. Хотя... Лене все же досталось несколько «лакомых» ночей. А уж как ластился, сколько нежности и заботы проявлял! Будто до чего-то сверх хрупкого и сверх возделенного добрался. Как никогда. Что даже я сама не выдержала и разревелась от взрыва чувств, от оксюморона прошлого и настоящего.

— Малышка, ты чего? Котенок, не плачь! Ну хочешь... не сегодня? Устала, да?

Тошнота тотчас подступила к горлу.

Удушить хотелось. Его. Себя. Всех на свете. Сколько лжи и притворства. Ведь задень

его хоть пальцем, поступи неправильно, прояви лишнюю, неверную эмоцию — и получу сполна.

Демон, который не мог вот так раствориться. Пропасть. Он есть. Он здесь. И я его чувствую.

Но время стирает границы... и память. Плохое забывается, хотя внутренне напряжение так и не смогло меня навсегда покинуть.

Родила.

Лучшая клиника. Лучшие врачи. Поддержка любящего мужа — и родила... мальчика.

Глава 25. Химера идиллии

* * *

Так или иначе... я смирилась.

Алена была права. Когда родился малыш, всё остальное просто отошло на задний план. Все эти предрассудки, паника, глупые надежды и мечты. Всё кануло в Лету.

Я нужна этой крохе, и никого больше нет у него помимо меня. И я все сделаю, чтобы он был счастлив. Даже если цена тому — моя собственная жизнь, судьба.

Прошла и паника, гнев, ненависть к Лене. Безропотность и здесь поселилась. Он старался быть заботливым, внимательным мужем, добытчиком, защитником семьи — а я... хорошей хозяйкой в доме и покорной женой. Даже постель перестала быть для меня адом.

Со всем смирилась. Приходила ночь — и я выполняла то, что обязана выполнять любая жена. Долг. Самый что не есть... супружеский долг. И временами это даже приносило мне удовольствие.

Аннет. Еще одна мудрая советчица, женщина в моей судьбе. Хотя, наверно, ее метод я и сама интуитивно знала... (тогда еще, на даче, когда со Шмелевым решила: выпивка выпивкой, но все же происходящее осознавала и было действительно добровольно, хоть и в пылу гнева, обиды, боли). Но... тем не менее... совести, наглости мне не хватало, видимо, на такое самостоятельно решиться. А тут — с чужой подачи, как некое добро... на возможность сохранить мир в семье, равновесие в себе... и силы не сойти с ума, существовать и дальше.

Со вторым ребенком пока решили повременить, дабы сначала этого до ума довести. Пусть чуть старше станет, тогда и о прибавлении подумаем. Леня подумает. Так что таблетки противозачаточные отныне пила с позволения, не таясь.

Отныне и навсегда я стала Ванессой Серебровой. Я нашла в себе смирение и приняла свою судьбу. Долг есть долг. И его надо отдавать. Будь это перед отцом, мужем... или сыном.

* * *

С родителями я больше не общалась. В принципе, как и вообще ни с кем другим: ни подруг, ни друзей. Всё свое внимание уделяла семье и домашним хлопотам.

Свекровь и свекор хорошие мне достались. И пусть и слова доброго от них не дождешься, зато и злым не баловали. Сын взрослый, а потому и нос свой даже не показывали... За что без меры благодарна.

Внука видели строго по праздникам, и то... в основном его сам Леня к ним возил на сей светский раут (дабы побыть без тотального контроля молодой, перепуганной мамочки). И не то, чтоб недолгоблвали меня или Малого. Нет. Просто люди такие, да и у них дел по горло. Настоящий выходной, по сути, выпадал исключительно на все те же праздники. Праздник становился праздником, и я могла хоть немного передохнуть.

Так что... никаких претензий: у них — ко мне, а у меня — к ним.

Позже, не знаю, с чьей доброй подсказки, или сам догадался, нашел временную нянечку

(от постоянных услуг отказались — не любит Леня чужих людей в доме — и в этом мы с ним едины). Так что немного, а смогла хоть иногда разгрузиться или выкручиваться из сложных ситуаций.

Сын вырос, и вот уже недавно мы отпраздновали два годика. Увы, пришлось всем вместе собраться: с настоятельной просьбы мужа позвали даже моего отца, мать и Аннет. Были и его родители.

Тот еще личный ад для меня.

После всего... как бы ни странно звучало, только на Аннет спокойно и могла смотреть. И то, потому что на нее мне было глубоко плевать.

Отпраздновали, поставили галочку — и на том спасибо. Ребенок счастлив, а что еще любящей матери нужно?

Да только это было лишь начало. Начало перемен.

Леня взялся меня таскать с собой на свои корпоративы... и дружеские посиделки. Нет, не всегда, но как для меня, затворника, довольно часто.

Нашлось место в моей жизни и даже новым друзьям. Для меня — новым.

Матросов «Жорик». Тот самый, что радетельным Свидетелем на нашей свадьбе был, и у которого не раз оставался после пьянок ночевать мой муженек.

Отныне и меня приобщили к этому обществу, всучив новые обязанности, в том числе мило улыбаться тем, кто искренне раздражал.

— Нашел бы он уже себе постоянную как-нибудь девушку, вон сколько нормальных ходит! — гневно выпалила я, стоя у зеркала, прихорашиваясь на очередной такой «развеселый» поход.

Странный хохот в ответ, отчего тотчас выглянула я из гардеробной, уставилась на мужа:

— Что? — округлила очи.

— Ты как в воду глядишь, — ядовитая ухмылка.

— Да ладно? — не сдержалась от язвы и я. — Определился-таки?

— Ну, — пожал плечами, застегивая запонки на рукавах, — до свадьбы явно далеко, за нее слово никто не вписывал, — игнорирую (старая, дурная тема, которой уже меня не проймешь). — А так... да. Любо-оф-ф там страшная.

Гоготнул, но вмиг осекся. Взгляд на меня:

— А ты чего застыла? Собирайся быстрее. Ждут нас уже, небось. Вот как раз и познакомишься.

— Так няня же еще не пришла, — возмущенно.

— Придет-придет.

* * *

Это даже не залпы из пушек, и не осколочная граната в мое сознание. Нет. Термоядерный взрыв в пекельном количестве тротилового эквивалента.

Маргарита Рогожина. Она же Рита, али, как модно отныне, Марго.

— Я ее знаю, — вытаращила очи на мужа, едва мы остались одни (Жора отошел позвонить, а Рита — в уборную).

— Да ладно! — язвительная ухмылка. — И что? Моветон?

— Да причем тут! — едва не визгом возмущения. — Нет, конечно. Она умница. Но...

она же еще ребенок!

— Ну, — откинулся на спинку стула. — Главное, что восемнадцать есть, а там... Ты тоже у меня не старушкой была.

Виновато опустила голову.

— Ванесс, пусть они сами разбираются. Главное, — ехидный смех, — лишь бы все в пределах закона, не хотелось бы свои связи подключать, дабы его из тюрьмы потом вытаскивать.

— О чем говорим? Чего грустим? — раздался вдруг голос мужчины. Георгий. Конечно, кто как не этот докучливый дяденька (а возрастом он даже постарше Лени будет).

— Да это... — тотчас отозвался мой муженек. — Меню рассматриваем. Думаем, что на десерт.

— А... — присел рядом. Беглый взор по сторонам, выискивая, видимо, свою даму, и вперил взор на товарища: — Это пусть наши дамы решают. Мы же с тобой на другой десертной диете, — гоготнул.

Раздраженно вскинула я бровями, но смолчала. Пошлые намеки от Жоры — та еще тонкая работа мастера, хоть записывай и цитируй.

— Чего-то моя мамзель и вовсе затерялась, — горестно (наигранно) вздохнул Георгий и принялся и дальше уплетать свой ужин.

— Я ее поищу, — будто черт из табакерки, вскочила я с места.

* * *

— Я думала, ты и не догадаешься прийти сюда, — вместо удивления, выпалила мне Рогожина, едва я нырнула в уборную.

В растерянности взор по сторонам — и покорно шаг ближе.

— А... э... прости.

— Ну, спрашивай, — вызовом обронила та вновь мне, поторапливая мое занудство. — А то весь вечер поедает глазами, — ироническая усмешка.

— Ты же Рогожина? — невольно дрогнул голос, едва заветное слово обронила вслух.

Ухмыльнулась:

— Я тебя тоже узнала. Ты — Ваня, да?

Закивала я поспешно головой, пряча от стыда очи:

— Только муж не любит, когда так коверкают мое имя. Ванесса, Несса.

— Понятно, — скривилась на мгновение девушка.

— К-как там... — запнулась я, глотнув звук; учтиво подняла взор, уставившись ей в лицо, — Н-ника?

— Ника или Федя? — саркастический смех.

Поежилась я от правды.

— Об-ба. Оба, конечно, — заикнулась.

— Да что им?.. Одна учится, здесь, как и я, в городе. На переводчика поступила. А брательник — сидит, не кашляет: семь расписных лет на гос. обеспечении — лафа.

Жуткое, терзающее как душу, так и плоть молчание. Взгляд по сторонам, проводя заодно невольных слушателей на выход, как, едва я вновь осмелилась заговорить, тотчас перебила меня Рита:

— Только можно просьбу?

Запнулась я в удивлении. Мгновение — и лихорадочно закивала в одобрении:

— Да, конечно.

— Только не говори, что ты меня знаешь. Ну...

— Уже, — испуганно обронила я, но в момент осеклась, закусив от стыда губу.

— Б***ь! — окоченела та в возмущении, гневно скривившись. — И про брата?

— Н-нет! — в ужасе замотала я головой.

— И не надо! — приказом. — Не хочу, чтоб Жора знал... из какого дерьма я вылезла!

Хорошо? — не менее грозным требованием.

Обмерла я... не имея возможности до конца осознать, внять услышанному.

Но еще секунды — и покорно закивала.

«Дерьма»?

* * *

Сдружились. Волей, али неволей — но очень сдружились мы с Ритой. Она была тайной моей ниточкой с прошлым, с Рожиными... с моим Федькой, даже если и отрицала все это, скрывала и ненавидела. Даже если впредь я никогда не осмеливалась вновь о Них заговорить, Маргарита стала глотком свежего воздуха... в моей камере смертников, где уже выкачали кислород и вот-вот пустят газ.

А Леня только и был счастлив. Теперь он не нервничал, что я переживала, когда он отправлялся на свои «дружеские попойки», и даже на сих раутах больше не была обузой. Едва переступали порог заведения — как тотчас меня благополучно спихивали на мою «новую подругу» Риту, а сами отправлялись пробовать «новые сорта коньяка» (будто наизусть вы их уже не выучили!). Да и всего-то... из дорогих и «...стоящих, — как тот же Серебров и выражается, — раз, два и обчелся».

* * *

Но недолго счастье было. Не прошло и полгода, как Жора «устал» от постоянства, «рутины», «однотипности». А попросту, кобель ушел в загул.

И, что самое, наверно, страшное, обидное, Рита готова была ему это прощать. Да только... только Георгию сие не надобно было.

На следующий «раут» Матросов привел уже новую «пассию». Причем, судя по виду, еще моложе Рогожиной. Одна надежда, что Леня прав, и тот следит, дабы «девочкам» было восемнадцать.

Мерзкий ублюдок. Не зря меня от него тошнило. И что в нем такого нашел Серебров — непонятно, ведь по характеру и отношению к жизни — сплошная противоположность.

Ч. 6. Глава 26. Призраки прошлого

Часть Шестая. Преступление и наказание

Глава 26. Призраки прошлого

* * *

А дальше... дальше и вовсе пришла беда на мой порог. Да только нет худа без добра: маски пали... и на многие ответы я получила уже окончательные ответы. Как говорится, ху из ху.

Как и боялся отец, так и свершилось. И пусть он удержался на должности, на работе (вопреки всем запретам врачей), за жизнь удержаться — так и не смог.

Малому только-только три года исполнилось, как пришла жуткая, убийственная (как для меня новость): Соколова Николая Артуровича не стало. Папы не стало.

И если я убивалась от горя потери (даже не смотря на прежние обиды и размолвки) столь близкого, горячо любимого человека, то... остальные пришли в шок от последующего за всем этим сюрприза — завещания. Покойный оставил распоряжение, согласно которому практически все отходило его новой жене Аннет и их маленькому сыну.

Я же (как я это для себя оправдываю) — уже пристроенная взрослая личность, и у меня есть муж, который всем меня и наших детей обеспечит, а потому — по нулям.

Вот только Леня никак не ожидал такого поворота событий. Как и мать, они пришли на оглашение «приговора» боярами, желающими получить если не всё, то львиную долю богатств, а уши...

Да ладно вечно сетующая на отца мать сорвалась и начала его грязью полевать! Взорвался в негодовании и Серебров. Столь разъяренным и разочарованным в жизни я его еще никогда не видела:

— Вот теперь всё сходится! — бешено выплюнул мне спьяну в лицо, едва мы добрались после бара домой. — Ты даже папане на*** не нужна! Даже он считал, что ты глупая, бесполезная тварь, не стоящая ни копейки! Потому и спихнул! Потому и бросил вас! Ушел из семьи и матери вернул! А я, наивный баран, повелся: выгодный брак! Обоюдное преумножение! Стерпится, слюбится! Сколько придури, дерьма твоего терпел! И вот она — благодарность. Получите, распишитесь!

— Леня, не надо... прошу! — отчаянно взмолилась я, уже захлебываясь слезами. — Не при ребенке же, — попытка обнять малыша, как тотчас вырвался тот из моей хватки — и к отцу.

— Да пусть знает! — проигнорировал движение сына, но и не оттолкнул. — Каким дед у него оказался г**доном! И мать шл*ха! Небось, все знала?! Да?! Что болел, что осталось недолго?! Чтодох*ра на больницы спустил! А остальное, — едкое, заливаясь сарказмом, — п*зде этой своей... Аннет, ***ть ее * **т! Да з**бали! З**бало все ваше семейство! И ты в первую очередь!

Виновато опустила я голову. Молчу.

— Пусть только хоть раз к нему на могилу поедешь — собственными руками тебя удушу. ПОНЯЛА? — бешено, сплюнув мне в лицо.

— Поняла, — покорно.

— Всё, не было его в нашей жизни — и вовек не будет! Мрази кусок! Это же надо! Все своему малому ублюдку, а этой — *** лысый! Ну-ну... — шумное, надрывистое дыхание. —

Чего замерла?! — вдруг вновь ожил, рывкнул мне в лицо. — Жрать иди готовь! Голодный я! Или что, тоже на всех *** забьешь, как папенька твой?!

Поспешный, покорный разворот — и шмыгнула из коридора на кухню.

— А ты уйди, — вдруг гребанул мальчика, оттолкнул от себя. — Не до тебя сейчас, — уже более сдержано. — Буду у себя в кабинете.

* * *

Но не выгнал. Не прогнал меня, да и... орал, зло сгонял не столь уж долго.

Конечно, проследил, чтоб ни на сорок дней не попала к отцу, ни на годовщины (день рождения, смерти), а в остальном — «простил», смирился.

Как потом однажды вновь спьяну сознался, что хоть «вариант навязали нормальный».

Деньги. Плацдарм всей нашей семьи — сделка, желание иметь много денег.

А я-то думала, все голову ломала, почему... почему вопреки всему он терпел и подстраивался, уступал. Да даже гордость где? Коль видишь, что живешь с тем, кто тобой брезгует, кто тебя ненавидит (по крайней мере, поначалу), терпит.

А вон оно — «приданное» ждал.

Ну что ж, папенька. Тут я с Леной солидарна: продать ты меня продал, вот только... ценного ничего не приложил, ведь без твоего наследства и связей, как выяснилось, я и яйца выеденного не стою.

И пусть мама откровенную войну объявила Аннет (суды, попытки опровергнуть подлинность завещания), я же ее не ненавижу. Это их выбор, да и... по сути, муж позаботился о своей семье как есть. А мы, я — это так... ошибка, пробник, который явно не удался. Разочаровал. А потому и вышло, как вышло.

Зла не держу, но и одобрять сложно.

* * *

Этот день изначально как-то не задался. И хоть за окном еще вчера бродило бабье лето: сегодня же пасмурно, холодно и безумно ветрено. Вот-вот пойдет дождь.

— Зай, вставай, — окинула заспанным взглядом детскую, а затем уставилась на малыша.

Голова гудит, тошно как-то даже, дурно, но обязанности есть обязанности.

Пора выдвигаться в сад, да поскорее, если не хотим опоздать.

Да что ж это такое?! Нет, ну ладно бы хоть погода была нормальная, ан нет! Да какой там сад! Нужно срочно прокатиться на горке, да все качели обойти!

— Сына, родной мой! Зая, ну пошли уже в садик! Кашку кушать! Там детки, друзья твои ждут!

— Не-а, — коварный взгляд и кинулся к песочнице.

Да Ежкин кот! Да никогда еще такого не было! Всегда кроткий по утрам, послушный. А тут — сам не свой. Знала бы, сто раз бы другую дорогу выбрала! А то умудрилась по привычке сократить путь.

— Малыш, ну, — отчаянная попытка достучаться до вредины.

Облокотилась на деревянную лестницу, вперила в сына взгляд.

— За-ец, а то папе позвоню, — не унимаюсь я. — Ты же знаешь, нашего папу злить нельзя!

— Не нано папу! — обмер на миг, в тревоге уставив на меня взгляд.

— А кто тут маму не слушается, а? — от этого голоса за спиной меня тотчас передернуло на месте, внутри сковав всё коркой льда.

Мигом обернулась и в ужасе уставилась нежданному гостю в лицо. И звука не смогла выдать. Задыхаюсь. Будто кто за шею схватил и принялся отчаянно душить.

— Привет, — несмело, роняя на уста робкую, озорную, родную улыбку.

— Мама! Мама, ну не плачь! — прилип ко мне малыш. — Я поду, поду! Только не плачь!

Невольно рассмеялась я, пристыженная; обняла сына за плечи, прижав к себе:

— Хорошо. И не балуйся больше. Идет?

— Ага, — но миг — и вырвался из хватки. Помчал уже в сторону сада.

Дернулась и я за ним, заодно выскальзывая из удушливого плена.

Последовал. Последовал покорно и Палач за нами.

— Да стой ты! — визжу, видя, как вот-вот малыш выскочит на дорогу. — Зая, там машины! Стой! — срываюсь на бег. — ФЕДЯ, СТОЙ! — ору уже иступленно.

Еще момент — и ухватила за шкурку, потащила на себя. Визг, крик, драка.

— Успокойся! — рычу, сгорая от переизбытка эмоций. — Ты обещал!

— Не хочу! Я сам! — попытка вырвать свой ворот из моих рук.

— Да сам, сам! Давай только дорогу вместе перейдем!

— Не хочу, я сам! — гневное.

— Давай со мной? — внезапно отозвался мой Истязатель. Шаг ближе и протянул ладонь малышу. — Мне одному страшно. Поможешь мне?

Растерянный взор на меня, на молодого человека — и вдруг сдался. Согласился. В момент ухватил того за руку и потащил на проезжую часть.

— погоди! — тотчас обрывает его Рогожин. Обмерли оба. Взор на меня — подчиняется мальчик, вторит Ему. — А маму-то, маму-то мы не взяли! Обидится же!

Нахмурился. Секунды размышлений — и бросил его, кинулся ко мне — поддаюсь: хватаю ребенка на руки.

Силой толкаю себя в этот жуткий омут. К проезжей части.

— Давай помогу, — потянулся ко мне Федор.

Шарахнулась, отдернулась я в сторону, едва не уронив сынишку:

— Не надо! — Более сдержано: — Я сама. Не тяжело, — вру.

Поспешные шаги в сторону заветного детсада. Не отстают и Гости.

— Мам, мам! А дядю за луку?! — током пронзили слова. — Он же боится!

— Дядя пошутил. Не ерзайся! Обними лучше за шею.

Еще мгновения, еще метры... и замерли около калитки.

— Ну ладно, нам в группу пора, — черство, не мольбою, приказом. Украдкой взор на Рожу, но тотчас осекаюсь. Уставилась на сына: — И так уже зарядку пропустили.

— До сидания! — радостное.

— До встречи, — приговором.

Как добралась до лавки, как уселась на нее — так и поплыло всё перед глазами. Слабость взяла верх, уступая чувствам. И вновь слезы волной, сплошной пеленой.

— Мам, мам! Я пелеоделся!

— Умница, — заторможено шепчу, пряча от стыда лицо.

— Мам, ну не плачь! Я буду послушным!

— Дело не в тебе, зай, — обняла. Прижала к себе. Машинальный поцелуй в плечо.

— А чего тогда? Из-за дяди, да?

— Нет, что ты? — кривлюсь в лживой улыбке. Потрепала волосы на макушке. Взор в глаза. — Просто мне нездоровится. Прости меня. Беги давай, — немного подала в сторону двери в игровую. Послушался.

— До вецела!

— Давай! Люблю тебя, — уже более тихо.

* * *

Дождался. Будто мог мой Палач отпустить меня добровольно и столь щедро.

— Вань, — тихо, украдкой позвал, едва я попыталась ускориться и сбежать от него.

Миг — догнал — схватил за локоть. Силой остановил.

Вырываюсь. А в голове уже взрыв. Сердце давно в клочья. Сочиться из рванья прощальные потоки крови. Сгораю. Заживаю сгораю в ужасе, стыде, шоке.

Никогда не думала, что можно так сильно чего-то бояться.

Хоть миг, хоть мгновение рядом с ним — и даже ад покажется прохладнее, более щадящим.

— Ваня, я просто поговорить с тобой хочу!

И снова пытаюсь убежать.

Орать. Дико орать хочется — едва сдерживаю вой, давясь слезами.

— Пожалуйста! — и снова мой супостат быстрее, ловчее. Бесчеловечнее.

Хватает силой в свои цепи — и тотчас прижимает к себе.

Рев, удушливые рыдания с визгом вырываются из меня.

— Ваня, Ванечка! Не плачь, прошу! Я просто поговорить! Поговорить хочу! — попытка перекричать мою панику. Истерику.

А его тепло будто раскаленная плазма уже испепеляет мою плоть.

— Я не могу! Не могу! — отчаянно сражаюсь за свою химерную идиллию, к которой столько шла, в которую столько сил вложила. — Я замужем! У нас сын!

— Я знаю, котенок, — еще сильнее его стальная хватка, сужаются кандалы, пробираясь, казалось, к самой душе. — Я знаю! Я ж ничего... просто поговорить.

Обмираю покорно.

Попытка взглянуть в лицо ему, но в момент осекаюсь. Отстраниться — и того более недоступно.

— Просто поговорить, — шепотом на ухо. — Прости, — немного помолчав. — Просто иначе не мог поступить. Не мог не увидеть тебя.

— Я замужем, — полоумной мантрой. Не зная... для кого впредь повторяя, напоминая: ему, или всё же себе.

— Я всё понимаю, Вань. Всё хорошо.

Его напор, веление — и вынужденно лицом к лицу, на расстоянии вдоха. Нос к носу. Губы едва не соприкасаются.

— Зачем ты здесь? — горестно я, вымаливая вранье. Грубость. Боль. Но только не то, что может...

— Тебя хотел увидеть, — беспощадным залпом.

— Зачем? — рыком, уже ненавидя себя за столь откровенную слабость, бесхарактерность. Искренность. Его и себя за искренность.

— Хотел убедиться, что у тебя всё хорошо.

Выть, отчаянно голосить хотелось, утопая в агоническом припадке.

— Всё хорошо, — притворной, напускной дерзостью циничный рассудок.

Колкие мгновения тишины — и отваживается:

— Не вырывайся, прошу. Не убегай. Просто поговорим, хорошо? Я ничего тебе не сделаю. Ничего не потребую. Просто поговорим. Прошу.

До боли. И пусть сжимал меня до боли, и я всему противилась отчаянно... казалось, счастливее, чем в этот миг, я никогда еще в жизни не была. Душу дьяволу готова продать... лишь бы это никогда не заканчивалось. Замереть бы так навек. В Его объятиях. Утонуть, захлебнуться, в Его тепле, в Его аромате.

"Мой Федя, Федор. Мой Рогожин", — каждая клетка во мне отзывалась на его имя. И даже пульс, поборов все пределы дозволенного, слился с Его в одном ритме, такте. В одной музыке.

Убей меня, Федь! Убей! Здесь и сейчас. Удуши! Лишь только не дай вернуться обратно в реальность. Не дай... вновь тебя потерять.

Еще один вдох, его давление молчаливой не то просьбы, не то веления — и сдалась.

Склонила голову в кротости, зажмурившись. Кивок головы — и вновь замерла.

— Только давай не здесь, — тихо, хрипло. — Не под окнами. Не хочу, что Ф... ребенок видел.

— Хорошо.

Каждый шаг, едва ли не плечом к плечу, чувствуя родное тепло, чувствуя чуть ли не тактильно вожденное, по эшафоту. По эшафоту наших жизней. Еще немного — и будет самосуд. Нас самих над нами же самими. Самобичевание, переросшее в жестокое самонаказание. Высшую кару. Конечный вердикт.

Еще немного — и замерла посреди все той же детской площадки. Покорно застыл и Рогожин рядом.

Лицом к лицу, повесив головы. Жгучие минуты тишины — и не выдерживаю:

— Ну? Что хотел?

И снова убийственная тишина, робость.

— Федь, — лезвием внутри по тому, что еще осталось чувствительно, что еще не сожрал огонь. — Мне домой пора. Дела ждут, — каждое слово ровня раскаленным углям. Вранье. Ради себя. Ради тебя. Ради нас. Или глупое плацебо.

— Давай проведу, — стиснул зубы, заиграв скулами.

Вдохи. Прощальные вдохи, прежде чем нас погребут. Понимаю. Хочу. Потому и соглашаюсь: сдержано киваю головой. Разворот в сторону дома — и неспешно.

Еще немного. Хоть немного побыть с ним рядом, прежде чем встанет окончательная точка во всем том, что было. Во всем том, чем вот сколько лет... тайно жило, грезило сердце, даже если и никогда не суждено было сбыться.

Спрятались под козырьком подъезда. Замерли у табло домофона. Разворот. И снова лицом к лицу, не имея сил коснуться друг друга взглядом.

— Что ты хотел? — несмело. — Федь... говори, и я пойду. Мне пора.

А саму уже трясет откровенно. Пальцы в замок — и ломать до боли, дабы хоть как-то удержать видимое равновесие, покой.

Да колени подкашиваются — вот-вот упаду.

Разрыдаюсь, кинусь в ноги... моля не отпускать. Забрать к себе, с собой. Куда угодно. Или просто добить. Но не оставлять, не оставлять меня здесь. В этом аду. Где есть цель, есть условия жизни — но нет ни желания, ни сил.

— Прости, — громом.

Поежилась. Казалось, волосы зашевелились на голове. Окоченела я от шока.

Продолжил:

— Прости меня... за что, что подвел. За то, что был слабым. Что упустил. Не уберег тебя.

Я думала, не может быть уже хуже. Больше. Ан нет.

— Это всё?! — лживая грубость, а по щекам уже новой волной сорвались слезы. Отворачиваюсь.

Жуткие, разящие мгновения тишины, что, закладывая уши, громче канонады звучит.

Звонкий, со свистом вдох, глотая нелепую влагу — и осмеливаюсь в ответ (еще рачительней отворачиваясь, пряча от стыда уже не только глаза, но и всю себя):

— И ты прости... Но у меня есть сын. И ему нужен отец. Родной отец. А остальное — неважно.

Зажала кнопки — запиликал домофон. Тотчас ухватил меня за руку Рогожин, подал на себя. С ужасом вырвалась я. Глаза в глаза. Осеклась, опустила взгляд в пол:

— Не надо, Федь, — испуганно, визгом. Прижала руку к груди, будто больную, будто кто ее к пираньям засунул, и те кинулись ее глотать.

— Позвонить можно?

— Что? — ошарашено. И снова взор в лицо. Откровенно дрожу, схожу с ума уже.

Это просто... пере-дозировка.

— Можешь дать телефон? Мне позвонить надо.

Дико таращу очи от столь резвой приземленности в пекле душ.

Но минуты, дабы совладать с растерянностью, с собой, и закивала головой.

Нырнула в сумку и достала аппарат — несмело протянула. Аккуратно взял.

Живо заплясали пальцы по кнопкам.

Заныло сердце, вторя одно единственное жуткое имя: Инна. Зато она его приютит. Зато она будет умнее. Мудрее. Сговорчивее.

Тотчас раздался какой-то звук. Звонок. Запиликало и покорно стихло.

Протянул обратно мне телефон.

Странная, добрая, горькая улыбка, пряча куда большие эмоции:

— Это мой номер. Прощу, — кивнул головой, ткнув взглядом на вещицу, что я все еще никак не осмеливалась взять обратно. — Звони, если что... в любое время суток. Я всегда рад тебе помочь. Друг так друг. Не привыкать, да? — хмыкнул, а затем вдруг рассмеялся. Лучезарная, озорная, родная улыбка. Да только за ней столько слез, что даже я... захлебнулась.

* * *

Не знаю, не помню уже, как втокнула себя в подъезд. Как добрела, доволочила себя до квартиры.

Засунуть ключ в замочную скважину — и прокрутить.

Еще мгновение — рухнула. На колени рухнула посреди коридора. И завывала. Дико, горько. Отчаянно. Как еще никогда. Раздирая горло до крови.

* * *

Пришла в себя лишь под вечер. В квартире уже даже сумерки поселились.

Все тот же коридор, да я... на полу. Попытка встать, как тотчас голова жутким кругом, да так, как еще никогда. Попытка сесть, опереться спиной на стену — и снова неудача.

Разлеглась на паркете. Испуганный взор в потолок.

Господи, что творится?

А Федька! Федька-то в садике!

И снова храбрая попытка быть сильнее телесной слабости. Да не в этот миг — карусель прожогом рванула в бег, а страх сдавил разум. Грохнулась вновь обреченно, заныв от ужаса.

Что делать? Кому звонить?

Я умираю?

Дотянуться до сумки, достать телефон на ощупь и, снова разлегшись на спине, вперить взор в экран: шестой час. Черт дери! Но еще успеваю.

Живо набрать номер сначала один, потом второй...

— Леня... мне плохо, — горестно, моля спасти, уберечь от происходящего, что расплатой жестокой пришло ко мне... за мгновения украденного, незаконного счастья.

— Ванесс, ты же знаешь! — раздраженно. — Я не могу. Врача вызови, таблетки какие-то выпей. Няне, в конце концов, позвони!

— Она не может! Я уже звонила!

— Ну не знаю! — гневно. — Ладно, мне пора. На меня народ уже злобно косится. Потом перезвоню.

Не перезвонил.

Врача... не знаю куда, что. Как я его встречу? Не ползком же перед ним, на карачках.

Пробежаться глазами по куцему списку вызовов и контактов в телефоне (и то, в основном администрации, регистратуры и тому подобное). Номер... без подписи свежей раной.

Еще ниже — и обмерла. Выбор сделан.

— Привет, Рит. Это Ванесса, Ваня Сереброва. Если еще помнишь...

И пусть фыркала та, и пусть взрывалась ругательствами от недовольства, но буквально час — и позвонила в дверь.

Ползком, на карачках к замку. Но вдруг движение ручки — и само полотно дрогнуло.

— Ну, где тут умирающий? — залились ее уста язвительной ухмылкой. Рогожина.

* * *

Кое-как дотащила меня до дивана в зале. Принесла воды. Взор по сторонам и замерла посреди комнаты, руки в боки.

— Ну, и что делать будем?

— Заберешь его? — испуганно.

— Да заберу, заберу! — раздраженно гаркнула. Прошлась и присела рядом, у моих ног. — Как же так угораздило? Что произошло?

— Не знаю, — виновато опустила очи.

— А кто знает? И что потом?

— Врача вызвать.

— Ночью? — едкое.

— Ну... платного... или уже до утра, — растеряно я промямлила.

— Или скорую, — грубое Маргариты. — Ладно. Пойду по твоего малого. А там подумаем.

— У тебя паспорт есть? Ну или... права там.

— Ага, — сквозь смех. — Читательский билет.

— Блин, — опустила я очи. — Вот я дура.

— Да не бойсь! Заберу! Звони — предупреждай. И свой паспорт давай. Как-нибудь да выпрошу. Не оставят же его они себе, — гоготнула.

Скривилась я в печальной улыбке. А на глазах уже застыли слезы.

* * *

Приготовила ужин. Накормила Малого. А там и меня принялась бульоном отпаивать.

— По Жоре скучаешь? — несмело отважилась я.

— Шутишь?! — возмущением. — Он такой придурок... Нет, конечно!

— Я думала... ты его любила, — тихо; спрятав пристыжено очи.

Прыснула от смеха.

— Кого? Его? — мгновение, дабы совладать с собой. — Нет. Куда там?.. Это ты вон... пристроена: семья, богатый, заботливый муж, ребенок. Это твоя прерогатива... мечтать о какой-то там любви. А мне... с моей-то... историей, "резюме" — только о реальности и думать. Хотя... вроде, как сейчас... что-то особенное. А так... какая там любовь? — искренне; едва слышно. Повесив в печали голову. — Хотя... было конечно, — ядовито улыбнулась сама над собой. — Давно еще. Мой первый... Боже!.. Как я сходила по нем с ума. Проходу не давала. Женатик чертов. А потом... потом поняла все. Педофил х*ров. Я ему была интересна... пока недоступна была, а потом... А потом, — шумный вздох, заливаясь смехом. Отставила тарелку на журнальный столик. Встала со стула. — А потом суп с котом. Так что нет, Вань, — обмерла у порога, на выходе из залы. Взор на меня: — Какой там Жора?! Ушел — и ушел. Он и свою ту мамзель уже бросил.

— Знаю, — опустила я очи пристыжено.

— И еще с десяток бросит. Так что... даже не обидно. Хоть сколько — а я жила в достатке. И заботе. А любовь — удел богатых... когда не надо думать, чем завтра себя... и своих детей кормить.

— Ты беременна? — глупо вырвалось.

— Фу! — тотчас передернуло ее всю. Скривилась. — Не каркай! Не хватало мне еще на аборт тащиться! Хотя... с этим... — загадочно улыбнулась, взгляд растаял.

— Кто он? — несмело.

— Да... так, — поморщилась. — Федькин друг, — тихо, едва различимо буркнула. — А, кстати! — будто прозрела. — Федьку-то выпустили! Знаешь?!

Окаменела я тотчас вся изнутри, прибитая подтверждением: не приснилось, не причудилось. Действительно... Рогожин вернулся.

Еще миг ее зрительного давления, неловкости, моей храбрости — и закивала я головой:

— Да. Знаю.

* * *

Дождалась Ритка и со мной приезда скорой. Оглядел меня врач и буквально сразу вынес вердикт:

— Нервничала?

Виновато спрятала я взор:

— Да.

Шумный вздох — и скривился мужчина:

— Девчата-девчата. Такие молодые, а уже совсем... Не бережете вы себя! Все болезни — от нервов! Вы же матери! Кто будущая, а кто вон, — кивнул на Федьку, застывшего на пороге, прячущегося за наличником двери. — Успокоительное пропить. Желательно постельный режим, пока это все... ну а дальше — свежий воздух и позитивные мысли, эмоции.

* * *

— Может, останешься? — окликнула я Рогожину, которая уже принялась обуваться в коридоре.

Шаги ближе — и замерла та у двери. Взор на меня:

— Не могу, — печально скривилась.

— Поздно уже, — поморщилась я. Попытка сесть, но тотчас вновь голова пошла кругом — заняла я от безысходности, сражаясь с чувствами.

— Да спи ты! — махнула та на меня рукой. — И Федька вон уже уснул. А поеду. Меня мой ждет... Не любит, когда я где-то без него лажу. Да и... — ухмыльнулась пристыжено. — Это же мужики — за ними надо глаз да глаз.

Улыбнулась я понимающе:

— Спасибо тебе большое... за все.

— Да... не за что. Сочтемся, — ухмыльнулась. — Жизнь длинная. Может, и ты меня когда выручишь.

— С радостью.

— Да я шучу, — разворот и пошла на выход. — Пока!

Глава 28. Нет худа... без добра

* * *

Дожила до утра — пусть лекарства уже всю правили балом, да слабость и головокружение так и не отпустили меня.

Благо, пятница. Можно практически безнаказанно прогулять детсад, заодно выкроив череду выходных, а то не хватало еще вновь... оказаться в столь жуткой ситуации, когда собственного сына ни сама не могу забрать, ни некого об этом попросить. Спасибо Рите — никогда не думала, что мы даже просто вновь с ней еще встретимся, а не то чтоб, вот так... спасла меня из невыносимой передраги.

Суббота. А там уже и Леня приехал.

Как ни крути, а жизнь налаживалась.

Ведь да? Верно?

И я смогу жить дальше, как прежде... Пусть и осознавая, что вот оно... вот: руку протяни — и станешь безумно, как еще никогда, счастливой. Хоть и предателем заодно.

День за днем. Неделя за неделей. Месяц... за месяцем.

Вопреки мечтам двигаться дальше.

Уже и зима проскочила мимо меня, даруя весне... право властвовать.

Не звонила. Ни разу я ему так и не позвонила. Не набрал номер и Он мой, как и обещал. Нечаянных встреч — тоже не оказалось на наших судьбах. Мареву. Дымка. Сладкий кошмар. Что просто растаял.

То, что просто стоит отпустить.

* * *

Я даже ума не приложу... как, что это могло произойти. Тут всего-то час (полтора от силы) прошло, как я вышла из дома в детсад. Забрала Малого, в магазин зашла за продуктами — и снова, снова-то домой!

Дверь вскрыта. Все вещи наизусть. Вплоть до трусов — всё кувырком. В ужасе сжала я Федьку в объятиях, заставив замереть вместе со мной в коридоре.

Грохочет сердце, задыхаюсь. Ужас сдавливает виски — а я понять не могу: что, как, кому звонить. И за что нам такое?

— Алло, Леня! — дрожащим голосом. — Нас, судя по всему, ограбили...

Не смог. И снова треклятая командировка в столицу. И снова я наедине с адом.

Вызвать по велению-одобрению мужа милицию. Попытаться вместе с ними определить, что пропало. Вспомнить поминутно, что и как было. Где была, что видела. Какие догадки о том, кто мог сие свершить.

Казалось, я седела все больше и больше, осознавая тот ужас, что было бы... если бы преступники не успели убраться из квартиры, прежде чем мы вернулись, зашли. Что бы сотворили с ребенком и мной, лишь бы... не оставлять свидетелей.

— И вроде уже и в школах учат, что, если заметили вскрытую дверь — не идите сами,

сразу вызывайте милицию! — недовольно причитал, бурчал сам себе под нос мужчина.

— Я думала, муж вернулся... или, может, кто из родственников вломился, — робко. Пожала плечами.

— А у них что, тоже ключи есть? — вперила в меня взгляд молодая девушка.

— Не, нет.

— Ну... тут явно был дубликат, если не оригинал. Ладно. Вы нашли, определились, что пропало из квартиры?

— Вроде... нет, ничего такого. Мелкие деньги, золото, техника — все на месте. — Окидываю взором тщетный раз комнату. — Правда, у мужа в кабинете сейф вскрыт. А что оттуда пропало, что до этого там было — он меня не посвящает в такие детали.

— Не знаешь, что у мужа в откровенной записке? — сквозь улыбку оборонил молодой человек, дорисовывая на двери порошком дактилоскопии.

— Нет, — растерянно качаю отрицательно головой, заливаясь стыдом.

— М-да... — восторженно причмокнул. — Вот бы мою к такому приучить.

Опустила очи я.

— Ой, отстань! — неожиданно гаркнула девушка. — Всё вы бедные и несчастные! Лишь бы безнаказанно покутить да побухать!

— А это не одно и то же? — смеется уже пожилой мужчина.

— Нет, — гордо выпрямилась барышня, закончив заполнять документы. — Одно — с пафосом, а второе — так, междусобойчиком.

— Ой, а когда мы уже соберемся? А, народ? — не уступает паренек.

— Простите! — горестно. — А мне что делать? Что... после всего этого? А если они вернуться?

— Кто? — ошарашено выпучил на меня очи молодой человек.

— Грабители... — растерянно прошептала я.

— Меньше фильмы смотрите, — вмешался незнакомец, что трудился до этого в другой комнате. — Не такие уж они и дураки. Отработали красиво. Следов же нет? — кивнул на парня.

— Не-а, — скривился.

— Хоть бы по горячим следам, — задумчиво протянула девушка.

— А это... разве не горячие? Тут всего-то прошло времени... — я.

— Ну, кинологи работают. Если что-то найдут — сразу сообщат. Но пока же, видите, молчат. Больше не звонят.

— Да глухо всё как-то, бредово. Ничего из драгоценностей не взяли, — буркнул "незнакомец". — Может, вы этого... того... сами? Ну, дверь забыли закрыть?

— И вещи перевернула? — вытаращила в ужасе на его ахиною я очи.

— Мам, я кусать хочу... — лениво протянул Федька, потирая заспанные глаза.

— Зай, иди спать. Позже... — в груди сдавил ком горечи. Поддался — покорно побрел обратно в свою комнату. Но свет так и остался гореть.

Хотя... глупо надеяться на что-то иное... с таким-то количеством народу в доме. Да переполохом.

— Может, поугаать хотели? Аля предупреждение? — вновь отозвалась девушка.

— Ну, или что-то, что хранилось в сейфе. И стоит куда больше, чем все эти золотые побрякушки.

— Ничего себе побрякушки, — рассмеялась работница милиции. — Мне мой муж за

почти десять лет брака... кроме кольца обручального... ничего так и не подарил.

— Плохо старалась, — загоготал тотчас молодой человек. — Мне вон... моя как на День рождения такой фейерверк устроила, что я на следующий день побежал и купил ей серьги.

— Небось, серебряные, — рассмеялся мужчина.

— Не, че? Золотые! С "брулиантами"!

— Да забухал, наверняка! Явился под утро! Наскандалили — вот и извинялся! Сначала в постели, а потом цацками. А нам тут сейчас рассказывает!

Заржал молодой человек, заливаясь краской. Взор около:

— Все-то ты про меня знаешь!

— Да... если бы. Мой такой же. Только вместо цацек — букетик пару раз принес. И потом мне захлеб доказывал, что постоянно дарит цветы. Честно, принесет еще раз — запихну куда поглубже. Ибо... допекло.

— Ладно, героини-любовники! Давайте закругляйтесь. Вон... ребенок мается, да и мать сама не своя. В общем, как будут новости — мы вам позвоним. А вы — если что вспомните или узнаете, что пропало, сразу к нам — составим нормальную опись. Странно, конечно, что муж ваш не явился.

— Далеко он... не может.

— Понятно. Коля, Ко-ля! — гаркнул на молодого человека в кабинете. — Заканчивай! Да поехали!

— А... да, иду. Все равно голяк.

— Во-во.

* * *

Все двери, вся мебель — всё просто черное. А вещи — вещи те все еще кувырком.

Не могу. Ничего не могу и не хочу. Завтра. Всё — завтра (только белье — позорную картину — собрать да спрятать).

Добраться до кухни. Сварить пельменей — и накормить ребенка его любимым, запретным блюдом. Пусть хоть он... порадуетя.

А я... я не могу. Кусок в горло не лезет. До сих пор трясет. От каждого лишнего звука — подкидывает.

Страшно до одури.

— Лёня... Лёничка... может, ты сегодня приедешь? — давясь слезами, отчаянно прошептала я в трубку, забившись в угол детской комнаты.

Федька уснул — а я не в силах сомкнуть глаза. Едва только — как сразу кошмары оживают... и кажется, что из какого-нибудь шкафа сейчас выскочит преступник. И даже если все всё проверили. И даже если я уже десять раз осмотрела всё.

Страшно. До безумия страшно.

— Не могу, зай. И вообще, я сплю. Я тоже устал. Давай до завтра?

Отбила звонок.

Скотина. Гад паршивый. Всегда! Всегда, когда ты мне нужен... тебя рядом нет! НЕТ!

Страх брал свое. И если прежде меня раздирало волнение, то нынче — просто паранойя. Психоз.

Закрылась в ванной. Включила воду и дико начала выть от страха. Мне кажется, они здесь. Они рядом. Вернутся. У них — ключи.

...а менять замок придут только завтра.

Няня — ее ребенок заболел, бросить не может. Рита — у родителей, в области.

Номер. Номер, который я сохранила, только имени так и не смогла дать — так и остался звездочками.

Зажать кнопку дозвона.

Жуткие, душу разрывающие секунды. И вдруг хриплым, заспанным голосом:

— Да? Слушаю. Кто там? Ваня? Вань, ты чего молчишь?

— Нас ограбили. Мне страшно. Я одна с Федькой. Можешь приехать?

— Сейчас буду.

Глава 29. Прошлое

* * *

— Кушать будешь? — только и смогла взволнованно обронить я, едва Рогожин замер у меня на пороге.

Несмело улыбнулся:

— Привет. Нет, спасибо. Я уже давно поел.

— А... ну, — взор около, покорно отступаю пару шагов назад. — Проходи. Раздевайся.

— А где муж? — тревожно.

— В коман... — запнулась, осознавая, как смешно, заезжено звучит, — дировке, — несмело продолжила.

— Малыш спит?

— Да, — кивнула поспешно головой. — Да, конечно. Может, чаю?

— Может и чаю, — снова искренняя доброта расписала его уста.

Поддаюсь на настроение — заливаюсь ответной усмешкой. Торопливо на кухню. Покорно следует за мной.

— Ты прости... я так и не убралась. Руки совсем не поднимаются. Тут... тут такой ужас, — тарахчу взволнованно, набирая в чайник воды из бутылки, — не хотелось бы, конечно, тебя в такой бардак звать, но...

— Да успокойся, Вань, — резво перебил; попытка обнять меня со спины за плечи — но вздрогнула, а потому тотчас осекся. Сомнения — шаг назад — и присел на табурет. Взгляд около: — Так что произошло-то?

— Да... — растеряннo уже и я заколесила взглядом по сторонам. — Отлучилась в садик, да в магазин из дома. А как вернулись с Федькой — дверь открыта, всё кувырком. И, вроде, ничего не пропало, но... Черти что, короче. Говорят, может, напугать хотели. Ну что ж... удалось.

— Милицию вызывала?

— Ну да, конечно, — киваю головой. — Вон же, все черное. Отпечатки искали.

— И?

— Ничего не нашли, — отрицательно качаю головой. — Да даже собаки... след взяли, но лишь до проежки, а дальше всё — запах теряется. Говорят, наверно, в машину прыгнули и скрылись. Ты прости... — тихо; присела я напротив Рогожина, за стол. Опустила очи. — Что побеспокоила... да еще... так поздно. Просто... мне больше некому...

— Вань, — резво, уверенно перебил. Отчего в момент устремила я на него взгляд. — Не чуди, а? Я же сам просил. И мне очень приятно... Тем более...

Вдруг скрип пола. Шорох. Обмерла я в испуге. Еще миг — и появился на пороге вновь не спящий, замученный мой сынок.

— Ма-ам, я пить хочу! О... Здластвуйте...

— Привет, — мило улыбнулся Федор.

Живо вскочила я со стула. За чашку — и к холодильнику. Сок. Погреть в микроволновке и подать малышу. Взор на Рогожина:

— Я пока Малого убаюкаю, а ты, если хочешь, иди в зал. Сгребь там всё на пол, или на

журнальный столик, если вдруг что лишнее валяется, — и ложись. Я чуть позже тебе подушку и одеяло принесу. Хорошо? — взволнованно.

Улыбнулся.

— Да не переживай ты. — Кивнул на мальчика: — Иди, укладывай. Я тут подожду. А если совсем тухнуть начну — то найду, где приткнуться. Не капризная барышня.

* * *

Тщетные мгновения, резиновые минуты, десятки минут... дабы успокоить малыша и самой успокоиться.

И пусть не кошмар уже случившегося меня грыз, как другие демоны... нагрели свой котел и налили в него смолу. Али я сама... их позвала, сотворив запретное.

На кухне уже было темно. А потому — взять из спальни подушку свою, одеяло — и зайти в зал.

Покорно сопел на диване.

Присела я рядом, на корточки. Взор в лицо. Смелый, отчаянный. Ловя каждый миллиметр родной, запретной картины в холодных лучах ночного светила.

Изменился. Еще красивее стал. Возмужал.

Вот он, тот... о ком столько грезила — хотя бы просто узреть. Вот оно... счастье.

При желании — можно даже коснуться рукой... и будь, что будет.

Не рискнула. А затем и вовсе... миг — и дрогнули его веки. Распахнулись глаза.

Схлестнулись взгляды.

Сжалась я в испуге, выкрытая, но отстраниться — не отстранилась.

Во мраке сей дивной, больной, сумасбродной ночи... казалось, можно всё. Всё — и ровным счетом ничего. А пока... пока я пробую почву, дабы и вовсе не свалиться в омут.

— Я скучал по тебе, — тихим, добрым громом, будто небеса, что милуют грешников.

— Я по тебе тоже, — хрипло. Нервически сглотнула слюну. Отвела взор. Прокашлялась. — Подушка нужна? — протянула несмело.

Долгие, цепкие мгновение тишины. И снова очи в очи — пока не решает ответить:

— Нужна.

Пристыжено спрятала я взгляд. Протянула, запихнула ему оную под голову — поддался, не вставая с места.

— Одеяло? — робко, едва слышно. Я.

— Иди ко мне... — пронзающей стрелой в самое сердце.

Задыхаюсь. Захлебываюсь... не то кровью, не то счастьем.

— Федь, — горестно. — Я не могу.

Мигом закинула постельное на него — и дернулась долой. Едва только попыталась встать, отстраниться, как в момент ухватил за руку.

Разряд тока. И снова обрушила на него взор. В груди зияет рана. Я — жива. И я вновь... умираю.

— Ничего такого, — закачал головой. — Вань... просто по-дружески... побудь со мной, а?

Глаза в глаза. Душа к душе.

— Когда мы еще с тобой... так окажемся... когда еще поговорим?.. — медовым

бальзамом искусителя.

— О чем? — взволнованное. А сердце уже и само знает ответ, да разум противится. Знает, чувствует... предвидит всеобщую слабость. Миг — и оступлюсь.

— О том, что было.

— А надо?

— А не надо?

...вердиктом.

Еще мгновение перепалки растерянных взглядов, надорванных судеб — и поддалась. Легла рядом. На плечо — жадно обнял.

Взор в потолок.

Родное сердцебиение — звук, который век бы слушала, век бы ему внимала.

Тысяча слов — и не знаю с чего начать. Что нужно озвучить, высказать, спросить. И, главное, искренне и действительно: надо ли?

Обиды? Надежды? Разочарование в жизни? О чем? Что? Что ему сказать?

* * *

(Ф е д о р)

И вправду, что ей я могу сказать?

Что Инку там, еще на озере, хотел бросить? После того, как с Ваней сорвался. И бросил бы! Да только... только та никак не соглашалась с таким раскладом вещей: истерика, слезы, крик. Угрозы... покончить с собой.

Что и решил... пока не торопиться, выждать момент.

— Я видела вас, — неожиданно отозвалась Ванесса, читая мои мысли, заодно пронзая словами, будто током, — там, на озере. Видела... как ты после меня к ней пошел.

— Вань, — ошарашено. — Да ничего не было! — гневом. Сжал невольно ее сильнее в своих объятиях, страшась вновь потерять. — Как пристала та, так и отвалилась... Я до этого, вон сколько... из-за тебя от нее бегал. А тут бы... да после всего, что с тобой на острове было?.. Не чуди! Не было ничего!

— И на даче? — горестно; провернулась в моих руках. Взоры сцепились, теряя фокус.

— И на даче. Ничего не было. А как Ника... рассказала, что случилось, я послал эту мр*зь... окончательно. Мне уже по*** на всё стало. Даже если бы действительно та удавилась. Но тебя батя забрал. И это перестало иметь смысл.

— И опять сошелся? — робко.

Округлил zenки я:

— Шутишь? — невольно грубо вышло, осекся. — По-твоему, я такой, да? Сегодня одно решение, завтра другое? Или что? Нет, конечно. Я думал, я начал искать... выход. Искать варианты, как туда, к тебе перебраться. Как замутить всё, чтоб хоть как-то, что-то. Не за бомжа бы ты замуж пошла? Вон... Серебров чего только стоит. А я че? ПТУшник х*ров.

— Хм... Серебров, — горько вдруг рассмеялась и сильнее прижалась ко мне — ответил участием.

Но не продолжила.

А потому продолжил я:

— И вляпался... С*ка, по самое не хочу. Обещали же тихое, безобидное, б***ь, дело!

Чтоб хоть немного лаве для старта поднять. А там... а там хозяева на месте оказались — и понеслась. Такая ж*па. Сами едва живыми выбрались. Батя потом сколько бабла еще выгреб, чтоб хоть как-то на мировую сойти. Но... всё равно, всем плевать — всё дальше пошло. И впаяли, так впаяли. Там еще в конце кто-то что-то пыжился, но... Но, как говорится, уже давно всё было схвачено: давно уже все всё решили, и только кота за я*ца полгода тянули. А то и почти год. И покатили мы... дружной шайкой на зону. Тёрика, Токаря Старшего, тоже же посадили. А вот... Артур... с воли пришли о нем вести: с Инкой замутил. Но ты, наверно, и так знаешь, — улыбаюсь кисло.

— Да ладно? — ошарашено; вперила в меня взгляд, но не ответил, а потому вновь, как и я, уставилась в потолок.

Смеюсь:

— Ага. Она же... в соплях сразу: бросил, ублюдок, скотина. И, видимо, отомстить захотела. Потому к этому, к Токареву и побежала. А он-то... давно уже на нее свой карандаш точил. Эт не Шмель. Понятия ему чужды. Хотя и тот... с*кой оказался.

— Я добровольно, — испуганным шепотом обронила Ваня и сжалась от страха. Обнял крепче и поцеловал в висок — замерла, не дыша.

— Да он мне... всё рассказал. Что это он... там, в доме... к тебе полез.

— Он извинялся.

— Да это я дурак, — резво перебил. — Надо было сразу все... края обозначить, а так... всё равно предателем себя чувствую. Да и потом, как бы не старался, а для всех гнид*й оказался... Мы так-то с Ней давно... Я ее первым был. Такая любовь, прям п**дец, — рассмеялся печально. — Думал... что любовь. Сколько ее добивался. Ждал, — нервно сглотнул слюну. — А в итоге... — шумный вздох, роняя слова, — одни пустые обещания. Ты как появилась... Я не знаю, меня как молотком кто у*башил. Просто отрубило от нее. Так и завис между вами двумя. С одной стороны — слово, честь, а с другой — ...Короче, — скривился болезненно, — я рад. Реально рад, что у нее всё наладилось. А, так вот, к чему я, — рассмеялся, прогоняя гадкие воспоминания, — поженились же они. И даже ребенка родили.

— Кто? — ошарашено вновь выпучила на меня очи. — Инна... и Токарь?

— Ага, — искренне хохочу. Отвечаю ей взглядом. — Че, вообще не в курсе?

— Да откуда? — улыбается уже и моя Ванюша. — Я в шоке... — увела растерянный взор. — Она же так за тебя... — едва слышно.

Гогочу:

— Ага. Еще и слух распустила, мол... — обмер, улыбаясь. — Ну да по***. Мне еще и лучше. Проще. Пусть творит и говорит, что хочет. Лишь бы оно меня прямо... не задевало. Проблем не добавляло. Так что... как-то так.

Колкая, пронзающая души, тишина. Поежилась она невольно, видимо, перебирая что-то из прошлого: мысли, картины, чувства.

Но еще миг — и дернулась, вновь уставилась на меня:

— А остальные? Слышал что?

— Остальные? — нахмурился я. — А кто там был? Кого еще знаешь?

— Ну, Ника для начала, — тихий, смущенный смех.

— Да че там Малая? Одна, — махнул я рукой и вновь сжал в своих объятиях Ваню. — Может, че и мутила, но... не клеится у нее. Не нашла еще... своего «прынца».

— А Настя? Сева? Валя?

— А, эти! Сева, конечно, это ж Сева! Женится на Насте. И только вот недавно, вроде, родили. Даже двойню.

— Да ладно, — и снова взгляд мне в лицо.

— Ага, — улыбаюсь. — Ну там, мальчишки-девочки у них: не знаю. Гриб за Катей ходил долго, но та в столицу уехала, а этот — тут, в городе. В универ поступил. Валька... — нахмурился. — Не, про нее вообще ничего не знаю. Димон, где-то тут... Вернее, там, у нас. На рынке работает. Колян. Колян, тот, вроде, сидит. Если не пугаю. Все? А ну и Жека... тот уехал за бугор. Сначала так, туристом, а дальше — нелегалом.

Немного помолчав, отваживаюсь:

— А о тебе, Вань... — тихо, — особенно после всего, что было, не у кого было... и расспросить. Да и стыдно. Стыдно, что допустил, что эта... с тобой сделала. Говорят, ты в больнице лежала?

— Да так, немного.

— Но ментам не сдала...

— Нет. Зачем? Я заслужила.

Окоченел в шоке. Жуткие, убийственные мгновения, дабы осознать, что не шутит — и тотчас отозвался:

— С ума сошла? Какое заслужила? — силой отстраняю, заставляю взглянуть мне в лицо. — В чем твоя вина?

Пристыжено опустила, спрятала взор и прижалась ко мне силой — поддаюсь.

— За то, что... пыталась отбить у другой.

Невольно (печально) рассмеялся я над ее милой наивностью:

— Ванюша, не чуди. Ничего ты такого не делала. Поверь. И потом... я что, по-твоему, совсем какой-то... безмозглый, сопливый малолетка был, которым можно было вертеть, как хочешь? Помыкать? Разводить? Или что? Я всегда несу ответственность за свои поступки и решения. Так что... это я д*бил, что допустил всё это. Мучил вас обеих... вместо того, чтоб взять и окончательно выбрать.

Немного помолчав:

— А когда... все же выбрал, было слишком поздно. И вот... ты уже замужем, с ребенком. Но я не злюсь, — невольно поморщился. — Нет, сам... просил не ждать. Черт! — в сердцах скривился от боли, — я, когда там тебя увидел... это просто... просто п**дец какой-то был! — зажмурился, даваясь прошлым. Прикрыл ладонью лицо, сдавливая эмоции. — Нет, — нервически рассмеялся, — я, конечно, безумно рад был тебя... повидать. И все дела. Но... не когда же я... по уши в дерьме, и так жестко облажался. П**дец, стыдно было. Жесть, — и снова давлюсь истерическим смехом. Но еще вдох — и осекся. — Ну а после... вести о тебе не доходили, как я уже говорил. У своих — неудобно было спрашивать, после всего-то, да и... х*ли им знать... кто, что?.. А чужие — чужие не в курсе. Короче, — скривился я от боли, — пытался. — Немного помолчав, вновь прокручивая былые круги ада: — Да так, не то, чтобы... Там контроль, или претензия. Нет, ни в коем случае. А так... просто знать, для успокоения души, что у тебя все хорошо. Что жизнь наладилась. А тут вот... Ритка как-то проболталась, что, мол, знает тебя и твоего мужа, что, даже был период, что вы общались немного. И в курсе, где живешь. У нее адрес и раздобыл. А не позвонил — ну, сама понимаешь. Куда? Да и... увидеть хотел, поговорить. А тут еще и ребенок... Федей назвала? — смеюсь невольно.

— Угу, — тихое, пристыженное, сильнее прижимаясь ко мне — отвечаю тем же.

— Ну, ты хоть счастлива с ним? С этим твоим... Серебровым?

Глава 30. Преступники

* * *

(В а н е с с а)

— Ну, ты хоть счастлива с ним? С этим твоим... Серебровым?

— Он отец моего ребенка. А Федьке нужен... родной отец.

Виновато опустил очи Рогожин. Но еще мгновение — и вдруг резво взор на меня, выстрелом, требованием:

— Ты не ответила. Ты с ним счастлива?

— Я ответила, — гаркнула раздраженно. Спрятала взгляд. — Счастье сына мне важнее.

— Но ты же живой человек! Счастье-то, конечно, счастьем. Но... и что теперь? Заживо хоронить себя?

— Федь, не начинай! — гневно, отворачиваюсь.

Я сама... сама едва смирилась со всем этим. А ты... старую рану, да с таким усердием.

— Ну, смотри вот, — внезапно бодро затараторил, привстав (вытащил из-под меня свою руку; облокотился на подушку, подперев голову). Невольно поддаюсь: глаза в глаза со своим Истязателем. — Мы вот с Мазуром в этом месяце планируем еще один магазин открывать. На Киевском, Московском — мебельные, на Ленина — фурнитура — это наши точки. По сути, если перестать фанатично всё обратно вкладывать в бизнес, то я вполне, ну, это, конечно, если верить слухам, сколько твой зарабатывает, то смог бы потягаться с ним, с Серебровым в доходах.

— Да причем тут доходы?! — взбешенно; зажмурилась я от боли.

Не понимает, не понимает он меня!

— Федька... — отчаянно.

— Да че ты? Я че, наивный идиот? — не менее с напором отозвался и Рогожин. — В шалаше только в книжках с милым рай. А я реально на вещи смотрю. И всё для этого стараюсь сделать. Чего зажмурилась? — слышу, сквозь печаль смеется. Приблизился. Носом своим задел мой. Обжигает губы дыханием. Но еще мгновение моего безучастия — и резво отстраняется. Давая больше мне свободы для вдохов, давая возможность не сгореть дотла от чувств.

— Что я, неправду говорю? — неожиданно продолжил. — Без квартиры, без нормальной зарплаты... на**й я тебе такой нужен? Тебе и Малому? Но если всё выгорит, получится, как задумал, как хочу... Ты уйдешь ко мне? С Федькой, естественно.

Окоченела я в ужасе, осознавая все сказанное.

Жуткие, разрывные мгновения тишины, выжидания, трепетания счастья... на лезвии ножа — и дернулась, перевернулась, уткнувшись лицом в подушку, давясь уже слезами. Ужас, страх непонятный разорвал мой рассудок, душу.

Невнятным, на грани лихорадочного бреда, шепот:

— Дурак ты, — стиснула от боли зубы.

Приблизился ко мне — щекочет, ласкает дыханием кожу. Душит своим теплом. А я еще сильнее силюсь провалиться сквозь землю, или хотя бы раствориться в окружении.

Мышцы сводит от желания: странного, давно забытого, уже дарящего... не менее

странное удовольствие.

— Федя, — горестно, — я полюбила тебя еще тогда: без денег, без должности, без статуса. И сейчас люблю. Ни никакие твои магазины, деньги — ничего этого не надо. Не с кем тебе тягаться. Серебров? Серебров изначально проигравший.

— Тогда почему, Вань? Почему «нет»?

— Дело в Феде. Я уже сто раз говорила. Дело только в нем.

— Котик, посмотри на меня... Хорошая моя, ну пожалуйста!

Поддаюсь несмело его напору, его хватке рук, что уже цепями обвилась вокруг моих плеч.

Лицом к лицу, не поднимая глаз. Да и... без того уже ничего не видно за глупыми, пустыми, бесполезными слезами.

Приблизился враз. Едва не целует. Шепотом взрывным:

— Ты думаешь, я буду плохим отцом, да? Хотя согласен, — практически сразу, не дав даже попытаться ответить. — С моим-то прошлым, косяком. Сложно мне больше верить. Хр*новый пример по жизни.

— Ты будешь идеальным отцом, — гневно перебиваю, пресекаю эти бредни. — Но пойми! — морщусь от злости... на саму себя, на него — что не понимает, на судьбу... что в такое болото всех нас загнала, перед таким выбором... поставила. — Ему нужен Лёня! Ему нужен... РОДНОЙ отец.

— Он маленький еще. Забудет его.

— Но потом вырастет — и не простит мне. Не простит, что я ушла. Что я выбрала... себя, а не его.

— Ты бы выбрала нас троих, а не себя одну. ТРОИХ! Вместо кого-то одного. И потом, разве... если мать несчастна, ребенок сможет быть счастливым? И ему будет плохо. Разве я не прав?

— Федька... — печально взываю, вновь отворачиваюсь, невольно прижимаясь к Рогожину. — Ты меня не поймешь. Пока своих детей не будет — не поймешь.

— Ну так... роди. Роди мне ребенка. Выходи за меня замуж. И роди нам ребенка. И будет уже двое у нас. И буду любить обоих безумно. Потому что они от тебя. Потому что они наши.

Обмерла я, расстрелянная услышанным. Не знаю, что и сказать.

Вдруг движение, напор — и обернул меня к себе лицом. Покорно поддаюсь. Мгновение — и нагло, откровенно, смело коснулся моих губ своими. Еще больший шок распял меня, разрывая уже вконец на части. Его напор, давление. Сладкая, сводящая с ума власть — и позорный, малодушный стон вырвался из моей груди, вторя волной откровенного жара, что разошелся по всему телу. Запульсировали, забились чувства, расходясь, отбиваясь эхом в каждой клетке моей плоти и сознания.

Несмело смокнулись мои губы, вторя его устам.

Слезы новым приливом коснулись моих щек. Страх... атомной бомбой взорвался, кромсая всю изнутри. Страх упустить, потерять всё это. Миг, пик, когда до безумия счастлива я. Миг, когда я — наконец-то Его.

Движение рук — и стиснул меня через футболку. Но еще один такой накат шального прихода сумасбродного удовольствия, жажды, как тотчас забрался ко мне под одежду. Чувствовала. Чувствовала уже Его всего. Ту грань, за которой заветный, запретный плод.

Как тогда на озере. Когда я была искренне и всецело... счастлива.

Когда еще всегда этого...

— Не могу! — шарахнулась в сторону в ужасе, силой столкнув Рогожина с себя. Да так, что едва сама не грохнулась с дивана. А в голове набатом: муж, сын. Сын. Те, кого так слепо, эгоистично, жутко предаю.

Удержал, вновь сжал меня в объятиях Федор:

— Ваня! Ванечка! Ты чего?! — с паникой попытка заглянуть мне в глаза.

И снова силуюсь вырваться — ослабевает его хватка, перестает быть приказом. Воля. Ненужная мне воля, которую сама и требую. Прячу очи:

— Прости! Прости, я не могу!.. — сгораю от стыда. Губы пылают жаром позора, слабости. — Не могу! Не смогу я потом жить с тем, что ему изменила. Ты... ты, как никто другой, должен меня понять! Не смогу!

Вдох, выдох. Пугающая тишина. И снова всплеск моего отчаяния:

— Отпусти, пожалуйста, — окончательно пытаюсь вырваться из его плена.

— Не надо! Не уходи... — тихой, смиренной мольбой. Виновато опустив голову.

— Пожалуйста! — давясь ядом реальности. И снова рывок — да не поддается.

— Хорошо! Хорошо, ничего не будет! Только останься! — отчаянным невольным вскриком вышло. — Друзья, Вань! Просто как друзья! Я всё понял!

Обмерла в растерянности. Все еще не верю услышанному. Или не хочу верить. Что так быстро сдался, поддался — доводам моего больного, строгого рассудка, совести. Часть меня же, большая часть (душа, сердце, тело — всё иное) отчаянно не хочет этой... Его капитуляции.

— Я всё понял, — грохочет гром приговором. — Понял, родная. Просто друзья. Только не уходи. Хорошо? Друзья. Нам же не привыкать. Верно? — кривая, полная боли, улыбка искадила его уста.

Еще один вдох, глотая соленые потоки, — и сдалась. Жадно притиснулась к нему — обнял, сжал в своих теплых, нежных объятиях. До сладкой, приносящей умопомрачительное удовольствие, боли. То, чего за столько лет брака — никогда и близко не ощущала. Ни намек, ни даже зыбкого марева.

Ненавижу. Как же... я ненавижу себя. За всё. За то, что дожила до такого. Довела.

За то... что уже предала. Всех. И себя в первую же очередь.

Ненавижу. Ненавижу, что делаю Ему больно. Тому, кого без меры, всей душой люблю.

Но уступить, уступить — ради сына не могу.

— Ну не плачь, Ванюш. Котенок... — еще сильнее прижимает к своей груди. — Это я дурак. Полез зря. Надавил. Глухой д*бил...

— Я люблю тебя, — отчаянно, шепотом я.

— Я тебя тоже, хорошая моя, — поцелуй в висок. — Очень люблю. И всегда любил.

— Но я не могу...

— Я понял. Прости меня.

— Это ты прости... что я дура такая.

— Ну не плачь, Малыш. И не говори глупостей. Всё будет хорошо. Справимся. Успокаивайся, и давай спатки. А то уже и утро скоро, — горький смех. — Зря я все эти разговоры затеял. Ты права была — зря.

Глава 31. Расплата за счастье

* * *

Будильник в телефоне. Мой личный Палач и Судья.

Взор на еще спящего своего Федьку. Милое, доброе, родное лицо. Век бы на него смотрела, любовалась.

Приблизилась вплотную.

Как бы хотелось поцеловать его. Напоследок. Украдкой. Будучи трезвой рассудком и сердцем. Не загуманенной чувствами. Всецело осознать, запомнить этот вкус. Ощущение. Каково... это быть с тем, дарить, обмениваться лаской, по ком ты сходишь с ума, и кому ты безразлична. Вкус чистой, дозволенной, не уворованной любви.

Вдруг хмыкнул. Растянулись уста в улыбке. Но веки так и не открыл:

— Я не сплю. Встаю.

Мгновение — и встретились, сплелись взгляды. А оторваться и еще более теперь невыносимо:

— К-кофе, чай? — хриплым, надломанным голосом.

— Да что и себе... — добрая, нежная, ласковая ухмылка. — С добрым утром.

— С добрым.

Поспешно, смущенная, сорвалась я с дивана.

На кухню. Поставить чайник, а затем к малышу — будить.

* * *

Быстрый завтрак — и в сад. Провел нас Рогожин.

Быстро переодеть ребенка — и отправить в группу. На улицу.

— Может, нормально позавтракаем? А то... что тот кофе? — растеряно прошептала я, пряча глаза от неловкости.

— Я пойду, Вань. У тебя, наверно, муж скоро вернется.

Виновато опустила голову:

— Наверно...

— Ну... ты звони, если что надо будет. Не думай, — скривился на миг, — то... что было ночью, то... Не бери в голову. Просто расставили все точки над «и». Я всё понял. Рад буду и просто другом тебе быть. Хорошо?

Вперил в меня пронзительный взгляд.

Еще сильнее сгораю от позора, неловкости, жути.

Кривая улыбка, пряча истинные эмоции. Кивнула молча.

— Обещаешь? — требованием. Рогожин. — Скажи.

— Обещаю, — покорно глаза в глаза, преодолевая боль.

Вдруг движение ко мне ближе — заправил выбивший локон волос за ухо, но тотчас, нечто сообразив, резко осекся. Отстранился.

— Будь счастлива. И не плачь больше. Тогда и я буду счастлив.

— Я люблю тебя, — горько; скрытой мольбой сердца... спасти из ада, даже вопреки моим собственным велениям, решениям, требованиям. Просьбам.

— А я тебя, — сотрясающим небеса громом. — Очень люблю, — глаза Его заблестели от влаги. Прожевал эмоции. — До встречи.

Разворот — и пошагал прочь, не оглядываясь.

Рухнула я на колени, расселась на земле, заливаясь сдавленным, молчаливым рыданием. Кровавыми слезами. Я убила. Сегодня я убила себя... окончательно.

* * *

Но жизнь — есть жизнь. И ты обязан ей подчиняться.

Силой дотолкать себя обратно, до квартиры.

Убрать все, вымыть. Навести привычный, былой порядок. Что в доме, что в душе. И снова притворство, и снова черствость. И снова попытки терпеть и жить, как живется.

Приготовить поесть. А там уже и вечер — пора малого из детсада забирать.

* * *

— Мам, а папа сеодня плиедет? — вперил в меня свой пытливый, молящий взгляд сынишка.

— Не знаю, зай. Не знаю... — растеряно, тихим шепотом. — Одевай шапку — и пошли. Я тебе блинчиков нажарила. Сейчас супик, картошечку с рыбкой. А затем, как ты и хотел — блинчики со сгущенкой. Только папе — т-тс. Сам знаешь, как он реагирует, когда я балую тебя сладким.

— Ага, — счастливая улыбка до ушей. — Со сусенкой и валеньем!

Рассмеялась невольно:

— Вот хватка! Вот наглость! Весь... в батю... — скривилась от боли.

Шумный выдох — и прокашляться.

— Ладно, пошли... А то, может, он уже дома, а мы тут всё философствуем.

* * *

Дома. Лёня дома. На кухне — свет.

Поспешно открыть дверь подъезда — да в лифт.

К двери — и затарахтеть ключами, отрывая замок.

Едва только за порог, как тотчас подлетел ошалевший Серебров. Да настолько резвые, точные, стремительные движения, что я даже растерялась от происходящего.

За шкуру Малого — и потащил силой, поволок куда-то по коридору. В ужасе бросаюсь за ними.

— Ты чего?! Ты что делаешь?! — отчаянно воплю.

Зашвырнул в детскую, что какую-то вещь — и тотчас захлопнул дверь. Слышу детский плач, зов. Кинулась. Хотела, было, протиснуться, броситься к малышу, как в момент

преградил путь — не дает Леонид.

— Не смей, с*ка! — иступленно, отчего вмиг все заледенело у меня внутри.

Рывок — в туалет и достал оттуда швабру. Округлились мои очи. Волосы встали дыбом.

Подпер дверь, чтобы Федька не смог выбраться.

Влет ко мне. Пошел медведем — в ужасе пчусь. Руки уже дрожат, ноги подкашиваются.

— Ну, мр*зь! Шал*ва ты еб*чая! Рассказывай! Как ты тут, и с кем без меня тр*халась! И сколько вообще... их было?! Тех, о которых я еще не знаю!

Тотчас ухватил за шею и сжал, сдавил до дикой боли. Согнул меня вдвое — рывок и содрал с меня шапку. За волосы — и потащил в спальню. Швырнул на кровать — налетела на раму. Ударилась со всей дури. Взвыла от боли.

— Ну?! Чего молчишь?! Слова глотнула, или что?! Рассказывай, что за ч**н здесь вчера был?! С какого х** он здесь ночевал?! — кинулся ко мне.

— Мне страшно было! — еще громче заголосила я от очередного рывка, удара, надругательства надо мной.

— Ах, страшно?! Страшно ей, с*ка, было! — язвительно запричитал. — И где он, где тебя успокаивал?! Убаюкивал?! Где?!

Попытки содрать с меня куртку, забраться под платье и стащить колготы, белье.

— Не надо, молю!

— Мама! Папа, мама! — слышу, как отчаянным визгом вторит мне сын, колотя со всей дури в дверь.

— Не было ничего! Леня, не было! Он просто друг!

— Ах, друг! Так и я тебя... по-дружески! Признавайся! Куда он тебя д*лбил?! Ну, с*ка?! Давай! — чувствую уже его всего своей плотью.

— Не надо, молю! Не было ничего! Лёничка! Не надо!

— Ах, Лёничка? Ну, хоть раз в жизни я для тебя стал «Лёничкой»! Пот*скуха ты еб**чая!

А в голове набатом только одна мысль: лишь бы не забеременела. От него. Лишь бы не залетела.

Давлюсь слезами, вою. И стыдно, страшно, что все это слышит малыш. Что его идеал так жутко, низко пал, явив настоящего себя. Свою гнилую, мерзкую суть.

— Не надо, прошу...

Но это Серебров. И ему никогда не было важно мое мнение, слово. Просьбы. Чувства. Я — вещь, тряпка. «Вложение».

А то и вовсе — сплошное разочарование.

Сдавил, навалился на меня, делая свое грязное дело, да так... что только писк и мог вырываться из меня с тихим нытьем, невольно вторя плачу ребенка, что где-то там, в детской, в живом аду.

Звонок. А затем и вовсе кто-то заколотил в дверь, сбивая с настроения Тирана.

Попытки игнорировать, сопротивляться, творить и дальше свой больной разгул, да сдался.

Отстранился от меня, неспешно слез. Заправляя брюки, тотчас подался в коридор, решительно желая разорвать ублюдка.

— Да, б***ь?! — разъяренное.

— Ты чего? — удивленно, сдержано в ответ, мужское.

— А, ты, Матросов?

— А что, другого кого-то ждал? Что у вас там?

— Да ничего! — взбешенное. — Мультики смотрят. Чего приперся?

— Ну, там эти приехали. Как ты и хотел. Мажа со своими людьми. В баню зовут.

Поедешь? Там как раз твоя будет.

— Моя? — растеряно.

— Ну эта... Вишня и протеже.

— Моя дома сидит! — гневно, с пренебрежением. Жуткая, убийственная тишина — мгновения рассуждений. И сдался: — Ладно, поехали.

* * *

Помыться, привести себя в порядок (хоть как-то скрыть следы ран, побоев). Переодеться — снять разодранную одежду — и к ребенку. Что уже и сам стих. Уснул. Скрутился клубочком у тумбы — и заснул, изнеможенный. Мокрый весь.

Закрывать дверь в комнату на замок не посмела — лишь бы только не гневить Сереброва еще больше, а то еще точно убьет...

Кротостью и признанием вины — только так, да, только так можно вымолить мне прощение? Возможность, чтоб меня услышал? Поверил?

Аккуратно перенесла малыша на кровать. Укрыла одеяльцем — легла рядом. Прижалась к нему — и замерла, боясь лишней раз сделать вдох.

Давясь слезами, сходила с ума.

Я не знаю, что мне делать. И как на самом деле поступить.

Теперь... я уже ничего знаю. Не понимаю.

И даже если заслужила, я... я не знаю, как дальше быть.

Уснула. Как и Федька, провалилась в сон, уступая моральному истощению.

Этот... так и не вернулся. Куда ушел, там и остался.

* * *

Готовила, убирала — ждала, выглядала муженька, желая, когда он более-менее спокоен, кинуться в ноги и просить понять... что Рогожин — просто друг. И просто переночевал в квартире. Никакой измены, никакого... отступничества. Я — жена своего мужа, и не посмела бы его предать.

Но... все в пустую. Суббота. Воскресенье. Не явился.

Может, и к лучшему. Нагуляется, злость выплеснет — и успокоится. Ровно настолько, чтобы попытаться меня услышать. Выслушать.

Но как бы там не было... и даже, вроде, как уверенна, что тогда дело свое грязное не довел до конца, не смогла. Не смогла довериться надежде.

Таблетки. Давно уже у нас «этого» не было. Его как-то не тянуло, а я — тем более не рвалась. Вот и бросила их пить. А тут...

Едва только утро субботы — как тотчас кинулась в аптеку, пока Федька еще спал. Срочное противозачаточное. Там же и глотнуть, дабы не испытывать судьбу...

Прикупить и крем... да наспиговаться на будущее. Ибо таблетки — все равно месячных ждать.

* * *

Страшно. И пусть все эти ночи было страшно. Причем, уже не знаю, кого больше боялась: бандитов или явление мужа. Но звонить никому не стала, не решилась. Сцепив зубы — ждала утра. Очередного утра.

Понедельник.

Собрать малыша. Самой одеться, навести макияж (что довольно редко делаю, и то, лишь бы скрыть синяки и ссадины за тоналкой) — и в путь. Детский сад.

И снова домой. Снова везде убраться — дабы ни пылинки не было, не злить Сереброва в его пунктиках. И к плите — любимые голубцы, салат с ветчиной, борщ и компот из ягодного ассорти.

Сегодня-то он уже явится. Наверняка... После работы.

Задобрить. Его нужно задобрить — пусть выслушает. И все станет на свои места. А впредь — я буду умнее. И больше не лезть в подобные, непонятные, двоякие ситуации. Я буду послушной, правильной женой.

* * *

Часа четыре было дня, как зазвенели ключи в замке. Рано, как для обычного. Но мигом в коридор — и замерла, не дыша. А сердце колотится от страха.

— Ты еще здесь? — рявкнул, едва взгляды встретились. — Ничего, б***ь! —

замученный, не выспавшийся, растрепанный, будто его три дня черти колотили, носили невесту где. — Чего вылупилась?! На *** отсюда пошла! — замахнулся на меня, отчего тотчас отдернулась, отлетела я в сторону.

Шаги мимо — по коридору, в ванную, руки мыть.

— Кушать будешь? — едва слышно, невнятно шепчу, даваясь ужасом. А внутри уже будто кто жидким азотом из шланга напором обдаёт.

Мимо меня — и на кухню.

— Чего, отравить решила, да? Всё забрать... себе? По-умному поступить? — плевками яда.

— Н-нет, конечно, — запнулась. Волосы от услышанного стали дыбом. — П-просто приготовила. Твое любимое.

— ЗЕКА СВОЕГО будешь ублажать, а не меня! — вдруг движение, рывок — и хватив первую попавшуюся кастрюлю — стащил на пол. Грохнулось все, разлетелось во все стороны, крышкой о посудину звеня. Отдернулась, поморщилась я от боли, кипятка. Следом полетели уже и миски с едой.

— Жри, с*ка! Как тебе подобает! С пола! Федор, значит, да?! — с бешеным презрением. Скривился, будто от чего-то зловонного. — Сына нашего в честь него назвала? Или это его ублюдок?!

— Нет, конечно! — задыхаюсь от шока, вытаращив очи. — Это твой сын. И в честь прадеда! Ты же знаешь!

— Чьего, б***ь?! Я твоих прадедов не знаю! Да и *** я на них клал!

— Не трогай их, — отчаянно, машинально вырвалось из меня, но тотчас осеклась, спрятав взгляд и закусив губу.

— А ты мне тут повыступай! Гля, **альник свой открыла! Мало тебе было тогда, мало?! Жри давай, че стоишь?!

— Леня, перестань, — зажмурилась я от боли, ужаса, невыносимости всего этого сумасбродства. — Ничего не было. Он просто тут переночевал. И всё. Нам с малышом было страшно. Ни Рита, ни няня не смогли приехать, как и ты...

— И ты ему позвонила! — гневно перебивая. — И тот быстро прискакал. Что ты мне лечишь, с*ка?! Чего ты несешь? Я что, по-твоему, полный идиот, да? Просто он, спал тут. Ну-ну. И ладно! Другое интересно! Значит, вот как, да? — прыснул едким смехом, — как за волосы таскал, так «Лёничкой» был! А как просто говорим — так Лёня! В принципе, как и всегда. Чего это я? Забавно получается, не находишь? Может, с тобой так и надо? И послушная, и любить, и сексом со мной сразу станешь заниматься? А? Чего молчишь, тварь?! На МЕНЯ смотри, когда с тобой разговариваю!

Подчиняюсь. Силой цепляюсь взглядом за его взгляд.

— Так надо с тобой, да?!

Молчу.

— Я терпел! Знаешь, я многое терпел! — вдруг вновь завопил Серебров. — И простил! Особенно этот твой... бати подарок. С завещанием. А ты что взамен?! Вот что ты мне дала? За столько лет брака? Слезы, сопли, нытье... Ни любви, ни ласки, — с презрением. — Ни уважения. Шлюхи... и те больше меня хотели, чем ты! Тебе по *** на меня! А я, я должен тебя еще и терпеть! Содержать! Так еще и хахаля своего к нам в дом привела?! Может, шведской семьей будем жить?! Или что?! По расписанию тебя т**хать?!

Опустила я голову. И снова молчу, не понимая уже, что говорить... и надо ли.

— Видеть тебя не хочу! — и вновь взрывом; ядом, презрением окатывая с ног до головы. — С*ка ты убогая! Единственное, что в жизни полезного сделала — ребенка родила! Из всех достижений — ноги раздвинула, удачно тр*хнулась и родила... такого же е**нутого кощеренка, недоноска, как и сама! Скучная, тупая, нелюдимая, необразованная шлюха! Это я тебя ненавижу! Я! Так что пошла на *** отсюда! Чтоб глаза мои больше тебя не видели!

Разворот — и пошагал прочь. В коридор.

С лязгом захлопнулась дверь кабинета.

* * *

Не знаю, что делать. Как поступить.

Шок. Растерянность. Действия на автомате.

И главное, некуда и пойти-то... Даже просто, чтоб передохнуть друг от друга. И надо ли? А если всё только усугублю?

Нельзя.

Терпеть. Надо всё перетерпеть — и уляжется. Всё станет, как прежде.

Федю вечером надо будет чем-то кормить. Да и убрать всё это надо.

За ведро с тряпкой — и опять мыть пол.

На скорую руку сварить гречку, отварить курицу. И в детсад, за ребенком.

* * *

Я даже не сразу поверила своим ушам, рассудку, что это из нашей квартиры так валила музыка. На всю, едва не сотрясая стены. Свет-то горел в зале — я видела. А так...

Стоим, звоним в тщетный раз в дверь — никто не открывает. Как и самим — вставить даже ключ в замок не получается (изнутри, видимо, Серебров загнал свой), а потому и не открыть никак снаружи.

— Мам, а цье это?

Робкие шаги ближе, чуть выше по лестнице, — и узнаю... пакеты, сумки. Внутри — мои и Федькины вещи.

Взяла, вытащила первое попавшееся — бюстгальтер. Мне этот комплект на четырнадцатое февраля и подарил, в прошлом году, Серебров. Сложно не узнать. Полупрозрачная, красная синтетика вся в кружевах — никогда бы не осмелилась сама бы себе такое бесстыдство купить.

Нервно сглотнула. Взор около. А вот и Федькины сандалии, там же, вместе с бельем.

Сапоги, шорты, штаны, майки. И снова мое... платье, футболки.

— Мам! А это мое! — радостно вскрикнул малыш и схватил какую-то вещицу из другой поклажи.

— Твое-твое, — машинально буркнула я и опустила, присела на ступеньку, не видя уже толком ничего перед собой — сплошная стена слез и шока. Растерянности и ужаса.

Звоню ему вновь — абонент уже недоступен. Только музыка из квартиры громче.

Вдруг шорох, стук двери где-то снизу. Чьи-то неспешные шаги ближе.

— Ванесса, здравствуй!

Узнаю — соседка. Отворачиваюсь.

— Здравствуйте, — бубню тихо.

— Здраствуйте! — весело вторит и Федька.

— У кого это так музыка? Не знаешь? погоди, у вас, что ли?

— Наверно, да, — еще рачительней отворачиваюсь в меру приличия, но так, чтобы не видела мои слезы.

— У вас праздник, что ли? Ну все равно... можно же как-то потише!

— А вы пойдите это ЕМУ скажите! — сорвалась, гневно рывкнула я на нее, вперив взгляд. Но тотчас осеклась. Отвернулась. — Простите, — тихо.

— Что-то случилось? Что за пакеты?

— Вы шли куда-то? — злобно, уже окончательно не выдерживая. Живо сорвалась я с места. Взгляд на приставучую старушку. — Вот и идите туда! А что-то не нравится — вызывайте милицию!

— Так он же... этот же... из этих... — растерянно та, вытаращив на меня очи.

— А я-то причем? Что вы от меня хотите? Я об дверь не разможусь! И звукоизоляцию вам не сделаю! Все вопросы — к нему!

Схватила пакеты и силой что впихнула в сумки, а что так, сверху примостила — и взяла. К лифту.

На самый верхний этаж — и замереть у крыши, на техэтаже, как когда-то поведала истину Ника.

— Мам, а мы со... домой не подём?

— Не сейчас, зай. Позже.

Набрать номер Матросова (и то, если это он, как уверял Серебров, когда мне с его телефона писал смс, что останется у него на ночь, а его, Лени, мол, аппарат сел и зарядить нет как).

— Да? — грозное. Мужское.

— Жора, ты?

— Кто это?

— Ванесса. Сереброва.

— А Лёня... Лёня спит уже, — испуганно, задумчиво тараторя.

— Он дома. Закрылся. Меня с ребенком не пускает. Я боюсь, как бы он ничего плохого не наделал.

— Сейчас буду, — перебивая.

* * *

Вещи уже не тащила за собой. Так спустились, как увидели, что джип Матросова подъехал.

Потрезвонить, а затем гневно заколотить в дверь. Это не я — церемониться Георгий не стал.

Долгие, упорные минуты — и все же "заточенный" сдался. Щелкнул замок — несколько оборотов — и показался в проеме.

Взор на Жору, что первый, стеной стоял перед нами.

— Надо же! Чего ты тут? — развеселое.

— Да вон, твоя позвонила.

Шаг в сторону. И сцепились взгляды наши с Леонидом.

Оскалился, что дикое животное.

Презрение накалом — и вдруг бешеный вопль, в разы перекрикивая, бьющую басами по ушам, музыку:

— На *** отсюда пошла! Шалава е**чая! Я сказал, нет здесь больше тебе места! Ни тебе, ни твоему ублюдку!

Сжалась я от ужаса.

— Ты чего? — вытаращил на него очи Матросов. — Вообще, крышей поехал? Че ты несешь? На весь подъезд, при Малом?

— А ты вообще е**льник завали! Пришел — заходи! А нет — то на *** вали! Вон, можешь вместе с ней! Может, и тебе даст! Или ты и так ее... периодами, пока меня дома не было, тр*хал?!

— Ты че, больной, что ли? Совсем спился?

— Откуда у нее твой номер?!

— А я откуда знаю?! — рявкнул в ответ, вконец разбитый шоком Жора.

— Так ты сам мне с его номера писал! Не так давно, когда у него оставался! — тотчас отозвалась я (из последних сил), чтоб хоть и этого ко всему не приплел. И вовсе не поубивал всех до кучи.

— И ты номер сохранила!

— Я просто смс не чистила! — гневно, агонией.

— На будущее оставила, да? Когда этот с тобой натаскается!

— Да ничего не было!

— Короче, — резво перебивает нашу перепалку с Леонидом Матросов. — Давайте зайдем все в квартиру — и нормально поговорим.

— Это — мой дом! И ноги ее здесь больше не будет! На *** вали! Куда хочешь! Хоть удавись! Мне — по ***! Завтра замки сменю! А влезешь — засужу! За проникновение на частную территорию! За взлом! И за кражу!

— По-моему, ты сам уже не свой! Что ты несешь? — не отступает Георгий.

— Ты заходишь, или остаешься здесь? С этой подстилкой? — беглый взгляд, и снова вперил очи в друга.

Тягучие, колкие мгновения рассуждений — и подался вперед Жора. В квартиру.

Но едва уже захлопывал дверь — как уставился на меня и шепнул:

— Погоди здесь. Я с ним поговорю, успокою. И все решу.

Часть Седьмая. Инволюция

Глава 33. Сума

* * *

Час, два на лестнице. Никто так и не вышел. И по телефону мобильному не звонил.

Ночевали там же, среди своих сумок, на тех. этаже.

А утром, еще и восьми не было — пришел мастер и принялся менять замки (мы как раз шли: спустились вниз на лифте — и было слышно; а затем и вовсе воочию узрела).

Не справился. Со своим обещанием Матросов не справился.

Ну что ж. Решено, так решено.

И это действительно конец. Я долго терпела. Мирилась, унижалась, ждала... Но, видимо, судьба. Такова судьба: всему конец. Точка. И это Лёня так решил. Серебров, а не я. Так что снимаю любую ответственность с себя. Нет у меня вины ни перед ним, ни перед сыном. Нет: как могла, так и крутилась. И была верной женой. До последнего. Вопреки всем "но".

Так что весь спрос в будущем — только с Него. Что могла, я — сделала.

* * *

Еле дождалась открытия торгового центра — в туалет. Там же и умылись. Из денег — на батон с молоком хватило. Еще, правда, если хорошо покопаться, то и на билет в автобусе хватит (и то, спасибо, что хоть за Федьку не надо платить в силу его возраста и льгот для малышей). Вдруг куда придется все же ехать.

Вдруг? А то будто тут останемся.

Реально, я все еще толком не могу осознать, что произошло. Так только — обрывки, отрывки, всплески.

Так... Рогожин.

Присесть на лавку и в очередной раз набрать его номер: абонент вне зоны доступа.

В детсад Федю — смысла не вижу вести. Да и страшно, вдруг Серебров передумает и решит сына с собой оставить. Хотя бы назло мне. Нельзя. Да... и толку? Вечером и того сложнее найти будет, куда приткнуться.

И Федя... а что если он на меня обиделся? Специально номер сменил?

«Да нет! Чушь!» — замотала я лихорадочно головой, рассуждая, споря сама с собой.

Не может быть! Нет! Только не мой Федька. Не мой Рогожин. Он мне... тогда после рассказа, что было в санатории, всё простил. Приехал, как и обещал, забрал. И Шмелёва простил. И даже Сереброва. Всё простил. Так что нет. Не мог.

Наверняка что-то случилось.

Может, что Ритка что знает... Точно, Рита!

Живо достать еще не севший вконец телефон — и набрать номер.

— Ну, Вань, — слышались явные нотки раздражения, недовольства Маргариты. — Я буду дома только вечером. И потом, мне нужно у Валика спросить, согласен ли он сюда вас пустить. И то, если да, то только на один вечер, на одну ночь, не больше. Он, так-то, не любитель, когда чужие люди в доме. Прости, в общем. Ладно, я тебя потом, попозже наберу.

— Да у меня... — но не дала договорить — гудки перебили ход моих слов.

Вперила я взор в финальные проценты батареи.

Ну вот... а самого главного так и не дала выведать: про Федю. Да и обидно будет, если позвонит, а я так и не узнаю: да или нет. И куда ехать.

Хотя... Мне главное до Рогожина достучаться. Нет, не то, чтобы на шею сесть. Но может... что толковое подскажет, напутствует. Советом поможет. Теплом. Даст моральных сил... всё это пройти, выбраться... из сей жуткой трясины на твердый берег.

Пять процентов зарядки. Даже, наверно, если и позвонит сейчас Рита, то телефон сядет в процессе разговора.

Черти что...

— Мам, ну не плачь...

— Спи, зайчик, спи. Не обращай внимания... соринка в глаз попала, — живо стерла я влагу с лица; предательски шмыгнула носом.

И вдруг запиликал аппарат — смс:

«Еду уже домой. Ул. Р.-К-ва, **, кв. ***»

Звонкий, истерический смех вырвался из моей груди, отпуская стремяна и давая вконец волю рыданиям.

Сходить вновь в торговый центр (в туалет), а затем — автобус... и по заветному адресу.

— Но только до утра, — вместо привет, тревожно отозвалась Рита, едва открыла дверь и увидела нас на пороге.

Учтиво помогла затащить все сумки в прихожую.

— Ты прости... что так, но... — скривилась Рогожина. — Сама понимаешь. Жила бы я одна, по-другому разговор строился.

— Да я все понимаю, спасибо тебе громадное и за это! — счастливо запричитала я, а на глаза вновь проступили слезы.

— Раздевайтесь. Вон ванная, туалет, — замахала рукой Маргарита, раздавая указания. — Кухня там. Мойте руки — и кушать. Суп погрею.

Когда б еще у Федьки был столь зверский аппетит — не могла насмотреться на своего мальчика.

А вот у самой — и кусок в горло не лез. В голове все пылало. Мысли, вопросы

разрывали на части. Как дальше? И на какие «шиши»?

— Да, б***ь, — внезапно гаркнула Ритка, но в момент осеклась, бросив взор на малыша. Закачала задумчиво головой. — От кого-кого, а от вас таких историй... я не ожидала. Никогда. Серебров-Серебров. Собственную жену и ребенка. Вот кобеля кусок. Не лучше... Да куда там? Хуже «Жорика» оказался! Падаль гнилая... Дак, а как? Что случилось? — нервически рассмеялась. — Как ты смогла его так допечь? Чтоб вот так? Да обоих?

Скривилась я, опустила виновато голову.

— Он думает, я изменила ему.

Захохотала тотчас Рогожина:

— Ты? Ой, я не могу! Ты! Аха-ха! — на грани плача уже смех. — Ты — и изменила! Да, мне кажется, ты при виде других мужиков — сразу готова блевать, а не то, чтоб...

— Он думает, что я с Федей...

Окоченела та враз, глотнув в мгновение звуки. Вытаращила на меня очи:

— С нашим, что ли? С Рогожиным?

— Угу, — пристыжено опускаю очи.

Колкие, тревожные мгновения тишины — и сдается. Шумный вздох:

— М-да уж... Рожа в своем репертуаре. Надо обязательно везде всё испортить. Особенно другим. Чтоб жизнь малиной не казалась.

— Он не виноват. Это я... допустила двойкость ситуации.

— Ой, — раздраженно; махнула рукой, — не прибедряйся. Ты уж прям! Королева соблазна и разврата. Не ездь мне по ушам.

— А ты не знаешь, где он? — отваживаюсь перебить, изменить тему, и узнать наконец-то самое важное. — А то не смогла дозвониться.

— Я ж говорю, косячный он! На всю голову! — гневно выпалила Рита. Скривилась. Взгляд по сторонам. — Пельмени будешь? Или колбасу?

— У него аллергия на колбасные изделия, — поспешно отзываюсь.

— Ой, аллергия, — поморщилась от недовольства. — А пельмени?

— Да мы уже наелись, — смущенно шепчу.

— Ты, может, и наелась, — гаркнула. — А он вон — за обе щеки как уплетает. И потом, это мужики! Им нужно мясо — да побольше.

* * *

— Ну так... ты знаешь, где Рожа? Как можно с ним связаться? — вновь я завела свою шарманку, едва Рита принялась шаманить у плиты.

— Да хр*н его знает! Я как-то... сама знаешь, мы с ним не особо. Это вон, — кивнула куда-то в сторону головой. — С Никой они — что сиаемские близнецы... причем с отсутствием мозгов оба. А так... Ты, кстати, — вдруг резко обернулась и выпучила на меня глаза. — Не смей при Валике о нем упоминать! И вообще, что ты его знаешь! Ни в коем случае! У них какая-то там заруба случилась. Что-то не поделили. Накосячил Рожа, наверняка, как всегда. Еще и сбежал: сама, вон, говоришь, что дозвониться не можешь. А теперь мой злой ходит, что черт. Сама чуть не отгребла, когда нечаянно заикнулась. Так что молчок! Я ничего о нем не знаю! Честно. А если и узнаешь что — то без меня. Мне и так... хватает нервотрепки. Одного... дерганного. Вообще, какой-то бред, — вдруг странно

заулыбалась Рогожина. Табурет ближе к плите — и присела на одного. Взор на меня: — Я думала раньше, что без денег одни нервы. А с деньгами — по ходу, еще больше. Вон что Жора, что Мыца, первый мой, что этот... Мазуров, или тот же Мира — все они такие дерганые. Что жуть. Не понимаю их: всё есть, чего колотиться? — отвела взор в сторону.

— Наверно, чтоб не потерять?

— Или чтоб приумножить, — улыбается. — Да и фиг с ними. Это их война — пусть воюют. Лишь бы нас не касалось.

— Только этих их «нервы» все равно нас касаются. Сама же говоришь.

— Ну, — улыбнулась. — Надо приспособливаться, искать лазейки, рычаги убления, успокоения. Много терпеть.

— Ну и как, — улыбаюсь, — приспособилась уже?

— Да-а, — скривилась многозначительно, — приспособилась, — продолжила задумчиво. И вдруг: — Да я с тебя еще в шоке. Ванька! — вперила в меня взор, заливаясь странной улыбкой. — Но кто-кто... блин, ТЫ! Никогда бы не подумала! Что ты окажешься за бортом! Я думала, всё: с тобой решено. Из какой семьи вышла, и в какую вошла: вон какой муж! Не последний человек в городе. Думала, ты до пенсии стабильностью обеспечена, как сыр в масле кататься.

— Ага, как сыр, — горестно рассмеялась я. Беглый взор на сына. — Да не ел бы ты сейчас сладкое! Пельмени же тебе варят!

— А я и их сем! — радостно обронил Федька.

Ухмыльнулась: моя порода.

— А знаешь, — вновь я отозвалась к Ритке. — Я даже рада... что он меня прогнал.

— В смысле? — вытаращила на меня очи Рогожина.

— В прямом, — задумчиво, бесцельно устала взгляд я в пол. — Устала. Кошмар, как устала от него. Не жизнь то была, а сплошная каторга. День в день отбывать срок... ни за что.

Рассмеялась едко Рита:

— Ну-ну.

— Что «ну-ну»? — невольно злобно вышло. — Я тебе правду говорю. Я наконец-то счастлива. Я свободна. И пусть... нечего есть, и нет крыши над головой — но я свободна. Никому ничего не должна. Никого терпеть не надо, ни перед кем унижаться, — скривилась, поморщилась я, вспоминая все то, что мне пришлось пережить за эти года. — Я счастлива. Я реально счастлива, — глаза в глаза с ошарашенной Маргаритой.

Но еще мгновения — и прыснула та от циничного смеха:

— Это пока. Пока голод не задавил, и холод. А так... еще запоешь. Завоеешь.

* * *

Когда этот ее, Риткин, «Валик» пришел домой, мы уже с Федькой легли спать. Ночь без нормального сна, а тут еще и знобить малыша стало, а потому молча, покорно — в душ и спать.

Утром, как только провела Маргарита своего Мазурова на работу, спохватились и мы. Позавтракать — и на порог, за сумки.

— Ну, ты не обижайся, — скривилась печально Рита. — Сама пойми...

— Да чего ты? — обмерла я, удивленная. — Всё нормально, — искренне. — И так всё... просто супер! Приютила, накормила! Я и за это безмерно благодарна! И потом... у меня же такой же был... только потом бы еще и скандал закатил, и хорошо, если без рукоприкладства. Так что... Спасибо тебе огромное за всё! Очень признательна. Буду должна, — рассмеялась пристыжено, спрятала очи.

— Да иди ты, — гаркнула сквозь неловкость и тихий смех та. — Должна. Со своей жизнью разберись, а я со своей — и сама справлюсь.

* * *

В придачу к своей доброте дала и денег Рита.

И пусть план был изначально сверх сомнительный, да особо деваться больше некуда.

За эту ночь я наконец-то осознала, что произошло, и на какой путь встала.

Билет на автобус — и домой. К матери.

Глава 34. Родная кровь

* * *

Долгим, очень долгим и жутким наше "турне" выдалось: то пробки, то так, водитель решил сыграть в улитку, то еще что. Так что лишь с горем пополам мы добрались до заветного места. Федьку уже всю температуру, временами трясло. Пот ручьем. Я, и вправду, была уже готова выть от страха и жути творящегося.

На местный автобус — и в заветный двор (мать после меня к бабушке так и не вернулась, осталась жить в двухкомнатной).

Беглый, машинальный взор по сторонам (где-то на задворках души перебирая ностальгические картины) — и нырнули в подъезд.

* * *

И вновь всё не так, как мечталось. И если к Ритке действительно никаких обид и претензий, то здесь... хоть и ожидаемо, но всё же очень болезненно вышло. Ладно я, сплошное разочарование, но внук, у которого температура так шкалила, что смотреть уже было страшно...

Нет. Ничего Ее не проняло.

Открыла дверь — и даже на порог не пустила: сама к нам вышла на лестничную площадку.

— А это что еще такое? — вытаращила на нас очи.

— Я с Лёней поссорилась. Ушли мы.

Скривилась возмущенно, выгнув брови. Взор около — и вдруг шумный вздох:

— Ты — замужем, вот и будь при муже! И нечего по ночам где попало шляться! Сели обратно на автобус — и быстро домой! И не вздумай больше никогда так чудить! Ясно? — гневным, резвым требованием, пронзая взором — меня (что уже едва на ногах держалась: казалось, вот-вот Богу душу отдам). — Всякие ссоры у нас с твоим отцом случались — и никогда! Слышишь, НИКОГДА (!) я себе такого не позволяла. Быстро — обратно! И хоть в ногах валяйся, чтоб помирились. А что гуляет... Ну, с кем не бывает?! Ты думаешь, твой "горячо любимый папенька" не гулял?! Еще как гулял! Вон... одна выдра так уцепилась, что в гроб свела и все денюжки себе заграбастала. Но ничего! Я ей еще покажу! Будет суд! И будет справедливость! Да и вообще! Надо еще проверить, его-то там сын, или так, нагулянный... От уже какой-то новой, другой жертвы.

— Гулял? — осиплым голосом прошептала я, поняв лишь малое из ее запойной, пламенной речи.

— А ты что думала? Как еще Аннет в нашей жизни появилась?

— Лёня... гулял?

Вытаращила та на меня очи, будто какую жуткую тайну выболтала.

— И ты знала? — добиваю я начатое. Мерным, холодным голосом, где уже гнева и жестокости ровно столько, сколько и боли. — Молчала? Всё это время?

— Нет, ну... — тотчас заюлила, замешкавшись. Взор по сторонам. — Это неточно. Так, слухи. Догадки. А чего ты тогда пришла сюда? Из-за чего поссорились? — новый напор, давление гнева.

— Неважно, — отравленным равнодушием. — Непустишь, да?

— Нет. Ты — жена Сереброва. Вот и живи при нем. Потом мне еще спасибо скажешь.

— Он меня выгнал, — хладнокровным залпом, уже даже не так надеясь на верный исход, как просто хочется понять, как далеко эта женщина готова зайти, лишь бы откреститься от меня. Только во имя чего? Личного спокойствия? Или запасного плацдарма денег, возможного содержания на старости?

— И что? — громыханием. — Ты же женщина. Что, не знаешь, как можно с мужчиной помириться? Не мне тебе рассказывать. Да и не при ребенке.

— У ребенка температура. Нам плохо. Мы заболели.

— Вот тем более! — финальным выстрелом. — На жалость как раз... и надавите.

Побежали по щекам моим слезы.

Почему... Почему даже мачеха в свое время меня пустила на порог, а родная мать?..

Даже на ночь отказалась приютить.

Отворачиваюсь, заливаясь горьким, отчаянным смехом.

— У нас на билет денег нет. Нам не доехать, — не вру.

Шорох. Кинулась та в квартиру, захлопнув дверь и провернув барашек замка... Колкие мгновения — и снова та же процедура, но в обратном порядке.

Протянула мне пятьсот рублей:

— На вот. И лекарства купи, а то вдруг чего...

«У тебя забыла спросить!» — немо, про себя выругалась.

Молча забрала протянутую купюру — сунула в карман. Стереть в очередной раз со щек влагу — за баулы, разворот — и пошагали. Уцепился послушно малыш с другой стороны за сумки — и побрели.

Аптека. Жаропонижающее дать ребенку — и в путь. На автовокзал.

* * *

К концу поездки — уже и меня накрыло. Холодно до жути. Дрожу, как банный лист. Голова разрывается. Стоны невольным нытьем вырываются из груди, вторя отчаянию. Едва что вижу перед глазами. Пришлось принять и мне (двойную детскую) — правильную дозу для взрослого не видно (шрифт мелкий, неразборчивый, а у других спросить стыдно, да и страшно — лишь бы в милицию не сдали, или соцслужбам каким).

* * *

С неудобного, мелкого автовокзала перейти на ЖД станцию: комфорт, площадь здания громадная, да и откровенная возможность затеряться среди толпы ожидающих.

Найти место где попримичнее (подальше от странных, зловонных, выпивших типков) — и разместиться с поклажей. Федьку не разувая уложить на скамью — головой себе на руки:

— Спи, зайчонок. Спи...

И самой попытаться уснуть. Дожить бы до утра — а там видно будет.

* * *

Да только — и сон как назло не берет больше. Если в автобусе убаюкивало легкое покачивание езды, то тут... нервы голой, натянутой струной страха стали тренькать от каждого тика вселенной.

Тщетный звонок Рогожину — и аппарат окончательно сел.

Взор около, вновь заливаясь слезами.

На дне. Я — на дне. Долго же пришлось катиться с горки, дабы здесь оказаться.

Счастлива? Счастлива ли теперь?

Уже не знаю.

* * *

— Девушка, предъявите, пожалуйста, посадочный билет, — пристал один из "ППС-ников" ко мне.

— А? — не сразу поняла, что происходит.

— Билет, — любезно повторил. — Вы куда-то едите? Если нет, покиньте, пожалуйста, помещение вокзала.

Дико таращу на него очи, и все еще не могу внять окончательно: нас и отсюда выгоняют?!

— Что?

— Девушка, у вас есть билет? Если нет — покиньте вокзал.

— Мы еще не купили, — не знаю, как сообразила — нагло вру.

— Так приобретите, будьте добры. Нам не жалко — но от нас требуют. А мы требуем от вас.

— Хорошо, — покорно закивала головой. — Зай, вставай, — тормошу малыша.

Расплакался, расхныкался.

Да всем плевать — только у меня сердце кровью обливается.

* * *

Вышли на улицу. Взор по сторонам. Ночь глубокая — уже даже проезжая часть практически пуста.

Куда податься? Что делать?

Опять дрожит в лихорадке Федор.

Попробовать его лоб, свой — ничего не понятно.

Шумный выдох — и пошли.

Пешком — в сторону городской больницы. Документов нет — но... будь, что будет. Не сразу же в простыню и на кладбище? Али пора?

— И что, совсем ничего? Даже ксерокопии? — вперила в меня взволнованный взгляд медсестра, что сидела в приемном покое.

— Да нет ничего... хотя, подождите, — мигом кинулась я к своей сумке. Еле выудила из пакетов свою родимую. Принялась ковыряться в ней.

— А зачем столько вещей-то с собой? Вы что... на совсем к нам... переехать решили? — тихий, добрый смех.

А мне — что ножом по сердцу.

Поморщилась:

— Так получилось, — тихим бормотанием.

— Ну вы-то отберите, самое важное. Постельное там, халат, тапочки, белье, туалетные принадлежности, а остальное родным передадим.

— Нет у нас родных, — метнула я на нее горький взгляд, но тотчас осеклась. Увела очи в сторону, а от обиды в момент проступили слезы на глаза.

Жуткое, звенящее молчание — и вдруг шумный вздох:

— Понятно. Значит здесь, у нас, внизу, в раздевалке оставите. Просто там будут проверки, контроль. По шапке они получают, потом мы, вы.

— Хорошо, — покорно киваю головой.

— Так что там с копией?

— Ах, да, — спохватилась вновь. И снова попытки сотворить невозможное, молясь всем ведомым и неведомым святым.

— Во-вот! — даже заикнулась я. Протянула дрожащей рукой женщине помятую, затертую бумажку — медполис, ксерокопию, которую для поликлиники в свое время делала. Так вот и валялась она в сумке, временами служа в регистратуре для быстрого оформления и поиска карточки ребенка.

Взор с одной стороны, с другой.

— Почти ж ничего не видно, — скривилась.

— Лупу возьми, — неожиданно отозвалась другая, ее коллега, что все это время лишь молча заполняла какие-то свои бумаги. — Девушка, — вдруг вперила та в меня взгляд. — У вас что, тоже температура? Вы так жутко выглядите.

— Н-нет, — замотала лихорадочно я головой, сходя с ума от ужаса: не зная, как верно ответить. — Просто... нервы.

— Но завтра чтоб привезли нормальные документы. Хорошо?

— Хорошо, — закивала я покорно головой, печально опустив очи.

Хоть немного тепла, еды, лекарств — а там выгонят, так выгонят.

Или так будем бежать, если вдруг... но, надеюсь, не догадаются.

Но не дураки... Не дураки там работают. Догадались. Да только человечности в них оказалось куда больше, чем во всех моих знакомых и родных вместе взятых.

Данные для больницы из регистрационной карты местной поликлиники взяли.

И мне лекарства дали, и за ребенком больше присмотра и тепла. Купили, подарили даже зубную щетку, пасту, мыло, шампунь... и прочее. Постельное белье выделили.

Сдружилась. То с одной, то с другой.

А с третьей даже разговорились по душам. Она мне о своих жизненных перипетиях, а я ей — о своих. Призналась. Что муж из-за ревности выгнал, мать отказалась, отца уже давно нет — и не знаю, что делать. Куда податься. Что боюсь соцслужб, потому что от ребенка отказываться совсем не хочу. А на работу — как устроиться, когда малыш две недели ходит в сад, а две потом — болеет. Да еще как!

Что был, был, тот, кто должен был спасти. Кто должен был приютить. К нему бы достучаться. Но пропал. Что-то случилось. Чувствую, знаю. Но что поделать — ума не приложу.

* * *

— Чего опять ходишь кислая? — одернула меня словом та самая санитарка, подруга моя, Тамара Сергеевна, которую даже не заметила я у умывальников, в туалете, за своими мыслями.

— Да, — скривилась в печали.

— Ну что уже? — обняла за плечи и отвела в сторону. — С ребенком что-то?

— Да нет, нет, конечно, — невольно передернуло меня от ее слов. Нахмурилась. — Нет. Слава Богу, с ним все хорошо. Так просто...

— Что "просто"? Говори.

— Да выписка скоро. В пятницу. А тот... трубку так и не берет. Не знаю, что делать. Да еще «эти» начались, — скривилась. — Боже, как же все это не вовремя! — взвыла я от безысходности, содрав с лица ладонями эмоции. — Мне кажется, я уже скоро...

— Ничего, — успокаивающе-поучительное тотчас вырвалось из женщины. — И не такое проходили. Тебе что, денег дать, ну... на прокладки?

Поморщилась я от стыда:

— Та, — гаркнула, исходясь уже от нового наката истерики. — А дальше-то что? И так вон... сколько вы на меня все потратились. Боже, как стыдно...

— Это не стыдно! — гневом. — Это жутко! А ты давай мне тут, сопли не разводи! Это твоим должно быть стыдно! Что тебя в таком положении бросили! Но не потакай им! Будь сильной! Волю в кулак — и решай. Ищи этого своего. Подруг старых вспоминай. Шерсти, где можно ребенка оставлять, если будет болеть. А нет — то в сад. И на работу. Вон, к нам уборщицей — или в том же саду поищи что, или другую госструктуру. Чтоб больничное оплачивали — и вперед, с песней. Справитесь. Мы вон... и не такое в свое время проходили. А то прям... раскисла. Не могу, не хочу, не буду. Знаешь... ты у него, у Федьки твоего, одна осталась. Тебя не стает — и чего? Ничего! Детдом не лучше, поверь! Так что давай, на вот, — завертелась на месте. Оставила в сторону швабру. В карман — и достала кошелек. Вытащила денег. — Купи, что надо. И не нюняй мне. Пока малой тут, с нами — походи по улице, почитай объявления. Поищи работу. Комнату, может, кто где сдает. Может, какая

бабушка за уход приютит. Думай. И не паникуй. Всё получится. Иди давай. А мы присмотрим. Понянькаемся. Гляди, Федька и так у нас тут нарасхват. Ишь, какой кавалер учтивый, добрый, заботливый! Ирине вчера даже ромашки подарил!

— Да ладно! — вытаращила я на нее очи.

— Ага, — смеется. — Нарисованные, правда. Но девка аж расцвела. Говорит, первый, кто вообще догадался такой подарок сделать. В смысле, цветы.

Улыбнулась я, поджав губы от растопленных чувств.

Вдох-выдох — и собраться с духом. Взять предложенное — да в путь.

* * *

На рынок. Купить нужное. Забиться в угол на складских помещениях — и, тщетный раз кляня себя за грязные руки, исполнить задуманное. Очередной вдох-выдох — и податься дальше по намеченному пути.

Купить газету, пополнить счет мобильного — и сесть на первом попавшемся выступе (да так, чтобы никому не мешать). Объявление за объявлением. Звонки за звонками. Обошла и все ближайшие столбы. Ни работы. Ни квартиры. Вернее, комнаты. Хотя требования и оплата за оную не особо отличались от первой. Все требовали деньги наперед, да еще и с задатком за будущий месяц (на случай наглой прострочки). А если вариант "уход за престарелым человеком", то априори без маленьких детей: будет шуметь, испортит мебель, стены, да и болезни чужие им так-то вовсе ни к чему. Тут едва свои переносят, а то еще будет дополнительный очаг заражения.

Хоть в подвал иди живи. Или в какой подсобке. Хотя и оттуда выгонят.

Одно только интересное, полезное нашла. Наверно.

Будто током меня прошибло объявление о сети мебельных магазинов на Киевском, Московском проспектах.

Вспомнила. Тут я и вспомнила рассказ Феди, Рогожина, о том, чем он занимается. И пусть у Мазурова мне запрещено что-либо разузнавать, так пойти... и у персонала что расспросить — ведь можно? Да?

Так или иначе... другого выхода не вижу. Ладно, помощи не дожидаться. Если честно, уже и не надеюсь. Просто... для успокоения души узнать, что жив, здоров. Что все у него хорошо. По крайней мере, лучше... чем со мной обошлась судьба. Да и дабы больше не оборачиваться назад. Не искать ничего. Не ждать. Идти, смотря вперед, по жизни дальше. Али... карабкаться.

На остановку — да в автобус. Пока еще на часах только три (спасибо, девушкам по палате — зарядкой поделились, так хоть с телефоном теперь рабочим брожу), а потому есть шанс...

А если его самого увижу?

Господи, лишь бы увидела. Лишь бы увидела...

* * *

Первым на моем пути оказался небольшой магазин: ничего, кроме торговой зоны. Зато

подсказали, где главный офис — увы... совсем в другой стороне. А потому снова — едва не срываясь на бег — остановка, автобус, грохочущее сердце, сгорающее в ожидании. Одно только радует безумно: подтвердили. Одного из директоров зовут действительно Рогожин Федор Романович. Не соврал. Да... я и не сомневалась. Не в привычке Рожи врать. Главное другое, значит все еще на плаву, при деле. Значит... не всё так плохо. Верно?

* * *

И снова едва не кланялась в ноги каждому, выпрашивая свиданки с «главным».

— Нет, девушка. Его здесь нет. И сегодня точно не будет. А номер телефона или каких других личных данных дать мы, увы, никак не можем. Это против правил фирмы. Понимаете? Я же тоже... обычный человек, такой же как и вы. Выполняющий приказы...

И прочее «бла-бла», в которое я уже и не вслушивалась.

В голове шум. Дурман. Не знаю, что делать:

— Ну завтра, или когда он там будет?

— Я не могу вам этого сказать, — не без ноток гнева и откровенного раздражения, не унывала, словно тот попугай, женщина. Главный бухгалтер, если верить бейджику.

— А мои данные передать? Записку? Или что-нибудь? Что приходила, искала. Что срочно нужно встретиться. Это деловые отношения. И в его же интересах, — нагло вру, но так нелепо, что и сама уже не верю, что есть толк в этом.

Скривилась непонятно как-то.

— Ну-у, — растеряно. — Напишите. Хотя тогда проще с Мазуровым связаться.

— А почему не Рогожин? — ойкнуло сердце и замерла, почуяв неладное.

— Девушка, вы много вопросов задаете. Хотите — пишите. Когда будет возможность, мы обязательно передадим. Но как дальше всё сложится — никто ничего обещать не станет.

— Да я поняла, — пристыжено опустила голову. — А записать где? — ожила, растерянный взор около.

— Зоя, дай ей лист и ручку. Вот впровадились, — скривилась. Разворот — и принялась что-то строчить на компьютере с задумчивым, умным видом.

А калякать-то что?!

Оторопела я, вперив взор в белоснежное бумажное полотно. Адрес какого подвала? Или чего?

Номер телефона — и подпись: «Ваня». Зачеркнула.

«Ванесса. Срочно нужно увидеться. Прошу, дозвонись».

Хотя... если сейчас уйду из больницы, невесть когда следующий раз доведется зарядить аппарат.

Передала бумагу — покорно забрала ее «Зоя».

Разворот — и шаги на выход.

На улицу — а там опустилась я на лавку.

Заревела. Обреченно заревела на всю глотку.

Как бы я не оправдывалась, убегая от наглости и стыда, правда в том, что он — был последней моей надеждой. А теперь... теперь ее больше нет.

Те вряд ли передадут. А если передадут — то вряд ли позвонит.

Да и глупо все. Зачем я ему такая?

Вдруг скрип двери — и вышла девушка. Та самая "Зоя". Достала пачку сигарет, зажигалку. Прикурила. Прокашлялась.

Кошусь на нее, что идиотка. Стыдно до жути. А потом еще мгновение, дабы совладать с собой — и встала с лавки. Шаги прочь.

— Стой! Ванесса, стой! — неожиданно раздалось женское за моей спиной. Незнакомое. Покорно замираю. Живо стереть слезы, сполить с лица — и разворот. Та самая.

Поспешно ко мне ближе — и обмерла:

— Зачем ты его ищешь? — добро как-то, с заботой. пониманием. — Только не ври про дела, — затараторила поспешно; скривилась на миг. — Мы так-то все его деловые контакты знаем. Если не в лицо, то по имени. И потом... Короче, что ты от него хочешь?

Вдох-выдох, отчего тотчас волна дыма невольно обдала меня — невольно поморщилась.

— Ты что... беременна от него? — вытаращила та на меня очи.

Обмерла я, пришилиленная странным предположением.

— С-с чего взяли? — пожала плечами в растерянности.

— Да вон, — кивнула на меня, — синюшная, перепуганная, воротит от дыма. Рыдаешь на людях невесть от чего. Да и потом... че я, совсем дура, и ничего не понимаю? Когда бегают так, по делам, или просто мозги потрепать. А когда — по личному. Да серьезно.

Секунды, дабы осознать всю плачевность ситуации, и покорно закивала головой:

— Да, — пристыжено опустила очи.

— М-да уж... дела-а... — протянула. Еще одна затяжка — и вмиг потушила сигарету о ближайший бетонный столб. Печальный вздох — и потупила взгляд, поморщилась от непонятных эмоций. — Короче, — сплюнула на асфальт. Глаза в глаза со мной. — Можешь не искать его, и не ждать.

Окаменела я от ужаса, перестав дышать. Очи в очи с барышней.

— В СИЗО он, — добивающим залпом. — Вон, не так давно, при нас и забрали. Скрутили и увезли. Там такое... черти что творилось. Жутко вспоминать. Магазины даже на пару недель закрыли. Этот наш, второй, Мазуров, тоже быстро собрал манатки и смотался... от греха подальше. Даже номера телефонов сменил. Короче, мама не горюй, называется. Вот только что пару дней, как опять вроде все выкруливать куда-то стало. Работать хоть начали. А то вообще... никому ничего непонятно: увольняться, или как? В общем, закрыли твоего Рогожина. И что там, как дальше — никто не знает. Только я тебе ничего не говорила. А то еще мне влетит... по самое, что не есть некуда.

Глава 36. По туннелю. На ощупь

* * *

Я даже не помню, как добралась до больницы. Что там, куда там, как...

Вообще, в себя, наверно, только и пришла спустя несколько часов, в коморке, подсобке всё той же Жмайловой Тамары.

Чаем отпаивала. А мне бы яду. Да покрепче — чтоб уж точно не выжить. Чтоб всему финиш пришел.

— Ну... СИЗО — это еще не конец. Не тюрьма. А суды... и того могут тянуться годами. Может, еще выпустят. Хотя б под подписку, а там... Сама говоришь, при деньгах, магазины.

— Был.

— Что был? — удивленно.

— Был при деньгах. А раз сидит — значит, больше нет.

— Ну, мало ли... Может, следователь слишком вредный или правильный попался. А вообще, чего ты голову ломаешь? Иди к нему на встречу. Да поговори обо всем. Разузнай. А то мы тут навывдумываем быстро. За нами, бабами, не станет. А так точно уже все будешь знать. Может, там ничего такого уж сверх страшного. Даже если и посадят — то ненадолго. Или условкой пахнет.

— А потому под стражей содержат?

— Ну... всякое бывает. И потом, то что при следователе — это одно, что в суде — то совсем другое. Там уже другие паны, — махнула рукой. — Поверь моему опыту. Я же тебе рассказывала. Мне мой муженек те еще качели устраивал. Так что давай. Собирайся с духом, узнавай, что да где — и к следователю. Просись на свиданку. Скажи, жена гражданская. Ребенок есть общий. Вон, Федька, — кивнула. — Кто там проверять будет? Мол, по бумажкам одно, а на самом деле... Короче, плети, все что в голову лезет, лишь бы добро дал. И иди разговаривай. Расставишь все точки над "и" — и тебе проще жить станет. Поймешь, куда дальше двигаться. И не будешь растрачивать зря ни силы, ни нервы, ни деньги. А то вон — уже сама на ладан дышишь. Больно смотреть. За две недели почернела, мешки под глазами. Ты хоть спишь по ночам, или опять?

— Ну, так, — прячу взгляд.

— «Ну, так», — перекривила меня. — Дура! Не о том думаешь! И не туда силы направляешь. Ныть мы всегда успеем. Дело делай — пока вон... целое отделение нянек.

— Боже, Федя! — мигом спохватилась я.

— Да куда ты?! — тотчас ухватила меня за руку и силой усадила обратно — поддаюсь. — В таком состоянии он тебя еще не видел, да? Надо добить ребенка. Всё хорошо у него там. Сама вон недавно проверяла. Думай давай. И морально готовься. Завтра пойдешь искать, у кого дело этого твоего... бедокура.

— Может, он невиноват? — устала обиженный взгляд на женщину.

— Ага, все они «невиноваты». И «ни за что» их садят! Ладно, — скривилась, отведя очи в сторону. — Не будем спорить. Как есть. Дай Бог, все будет хорошо. И просто ошибка следствия.

Всё исполнить по предписанию.

Пошаталась по "значным местам". Никто ничего за просто так не скажет. А на "подпитку желания" денег нет.

В общем, все как всегда. До безумия прозаично.

И сама не поняла, как на нервах стала теревить болтающееся кольцо (что за эти недели стало уже и велико). И лишь когда осознанно вперила взор в эту "цацку" — до конца вняла: вот же ж дура!

Еще, как раз, когда по рынку бродила, ломбард видела. Никогда особо не обращала внимания на подобные вывески, а тогда прям как переклинило. Судьба.

Мышей перебежала через улицу — и в сторону торговой площадки. В заветное здание.

Прощай, Серебров. И ни капли не сожалею. Прощай!

Сняла обручальное кольцо и протянула мастеру:

— Сколько за него дадите?

И телефон себе попроще подобрала. Жаль, что мой без документов — потому в разы цена вышла меньшей. Но, сколько уж есть.

Забрала симку и вставила в свой "новый" аппарат: серебристая "раскладушка" с малюсеньким экраном. Главное, что звонит (набрала оператора). Да и лишь бы не ворованным оказался, а то будет мне...

Купить две бутылки коньяка недорогого, но в красивых бутылках, и податься в нужном, давно заданном направлении.

А там кое-кто кому-то позвонил... и подсказал адрес.

А за адресом — еще один адрес. А там — и вовсе кабинет.

Я готова уже была на колени перед ним рухнуть. Лишь бы не отказался. Лишь бы этот жуткий, унижительный, мерзкий путь не оказался напрасным.

— Девушка, вы по какому поводу? — вперил в меня взгляд молодой мужчина.

А я хочу, но сил уже нет ничего из себя стоящее, внятное выдать:

— Рогожина. Рогожина хочу увидеть.

Скривился, отвернулся:

— Такс-с, понятно.

— Пожалуйста! Молю, мне очень надо!

— У него только недавно было свидание. С сестрой. Все вопросы к ней. Я думаю, она вполне может ввести вас в курс дела его положения и прочих мелочей.

— Мне его надо увидеть. Я вас очень прошу, — уставилась с вызовом смертника взглядом ему в глаза, едва тот вновь удостоил меня взором.

Мгновения перепалки, давления — и сдался. Отвел очи в сторону:

— Вы, девушка, ему кем приходитеесь?

— Женой, гражданской. Только у меня документов с собой нормальных нет, — виновато опустила взор.

— Ну вот, — захохотал едко. — Опять. Началось... в колхозе утро.

Цыкнул от злости. Стиснул зубы.

— Меня ограбили. Мне негде даже толком жить. А я беременная от него! От Рогожина. Мне надо Его видеть! — с напором. Да так лгала искренне, что и сама уже свято верила. Моя

реальность расплылась, и сама не понимала, что и как происходит. Где я толком нахожусь.

— И что? Что он сделает? Чем поможет? — уставился на меня, утопая в сарказме. — Местом поделится?

— Советом.

— Я вам дам совет: идите домой. Прошу, не отвлекайте ни меня от работы, ни себя.

— Вы же живой человек. Вы должны понять... Я же не прошу его отпустить. Или дать поблажку. Просто увидеть. То, что разрешено. То, что доступно. То, что другие делают, — пытаюсь заглянуть тому в лицо.

— Девушка, — раздраженно. — Не воспитывайте меня здесь.

— Да боже упаси... — отдернулась, отвернулась я в сторону.

— Идите. Идите с Богом. Не раздражайте ни меня, не нервничайте — себя. Идите.

Подчинилась. Покорно встала — и шаги на выход.

Но вот еще миг — и замерла у двери. Вдох-выдох — резвый разворот, отчего даже оторопел мужчина, вытянулся на стуле во весь рост.

Движение к нему — и, заливаясь уже градом слез, давясь горькими, надрывными рыданиями, кинулась в ноги:

— Прошу, пожалуйста, пустите меня к нему! Мне очень нужно! — сложила руки у груди в молитве.

Округлились очи у того. Отдернулся в ужасе.

— А хотите, вот, — осмеливаюсь вытащить из сумки бутылку.

Вмиг слетел с места тот. Ко мне — и схватил за плечи, силой поднял с пола.

— Пожалуйста! Все, что угодно, только пустите! — отчаянно визжу я, уже не соображая, что происходит.

— Ты че творишь, ДУРА?! — дико затряс меня, пытаюсь привести в себя. В этот миг, казалось, мне сам Рогожин вопил в лицо. — Ты за решетку захотела?! Следом за ним?! Совсем кукушкой тронулась?!

— Молю! Я Вас очень прошу! Пустите!

— Да, б***ь, иди ты куда хочешь! — бешено рявкнул, оттолкнул меня от себя в сторону — упала я на софу.

Резво к столу, достал какие-то бумаги:

— Вали к нему! Да ради Бога! Только не надо мне тут цирк устраивать!

Молчу, ошарашенная. Боюсь издать лишний звук, дабы не спугнуть призрачное счастье.

— На, б***ь, идиотка! — швырнул мне в лицо бумажку. — Только толку от всего этого?! — бешено. — Ему столько светит, что можно сразу на нем крест ставить! ВАЛИ ДАВАЙ, отсюда! — рявкнул, вовсе уже слетая с катушек. — Пока я не передумал! — чуть сдержаннее. Захлебываясь, глотая слова, звуки. — Устроила мне тут!.. Не хватало еще беременных неадекваток!

Покорно забрала, сжала врученное — и мигом на улицу. До ближайшего газона — и села на бордюр. Завыла, дико заревела я на всю глотку, вконец сторяя от стыда и жути. Осознания того, как низко уже пала. И что еще предстоит пережить.

И врет же? Врет? Не может же так быть? Чтоб навсегда? Что б все... и не дожидаться?!!

— Чего ты тут ноешь?! — внезапно бешеным криком.

Взгляд через пелену слез в сторону здания — и в ужасе срываюсь я на ноги. Пытаюсь сбежать, прежде чем не передумал, не догнал и не отобрал Он свое разрешение.

А может, и не он это вовсе, но уже сама не своя. Я — за гранью.

Ухватил, сжал в своих объятиях.

— Успокойся! — приказом мужской голос.

— Пожалуйста, не надо! Пожалуйста, не отбирайте!

— Да всё хорошо! Всё нормально! Просто успокойся.

— А что с ней? — слышу уже другой голос.

— Просто истерика. Серег, лучше воды принеси.

— Какую? С газом, без?

— Да люблю! — бешено. И снова попытка заглянуть мне в глаза. — Вы что творите, девушка?! Вы хотите ребенка потерять?! И меня потом ко всему этому приплести?! Успокойтесь! Прошу! Никуда он не денется! Сейчас придете в себя — и я вас сам отвезу. Запишемся. А то будете там еще в очереди стоять, пухнуть. Так и вправду, не то что ребенок, но и сами... Успокойтесь, прошу.

— Вода.

— Вот, выпейте.

Подчиняюсь. Короткими глотками, едва не захлебываясь.

— Всё нормально. Бывает. Справитесь. Главное, что живой, здоровый. А остальное — уж как есть.

* * *

И вправду, всё исполнил: посадил к себе в машину (и пусть было страшно до безумия, но была смирной и старалась больше не бесить ни взглядом, ни ревом), да отвез на какое-то "КПП". В окошко — и сам лично записал меня с моих же слов, не требуя даже документов.

— Только на свиданку-то документы уже захвати, — вперил в меня взор.

Виновато опускаю голову:

— Говорю же, ограбили. Все забрали. И документы тоже.

— Заявление писала?

— Нет, — едва слышно.

Захохотал болезненно:

— Обалдеть! Как что действительно надо — так и пальцем не пошевелила, а как глупости — так вперед.

Скривился. Шумный вздох.

— Горе ты луковое, — внезапно продолжил, но как-то уже более тихо, сдержано. —

Откуда ты взялось на мою голову?

— Да запомнил я ее, — неожиданно вклинился молодой человек (явный товарищ этого следователя). — Та еще... распрекрасная девица.

Хмыкнул мой сопровождающий, но не прокомментировал:

— Но ты там... с ней помягче. Она это, беременна. Какой срок? — кивнул вдруг на меня.

— А? — в испуге уставилась я на него.

— Срок какой, говорю.

Опешила. Как бы не завраться. Когда там мы ночевали вместе?

— Около месяца. Недели три-четыре.

И понимаю, что как-то уж слишком мало, чтобы точно знать о своем положении.

Обмерла в страхе: искренне надеюсь, что они не профессионалы в этом деле, и не вскроют ложь.

— Че, и сама не знаешь? — вмиг хохотом среагировал на мое замешательство тот, что был здесь "местный".

— Да я... — хриплым голосом, давясь уже кошмаром. — Просто... всё так перемешалось. Я...

— Ой, да отстань ты от нее, — резво вмешался, перебивая меня, следователь. — Тебе-то какая разница? Не помнит, да и не помнит. Это их дела. А нам бы — лишь бы крайними потом не оказались. Ладно, — гаркнул, немного помолчав. — До завтра. А вернее, сама уже сюда доберешься — а ты, Лех, проследишь. Короче, завтра уже под твою ответственность. Но учти, В-ванесса, — заикнулся, вспоминая, — это первый и последний раз. Больше такой радости не жди. Сразу все обговорите, выясните. Расскажи ему, какой он к*зел, и всё... смиритесь. Думать надо было раньше, — скривился. — А теперь поехали. Где ты там живешь? Куда там тебя отвезти?

— В больницу, — бурчу, сгорая вконец от стыда.

— В смысле? — нахмурился.

— У меня там... другой ребенок лежит.

Окоченели оба. Еще миг — и вдруг рассмеялся истерически следователь.

— И тоже этого? — гогочет.

— Нет.

— Тебе сколько хоть лет, деточка? — отозвался поспешно "Леша".

— Будет двадцать четыре.

— А... ну хоть так, а я думал, восемнадцать.

— Да уж, — скривился и милиционер. — Хороша красавица. Не хочешь себе такую? — уставил взгляд на товарища.

— Не, — загоготал тот. — Спасибо. Я как-то со своими... обойдусь. Они менее... плодовиты.

Хохотнул и следователь.

— Да не говори. Ладно, — обнял вдруг меня за плечи и напором дал понять, что пора на выход. Подчинилась.

— Не бери в голову, — внезапно продолжил, но более тихо, так, чтобы только я уловила. — Что нам, дуракам? Проще смеяться, чем плакать. А ты держись. Как-то да будет. А про документы — подай на утерю. А то еще не хватало, кредитов на твою голову кто из мошенников наберет. Да и так. Сейчас куда ж не ткнись — без бумажки ты... Надо было сразу, а не кота... за тестикулы тянуть. Ну да ладно. Твои дела. Чего мне в них лезть?

* * *

В сторону "КПП" СИЗО — а там людей... просто жуть жуткая. Поежилась я от волнения. Несмело в сторону окошка, да чуть заживо не задавили — затолкали обратно:

— Девушка, вы куда?

— Да имейте совесть!

— Ишь, щимится!

— Эй, Малая! Иди сюда! — слышится эхом на фоне прочего шума. — Ванесса! Сереброва, иди сюда!

Резво оборачиваюсь. Взгляд около. А тут и сам виновник: Алексей.

Поспешно докуривает сигарету и бросает в мусорку бычок.

Шаги ближе:

— Чего-то ты уж... совсем долго. Я прям заждался.

— Простите, — виновато опустила голову.

— Пошли.

Под недовольные косые взгляды, цыканья провел внутрь.

— Вон над кем надо было трудиться, а не посылку собирать. Гляди, тоже бы побыстрому пропустили.

Досмотр личный и сумки.

— Так, а документы?

— Андрюх, она со мной, — скривился в хитрой ухмылке и подмигнул.

— И что? У нас же порядок, — вылупил на нас очи под два метра роста дяденька.

— Да это сеструха моя! Двоюродная! Из села! Документы вот, пока ехала, посеяла. Дура набитая! Че, не видно? — метнул взгляд. — Блин, ты что, мне не веришь?

Скривился недовольно.

— Ну... если только под твою ответственность, — шепнул на ухо, но как-то так, что даже я услышала.

— Ну так, а под чью ж еще? — гоготнул Леша, пожал плечами.

* * *

По коридору — и в зал ожидания.

— Присядь, — кивнул на пустующий стул Алёша.

— Он сломанный, — тотчас отозвался кто-то, кто стоял у окна, подпирая решетки.

Оторопел мой Проводник. Взор около — и вдруг командным голосом как рявкнет:

— Так! А ну быстро, — кивнул на мужчин, что расселись на складных деревянных, не менее убитых чем этот, ненужный никому, сидениях, — нормальное место беременной женщине уступили!

— Мы все здесь... беременны, начальник, — гоготнул противный, дерзкий баритон.

— Я че-т не понял! — взбешенно в момент подался вперед. — Вы че, б***ь, тут, в

родной барак попали?! А ну быстро встал! — вперил в кого-то взгляд. Поежилась я от страха.

— Да это не я! — испуганно отозвался мужчина.

— Все встали, быстро! А то сейчас быстро свиданки все ваши закончатся, не начавшись!

— Да чего ты, начальник? Не кипишуй!

Резво подчинился народ — встал со стульев, отступили в сторону.

— Садись! — рявкнул на меня, но тут же осекся Алёша. Поморщился от неловкости.

Разворот — и пошел куда-то, далее урегулировать дела, согласно своему плану.

— О, как перед бабой перья встопорщил-то. Небось, перепало че, — гоготнул кто-то.

— Перепало бы — не топырщился. Наоборот: весь в ожидании, — рассмеялся уже и другой.

— Да дрышавая она какая-то... как для беременной, — неожиданно отозвалась какая-то девушка. — Я тоже так... любитель ездить по ушам. Небось, за**алась в очереди стоять, вот и прокатилась по совести молодого жеребца.

Резво сорвалась я с места.

«Да подавитесь, уроды!» — хотелось, было, гаркнуть, но страх не позволил. Шаги по комнате — в сторону, куда мой Проводник ушел.

— Ну вот, обидели девушку, — слышался сквозь хохот уже другой чей-то женский голос.

— Сейчас всем пи**юлей вставит, тавариСЧ-насяльника.

Мурашки по телу. Мерзко, гадко. И от своего вранья. И от их — бесчеловечности.

Да и место такое: что все эти люди, что обстановка — всё до дрожи пробирает. До тошноты накаляет. Кажется, всё здесь заражено. Чревато. И не в болезнях дело — а в невезении. В чередё черных полос, из которой выход — только в погребальную яму.

Хотя и я на грани.

Напополам. С Федей разделили страхи судьбы напополам: мне — сума, а ему — ...

Не дай, Господи.

"Отче наш..."

И сама даже не заметила, как за последние недели слишком набожной стала. И, вроде, как... все не в пользу Добрых Высших Сил нынче то, что со мной и моими близкими происходит. Да только... без веры — и того все будет трагичнее. Надежда. В этой вере я лелею надежду. И, возможно, кто-то... там, где-то во Вселенной меня всё же услышит. И подарит... счастье, мир, покой... здесь, на земле. Пусть не богатства, не славу и власть. А элементарное. По минимуму. Живы, здоровы, сыты и все вместе. А с остальным справимся. Мы — справимся.

— Иди сюда, — резво кинулся ко мне откуда-то появившийся Алексей. — Следующая ты.

— В смысле? — взревела недовольно женщина. — Мы здесь уже два часа ждем!

— Она — следующая, — дерзким, беспрекословным приказом. Глаза в глаза с той.

* * *

Как еще никогда меня трясло. До жути, до откровенного, липкого, сводящего судорогами конечности, страха.

Увижу. Я увижу. Сейчас я увижу... своего Рогожина.

Небольшая комната. В центре стол. Неподалеку охранник. И вот он — завели.

Восстал передо мной, явился... центр моей вселенной.

Удивление отпечатком на лице. Шумные, поверхностные вдохи.

Присел напротив меня. Сердце колотится, что бешенное. Мое. Его.

— Привет, — несмело я, давась уже позорными, малодушными слезами.

— Привет, — едва слышно. Проморгался. Хмыкнул. — Честно, думал, какая-то пуганица. Что произошло?

Упорно молчу, ретиво подбирая нужные слова, не находя при этом сил даже на звук.

— Иначе бы ты не пришла, — продолжил. — Вань, что случилось? — торопливо, давлением. Требованием.

Столько раз я репетировала речь, крутила, вертела; воображала, как все будет. И что теперь? Пустота в голове. И лишь шок — видеть его такого: растерянного, измученного, с разодранной душой, разочарованного в жизни. Смущенного, что предстал передо мной в столь жутком, беспомощном состоянии. Мой герой. Мой идол.

Ты неправ, Федь. Совсем неправ. Ты был моим Кумиром, и навсегда им останешься, что бы с тобой не происходило, и как бы не мучила судьба. Потому что ты — единственный, на которого я смело всегда и везде... могу положиться. Не предашь, не подведешь, спасешь и защитишь. Не разочаруешь.

И даже сейчас... не держу зла, даже если и виноват. Даже если заслужил всё это.

Я знаю, ты хотел, как лучше. Как и я, глупая. Но просто мы... всё время делаем ставку не на тот цвет, и не на то число.

Мы — неудачники. Но мы есть друг у друга. И это уже наша победа. Наш ответ злой судьбе.

— Ванесс, не молчи, — осмеливается вновь на слова. — Что случилось? Что тебя сюда привело?

— За что ты здесь? И что тебе светит? — выстрелом прямым в лоб. Я.

Говори. Говори, как есть — каков наш приговор? И сколько ждать мне еще счастья с тобой? Сколько?

Нервически сглотнул слюну, отвел глаза в сторону.

Скрестил руки, невольно зазвенев наручниками, уперся локтями в стол.

Содрал с лица эмоции:

— Это всё? — невольно грубо вышло. Глаза в глаза.

Выдерживаю взгляд.

— Скажи, как есть. Прошу, — напором.

И снова болезненные кривляния, жуя переживания. Взор в сторону на миг, и опять встретились наши очи, язвя еще больше душу обоим.

— Не знаю, — поморщился. Потупил взгляд в сплетенные в замок пальцы. — Не знаю, что происходит. Я ничего уже не понимаю: кто друг, кто враг. И что делать. Что ждать. Шьют черти что. И светит... — закивал вдруг головой, запнувшись на слове, — прилично. Это явно чей-то заказ. Конкретная, целевая подстава. Но кто, что... — Резво глаза в глаза со мной. — Будь осторожна. Никому не доверяй. Особенно теперь, когда ты ко мне пришла, засветилась. Если что — гаси все что угодно на меня, доказывай, что ненавидишь. И ничего общего нет.

— Я им сказала, что беременна от тебя.

Округлил очи. Окаменел, не дыша.

— Иначе не пускали, — поспешно добавила в оправдание, спрятав взгляд.

Скривился.

— Понятно. Бл**ь, черти что! — рывкнул взбешенно, бахнув локтями по столешнице.

Вмиг замер удивленный охранник (стоящий у двери).

— Ты обалдел, Рогожин? ПОТИШЕ! — гневное.

Злобный взор на конвоира, но тотчас осекся.

— Короче. Лёни своего держись, — приказом на меня. — Можешь... даже чего придумать, наврать. Что, мол, даже я, тот же, угрожал. Пусть охрану приставит. П**дец, Ваня! Ну ты не могла... не вляпаться! Не усугубить все еще больше! — отчаянно вперил в меня очи.

— Он меня выгнал.

— Кто? — оторопел.

— Лёня, — все так же спокойным, мерным, холодным голосом. Перегорела. Увидев Федьку, с прошлым перегорела. Теперь лишь только Он. Мой Федька. Оба моих Федьки — важны. А остальное — глупости, пустые мысли. Переживания. Даже собственная обида — чушь.

— А ты что?.. — растеряно Рогожин, нервно, часто моргая. — В смысле? — замотал головой, хмурясь, будто прогоняя несурязицу. — В смысле, выгнал?

— Собрал вещи, пока я за Федькой в садик пошла, и выставил все на лестничную площадку. Сказал, чтоб уматывала куда подальше. Чтоб глаза его больше не видели.

— И ты что? Куда уехала?

Молчу, подбирая слова, потупив взгляд. Ему и так плохо, а тут еще и я.

Хотя... наверно, уже поздно об этом думать.

— К матери уехала?..

Шанс соврать. Да не могу. Не хочу. Только не с ним.

— Нет. Она меня тоже прогнала.

Обомлел, не моргая.

— Сказала, — учтиво продолжила я. Али просто хотелось кому-то наконец-то пожаловаться на всё это, на нее, не боясь стыда. — Сказала, чтоб я ехала обратно. В ноги бросилась и молила о пощаде.

Уставилась на Федьку — немой вопрос во взгляде.

Учтиво отвечаю, ведя и далее свой унылый, никому здесь не нужный, зря начатый, монолог:

— Но я не смогла. Не захотела. В город с Малым вернулась, но... А там и вовсе уже сильно заболели. Простыли. Сейчас в больнице лежим. Скоро выписка.

Молчу, соображая, что дальше, как поскорее всю эту чертову эпопею закончить.

Желудок на нервах уже весь выворачивает наружу. Тошнота подкатывает к горлу. Страшно осознавать, что проболталась, что еще больше Ему проблем создала. Нервотрепки. Переживаний.

— А дальше как?

— Не знаю... может, у подруг каких переночую. У знакомых. Хотела комнату найти, чтобы снять. Там, работу. Но пока всё... ну, не очень, — виновато прячу от стыда глаза. Закусила губу.

— Котенок, не плачь, пожалуйста... — тихим, осиплым голосом отозвался мой Федька.

— Я просто, — грубо перебиваю, зажмурившись уже от накала боли, эмоций. Былых и нынешних чувств. Ненавидя себя за то, что такая дура. — Ты пойми, — лихорадочно мотаю головой. — Я ничего от тебя не жду. Не прошу. Просто... хочу, чтоб ты знал. — Глаза в глаза: — Я больше не с ним. И я к нему не вернусь. Чтобы не произошло — я не вернусь.

— Ванесс...

— Прости меня, — выстрелом. Невольно поежился тот от предчувствия. — Прости меня, — отваживаюсь продолжить, — что не дождалась тебя тогда.

Опустила пристыжено очи.

— Вань, ты чего?! — горестно.

— Да и брак этот был... — вновь перебиваю, — не по доброй воле.

— В смысле? — дрогнул голос.

Отваживаюсь вновь устремить взор ему в лицо:

— Отец заставил... с подачи матери. За кое-какую услугу, — потупила в пол взгляд, кроя правду, — я обещала ему, что выполню всё, что он бы не попросил. Он и попросил... И пришлось платить по счетам.

Замер, не дыша.

— Я думала, справлюсь, — отчаянным покаянием грешника продолжила. — Стерпится, слюбится. Да и после рождения Федьки многое изменилось. Но... — нервически сглотнула слюну. Нахмурилась. Немного помолчав: — Но теперь я счастлива, — смело в глаза своему Рогожину. — Рада, что он сам... всё разорвал. Что Серебров так со мной поступил. Я теперь свободна. Мы с Федей свободны. И в этот раз я тебя точно дожусь. Я обещаю. — Опустила от боли очи, выдавливая из себя самое жуткое: — Сколько бы... не пришлось ждать — дожусь. Ты главное вернись. — Взгляд в глаза: — Вернись к нам. Хорошо?

— Когда вас выписывают?

— А? — оторопела от неожиданности.

— Когда, говорю, вас выписывают с Малым? — вперил в меня странный, непроницаемый взор.

— Ну, — замялась я, — в пятницу должны.

— А сегодня что? — не унимает странный напор.

Причем здесь всё это?.. Особенно после всего, что я ему сказала — мне же в ответ... даже полслова на ту тему не выдал. Стрелки перевел.

Робко пожала плечами:

— Не знаю... среда, вроде.

— Четверг, — неожиданно отозвался, вклинился в разговор охранник.

Взволнованный мой взгляд на мужчину, невольно вторя негодованию Федора.

— Хорошо, — вдруг продолжил Рогожин, перебивая мои мысли. — Иди тогда.

— В смысле? — обомлела я, заикнувшись от шока.

— В прямом. Чтоб я успел еще кое-что обдумать... и сделать. С тобой встретятся.

— Кто? Зачем? — поморщилась я; по телу побежал холод, разливая страх по венам.

— Потом узнаешь. Главное, паспорт с собой возьми.

— У меня его нет, — несмело, едва слышно. Беглый, испуганный взор на охранника украдкой.

— В смысле? А где он?

— Все документы... дома остались. Я же говорю, что собрал, то и есть. Даже теплых вещей не дал. Зато белья две сумки — хоть продавай.

— Я тебе продам! — грозно. — Не истери! А документы восстанови. Поддай на утерю. Старое пусть аннулируют, а новое — при себе держи. Хорошо, — нахмурился. — Нет, так нет... А как ты тогда сюда попала?

Скривилась я, пристыжено уведя очи в сторону. Жаром залились щеки.

Хмыкнул вдруг охранник, но смолчал.

Нервно цыкнул Рогожин:

— Ладно. Неважно. Короче, не паникуй. Жди звонка. А ко мне сюда — больше не ходи. И вообще, не лезь в мое дело. Совсем — не светись. Никому не доверяй. К моим родственникам... тоже не суйся. Они ничего не знают, да и им наср*ть. Пусть так и дальше будет. Справимся и без них. Береги Федю — и живи своей жизнью. Всё у тебя получится.

— Что? — в ужасе вперила я в Федора взгляд.

— Что слышала. Живи своей жизнью. И не жди меня.

— Ты опять? — гневно.

— Да, опять.

— Позволь мне решать, — бунтующим, сытым рабом этой треклятой жизнью, — кого и сколько я буду ждать!

— Ты уж нарешала, мало? — едко. Сцепились взоры.

— За меня решали! И я тебе это уже сказала! Так что я теперь буду решать.

— Ты же говорила, что Федьке отец нужен.

— А он у него и будет. Или ты хочешь от слов своих отказаться? — язвлю. — Так, пожалуйста. Я никому ничего не навязываю.

— Ваня, причем здесь? — гневно, невольно оскалившись. — Причем тут отказаться? Ты в своем уме? Как я вас, сидя здесь, а вернее, там, на зоне, буду содержать?

— А нас и не надо содержать! — со всей обиды и злости, невольно грубо вырвалось из меня.

— Да ты что?! — едким сарказмом. — А примером чего или кого я для него буду? Чему научу? Как разбираться в блатном жаргоне? Или как дела решать? А?

Пристыжено опустила очи.

— Я когда выйду, — резво продолжил, не дожидаясь моего участия, — он уже взрослым пацаном будет. Девочек на свиданки таскать. И зачем я ему буду нужен? А тебе... обузой? Я реально смотрю на вещи, — немного помолчав. — Пришла — спасибо от всей души. Спасибо тебе за всё... — просел невольно голос. — Я тебя никогда не забуду. И от слов не отказываюсь: удастся выпутаться — выйду — женюсь. А нет — забудь. Мне приятно... и я тебя очень люблю, но ждать не надо. Потому что все это глупо. Ладно бы сейчас. Через десять-пятнадцать лет что будет?

— Сколько? — в ужасе уставила я на него глаза.

— А ты думала? Эти с*ки совсем... Ваня, — болезненно, — не жди, прошу. Уходи. Позвонят — встреться, сделай, что надо, — и живите, как душа велит и разум подсказывает. А обо мне не думай. И лучше вообще... вон, в столицу рвани. Найди там работу, так же комнату — и справитесь.

— А Федя? А детсад? Легко сказать. Он же постоянно болеет.

— Ну что я сделаю? — словесным выпадом. — Разорвусь? Или сбегу? Я тебе и говорю, найди нормального мужика. Работящего, а не эту... гниду ушлую. Да, богатый, но он... — недосказал, явно сдержав ругательство. — Вон, как Инка. Шустро устроилась.

— А тебя люблю! И не хочу быть, как Инка! Не хочу тебя потерять!

— Ой, глупая ты, глупая, — повесил голову, уткнувшись лицом в ладони. Шумный вздох. — То на одно тебя не уговоришь, то на другое.

Печально рассмеялся.

Взор на меня.

Криво улыбаюсь в смущении:

— Ты не лучше.

Коротко улыбнулся в ответ.

— Да уж... Ладно, иди. Время не ждет.

— Федь... — отчаянно, не имея сил от него оторваться (пусть даже и просто взглядом).

Обернулся к охраннику:

— Уводи...

* * *

На выход. А там и сам Лёша быстро меня отыскал.

— Ну, как? Что? Всё нормально? — бросает пытливые взоры мне в лицо, семеня следом.

Молчу, покорно глотая слезы.

— Что, будущий папашка обрадовался?

Обмерла тотчас. Обернулась я к Алексею, но взглянуть в глаза не решилась. Шмыгнула носом:

— Я думаю, он не особо всё понял.

— А как тут можно что-то не понять?

Молча пожала плечами, скривившись.

— Ну... ты на аборт не пойдешь? Подумай. Емудох*ра светит. Я узнавал.

Колкий взгляд в очи, но в момент осеклась:

— Я от нелюбимого родила. А от любимого — тем более.

Опустила взор.

— Что? Так сильно любишь?

Молча закивала головой. Шумный вздох. Закусила губу на миг:

— Я до этого сколько его прождала. Подожду и теперь.

— Ну вы, бабы, дуры... — язвительно протянул, сдавленным тихим голосом, дабы никто лишний не слышал. — Нах*рен он тебе такой нужен? Нормального себе найди.

— Вот и он так сказал.

Хмыкнул. Смолчал.

— А я не могу. Я люблю. И буду ждать.

— И двоих детей на себе тянуть. Одна.

Очи в очи:

— От него — хоть троих.

Закачал головой в негодовании и шоке:

— Ты, наверно, в сказке живешь.

— Зато счастливо. Наконец-то счастливо! Сыта вашей реальностью — по горло.

Отозвала в сторону, попросила провести за территорию Алексея — поддался, странно ухмыляясь.

К кустам — и достала из-под пакета с мусором свою (еще утром запрятанную) бутылку с коньяком:

— Пожалуйста, возьми, а? — протянула молодому человеку. — Очень прошу.

Оторопел, ошарашено выпучив на меня глаза:

— Д-да... ты с ума сошла? Куда я ее? — нервно рывкнул, запнувшись; резво подался назад. — Как я ее передам? — развел руки в стороны.

— Да это тебе. За помощь.

— Из-под мусора, — едко улыбнулся, все еще сражаясь с шоком.

— Ну, пожалуйста...

— Ох, и странная ты, Ванесса. Я даже боюсь представить теперь, как ты Следака уговорила на весь тот марш-бросок.

— Никак, — замотала головой, вид серьезный. — Разве что нюнями задолбала, — криво улыбнулась.

— Ну да, — язвит Алёша. — Его и нюнями. Будто ты там первая у него слезы лила. Если бы не испарение — давно бы здание все затопило.

Рассмеялся сам над своей шуткой — невольно усмехнулась и я, ежась от волнения и скрытого страха. Как, что дальше. И лишь бы хуже не сделала.

— Ладно, давай, — забрал. — Ребят угощу. Особенно этого, лба. А то начнет еще там ныть, на мозги капать. Только учти. Это все разово было. Больше не проведу.

— Я помню, — покорно закивала головой. — Спасибо огромное и на всем этом.

— Но если передачи там... то приноси — подсобим, — улыбнулся.

Скривилась я от неловкости: вот я дура. А Рогожину-то... ничего так и не принесла. Хотя, с чего? С чужих денег? С залога копейки остались.

— Хорошо. До встречи, — несмело, пряча от неловкости очи, я.

— Прощай, — вдруг серьезно, уверенно. Добро. — Нечего тебе здесь, на самом деле, околачиваться. Лучше о детях подумай. Раз так уж решила. И о себе. А эти, — кивнул головой. — Сами влетели — сами пусть и выпутываются.

— Но ведь жалко же... — робко, тихо.

— А им вас... не было жаль. И не будет.

Разворот — и пошагал прочь, оставляя меня наедине... со странными, колючими мыслями.

Правду, правду ты говоришь, Алеша. Возможно, правду. Да только... сердцу не прикажешь.

Часть Восьмая. Семья

Глава 38. C'est la vie

* * *

И пусть Рогожин обещал, что кто-то со мной обязательно от его имени свяжется, так никто и не позвонил. Уже утро пятницы, а ни смс, ни даже пропущенного, «короткого маячка». Полный штиль. Странно всё. А может, я просто всё не так поняла.

Нет, конечно, я не надеюсь на помощь от Феди. Но раз сказал ждать участи — то жду. И, тем более, вдруг это будет связано с Ним непосредственно. И я смогу Ему помочь. А потому...

«Короче, черти что!» — нервно выругалась сама себе под нос, замотав головой.

— Ванесс, — окликнула меня медсестра. — Тебя Врач искала. Сказала, что документы на выписку уже готовы. Можешь заходить, забирать.

Ну вот и всё. Канонады залп. Прощай тепло, крыша над головой и гособеспечение.

* * *

Забрать бумажку. Отблагодарить оставшимся коньяком — и на выход. В сторону палаты за своим сыном и вещами.

— Ваня, — вдруг окликнула меня Тамара. — Зайди на кухню. Там тебе Ивановна кое-что приготовила. Ой, да не кривись ты мне тут! Нашлась мне скромная цаца. Не ради себя, ради Малого. Иди давай!

* * *

— Вань, ты это... — смущенно, издалека начала повариха, сминая от неловкости ручки пакета в руках. — Будет тяжело — заходи. Поможем, чем сможем. Не по помойкам же, и вправду, — поморщилась от боли. — У нас тут, конечно, не ресторан, но... ребенку надо нормально питаться. Да и ты вон, — кивнула на меня, ошарашенную, головой, — уже на труп похожа.

Скривилась я от стыда в улыбке. Спрятала взор.

— Спасибо, — едва слышно.

— На вот, — вдруг протянула свою поклажу. — Пригодится. И первое время легче. Что быстро портится, скушайте сразу. А остальное, ну, как выйдем.

В ужасе отстраняюсь:

— Да нет, не надо. Спасибо огромное. Но...

— Бери! — напором и силой втиснула пакет мне в руки. — Не для себя. Для Федьки. Там еще моя невестка... на мальчика одежду передала. Теплую. Сама говорила, что на улицу сейчас даже не в чем ему выйти. А тут весна, сама видишь какая, сегодня терпимо, а завтра

— черти что. Декабрь самый что не есть.

— Спасибо, — пробормотала, окончательно сгорая от растерянности и позора. От осознания того, до чего я докатилась. И как стыдно пользоваться чужой добротой.

Хотя и не со зла. Не ушло. Но...

— Надо, Вань, надо! — будто читая мои мысли, добивает меня Ивановна. — И вот еще. Тут народ немного скинулся. Денег, конечно, не так чтобы... Но там на еду, или я не знаю... На лекарство будет.

Сорвалась. Дикий визг отчаянием вырвался из меня. Завыла. Прибилась спиной к стене и горько зарыдала. Невольно опустилась на пол, роняя свою не менее колючую, чем все это, поклажу. Спрятала от пожирающего заживо стыда лицо, утопила в ладонях.

Вот оно. Вот оно, твоё, папенька, светлое будущее, которое ты мне так благодушно пророчил. Счастливая жизнь с Лёничкой. Его забота, тепло, любовь и понимание. «О вас позаботиться». Позаботился: бомжи, питающиеся, в лучшем случае, подачками, в худшем — приобщимся к помойке. Выжившие... лишь за счет чужой доброты душевной и понимания. Вот куда нас завел твой драгоценный Серебров. Если не насилие и покорность, то полное унижение, уничтожение и наплевательство. Предательство. По миру пустил. А я и пошла. Ибо уж лучше так, чем в кабале у дикого зверя. У животного, имя которому даже достойного нет.

— Ну, успокойся, зай, — присела рядом со мной женщина; обняла за плечи, прижала к себе. — У всех бывают трудности. И на то мы и люди, чтобы помогать друг другу в час нужды. И это не стыдно. Ни брать, ни помогать. Это им должно быть зазорно. Тем, кто отвернулся. Кто довел до такого.

* * *

Забренчал телефон. Как все вовремя. Стереть быстро слезы с лица и продышаться.

— Да, алло. Слушаю? — хриплым голосом.

— Ванесса?

— Да.

— Я сейчас подъеду. Говорите адрес.

— А В-вы, кто? Что?.. — растерянно, невольно заикаясь от волнения, помня слова Рогожина, что надо быть осторожной.

— От нашего общего знакомого, — отчасти грубо, но сдержано. — Адрес говорите.

* * *

— Тамара, а ты можешь неподалеку постоять, с Федькой, ну так, чтоб и я вас, и вы меня видели? Я тут кое с кем встречаюсь. Не знаю, кто он, что, но вроде как... должен весточку от Моего передать.

— От «твоего», это кого? Мужа, что ли? — взволнованно гаркнула, вытаращив на меня очи.

— Да фу. Нет, — поморщилась я. — Нет, конечно. Да и он уже не мой. От этого... Федора. Феди Старшего.

Цыкнула, театрально закатив глаза, и заулыбалась загадочно:

— Интриганы. Ну да ладно. Давай заодно хоть сумки помогу вынести.

— Там еще в раздевалке, внизу.

— А, ну да. Помнят девки ваши баулы, — и рассмеялась добро.

Скривилась я в улыбке, кроя истинные эмоции, хотя и проступил на лицо жар стыда.

* * *

Недешевой марки автомобиль, внедорожник въехал на парковку. Ковыряния в бардачке водителя — и наконец-то выбрался наружу мужчина. Прислонил к уху телефон и замер в ожидании.

Тотчас запиликал и мой серебристый старичок.

— Да? — взволнованно ответила я на звонок.

— Я подъехал. Выходите.

Шаги едва ли не по эшафоту. Глубокий вдох. Глубокий выдох. Конечности уже начинают свой лихорадочный пляс.

— Здравствуйте... — несмело шепнула я.

— Здравствуй, Ванесса, — уверенно произнес тот. — Вот, — живо нырнул в карман и достал какую-то бумажку и пластиковую карту. Протянул мне: — Здесь записаны контакты. Созвонитесь — вам всё расскажут, а потом и покажут. Там, конечно, общага, — поморщился от неловкости. — Коморка та еще. Но... на первое время сойдет. Да и, главное, хозяева отличные. И соседи неплохие. А цена — так вообще песня. Не думаю, что кто-то в нашем городе будет сдавать дешевле. И да, не переживайте, за два месяца уже оплачено. Так что смело сегодня и заезжайте.

Немо глотала я воздух, невольно приоткрыв от удивления рот.

— А карточка... — продолжил мужчина. — Она, конечно, на другого человека оформлена, но Вы, как свой паспорт получите, идите в банк, откройте счет (на свое имя) — и переложите все себе. Это не к спеху, но лучше... — скривился невольно, — особо не затягивать. Да и вопросов будет меньше. Код — 7737. Запомнили? 7737. — Шумный вздох: — Поменяете, как доберетесь до банкомата. Так... что еще? — задумчиво пустил взгляд около. — А да, — уставился на меня пронзительно — отвечаю участием. — О всем этом... никому ни слова. Меньше знают — крепче все мы спим. Хорошо?

— Да, конечно, — живо закивала я одобрительно.

— Так... — и снова пустой, бесцельный взор. — Адрес дал, карточку дал. Всё рассказал. Ну, вроде бы, всё, — улыбнулся мило. Глаза в глаза. — Если больше нет вопросов, то я побежал. А! Про работу. Я пытался что-то найти... но, — поморщился. — Сами понимаете, молодая мама, без опыта. А у меня — все вакансии заняты, куда я вас?

— Да не надо, — взволнованно замотала я головой, заливаясь стыдом. — И так все хорошо. Спасибо огромное.

— Ну... — замялся тотчас. — Если уж совсем будет туго, то звоните — что-нибудь да придумаем.

— Да я, может, сюда в санитарки пойду, — вторю мыслям Тамары невольно.

— А, ну вот! — радостно. — Но, если что — номер не удаляйте, но... — нахмурился, — никому о нем и не распространяйтесь.

— Да, конечно, — и снова покорно мотаю головой.

— Ладно. Я побежал. Меня еще дела ждут. А то, вон, с этим, — ткнул взором на «подарки», что я нервно сжимала в руках, — сколько провозился. Времени убил дофига. Теперь со своим нигде ничего не успеваю.

— Простите, — виновато опускаю очи.

— Ой, да причем тут Вы? — тихо рассмеялся. — То я так. Не берите в голову. Вас подвезти, или как? Вы там, вроде как, с ребенком? — забегал взгляд по сторонам.

— Да нет, не надо, — взволнованно отозвалась я, осмелившись вновь взглянуть ему в лицо. — Мы сами.

— Ну да, вам так проще и быстрее будет. Вот, возьмите, — тотчас нырнул в карман и достал оттуда бумажник, а из одного — купюры. Протянул мне. — На такси.

— Да не надо! — ошарашенная, взмолилась, давась смущением. — Нам и этого всего хватит.

— Не спорьте, прошу, — раздраженно скривился. Силой всунул деньги мне в руки. — Мне так спокойнее, и Федьке. И вообще, меньше заморачивайтесь. В общем, вы поняли. О всей этой сделке — никому. И больше к этой теме не возвращаемся. Но если что (на мало ли, да?) — звоните: помогу, чем смогу.

— Да ну... — еще больше сгорая от неловкости и шока.

— Не ну, — добро, но с напором, требованием. — А все мы люди — все мы под Богом ходим. Да и потом, мне Рогожин в свое время — тоже немало помогал. А деньги эти, на карточке, вообще его. Так что... не ломайте голову. Все нормально. Ладно, удачи, — живо разворот и пошагал к своей машине.

— Всего дорого! — благодарно, вдогонку. Я.

* * *

Пятьдесят тысяч рублей на счету. Комната в общежитии (пусть и маленькая, зато уютная, с мебелью и за сущие копейки). И даже с работой повезло: пусть санитаркой в больнице пока не удалось устроиться, поближе к Тамаре и прочим своим новым знакомым, зато с подачи все той же моей новой подруги... через сестру зятя устроилась прачкой в детский сад, причем не так и далеко от нашего нового места жительства (куда и малого после восстановления всех документов перевела). И тут даже коллектив попался куда лучше, чем там: как и для ребенка, так и для меня.

В общем, жизнь налаживалась. Причем это... как некий сказочный «бум», дар судьбы, благодати... который если пытаешься всецело осознать, прокрутить в голове, все то, что случилось, и как в итоге сложилось, — то... слезы на глаза только и наворачиваются. От счастья.

Наверно, это и есть пресловутая... белая полоса, о которой все говорят. Как некая плата за все те мучения, беды, что нам довелось пройти. Причем не только сейчас, когда всё оборвалось.

Да, нет больше шика... Да и просто уверенности в завтрашнем дне. Но... я свободна. Мне не надо никого терпеть. Ни перед кем приклоняться. Унижаться.

Пусть люди меня не поймут... но я счастлива. Раб, получивший свободу, счастлив.

Глава 39. Обратная сторона медали

* * *

Одна только беда. Да такая, едва задумываешься, тотчас сердце кровью обливается.

Федька мой. Ходила. Не раз не ходила к Следователю — да только тот запретил кого-либо пускать к себе по поводу дела Рогожина. Пыталась и понять, кто адвокат, и что ему нужно. Деньги. Федькины деньги, с карточки. Нам хватало то, что успели (вынужденно потратить) и что я зарабатывала. Экономили на всем — но цель была ясна: если не вытащить, то облегчить участь того, кто был для меня всем.

И пусть порой страшно, и вновь приходилось унижаться — да только... всё оно того стоит, если принесет плоды.

Но, увы. Я слишком наивная дура. И не смогла сопоставить дважды два.

* * *

Месяц за месяцем. Заседание суда... за заседанием.

Уже и лето к концу подходит. А ничего не ясно. Даже уже знакомство с работником КПП не помогало (всё тот же Лёша): уже ни слова, ни полслова. Стал даже вид делать, что не помнит меня. Только передачи молча забирал.

А дальше и вовсе... какая-то молва (между теми, кто там в очереди стоял), что, вроде как, потасовка страшная в СИЗО случилась. Многие заключенные пострадали.

Остается лишь молиться, что бы... Рогожина всё это не коснулось.

В прокуратуре меня тоже не хотели ни видеть, ни слышать. Ни заявление принимать. Вокруг Федьки... будто глухую, не пробивную стену выстроили.

Руки опускаются. Черти что.

Я уже не ведаю, что делать. К кому идти на порог, кому кланяться. Ничего не знаю...

* * *

Многих обошла старых знакомых отца (бывших коллег и подчиненных). Да только толку было ровно столько, сколько и доселе: кто делал вид, что не узнает меня и не понимает о ком говорю (наглая, мерзкая ложь — по глазам даже видно!), а кто тактично отнекивался, ссылаясь чуть ли не на глобальное потепление, что априори помешает даже попытаться мне помочь, а не только довести дело до конца, добившись в нем успеха.

Оставался лишь Пухтеев, который и занял нынче должность отца. Как не крутите, Валерий Валерьевич, а Вы все же должны быть Соколову благодарны за столь скорое продвижение по карьерной лестнице вследствие "любезной" скоропостижной его "отставки".

Не прогадала. Хотя, конечно, он проявил вовсе другой интерес, нежели я ожидала. Нет, конечно. Сразу я отрицала все свои догадки, ощущения... и всячески пыталась адекватно

объяснять его странные взгляды, ухмылки, но... пришел день, когда «Дядя Валера» окончательно расставил все точки над «и», откинув все мои сомнения и надежды.

Разузнал. Всё, что (якобы) смог, всё разузнал, громом прозрения прибывая, прищипывая меня к месту относительно Федьки: Буторин. Как выяснилось, за всем стоял Буторин — родственник Матросова. Он был адвокатом Рогожина. А значит, и Серебров при деле. Однозначно, без этого лешего не обошлось.

Обмерла я, давась шальными мыслями, примесью желчи и полного разочарования в жизни, отчаяния. Учтиво молчал и мой собеседник: давая сполна охватить и переварить услышанное.

Да только... нервы нервами, а решать что-то да надо!

Вздрогнула, вырываясь из омута жути. Взор на Пухтеева:

— И что теперь? Как? — нервически я сглотнула слюну. — Валерий Валерьевич... а Вы бы могли?.. Не бесплатно, конечно! У меня тут немного с собой, а там еще...

Но не дал договорить. Шаги ближе — и вдруг коснулся моего плеча, провел, погладил по руке (поежилась):

— Солнце! Ну ты чего?! Мы же не чужие люди...

— И? — дико таращу на него глаза, захлебываясь наперебой мыслями и тревогой.

— Ну что «и»? — милая, добрая улыбка. — Какие деньги? — наивной, лживой мелодией. — Разве в них счастье? — робкая ласка, игра пальцев на моей коже.

— Я Вас не понимаю, — пытаюсь отступить, вырваться, но вмиг силой сжал в объятиях. За плечи. Удержал на месте. Лицом к лицу, на расстоянии вдоха.

— Хватит дурочкой прикидываться, — громом, хотя и рисованной картиной доброты. — Всё ты понимаешь. И это обоюдная выгода.

Напор — и вдруг попытался притянуть к себе, впиться поцелуем мне в губы. Дернулась я в ужасе в сторону, со всей силы разрывая хватку, — не сопротивлялся. Отпустил. Тотчас попятилась я, пока не уткнулась в стену. Обомлела в ужасе:

— Вы чего? — вытаращила на него очи, захлебываясь окончательно прозрением.

— Как чего? — и снова эта его непонятная, многозначительная, с примесью неуверенности, робости улыбка, кроя истинные эмоции. — Я — мальчик, ты — девочка.

От творящегося кошмара уже буквально затрясло всю меня. Сердце, как и все мышцы в теле, сжались в тугий комок.

Идет, наступает неспешно Тиран. Загоняет Охотник свою жертву.

Едва попыталась медленно отступить (дабы не воззвать к агрессии), прорваться к двери, как в момент преградил путь. Резвый выпад, напор — и схватил меня своими клешнями. Сжал за грудь — убийственным жаром отвращения, вконец ошеломление обдало меня с ног до головы.

— В-валерий В-валерьевич! — взвизгнула в ужасе. — Вы же папин товарищ!

— Так тем более! — еще сильнее его натиск. Скатилась ладонь вниз, попытка проникнуть мне между бедер.

Дернулась, пнула со всей дури его от себя, невольно повалившись на бок — и снова откровенно поддается, будто наслаждаясь этой игрой.

— Да вы! Да вы мне в отцы годитесь! Д-да... да даже в деды!

Еще рывок — и прилипла к дверному полотну. Разворот. Лицом к лицу, а рукой уже потянулась к ручке.

— Ну... — многозначительно протянул. Ехидная улыбка. — Так и ты давно не

«девочка». Всем известно: замужем, ребенок есть. Но к чему эти условности? — мерный, хладнокровный голос, будто на рынке за кусок мяса сторговывается.

Дернула я ручку. Несмело — тщето, а затем уже и вовсе откровенно, дерзко.

— Я запер, — насмешливо-надменное. Ядовитое. Шаги неторопливые ближе. — Но... давай договорим.

Окоченела я на месте, осознавая, что птица в клетке...и вряд ли живой уже ей выбраться.

— Простите... но нам не о чем говорить, — бормочу невнятно, захлебываясь жутью. Дрожу. Откровенно дрожу, едва уже не исхожусь от слабости влаги, а руки — те и вовсе начали позорный пляс, выдавая мою слабыхарактерность.

— Даже... — заговором, голос перешел на шепот. Еще ближе — вплотную. Но еще не касается, не хватает меня — откровенно наслаждается моим страхом, волнением. Своим предвкушением. — Даже... ради своего Рогожина? Несколько тайных встреч? Никто ничего никогда не узнает.

— Деньги, — сжалась, скрестила я руки на груди, желая хоть немного скрыть свое состояние. Попытка отстраниться от него подальше, не выдерживая, сгорая уже под этим кислотным напором его близости (еще сильнее подалась, прибилась к выходу, к щели в двери). — Деньги — это максимум, что я могу предложить. Сорок тысяч. Даже сорок три, — нервически сглотнула слюну. Хотя уже и сама готова его молить, чтобы бросил затею — отказался. Не верю, вовсе не верю больше этой скотине, хоть он и последняя моя надежда.

Рассмеялся вдруг — отчего еще больше шпоры мороза искололи меня всю. Сердце отчаянно, в агонии забилося. Задыхаюсь.

— Зая, — лезвием по слуху, по рассудку, по нервам с душой. — За такую сумму... тебе тут даже бумажки в толчке никто не подаст, а не то, чтобы... Да и потом, сама понимаешь, я этими делами давно уже не занимаюсь, их не касаюсь. А мои ребята — минимум шестизначные суммы в графе «получено» своего личного счета различают. А с учетом, что там Серебров со своим «синдикатом» замешан, — всё обретае и того иной вид, и как бы родные рубли в валюту уже не переросли. Так что... — доброе, заботливое, вкрадчивое... лживое, мерзкое, гнилое, — хватит ломаться... Иди ко мне.

Но едва только попытался меня обнять, как дернусь, в ужасе взвизгнув:

— Нет! — отскочила в сторону, к окну.

И снова поддался. Не рванул за мной.

Живо ныряю в сумку, достаю оттуда конверт с пятью тысячами:

— Вот вам, — мигом бросаюсь к его столу, швыряю оногo в кучу его бумаг, — за беспокойство, и за то, что успели разузнать. Благодарю за всё, но мне пора.

— Подумай, — поспешно, чувствуя, что проигрывает бой. — Ему очень много грозит. Полжизни пройдет... что его, что твоей. Всё равно ж не дождешься.

— Дождусь, — с вызовом в глаза. — Его — дождусь. Выпустите меня... — дрогнул в сомнениях, в мольбе голос, — пожалуйста.

Сверлю, как еще никогда и никого, требовательным, вопящим взглядом. Живой — не дамся. Не дамся, старый к*зел! Из окна выпрыгну! Но не дамся, мерзкая ты, убогая, похотливая тв*рь!

Хмыкнул вдруг. Разворот. Нырнул рукой в карман — и снова движения. Зазвенел ключ в замке, щелкнул затвор.

— Неделя-две... У тебя есть время подумать. Но, а если расскажешь кому наш...

«секрет», — обернулся. Сцепились взоры: теперь уже его очередь пронзать меня убийственной чернотой. — Накажу. Всех накажу. Федя, да? Ты, что ли, в честь этого своего... — кивнул головой, — Рогожина назвала?

— Не ваше дело, — невольно грубо, давясь комом лезвий «любезного предостережения». Спешные шаги по кабинету к двери.

За ручку — и дернула на себя:

— Прощайте!

— До встречи... — ядовитое, насмешливое... самодовольное. Явно давая понять, что гордыня так или иначе под прессом обстоятельств будет сломлена.

Не на ту попал, ублюдок.

По крайней мере, пока мне так хочется верить. Хотя и не перечу — игнорирую: молнией в коридор и прожогом помчала на выход мимо удивленной молоденькой секретарши.

* * *

Мучилась. Чего кривить душой, не одну ночь скоротала в жутких, тяжелых рассуждениях. Страх, совесть заживо поедали изнутри.

Ведь по сути... что? Невелика я цаца. И потом, это лишь плоть, лишь физика. Как с Лёней. Как говорится, за плечами уже отличная школа мерзких сношений и насилия.

Хотя нет... Нет. Даже с Леонидом это было иначе, чем здесь.

Но почему я? Почему?! Чай, не красавица! Особенно теперь, после родов и всех этих стрессов. Неужто... мысль, желание от**ахать во всех позах дочку Соколова, по совместительству жену Сереброва, настолько возбуждает, что вовсе сметает все принципы приличия, адекватность... совесть, стыд? Неужто некая зависть или неприязнь... стоит того, чтобы так опуститься? Или Он и был всегда таким? Гнусным, ушлым, гнилым в душе? Или они все здесь такие? Подчистую? А не только... «синдикат» Серебров-Матросов-Буторин? И какой тогда мой отец был на самом деле? Для меня — идеал, а для остальных? Демон?

Или Аннет бы не полюбила такого? Или она... одна из жертв подобного нахального «соблазнения»? Может, она вообще его ненавидела? Может, их союз — некая месть? А смерть его — благодать?

Фу, нет! Чушь! Папа был хорошим человеком! По крайней мере... для меня. Хоть и заикленным на своей прагматичности. Черствым и местами недостаточно прозорливым. Но был хорошим.

Как мой Рожа: его окружение — не мед. Но Федя... Федя не такой. Он иной! Он хороший!

И ради него... разве я не могу в очередной раз, но уже для поистине действенного, для дюжего, осязаемого результата унизиться?

Но едва только представлю (как этот мерзкий, старый хрыщ будет меня лапать, как мне придется его трогать, «этот» его... а там, потом... и вообще: куча таблеток, желая если не то, что заболеть, но и залететь; ненависть к себе, отвращение — фу! нет, не могу!), так и подступает тошнота к горлу, и откровенно начинает трясти от жути. Не могу я. Не могу!

И потом... где гарантии, что эта тварь не обманет? Не будет лапшу вешать, резину тянуть, играть, пока суды идут, а дальше в кювет — как два отброса, и я... и мой Рогожин

полетит, да еще и знать будет... как я низко пала.

Ведь не простит. Верю, чувствую, что не простит.

Это тогда было непонятно... Да и будь я просто Сереброва, а то... я Федькина. Сама пришла, сказала, что я его и я дождусь, а тут... Это измена. Жестокое предательство, пусть и во благо. Но это будет измена.

И не думаю, что сможет меня понять и простить. Даже если и сделала бы я это ради него самого (и себя, конечно).

Не могу. Как бы я не любила Федю, как бы не хотела быть с ним вместе... не могу. И боюсь. Боюсь окончательно его потерять. Так, есть шанс через десять-пятнадцать-двадцать (сколько ему там дадут) лет встретиться и наконец-то быть вместе. А если... если «не угадаю», и действительно не сможет простить — подарю свободу (и то, если не обманут), но потерю навсегда.

Да я себя не смогу простить! Я не смогу с этим жить. Я.

Хоть и так... опустившийся в бедности и унижениях перед «сильными мира сего», человек, не смогу.

А потому — точка.

Выждать. Единственное, что мне предстоит — это смиренно, покорно выждать вердикта.

* * *

Устала. До безумия от всего устала. Да так, что хоть счеты с жизнью своди: ни на что сил не осталось. Да только ради обоих Федек не посмею. Тогда, с Серебровым, выдержала... И сейчас выдержу. Справлюсь. Хотя бы назло... всем: Лёне, Матросову-Буторину, Пухтееву, маме... и даже отцу. Назло всем, кто в нас с Рогожиным... не верит.

* * *

День дурной. И хоть все они дурные, но сегодня... особенный какой-то выдался.

Опять со скандалом и капризами оттащила Малого в садик, а сама — на рынок, за продуктами. На работу — к десяти: успею еще и ужин заранее приготовить.

И вот, всё уже — готова я! Да только... соседке взбрендило с утра пораньше огурцы начать закрывать: заняла все конфорки. И даже духовку.

Хоть сядь и плачь. А время-то тикает.

А еще голова так гудит, что просто жуть. Деваться просто некуда.

— Ваня! — послышался раздражающий голос «вездесущей» старушки. — Ваня! Это тебе на мобильный звонят?

Обмерло мое сердце в тревоге: неужто с ребенком что? Живо сорвалась с табурета (бросая пост назойливого, молчаливого «выклянчивателя» доступа к плите) — и рванула в комнату.

Неизвестный номер.

— Да! Алло! Слушаю?! — лихорадочно затараторила в трубку.

— Привет, малыш. Ты где сейчас?

Окоченела я, жадно выпучив очи. Забыло и сердце свой ход. Не дышу.

— Ванюш, не молчи! Ты где сейчас: на работе, или дома?

— Дома, — тихо, едва различимо, хриплым голосом.

— Адрес?

— К-казанцева, ***, **.

* * *

Ничего не пойму. Я не могла ошибиться. Просто не могла. А если?..

Нервное хождение из стороны в сторону, меряя свои свободные полтора метра пространства в комнате.

В коридор, на кухню — обмерла у окна.

— Да не стой ты над душой, — рявкнула раздраженно соседка. — Как закончу, позову.

А я уже и не слышу. Всматриваюсь во двор, будто что-то важное, нужное смогу увидеть.

Грызу ногти на нервах. Выть готова. Волосы шевелятся на голове от страха, предположений и тревоги.

Может, кто с весточкой от него придет. Или еще что...

Хоть бы слово, полслова. Может, передать что удастся ему. Деньги... или что там? Сигареты с чаем.

«Черт возьми!» — изнемогаю уже от переизбытка волнения, чувств.

Шаг в сторону — и рухнула на табурет.

«Боже, но реально! Голос очень похож! Да и кто бы еще меня так назвал?.. А если?» — побелела я от ужаса, осознавая, вдруг самолично себя врагам сдала.

Но хотели бы — уже давно нашли.

А Федька? Вдруг с сыном что?

Сорвалась на ноги — к двери. И обмерла я.

Черт, еще ж и работа! Скоро идти уже на нее. Ну, ничего. Если что — позвоню, договорюсь. Пусть уже одна сегодня моя сменщица работает, а завтра — я на полную.

«Черт!» — и снова ругань лезет из меня. Руки трясутся, ноги подкашиваются. В груди сердце ожившее, встрепенувшееся, ноет, исходясь в шальном темпе.

Что делать? Как быть?

Звонок в дверь — аж передернуло на месте.

— Ну, глухая, что ли? — недовольное старушки.

Не реагирую на нее — разворот — и провернула барашки замка.

Будто кто ледяной водой меня окатил. Будто кто кислород вмиг весь выкачал — голова пошла кругом. Тотчас ухватил меня в свои объятия, не дав упасть. Лицом к лицу. Блестят его глаза от влаги, как и мои — залились слезами.

— Привет, хорошая моя.

А я не могу. Мне дурно. Волосы дыбом встают — не могу справиться с чувствами.

— Ну, где ты тут живешь? — теплая, нежная, озорная улыбка. — Показывай.

Беглый взор по сторонам.

Несмело разворот — да только едва попыталась идти, как в глазах — пелена сплошным полотном, отчего едва что видно. И снова удержал рядом с собой, не дав упасть, разбиться.

Страх. Станный страх сковал меня всю изнутри (пуская дрожь по телу)... Помесь смущения и вседозволенности. Вот... еще миг — и мы останемся вдвоем, наедине. Впервые. Впервые без запретов и преград. Без недосказанности...

— Малыш. Вань, тебе плохо?

— Там, дальняя...

— Что? — в непонимании заглянул мне в лицо.

— Комната ее. Там, в самом конце они живут. Дверь еще открыта, — слышу голос не унимающейся пожилой женщины, Клавдии Петровны.

Ведет. Учтиво ведет мой не то Спаситель, не то Кат.

— Где Малой? — прозвучал как-то странно, взволнованно Его голос.

— В садике, — едва слышно, смиренно.

Завел в комнату. Закрыв дверь — и тотчас прибил меня к ней спиной. Лицом к лицу. Мгновения жуткой, невыносимой тяги — и прилип поцелуем к губам. Детонировало. Внутри меня что-то рвануло, бабахнуло, накрыв куполом чувств. Запойная, голодная, дикая ласка. Резво отстранился на мгновение: малопонятные движения. Да и вообще, все еще не могу осознать, принять: что вот. Вот! В миллиметрах от меня мой... Рогожин.

— Федь, — горестно, давясь очередной волной слез.

— Да, моя хорошая, — и снова впился в губы.

Уверенная ловкость рук — забрался мне под халат. Проник ладонью меж бедер и подал на себя. Подчиняюсь. Толком не снимая белья, ничем лишним не заморачиваясь... момент резвого Его напора — и вскрикнула я от ощущений, прилива, взрыва чувств. И пусть больно, неудобно, но это было самое безграничное удовольствие, которое когда-либо я могла вообразить, а не то, чтобы... почувствовать. Стон мой, его.

Вдох за вдох. Движения, взрывая безумие, отрицая реальность. Попытки слиться воедино. Стать одним... единым, неделимым целым.

Еще миг — и живо вышел, отстранился от меня, разливаясь в удовольствии. Мой Рожа. Мой.

— Федя, — тотчас кинулась я к нему ближе, жадно обняла, обвилась вокруг шеи, игнорируя весь мир вокруг. И даже только что свершившееся.

Рассмеялся добродушно — обнял в ответ. Глаза в глаза, теряя фокус. Губы на расстоянии дыхания.

— Да, маленькая моя?

— Федя! Федечка мой! — запричитала я лихорадочно, испуганно. А сердце так и рвется на части. Хочется слиться, прирасти к этому человеку и никуда большее не отпускать его никогда. — Пожалуйста, не уходи. Пожалуйста! — прижимаюсь к нему, будто ополоумевшая.

— Котенок, успокойся, — жаром заливают щеки его смущение. Провел, погладил по волосам. Взгляд в глаза на короткий момент его принуждением, поцелуй в губы. — Всё хорошо.

— Т-ты как? Ты насколько здесь? — тараторю, сходя с ума.

— Навсегда, Ванюш. Навсегда.

* * *

И снова звонок телефона — узнаю: будильник.

— Черт! Мне же на работу пора! — живо я кинулась на диван, потянулась к тумбе за аппаратом. — Сейчас позвоню, скажу, что опоздаю, — заливаюсь счастливой, идиотической улыбкой.

Шок постепенно отпускает, ступор тает — медленно, но уверенно осознаю то, что произошло. Кто сейчас здесь, со мной... и что за новость взорвала мой мир.

— Лучше, что вообще сегодня... не придешь, заболела, — загоготал вдруг смущенно Федя, залезши уже за мной на постель и нагло нырнув под халат, пытаюсь расправиться с моим бельем.

Смеюсь счастливо, что дурочка. Поддаюсь. Переворачиваюсь на спину. Взор в потолок, краснея уже от стыда, но потакая фривольности своего мальчика.

— Алло, да? — будто током, пронзили меня слова моей коллеги.

— А-а, да, — захрипела я нервозно. А бесцеремонный Рогожин уже принялся и сам халат на мне расстегивать да бюстгальтер снимать. — Я сегодня... не смогу. Давай, я твою часть возьму завтра. Я сегодня не приду. Потом расскажу, — лихорадочно запричитала я, заикаясь и черти что, на автомате, неся. Не дожидаясь ответа, испуганно нажала отбой, чувствуя уже как Федька вот-вот окажется во мне, разорвав вновь на части мою вселенную.

Еще момент, еще секунды — и Тиран взял свою крепость. Да только этому захватчику я готова раз за разом сливать бой. Звонкий, бесстыжий стон вырвался из моей груди, вторя безумному взрыву, что накрыл темным полотном бархата все вокруг. И лишь золотые звезды пошли маревом. Еще движение — и вновь я не в силах себя сдержать. Отчаянно пытаюсь глядеть на своего Рогожина, желая всецело узреть его, внять, что это он со мной. Он: не сон, не греза, и не шальные бредни. Он. Мой Федька со мной. Тот, о ком столько мечталось, ждалось. В фантазии перебиралось. Он — реален.

Силой впиваюсь в губы поцелуем, ловя поверхностные вдохи любимого человека —

радостно отвечает лаской. Но вырываюсь — я задыхаюсь. Захлебываюсь. Теплом, безумием. Собственными слезами. Слезами счастья. Замирая, пропускаю вдохи — лишь бы на дольше задержать в себе сосредоточение, ощущение Его всецело. Каждой клеткой пыталась я насытиться тем, кто, казалось, навек под запретом. Мы наконец-то вместе.

Вместе... и навсегда.

* * *

— Федь, диван скрипит! — испуганно обронила я шепотом, пресекая свои движения. Замерла я на Нем, словно пойманный вор.

— И что? — остановился послушно Рогожин, отрываясь губами от моей груди. Задорная, шаловливая улыбка. — Только слышала?

— Ну, соседи... как потом?..

— Я к своей жене пришел. И мы у себя. Так что... что тут такого? Ничего, пусть привыкают, — залился коварством. — У меня на тебя большие планы! — вдруг движение — и повалил меня на кровать. На спину. Забрался сверху. Поцелуи бесстыжей тропинкой от шеи к низу живота...

Пробовал. Пробовал меня везде на вкус, доводя до бешенных чувств. До крика, до рыка, до откровенных рыданий. До сумасшедшего наслаждения.

Его. Отныне и навсегда — я стала его. Я стала Рогожиной.

* * *

— Маленькая моя... — погладил меня по голове.

Отвечаю участием: сложила ладони одна на другую на подушке — и вперила в родное лицо взгляд.

— Я тебя так люблю, — неожиданно продолжил и щелкнул по носу.

Тотчас отдернулась я. Уткнулась ему в грудь, прячась от шалостей. Смущенно захихикала.

— Я так по тебе скучал... — и снова разрывает меня всю откровением.

— Я тоже... очень, — несмело прошептала я.

— Был период, — вдруг запнулся, перебирая какие-то свои воспоминания, — прям задолбала сниться.

— Что? — возмущенно взревела я, уставив на него очи.

— А то, — хохочет. — Только решил: всё, хватит. Пора браться за ум и смотреть правде в глаза. А ты сразу впровадилась день и ночь сниться.

— Ты и днем спал? — язвительное.

— Нет, блин. Книжки читал.

— А надо было, — паясничаю. — Меньше бы снилась по ночам.

— Или больше, — гыгыкнул.

— Ты какие там... собрался книги-то читать?

— У-у-у... с картинками.

Наигранно надула я губы и скривилась.

— Шучу, — поспешно. — Котенок, ну не дуйся... Я так рад тебя видеть, а ты тут... обидки мне строишь.

— Рогожин, — гневно, — я Вас сейчас покусая!

— М-м-м, а можно заказ... в каком месте?

— Сама выберу! — игриво зарычала и тотчас кинулась к нему, желая шутливо впиться зубами в ухо. Но перехватил инициативу — губы в губы. Запойный поцелуй, рождая игривые мысли, желания, проникая откровенно в мой рот языком. Ответила развратной лаской...

Застонал, не выдержав.

* * *

— Нам еще... Федьку забирать... из садика, — лениво бурчу, уже буквально засыпая у Него на груди.

— Заберем. Не переживай, — добрый, подобно неге, звук. Тихий, родной смех.

Зажмурилась я от удовольствия. Но подколоть так и не упустила возможность:

— Тебе ха-ха, а мне... я наверно, и встать после всего не смогу.

— Ну... мадам Рогожина, — крепче сжал меня в своих объятиях. — Привыкай. Это только начало.

Невольюно рассмеялась:

— В смысле? Начало чего? — язвлю, провоцируя на приятные рассуждения, шутки.

— О-о, — взревел забавно. — Моих коварных фантазий. Ух, знаешь, сколько их уже набежало!

И снова не унимаю смех:

— Это что еще можно там было придумать? По-моему, ты уже... меня по-всякому перепробовал.

— О-о-о, Ванюш! Ты это зря! — тотчас перевернул меня на спину и повис сверху. — Тут еще экспериментировать и экспериментировать!

— Не надо! — отчасти наигранно взмолилась, прикрывая лицо руками. — Я уже еле жива...

— Не-ет, — злокозненно. — Уж слишком долго мы этого всего ждали. Ты просто так не отделаешься... — лукавая усмешка.

— Там уже соседи, наверно... в шоке.

— Ничего, им полезно. Авось, и свой бесстыжий романтик потом ночью устроят.

* * *

Еле дошли с Рогожиным — всё тело просто адски болело. Но осознание причин всему тому... только какого-то странного, нездорового удовольствия и добавляло.

Как дураки, хохочем: над всем и всеми. Надеюсь, за пьяных нас не примут.

Зайти в группу, забрать ребенка и приняться его переодевать.

— А знаешь, кто к нам приехал?

— Папа? — счастливо, хотя и радость тотчас сменилась на какую-то настороженность.

Нахмурилась невольюно и я. Спрятала очи.

— Нет, — мотнула головой. Скривилась от неприятных чувств. Но вдох — для прилива моральных сил, и, рисуя силой радость на лице, прощаясь с тугими мыслями (что враз накрыли меня от одного только напоминания о том гаде), продолжила я: — Дядя Федя. Тезка. Мы уже его когда-то видели. Он очень хотел тебя повидать.

— А молозенку купит? — вперил в меня пытливый взор.

— Купит, — искренне смеюсь над этой его неожиданной наглостью. — Купит.

В магазин за мороженым — и домой.

— Дядя, дядя! Там впеледи долога! Луку давайте! И не бойтесь.

Захотели мы с Рогожиным: надо же — запомнил (уже и я даже забыла).

— Да дядя уже больше не боится! — торопливо отозвалась я.

— Боится-боится, — резвое Феди. — Еще как боится! Только там лужа. Давай я тебя лучше на руки возьму.

— Мам, мозна?! — молящий взор в глаза.

— Мозна-мозна, — добродушно паясничаю.

Да только Серебровскую породу сложно в себе подавлять. Наглости моему «переживателю за дядю» хватило на то, чтоб его до самого дома несли: то, якобы, еще лужи, то так... дядя опять чего-то боится, то уже он просто устал.

А Рोजа только и потешался с меня, с моих тщетных попыток уговорить «неуговариваемого».

* * *

На скорую руку приготовить ужин — и пригласить всех за стол (али, вернее, тумбу-стол в нашей коморке).

Метнула я взор на сынишку, а затем вновь уставилась Федора... Старшего. Вот оно... счастье. О котором столько грезил. Не только сейчас: а практически всю свою "взрослую" жизнь. Семья. Где муж, которого безумно люблю, где ребенок. Наш ребенок. И все мы за столом, дружным коллективом уплетаем ужин, обсуждаем все то, что произошло за день. Рутин, которая в благодать, а уж никак не в кару. С дорогими сердцу людьми — даже обыденность... сладкая.

* * *

— Хочешь, я останусь? — смущенно прошептал Федька, едва мы оказались вдвоем, на кухне: замерла я у раковины, моя посуда. Обнял, прижался к моей спине Рогожин. Поцелуй в шею.

— Ну да, — вздрогнула я, ошарашенная услышанным. — А куда ж ты еще?..

* * *

Руки в боки посреди нашей комнаты — и будто впервые я увидела ее по-настоящему. Всецело. Осознала ее «красочные габариты». Диван полуторка, тумба, шкаф. И места

свободного — так, что только и остается крутиться, стоя на одном месте.

— М-да... кладовка та еще... Разве что в коридоре лечь, — печально улыбнулся Федор. — А так, здесь и на полу негде примоститься.

— Ну, — невольно залилась я краской стыда. — Как есть, — пожала плечами. — Но ничего. Поместимся. Что ты? Не на улице же тебе ночевать!

— Да ладно, — хмыкнул. — Я пока... у Ники останусь, перекантуюсь. На днях квартиру нам подберу — и съедем. Хорошо? — вперил в меня взгляд.

Поморщилась я от волнения и непонимания:

— А деньги где возьмем? — глаза в глаза, с опаской.

Скривился:

— Найду. Есть там один вариант.

— Федька, — с испугом вырвалось из меня.

— Да боись ты, — кисло рассмеялся. — Без приключений.

— А, хотя это, — поспешно отозвалась я, невольно перебивая. — Я же твои не все потратила. Давай верну.

— В смысле, «верну»? Ты опять? — резко изменился в лице. — То твое. А вообще, теперь у нас все общее. А не «твое-мое». Так что пусть у тебя лежат. На черный день, а то мало ли... каким местом еще к нам жизнь повернется. А это я... старых знакомых навещу. Поставщиков. Есть там у меня... еще немного замороженного капитала. Нереализованные авансы. Без прямого контакта — не хотели возвращать. А сейчас уже не отвертятся. Да и так, надо посмотреть, да кое-что сдать из остатков, что еще на мое имя записано. Как тогда, когда этот... тебе деньги привез, — кивнул. — Нормально все. Справимся, — шаг ближе и обнял меня, прижал к себе. — Не переживай.

* * *

Разговоры за разговорами. Заодно поиграть, потискать ребенка, прочитать в очередной раз всё одну и ту же детскую книгу (на которую расщедрилась я столь недавно) — и уже ночь скралась на землю — уснул малыш. Усталость, дремота и нас с Рогожиным стала глотать нещадно.

Шаги по коридору. Едва только Федя к двери, как тотчас я кинулась к нему, не стыдясь уже никого и ничего. Прижалась жадно, уткнулась носом в шею.

Вдохнуть, вобрать фанатично аромат напоследок, тепло. Страшно вновь отпускать, снова расстаться. Рискнуть опять потерять.

Я не смогу, не переживу, если вдруг вновь что-то случится... и мой журавль снова рванет в небо. Не смогу, не хочу. Не буду.

Буду. Конечно, случись что, вновь буду мечтать и ждать, покорно ждать, да только... нервы мои на исходе. Я на исходе.

— Ванюш, ты че, плачешь? — попытка заглянуть мне в лицо, но не даюсь — прижимаюсь сильнее.

— Федька...

Я знаю. Знаю, что нельзя просить остаться, да и глупо. И потерпеть осталось немного, но сил уже нет. Выдержки не хватает играть и дальше роль сдержанной, которой всё по плечу, дамы.

Поцелуй в висок — и стиснул меня крепче в своих объятиях.

— Хорошая моя. Ну не надо... Хочешь, я утром приду? Когда вы там в садик, да тебе на работу?

Глава 41. Демо-версия счастья

* * *

Перед сном в ванную — принять душ.

Да не тут-то было!

Соседка окликнула:

— Это что... твой вернулся?

— Мой.

И пусть раздражала ее пытливость, да сокровенное выдавать не желала, но сегодня чувства все через край — и не в силах сдержаться. Ведусь. Еще как ведусь! На весь мир готова орать, трубить от счастья: Федька, мой Федька вернулся! Ко мне! И мы теперь вместе. Вместе, рядом и навсегда!

«Так не бывает!» — грозно бурчит разум.

«А мы справимся!» — рычит наперекор, вторя мне, сердце.

— Ну и? — громом прозвучали ее слова, вырывая меня из неги рассуждений. — Сколько дали? Условка?

Поежилась я невольно.

— Оправдали, — с обидой гаркнула я (грубо вышло). Надула губы.

— Да ладно! — не то искренне, не то язвой. — И такое нынче в нашем мире бывает?! Или у него денег дофига, а тебе не признается? — рассмеялся курица.

— Как там огурцы? Все закрыли? — дерзко перебиваю, явно дав понять, что пора менять тему, если та не хочет ругательств в свою сторону.

— Да с вами-то закроешь! — удручающе. — Так скрипели, так скрипели, что мысли совсем в другую сторону ушли. Еще половина осталась. С вами даже ошпарилась немного.

— Правильно, — смущенная, улыбаюсь я. — Нечего было подслушивать, надо было делом усердней заниматься.

— Так не с кем же...

— Я про огурцы, Лидия Константиновна. Я всё еще про огурцы.

* * *

Содеять затеянное — и спать. А там и не заметила, как утро грянуло. Так истощена была, что буквально сразу и провалилась в сон.

Заткнуть будильник — и пойти заварить да выпить кофе.

А после — за дело: разбудить малыша и приняться одевать несчастного «невыспавшегося».

И вдруг звонок.

Резво к двери (грохочет сердце в предчувствии, в мольбе увидеть родное лицо). И вот он — Федька. Тотчас кинулась ему на шею — крепко сжал в своих объятиях, прибил к стене. Запойный, голодный поцелуй в губы, будто и не мы вчера целый день пытались насытиться друг другом.

Но шальная мысль — и живо остановила, оттолкнула его от себя, понимая, куда всё идет. Залилась смущением:

— Федь, не здесь. Увидят же!

— И что?

— А если Федя? Младший... — смущенно опустила очи.

Тихо рассмеялся. Приблизился вплотную, шепотом на ухо:

— Хорошо, котик.

— Да и в садик надо! — торопливо обронила я, украдкой взгляд в глаза на миг.

— Хорошо, — добрая, нежная улыбка. — Жду. Пошли, проведу.

* * *

Всю дорогу так и метал откровенно на меня взоры раззадоренный Рогожин. Пылала не то от смущения, не то (откликом) желанием и я.

Завести ребенка в группу, помочь переодеться — и на выход.

В момент ухватил меня Федя — и за угол. Жаркие, бесстыжие объятия — и снова прилип поцелуем. Коротко отвечаю — и снова попытка отбиться. Рычу:

— Ну не тут же? — хихикаю, еще более смущенная.

Еле добрались домой. В комнату — и бесцеремонно быстро каждый раздел себя. К дивану — и повалил, забрался сверху на меня Рогожин.

* * *

— Да уж... до сих пор не верится, что всё это реально, — несмело прошептала я, метнув смущенный взгляд в лицо Федьке. Перевернулась на бок в постели.

Ответил участием:

— Да и не говори. Иди ко мне, — притянул к себе — поддалась: легла ему на грудь. — Да это я... дурак. Если не кто похуже. Надо было сразу... а не мусолить сопли. Быть решительнее. Очень многого... удалось бы избежать.

— Ну... будь ты сразу «порешительнее», — поспешно отозвалась я, возражая, — я бы точно тебя испугалась. Не влюбилась бы так сильно. Да и потом... это был бы уже не ты. Не тот Рогожин, которого мы все ценим и любим. На самом деле, я понимаю, и даже... ценю, что ты с Инной... Просто, если бы ты сразу ее бросил, несмотря ни на что, на то, что у вас до этого с ней было, то... Всё это было бы неправильно. Жутко. Обидно. Кто я такая? Чтоб так быстро ты взял и побежал за мной? Разменял прошлое на непонятное будущее? А сотвори — это значило бы лишь одно: несерьезный. И появишься на горизонте другая (куда круче меня — а таких, верю, знаю, — уйма), так же бы и меня бросил, особо не задумываясь. И уже я бы оказалась на месте Инны. Инессы.

— Нет, котенок, — сильнее сжал в объятиях. Поцелуй в макушку. — Ты у меня одна такая. И ни на кого никогда я тебя не променял бы и не променяю. А уж тем более теперь, когда столько пришлось пройти, чтобы быть с тобой рядом. Нет уж, и не мечтай. Никому тебя не отдам.

— Не отдай, — смеюсь, смущенная.

Глаза в глаза. Вмиг движение — потянулся Федя ко мне. Поцелуй в губы — ответила.

Напор — покоряюсь: забираюсь на него сверху.

— Красивая моя, — скользкий взор по всему моему обнаженному телу.

Сжалась я от неловкости. Прикрыла ладонями грудь.

— Дурак ты, — покраснела, что мак. Пристыжено опустила я очи.

— Ты че? — силой оторвал, убрал мои руки с запретных видов. — Я серьезно. Ты у меня очень красивая. И раньше была, а сейчас, как повзрослела, так еще лучше стала. В ту еще женщину превратилась.

— Та, — сгорая уже от стыда, невольно рывкнула. Скривилась, еще усерднее пряча взгляд. — Одни растяжки после беременности.

— Малыш, — резво привстал. На расстоянии вдоха. Беглый, таящий взор по всему моему лицу. — Я тебе серьезно: ты у меня... как для меня — идеальна. И я тебя всю безумно люблю. Начиная с характера. И заканчивая — каждой твоей растяжкой или морщинкой.

— О, у меня уже и морщины есть? — язвлю.

Не дает разойтись вовсю в своем едком смехе — прилип к моим губам своими. Но лишь на миг — рассмеялся в ответ:

— Нет, но со временем же появятся — а я их уже люблю. Ну ладно, хватит. Давай лучше делом займемся. Пора работать дальше.

— Точно! Работать! — бешено вскрикнула я, вытаращив от ужаса очи. Силой, диким напором — оттолкнула себя от него, сползла вбок (едва не грохнувшись с дивана).

— Ты чего? — взволнованно, ошарашено отозвался Рогожин.

— На работу! На работу же я опаздываю! Если уже не опоздала...

* * *

— Во сколько заканчиваешь?

— А что? — улыбаюсь злокозненно, а сердце уже грохочет, взрываясь радостью. Попытки обуться, скача на одной ноге. — Встретить хочешь?

— Хочу, — ухватился. Учтиво придерживает за локоть. — Дела как порешаю свои, к вам заскочу.

— Заскакивай, заскакивай. Буду ждать. Накормлю хоть своего Федечку. Обоих Федечек, — смущенно смеюсь над неловкостью ситуации.

— Че? — расписала уста Рогожина странная, с нотками печали, улыбка. — Совсем не верила, что мы когда-то будем вместе? Потому Малого... — мотнул головой, не договорив. Залились щеки его жаром, как и мои.

Выровнялась. Прячу пристыжено глаза. Несмелым шепотом:

— И не только.

Молчит, выжидает, а потому решаю продолжить. Шумный вздох:

— Хотела, чтобы он вырос хоть немного похожим на тебя. Пусть не визуально, так характером. Нечего там от того... «травоядного» брать. — Горестно, очи в очи. — Федь, честно. Я бы все отдала, чтобы он был твоим ребенком. Но... — нервически сглотнула слюну. Опустила взгляд. — Прошное уж не перепишешь. Да и...

— Котенок, — резво перебил меня. Обнял за шею — притянул к себе. Обвилась и я руками вокруг его поясницы. Провел рукой, погладил меня по голове. Поцелуй в висок. —

Всё хорошо. Федька — наш сын. Мой. И хватит переживать. Я его очень люблю. И неважно как там, что... хорошо? — Колочая тишина. — Мы справимся. Мы, все трое, справимся.

* * *

— А что там Ника?.. — обронила, осмелилась я, когда мы уже вынырнули из подъезда и подались в сторону садика.

— А... да, — скривился, махнув рукой. Взор около.

— Что? — встревоженно я.

— Да ничего хорошего.

— Что такое? — обмираю на месте. Взгляд требованием на Рогожина.

Подчинился. Остановился. Лицом к лицу со мной.

— Да... — поморщился от неприятных чувств. — Связалась не с тем, с кем надо.

— В смысле? — обомлела я от удивления еще больше.

Шумный вздох:

— В прямом. Того еще типа себе... в «женихи» нашла. Сплошной пример для подражания.

— Что, серьезно? — округлила очи.

— Ага, — саркастическое. Наградил учтивым (полного взвинченности и злости — не на меня — на «него» и на нее) взглядом. — Бандюган, короче, — сплюнул раздраженно на землю.

Прожевал эмоции.

— Ну-у, — протянула я сквозь робкую улыбку. — Ты тоже... так-то не ангел. Но я же тебя люблю.

Окоченел. Глаза в глаза со мной:

— Не сравнивай нас! — гневно.

— Но она же его любит? — не унимаюсь я, хотя и дрожь по телу (волнением и из-за спора, страха оттолкнуть Федю; и из-за Ники, за которую всей душой болею, как за себя).

И пусть не знаю всей подноготной, но сжалось от потаенной радости сердце. Раньше мне казалось, что она так и не найдет того, кто будет в пору ее боевому, чистому, как по мне, идеальному характеру. Того, кто сможет с ней тягаться. Того, кто сможет быть достоин ее.

— Говорит, что... да, — наконец-то проиграло его упрямство мне — сдался Федька, вынужденно ответив.

— Ну... Вероника — не глупая девушка, — веду отважно дальше я. Шаги по ранее заданному маршруту. Последовал и Федор за мной. — Раз любит, значит, за что-то? — продолжила я. — Верно? Или, по-твоему, она мазохисткой стала? — криво усмехаюсь, глупо язвя.

Хмыкнул. Вперил на мгновение в меня пристальный, отчасти удивленный, взгляд Рогожин. Молчит, выжидая, комкая какие-то свои тяжелые, колкие мысли.

— Вот и не решай за нее. Вон, за меня уже нарешали, — метнула я в сторону (своего прошлого) головой. — И что? Я была счастлива? Да, я была в тепле, но как птица в клетке. Каждый день по расписанию — еда, вода, прогулки. Были обязанности и возможности отдыха. Было всё — да только жизни не было. Федь, ты даже не представляешь... что мне пришлось пройти... морально пройти за эти годы. Я жить не хотела, — отвела в сторону

взор, сгорая от стыда. — И, если бы не Федька, если бы не ребенок... точно бы тебя не дождалась.

— Вань, — поспешно потянулся ко мне, заставил замереть на месте.

Коснулся щеки — отдернулась.

Глаза в глаза:

— Без любви... — рычу, режу дальше, уже сквозь слезы, — это не жизнь. А если у нее есть чувства... Даже если он, я не знаю, — замотала головой, — исчадь ада для всей планеты, разочарование для всех его и ее знакомых, близких. Это же Ника — и, если она его полюбила, по-настоящему полюбила, значит было за что. Значит... на самом деле он другой. — Многозначительный, требовательный, пронзающий мой взгляд.

Сцепились мнения.

— Ты сейчас опять на меня намекаешь, да? — криво усмехнулся с опаской.

— Нет, — резво. — Я говорю о том, что сердце знает... кого и за что выбирает. И не нам, нелепым, глухонемым зрителям, его осуждать. Не нам за них решать. Лично я рада за Нику. Рада, что, как и я, она нашла себя. Хоть на сколько времени — но она будет свободна и счастлива. Как я с тобой, Федь. Не суди строго. Ты тоже не для всех мил. А мой отец, так он... Он вообще, как и моя мать, спал и видел рядом со мной доброго, заботливого магната. Вот только мне этого не надо было. Мне нужен был лишь ты. Ни достаток, ни должность, ни положение в обществе. Лишь ты. Так и с Никой — позволь ей самой выбирать, даже если ошибается. Это ее жизнь — и ей решать. Ибо под чужую дудку... сил долго не хватит плясать: марионетка сломается.

* * *

— А о нас? Что она говорит о нас? Что думает? — криво улыбаюсь, все еще не имея сил попрощаться, оторваться от своего Рогожина. Замерли у калитки.

— Она не знает... ничего, — отвел смущенно взор в сторону.

— Почему? — округлила очи я.

Сердце в волнении, в странных предчувствиях, страхах сжалось.

— Ну... — скривился. Забегал взгляд по окрестности. — Почему... — Шумный вздох. — Поначалу... всё это было неправильно. Запретно. Постыдно... что я облажался, предал. Не выполнил все свои обещания, обязательства перед Инной. А потом... — запнулся, подбирая слова, давая эмоции. — Потом... и вовсе всё стало каким-то безумно личным, что ли. Сокровенным. Ценным. — На мгновение взгляд мне в глаза, но тотчас увел его в сторону, давясь неловкостью. — То, что в глубине души. В сердце. Вот не хотелось никому ничего такого рассказывать. Да и... чем меньше знают, тем крепче все мы спим, — нервически рассмеялся. И снова на короткий миг встретились наши взоры. — Дело не в самой Нике. Нет. Она офигенный друг, отличная сестра. Но... Вообще, просто не хотел, чтоб кто-то знал. Это мое дело — и... касается лишь нас двоих. С тобой. Нет, — вдруг резво перебил сам свои мысли. И вновь пристыженный, нервический смех. — Я, конечно, скажу ей. Сейчас всё устаканится у нас. Разберемся, с квартирой, с Малым. — Взгляд мне в глаза. — Подашь на развод — и скажу. Я тебя не стесняюсь, или еще чего. Не подумай. Нет! Я тебя очень люблю, — уверенно, в подтверждение закивав головой. — Очень люблю. Ты для меня — всё. Но... всему свое время. Я не люблю трепаться о... — поморщился от

волнения, — о том... о самом важном. Оно мое — и... я его берегу, как могу. Позже узнают, а пока — пока всем так проще будет. Чем начнется сейчас: а что, а где, а как давно? «Ух, ты», «ах, ты»... Бесит меня это. Из личного вдруг всё перерастает (пусть и невольно, не со зла или еще чего), но в цирк. Не хочу всего этого. Хочу, чтоб было, как есть. А узнают — в свое время все всё узнают, но уже у нас почва будет под ногами, а не так — временный настил.

— А родители?

— Что с ними? — нахмурился.

— Ты им скажешь?

Скривился, прожевав эмоции. Отвел взгляд в сторону.

— Наверно.

— В смысле, «наверно»?

И снова тяжелый, раздраженный вздох.

Очи в очи:

— Я меньше всего хочу посвящать их в то, что происходит в моей жизни.

— Почему? — жгучая тишина молчанием. Сдался — отвернулся в сторону.

Продолжила: — А если внуки пойдут? Тоже смолчишь? — встревожено я.

— Вань. — Глаза в глаза со мной. — Давай сначала сами разберемся с тем, что с нами творится, а затем уже... начнем пускать зрителей, критиков, советчиков. Они хотели, чтоб я больше в их жизнь не лез? Не лезу. Только и в мою теперь не надо лезть! — стукнул кулаком себя в грудь. — Понимаешь?

Пристыжено опустила я очи. Колкие мгновения тишины, подбирая слова:

— Твои... как и мои, да?..

Тихо рассмеялся:

— Котенок, не грузись. Нашла ты тему... Мне плевать на их мнение. Мне главное ты и Федька. Всё: всё остальные поскольку, постольку. Побоку. Так, чисто, формальность. А потому — всё это глупости: «узнают — не узнают». Придет время — куда денутся? Узнают. Будут внуки, да и вон... поженимся, Федьку усыновлю — чтоб всё официально было, и никто и слова нам не посмеет сказать. Если так уж хочешь, потом съездим к ним. Познакомлю. А в остальном: не хотят — не надо. Мне еще лучше! В сто раз! Понимаешь?

— А Ника? Она, ты думаешь, тоже?.. Ну... — спрятала я очи от стыда, — против будет.

Нервно цыкнул, скривившись.

— Да все тебе, вам, нам будут рады. Только я их не хочу в наш мир пускать. Я! Нике скажу. На днях — скажу, если тебе это так надо. А родители — родители потом. Обождут. Хорошо?

— Да нет, просто... — взволнованно замотала я головой, зажмурившись. — Когда считаешь нужным, тогда и говори.

Глаза в глаза.

— Можешь и сама ей позвонить — мне всё равно. Мне даже так проще. Меньше душу перед кем-то оголять.

— Да ну, — залилась я краской смущения, ретиво пряча взгляд. — Давай уж лучше ты... твоя же все-таки сестра.

— Ну я так я. Только не торопи, — скривился. — Не нужны мне ее вопли, сопли. Да и вообще, у нее сейчас своя песня в голове. С этим своим, ёб... гр*банным Мирой.

* * *

Вечером встретил. И снова в магазин. Вот только в этот раз провокатор — Федор Старший: купил продуктов, ребенку — вкусняшек, а мне (по единогласному решению мужчин) — арбуз.

И нет, мне не показалось. Эти двое действительно очень быстро и как-то даже неестественно спелись. Уже и я им не нужна: «отойди, мама», «не мешай, мама», «я с Дядь Федей пойду».

— А может, мне вообще уйти? — стою, таращусь на них, заливаясь смущенным смехом.

— Не, — вполне серьезно заявил мне сыночек, забравшись на горку. Уставил на меня взор. — Мозесь остаться. Мы не плотив.

Хотя, чего грешить? Сбылась. Сбылась моя самая большая мечта и не реализовался самый огромный страх: принял Федька второго Федьку. Причем, в этой фразе неважно, кто Старший, кто Младший из них. Правильно будет в обоих случаях.

Да и не только дело во «вкусняшках» или внимании. Не знаю, что-то есть в них. Что-то похожее. Да и... дружба эта... она уже... куда более яркая, теплая и глубокая, чем отношения у Малого были с Серебровым. Там лишь строгость с одной стороны, и откровенная привязанность ребенка — с другой.

Так что есть. У меня, у нас — шанс... есть.

* * *

Сварить пельменей — и снова к себе в комнату, накрыть тумбу-стол.

Поужинали, поболтали. А там уже и Федька Младший уснул.

Объятия, тайные ласки, поцелуи с Рогожиным — да время беспощадно: мчится, как ошалевшее, в никуда. Уже и ночь за окном давно начала править. Спать пора — провела до двери. И снова поцелуи в полумраке, не желая расставаться с тем, кого столько времени ждала, жаждала. За кого столько ночей Бога молила: чтоб уберег, чтоб простил и помиловал. Чтоб дал нам счастья кусочек. Хоть крохотное, пусть и не навек, на немного.

— Завтра, может, вечером заскочу, — прошептал мой Федя, нехотя оторвавшись от моих губ своими. — А если нет — дела уташат, то тогда до послезавтра. Всё хорошо, не переживай. Просто съездить надо будет кое-куда, в другую область. Старых поставщиков пошевелить. Посмотреть, что там по остаткам — часть товара достать, да думать, что как дальше с торговлей и кредитом.

* * *

Рогожин не появлялся несколько дней (всё дела, как сам взახлеб утверждал), но исправно звонил... и болтали, что дураки, ни о чем и обо всем долго и упорно, пока ухо и

рука не начинали болеть. Ездил в соседнюю область и в столицу. А здесь, по месту, стартовал закрытие «лишних» точек. Не забыл и про поиски квартиры (куда бы мы могли все трое переехать); да машину свою продал (вместе с кредитом, за копейки: но, главное, что уже без долгов — а более нам и не надо).

И вот оно — заветные слова: сегодня вечером уже встречается с хозяйкой, отдает ей оплату за первый месяц, залог — и получает ключи.

Уже и темнеть начало за окном, а он всё не звонит.

Мечты мечтами (конечно, уже сегодня хотелось встретиться да быть вместе с Рогожиным), но... реальность вовсе не такая, как я, мы ее хотим видеть — привыкла и почти смирилась. А потому терплю. Закусив губу, сжав кулаки от волнения — терплю.

— Малыш, — от его тревожного голоса всё жалось у меня внутри.

— Да?

— Не получается сегодня у нее, прости. Там срочно кто-то то ли помер, то ли женился. Короче, до завтра. С утра. Обещала с утра. Прости... Я вас очень люблю.

— И мы тебя любим.

* * *

С утра, так с утра.

Подкормить своего егозу и уложить спать. Приготовить одежду на утро — и самой лечь. Покорно ждать утра.

* * *

Уже и в сад отвела, и сама вернулась — на работу принялась собираться, а не звонит. Наверняка, опять что-то случилось: не буду голову забивать до вечера.

Да только... легко сказать, но тяжело сделать.

* * *

И снова уже вечер. И снова уже сумерки крадутся по земле.

Не выдержала — сама ему позвонила: абонент не доступен. До дрожи, до жути. До откровенной паники. Все ногти сгрызла. Пока салат готовила — порезалась. Осталось только начать биться головой об стенку.

Внутри всё переворачивалось и выворачивалось наизнанку: лишь бы ничего не произошло. Лишь бы ничего плохого.

* * *

Практически ночь без сна. Утро — и вновь к телефону, набрать заветный номер: жуткий, противный, пробивающий до дрожи и липкого пота вариациями подноготной голос

робота, оповещающего о том, что абонент не желает, али не имеет возможности с «вами» говорить.

Думала, сойду с ума. Уже на память выучила все переливы голоса занудного оператора — не берет Федька трубку, а я не знаю, что и думать.

Едва собралась уже в садик за Младшим идти, как вдруг забренчал полусевший от изматывания моими нервами аппарат:

— Да? — мигом, дрожащими руками, ответила я родному номеру, что уже выучила наизусть, поедая его на работе глазами.

— Привет, Малыш. — Странный, сухой, замученный голос. — Прости. Дел было по горло, а телефон сел. Вот только-только до зарядки добрался. Ключи у меня. Я уже в нашей квартире. Но... — замялся, подавляя эмоции. — Тут такое дело. Нике плохо. Кое-что случилось. В общем, она пока у нас здесь... побудет, с... со мной.

Тревога в голосе Рогожина едкой змеей и ко мне просочилась. Жуткая дрожь охватила меня, чуя неладное. Но молчу. Покорно немотствую, выжидая, что дальше.

— Короче, — прокашлялся. — Вы пока у себя там, хорошо? Не обижайся только. Просто... просто. А-а-а, — вдруг взревел и обмер. — Короче, х*рово Нике. Истерика жуть. Тут... тут такое. В общем, не телефонный разговор. Потом объясню. Сама всё поймешь, почему не хочу... чтоб Малой всю эту... хр*нь видел. А Некита больше некуда деть, да и... присматривать надо. Сам тоже потому не приеду. Только гадостей не надумай, — тотчас торопливо отозвался. — А то я вас знаю. Я тебя очень люблю, и по вам очень соскучился. Но... как говорится, долг есть долг. В общем, — обмер в рассуждениях, — если будет возможность, ты когда там завтра на работу? Можешь заскочить? Поможешь ей тут... по-девичьи. Да и... пожрать, может, че нормального приготовишь. А то я уже не знаю, что в нее пихать — ничего не ест, выплевывает. — Немного помолчал: — Прости, что сваливаю все это. У тебя своих проблем и дел... по горло. Короче, не сможешь, то и не сможешь. Я всё понимаю: работа, Федька. То я так... мало ли. Короче, не переживай. Всё у меня нормально. Как смогу вырваться, так сразу и к вам.

— Адрес какой?

— А, ну... Сейчас в смс кину. Только если придешь, — торопливо добавил, — маякни... Ну, чтоб ее не разбудить ненароком. Пусть лучше спит, чем...

— Хорошо, Федь. Постараюсь завтра быть.

— Хорошо, — радостно. — Люблю тебя.

— И я тебя. Очень люблю.

* * *

— Что случилось? — пришла к Рогожину (не так и далеко от нашей общаги) сразу, как Малого в садик отвела. Сменщице еще вчера позвонила — попросила подменить.

— Да... — скривился Федя, пропуская меня в квартиру. — Заходи, котёнок.

Не успел и дверь закрыть, как тотчас я кинулась ему на шею — обнял, жадно прижал к себе. Поцелуй в губы — и замерли так на пороге. Уткнулась носом в шею.

— Федечка... что случилось? Где она?

— Спит. Она почти всё время спит. А если не спит... — невольно отстранился — отпускаю. Поддаюсь на серьезность разговора. Взгляд в лицо, изучая эмоции. — То орет,

ревёт постоянно. Те еще припадки.

Сжалось всё внутри у меня от страха: Ника и ревет. Казалось, для меня эти понятия априори несовместимы. И это безумно страшно... когда ТАКИЕ сильные люди... настолько сломлены, что... Это значит лишь одно: произошла реальная жуть. И страшно узнать правду.

— Так что с ней? Что случилось? — сжала я волю в кулак. Замерло сердце.

— Вань, — поморщился вдруг. Увел взор в сторону. — Давай лучше... если захочет, то сама тебе всё расскажет. Не могу я так. Это её... Я тебя люблю, ценю. И никогда ничего скрывать не стану, а тут — тут это ее тайны. И... не мне решать, кому что знать. Хорошо? — глаза в глаза.

Покорно закивала я головой.

— И что она теперь? Что со всем этим делать?

— Да ничего, — скривился. И снова взгляд поплыл по стенам. — Проходи давай, мой руки. Может, что покушать хочешь. Там еще... вчерашние пельмени есть: эта всё не жрет, — метнул гневный взор в сторону комнаты. — Уже не знаю, что готовить. Даже суп забебенил — плюется только и вопит. Ты хоть что... нормальное там. Скажи, что из продуктов надо — быстро сбегая. Магазин тут рядом. Во дворе.

— Хорошо, сейчас посмотрю, — покорно шагаю в ванную — мыть руки. — Так, а чего так много спит? — взор на последовавшего за мной Рогожина.

— Да врач... какие-то таблетки прописал. Странные, до одури. Вообще, сначала всё жутко было. У нее жар поднялся, бредила, орала тут. Встать не могла толком — башка крутилась. Короче, еле успокоили и температуру сбили. Уложили спать. А дальше — эти, успокоительные. Только тормозят ее конкретно. А порой вообще х*рню всякую несет. Потом вот спит, — кивнул вновь в сторону комнаты, — до упаду, а дальше — просыпается и ничего не помнит! И всё — начинай ей жевать сначала! Че да как! Где этот ее *** делся! И опять — истерика, крики: «Ниче не хочу знать, мне надо срочно его увидеть!»

— А он что? — в удивлении вперила в Федьку взгляд, округлив очи.

— А он, че? Накосячил — и свалил! Говорю же: с*ка!

Обмерла я, поежившись.

Всё равно. Как-то уж не сходится. Это же Ника! Не какая-то глупая наивная дурочка, слепо идущая за мечтой, отрицая реальность. НЕТ! И вдруг...

С*ка, говоришь? Ну, может, и так. Только для остальных. Был бы для нее таким — явно бы не рвалась... и явно бы не полюбила.

Не для всех и ты, Федя, хорош. Я уже говорила. Не для всех и ты ангел. Зато для меня — ты вся моя вселенная, и ничего больше в жизни не надо.

— Так что, суп какой сварить? Идти в магазин? — уставился на меня, взмолившись, Рогожин, своей речью невольно вырывая из внутренних рассуждений.

— Д-да, конечно, — заикнулась от неожиданности. Шаги на кухню — следует за мной. — Сварю, — замираю я около холодильника. Вцепилась в ручку. Взор на Федьку: — Я-то сварю. Да только... что та еда, когда в душе полная лажа? Ты лучше поговори с ней. Только по душам. ВЫСЛУШАЙ. Очень прошу. Ты же самый близкий ее человек! Вы же... как сиамские близнецы были! И сейчас, наверняка, эта связь осталась. Ей нужна твоя поддержка. Не порицание, не воспитание. И даже не навязчивые советы. Поддержка, Федь, — взмолившись, уставилась в глаза. Открыла дверцу — взор на полупустые полки — и вновь закрыла холодильник. Разворот лицом к Рогожину. — Федь, пойми... — несмело, но с напором (нервически сглотнул слюну мой благоверный, но перечить не стал, учтиво

слушает). — Не таблетки ей нужны. И не спать сутками. А поговорить. Реально, поговорить. С тобой, с ним. И не нам решать, кого ей любить, а кого ненавидеть. Уже за меня «нарешали». Да что там за меня? За нас. И что? Лучше стало? Сколько всего мы прошли, пережили из-за этого. Разве не так? — цепкий взгляд, желая прорваться вместе со словами — докричаться до глухой стены. — Не будь, как мой папа. Будь выше своих страхов. Молю! Это же Ника! Взрослая, умная девочка. Девушка. Женщина. И дай ей прожить свою жизнь, по ее желанию, по ее выбору, а не по твоему «плану». Она — человек. И даже если ошибется — она имеет на это право. Не губи ее еще больше. Ты же видишь, какая она: вопреки всему и всем сердцем... Любит его. Верно? Потому и истерики, потому плачет? Это же Ника, а не какая-то... малолетняя дуреха, которая жизни не видела. Да и потом, такие, как я, мы тоже заслуживаем право на выбор. Самостоятельный выбор. Мы же не куклы.

— Вань! — горестно рявкнул. Скривился от боли, увел очи в стороны. — Ты не понимаешь, о чем говоришь!

— Ну да, — живо киваю головой. Не без сарказма. — Я же дура. И папа так считал. Да только в итоге... вы, «решатели», сами же в дураках и окажетесь.

Цыкнул. Шумный вздох. Взор в лицо мне:

— Ладно, — махнул рукой. — Решай, какие продукты покупать. Схожу, принесу, да спать пойду, а то всю ночь... с ней одна нервотрепка была. И, кстати, дверь к ней закрыта, но, если что... там шорох, крик, сразу меня набирай. Прибегу.

— Федя! Она же не заключенная! — горестно.

— Она невменяема! — злобно.

— Я тоже шесть лет была невменяема. И что меня... под замок? Ты вернулся — и всё прошло. Каждому свое надо. И не нам решать, что это будет. Пока не задеваем права других, мы вправе сами решать, как нам жить и что делать. Федя! Я тебя умоляю! Дай ей свободу! Ну за что ты так к ней? Это не благо! Это прямой путь в петлю! Да поверь мне! Я знаю! Знаю, что говорю... — опустила очи, залившись уже малодушно слезами.

Шаг вдруг ближе Рогожина — и обнял, притянул к себе. Поцелуй в макушку:

— Прости меня. Прости, что больно делаю. И делал.

— Да дело в не том! Пожалуйста... пусть они поговорят. Пусть они сами решат. Только так она сможет быть счастлива. Или, если не судьба, то отпустить, закрыв все гештальты.

— Чего? — рассмеялся, несмело отстранил немного меня от себя. Взор в глаза.

— Да ничего, — пристыжено; в момент отвернулась.

Прижалась к нему сильнее.

Колкая, полная раздумий тишина. И вдруг вздрогнул:

— Ты... кстати, до которого часа? Когда там тебе на работу?

— Я отпросилась. До вечера смогу побыть. Ну, пока Федьку не надо будет забирать.

Мгновения молчания — и вдруг хмыкнул. Шумный вздох:

— Ты знаешь, что я тебя люблю? — ласковым шепотом на ухо.

Рассмеялась я, еще больше рдея от раздвоя чувств в душе.

— Знаю, — смущенно закусил губу, глупо улыбаясь. — И за это тебе безумно благодарна. Но пожалуйста... ради меня, — враз вновь стала серьезной, с напором, — дай им шанс. Какой бы там «Этот» ее не был. Дай. Нам дали шанс — и мы должны. Я ее тоже люблю. Люблю, как сестру, а потому и прошу: дай ей свободу. И только так она... справится со всем, что там у нее на сердце.

Глава 43. Джаггернаут грёз

* * *

Пока приготовила покушать (и чтоб на сегодня было, и на завтра осталось), пока порядок навела, уже и день ляпнул. Пора за ребенком, да домой, докармливать своё чадо, позаниматься с ним да ложиться спать.

Вдох-выдох, засев в темноте на диване (выключив свет). Безумный день. До безумия безумный.

Искренне надеюсь, что Он услышал меня. Но еще больше, что я не ошиблась, и не усугубится всё еще больше. Что не подведет «этот ее», а если... и не судьба им быть вместе, то хотя бы... Ника все достойно выдержит, не оступится, не сломается. Некит, я в тебя верю! Ты мой герой! Пример для подражания! Сколько времени я на тебя ровнялась! Невольно вторила тебе, а теперь... теперь мы равны на чашах весов — и мне страшно. Не хочу. Не надо. Будь сильной, будь смелой. Будь умной. Будь куда лучше, чем я! И пусть всё получится.

* * *

Трезвонить Рогожину не осмелилась на следующий день, хотя и сгорала... от любопытства и волнения.

Не знаю, что как, но... Хорошо, что выходные уже на носу — смогу вновь к ним прийти. Хотя... Федю, а куда Федю тогда?

Черт! Ладно, как-то да будет! Лучше о работе буду думать, а то точно сойду с ума.

* * *

И вот оно. Буквально уже хотела дверь закрывать к себе, да идти за сыном, как затилинькал телефон. Рогожин.

— Да, Федь?

— Уехала.

— Кто? Куда?

— Ника. К этому... своему. Отыскала его, и к нему уехала. Там и осталась.

Обмерла я, пришпиленная к месту. Не сразу и нашла силы на звук, на слова:

— А... ну... ну, она хоть рада? Всё нормально у нее?

— Судя по голосу (отзвонилась)... да.

— Федь, — торопливо (нервически я сглотнула слюну, ежась от страха: а вдруг реально неправa). — Всё будет хорошо. Они сами разберутся. Не маленькие ведь. Короче, Федь, — сама себя перебиваю. — Всё будет хорошо. Если он не такой, если он плохой, если он ей не подходит, рано или поздно — сама всё поймет и уйдет. Она же не дура. И гордость у нее есть. Не даст себя унижать и мучить.

— Я уже ничего не знаю.

— Это Ника — и со всем справится. Федь, Ника! А не кто-то иной. Справится. И будет счастлива. Все мы будем счастливы, главное думать, что делаем. И чтоб другие... палки в колеса не ставили.

— Надеюсь, — тихо, несмело. — Ну что... завтра по вас приеду? С утра там... или к обеду, когда проснетесь?

— А сегодня? — сжалось от волнения мое сердце.

— Ну так... собраться же там надо. Или что? Да и потом, — замялся, — может, всё-таки одумается.

— Да что там нам собирать? Пару тряпок? — невольно перебила, но тотчас осеклась: резко заткнулась.

— Вернется вдруг, — продолжил. — Опять тут... истерика, сопли будут. Не знаю. А так до завтра, а там уже более-менее уже видно будет.

— Ну да, конечно. Ты прав. Как считаешь, так и сделаем, — сгорая от стыда (из-за своей необдуманности, и что лезу со своими чувствами, невольно игнорируя их ситуацию), лихорадочно протарахтела.

Колкая, полная неловкости тишина пролегла между нами.

Не знаю ни что сказать, ни что сделать.

— Чего молчишь? — вдруг отозвался Федя. — Обиделась, что ли?

— Да нет, конечно! — и снова излишне спешно. — Всё нормально. Я всё понимаю. Ты прав. Мы подождем.

И вновь режущее безмолвие.

И не прощается, главное. А самой инициировать — нет сил... от него оторваться.

— Два часа вам хватит? — громом.

— А... д-да, — заикнулась я от взрыва счастья. — К-конечно. Хватит! Что нам там собирать?!

— Ну хорошо, — уже как-то более просветленно, с нотками радости в голосе. — Сейчас машину найду — и приеду. Ну... только... это... Если придёт... то она останется.

— Ну да, конечно! — всплеском удивления. — Я буду ей безумно рада!

— Люблю тебя, Вань. Ладно, давай, — торопливо добавил, откровенно замаявшись от смущения. — Скоро буду. Ждите.

* * *

— Там универсал: шмотки влезут, а если мебель какая — то уже завтра грузовую соображу, а то не было ничего такого, — лихорадочно затараторил мой Федька, едва переступил порог. Беглый взор по пакетам, что буквально весь вход-выход заложили в коридоре.

— Да какая мебель? — смущенно улыбаюсь я. — Откуда она у нас? Это всё здешнее, хозяйское.

— Ну и отлично.

За поклажу — да вниз.

— И что... прям насовсем? — не сдержалась от издевки пытливая ворона (всё та же «закрывальщица огурцов»).

— Жизнь покажет, — не без скрытой злобы, язвы ответила я ей. — Иди, зай, — метнула

взор на дверь, обронив слова сыну. — Дядю Федю догоняй.

— А я думала, «папу», — не отстаёт заноза.

— Всему свое время, — нервно гаркнула. Уставила гневный взгляд на женщину. — Лидия Константиновна, Вам что... больше нечем заняться?

— Ну так как... такой момент! Кажется, всё: вовек мы вместе эту рутину ложками будем поедать. Ан нет. Хотя ж, кто его знает, что будет завтра.

— А завтра будет завтра. И для каждого оно будет свое. И не будем загадывать и каркать. Лучше бы чего доброго пожелали.

— Да я что? — возмущенно. — Разве я зла вам желаю?

Опустила сконфужено я глаза. Сдержано:

— До свидания. Всех благ.

Схватила оставшиеся пакеты (пусть едва не роняя) — и мигом на лестничную площадку.

— Ого! Куда это ты столько?! — сквозь смех навстречу мне мой Рогожин. Потянулся — забрал половину (что потяжелее).

— Да так. Поскорее бы отсюда, — тихим, едва различимым шепотом, чтоб та змеюка не услышала. — Надоело всё. Особенно, когда нос суют туда, куда не просят.

— А ну это да... Хлебом не корми, дай чужие кости перемыть.

— Перемолоть, скорее. Из зависти. Своей личной жизни нет — так надо и чужую перековырять да, по возможности, испортить.

— Не боись, — уставил на мгновение на меня взгляд, придерживая входную дверь, давая возможность выйти на улицу. — Не дождутся: всё у нас будет хорошо. Хотя бы... назло им.

* * *

Стоит ли описывать восторг Феде Младшего, когда мало того, что «личный» ждал нас туалет и «личные» ванная с кухней, так еще и... своя (!) собственная (!) у него комната появилась (будто во времена Серебровы было иначе). Да уж, не зря говорят, что стоит лишь всё потерять, чтоб понять цену всему тому, что было. Тому, что есть. Облюбовывал каждый уголок, каждый ящичек шкафа, тумб и письменного стола. Каждый миллиметр «личной крепости».

— Так, там есть немного то, что вчера ты готовила. Может, погреть? Будете?

— Да мы наелись, спасибо, — сгорая от счастья, улыбаюсь своему заботливому «мужу». Настоящему мужу, а не... «одно название», «мистер-штамп», как было с Леонидом.

— Ну тогда что... может, мультики посмотрим? Там «DVD» есть, и диски от предыдущих жильцов остались. Пару комедий и детское что-то. Как ты на это смотришь, Федь? — вполне серьезно отозвался, вперил взгляд в ребенка Рогожин.

— Мутики! Мутики! Мутики!

— Ну... кто бы сомневался, — добродушно съязвила я. — Только, может, купаться и спать?!

— Мутики!

— Ну... «мутики», так «мутики».

Разлеглись в нашей (большей) комнате на диване и уткнулись в экран.

— Машинки или про пиратов? — и снова искренний интерес к малышу Феде.

— Бибика! Бибика!

— Машинки, — любезно «перевожу» я.

* * *

— Может, к себе, спать? Вон, глаза уже слипаются, — улыбаюсь своему сынишке, что уже руку успел мне отлежать. Погладила я по голове, поцелуй в макушку.

— Не, бибика... — едва слышно. Силится, тужится смотреть, несчастный.

Метнула я взгляд на Рогожина. Смотрит, строит вид, что занят сюжетом, а мысли все равно явно где-то далеко летают. Напряжение чувствуется. Душа на разрыв. Его. Моя.

— Федь, — несмело воззвала.

— А? — не сразу, но откликнулся. Уставил взор мне в лицо.

— Не переживай. Всё у Нее хорошо. Вот увидишь. Да и потом, раз до сих пор не приехала — значит, помирились. И всё уже отлично.

— Да, — скривился. Тотчас отвернулся, пряча неловкость, стыд. — Не бери в голову. То я так.

— Завтра позвонишь, если хочешь. Убедишься, а сейчас... может, спать?

— А Малой? — метнул взгляд на ребенка.

Да и так уже слышу привычное сопение. Но вторю взором: сдался — потух мой огонек, дабы набраться сил завтра загореться с новой, удвоенной силой.

— Перенести? — шепнул взволнованно, уставившись на меня.

— Ну... если можешь, буду рада помощи, — смущенно.

На руки ловко, что даже я не ожидала, — и в комнату.

Едва закрылась дверь, как в момент ко мне — схватил в объятия Рогожин и прибил к стене.

Шальной поцелуй в уста украдкой. Жаркой дорожкой по шее, спускаясь к ключице. Дрогнула в его хватке, попытка остановить:

— Может, я в ванную?

— Потом, Ванюш. Потом, — едва осознанным шепотом.

В нашу комнату — и, на автомате провернув барашек замка, силой, велением моего захватчика оказалась я уже на диване. Живо стащил каждый с себя вещи. Усадил Федор меня на себя сверху. И снова аляповатый поцелуй в губы. Миг — и ощутила его всего. Всё то, что так долго жаждало тело. О чем мечтала душа.

Плавные движения смела резвость, сладкая грубость. Попытка утолить голод, что зияющей дырой разросся в нас за эти дни.

Но едва только разум отступил, давая свободу туманам удовольствия, как тотчас шорох, шум за дверью. Дернулась я в испуге. Силой пытаюсь остановить сей скорый поезд сумасбродства. Нехотя поддался и Рогожин.

— Что?

Да вместо моих слов раздался тихий плач ответом, временами перебиваясь жалобным:

— Мама! Мама!

Шумный вздох, комкая в себе невольные ругательства. Нет, не на ребенка. На себя — что в голове отнюдь не материнские сейчас мысли.

Отстраниться, мигом надеть на себя белье, футболку — завторил мне и Федька.

Открыть дверь — схватить на руки малыша.

— Зай, что случилось? Чего не спишь?

— Мне стласно! Там бабай!

— Да нет там никакого бабая, — горестно, с нотками раздражения. — Пойдем, посмотрим, — но едва я на порог с Федей Младшим, как в момент отозвался и Старший:

— Да куда ты? Тут укладывай. Че уж мучиться? И его мучить.

— А... ам, — замялась я (сколько жили вместе с Серебровым — никогда тот не разрешал, чтоб ребенок находился ночью вместе со взрослыми: причем не только в кровати, но и в комнате. Это я могла пойти в детскую, но уж никак не наоборот. Даже просто «приспать» — и тоже беспрекословное табу). — Ну, если ты не против, — пожалала растеряно плечами.

— А чего я буду против? — удивленно. — Диван большой. Это не то, что там... у вас, полуторка.

* * *

— Федь, — несмело позвала я, видя, что ребенок окончательно уснул.

— А? Что? — дернулся, приподнялся в постели. Испуганный, заспанный взор на меня.

— Может, в ванную?

— Зачем? — нахмурился.

— Ну... Федя спит... — многозначительно повела я, смущенно пряча взгляд.

— А, — живо спохватился с дивана. — Да, конечно. Если такое... щедрое предложение, — тихо рассмеялся.

— Дурак ты, — обиженно. Но ведусь. Вторю ему.

И снова дверь на замок.

Едва я только за порог, да не успела и воду открыть, как тотчас уже у меня за спиной оказался Рогожин, не дал даже лицом к нему обернуться.

Мигом ухватил за бедра — и подал на себя — покорилаь.

Уперлась руками в стену, невольно периодами скользя. Но секунды — и уже всё поплыло заодно: мысли отступили, давая свободу... ощущениям. Удовольствию. Уцепилась я за раковину — и отдалась. Отдалась на суд своему Истязателю.

* * *

И снова в спальню, нашу комнату. С двух сторон от сыночка — и, счастливые, перекрестив ноги (чтоб хоть так друг друга ощущать), уснули.

* * *

Доброе. Действительно, впервые за сколько лет... утро для всех нас оказалось добрым. Позавтракали и, по щедрому предложению Рогожина, пустились бродить вместе по городу, а затем и вовсе в парк — кататься на аттракционах и есть сладкую вату.

Позвонили Нике (едва ли не по моему требованию). Уверила та, что все хорошо. Что оба живы и здоровы. И если что случится, то клятвенно обещает, если не самой приехать, то позвонить.

И пусть Федор полностью всё еще не успокоился, но уже явно дело пошло на поправку. Пропала настороженность. Волей или неволей, а все же смог отвлечься и перестроиться на нашу с малышом волну: и уже оба Федьки стояли в очередь на «Машинки», пока я в киоске выбирала мороженое.

Часть Девятая. Финальные залпы

Глава 44. Гром и молния

* * *

Не было бы счастья, да несчастье помогло.

Так говорят? Вот и я себе это твержу, пытаюсь уговорить, что хватит рыдать, биться головой об стенку и паниковать. Самое главное, что уже не одна. Что у меня есть мой Федька... а значит, со всем справимся.

Ведь так? ТАК? Я вас спрашиваю? Ибо если нет, остановите планету — я сойду.

* * *

Несколько недель пролетело, как один день. Рутинка стала сладким сиропом — и домой я мчала теперь с утроенной скоростью. Федя же занимался своими делами, разбирая руины былой жизни после случившегося «апокалипсиса». Хотя при этом «не стыдился» и мне помогать: к примеру, почти всегда водил и забирал из сада ребенка — именно он. Да и малыш... в ответ безумно к нему привязался (чему я всё никак не могла нарадоваться). И если поначалу, конечно, все это было как-то странно и даже не по себе, то теперь — в порядке вещей. И как бы уже я... лишней не оказалась, нагло вмешивающаяся в «чисто мужские дела» или разговоры.

* * *

— Что случилось? — взволнованно обронил Рогожин, едва зашел на кухню и увидел меня, сидящую за столом и ревушую в захлеб.

— Ничего, — живо вытираю глаза и отворачиваюсь.

Резво присел у ног, опершись руками мне на колени:

— Котенок, что случилось? Скажи мне. Я помогу, чем смогу.

— Уже помог, — едва слышно буркнула и, шмыгнув носом, надула губы.

— Что такое? — тотчас переменялся его голос. — Что я не так сделал? Я обидел тебя?

— Нет, — замотала головой. Шумный выдох. — У меня задержка... Федь! — горестно, вмиг взрываясь рыданиями. Прикрыла лицо ладонями, кроя позор.

— И что? — странные ноты, (хоть и добродушный, но) смех вырвался наружу. Вдруг движение — встал. Торопливо подставил табурет вплотную к моему — и присел рядом.

Обнял, прижал к себе — уткнулась носом в шею и завывала постыдно:

— Мы только-только концы с концами начали сводить, а тут...

— И что тут? — обходительное, но не без укора. — Что «тут», Вань?

— Нет, ты пойми, — душусь всхлипами, — я очень... очень-очень хочу от тебя ребенка. Но позже бы. Когда все более-менее станет ясным.

— Лично мне и так все ясно: чуть денежек подкопим, ты с этим... развод оформишь, и мы поженимся.

— Вот именно... еще даже этого не сделали...

Но не дал тираде разразиться на полную мощь — поцелуй, семена по всему лицу, добираясь и приземляясь в губы. Ответила теплом.

— Всё у нас будет хорошо, — вкрадчиво. — Не бери глупости в голову. Не о том ты должна думать.

— А о чем, Федь?! — раздраженно. — О чем? — шепотом.

Колкая тишина — и вдруг смущенно рассмеялся. Нежным, игривым голосом на ухо:

— Ну хочешь... если всё же «да», то я... курить брошу.

Не сдержалась — рассмеялась я в ответ (не без нот горести):

— Только и мечтаю!.. — язвой.

— Ну, не хочешь — не буду.

— Будешь! — с выпадом. Поддаюсь на шалости. Мигом обвилась вокруг шеи — и прижала к себе. Нос к носу. И снова на расстоянии вдоха, желания: — Еще как будешь. А я еще начну вредничать — а ты терпеть.

— Договорились. Я по тест?

Отстранилась в удивлении:

— Может, не надо? — отчаянно, но откровенно в шутку.

— Думаешь, рассосется? — соорил серьезный вид, не мене чем я, нагло паясничая.

— Сейчас ты рассосешься, — злобно, обижено. Надула губы. — А он — нет.

— Думаешь, будет мальчик? — ехидно-радостная улыбка.

Нервно цыкнула я и закатила глаза под лоб. Отстранилась, отвернулась в сторону. Шумный вздох — и утопила лицо в ладонях, стгорая, сходя с ума уже от всего происходящего. От мыслей, что заживо глодали рассудок и душу:

— На самом деле... я не знаю, что думаю. Вернее, я даже толком не думаю. Я просто... в шоке.

— Ну... я пошел? — вдруг резво сорвался с места. Уставил на меня взгляд.

Отвечаю ему тем же:

— Куда?

— По тест, — уверенно. Вполне серьезно.

Оторопела я еще больше:

— Ты не шутишь? Ты реально сейчас пойдешь по тест? — в изумлении еще усердней, хваткой цербера, вперила в его глаза. — Сейчас же уже вечер.

— И что? Аптеки-то допоздна работают. А нет — то найду круглосуточную.

* * *

Веером раскрыл мне Рогожин несколько упаковок своей драгоценной покупки.

— И что это? Зачем так много? — округлила очи я.

— Ну, мало ли, — пожал плечами.

— А почему одинаковые? — не унимаюсь.

— Других не было, — озорная улыбка тотчас смела весь мой злой настрой.

— Ну, ладно, давай, — вырвала один тест. — Пойду... сделаю.

— Хоть бы спасибо сказала, — дружеской иронией.

— Спасибо, — язвлю. — А то жилось мне спокойно.

— Малыш, — искренне, с неким коварством. — Ты сейчас добазаришься.

— И что будет? — недоумеваю я.

— А ниче, — растянулись уста в лукавстве. — И тест больше не понадобится: там всё стабильно будет.

Нервно цыкнула, закатив глаза под лоб. Разворот — и пошагала в туалет.

Покорно поспешил за мной.

— А ты куда? — в удивлении уставилась на него.

— Ну... помогу, — заливается смущением.

— Уже помог. Спасибо, — тихим, мерным, уставшим голосом. — Дай я всё остальное сама сделаю. Хорошо? Пожалуйста, Федь.

— Только ждать будем вместе, — игриво-детское.

— Вместе, — кивнула головой и не выдержала — улыбнулась его такому забавному, теплому, нежному настрою.

* * *

Пять минут. Для кого-то откровенной паники. А для кого-то — выжидания сверх невероятного счастья. И вот оно.

— Ну? — вперил в меня испуганный взор, едва на часах стрелки стали в заветную позу.

Но мгновения моего молчания — и тотчас кинулся вбок, к столу, тормозить (видимо) другие упаковки на наличие инструкции.

— Да что «ну»? — гаркаю, осекая его. А по щекам уже побежали слезы... — Пачку свою... можешь уже выбрасывать.

* * *

Еще немного волн страха, переживаний, паники... и прошло. Не без действенного напора моего горячо любимого Рогожина. Долго, усердно и планомерно поцелуями, ласками и шальными приливами эндорфинов... будущий папашка нам с малышом втолковал, что мы любимы, желанны, и кроме нас троих (вместе с Федькой Младшим) нет ничего важнее в его жизни...

* * *

— Я хочу развод, — вперила я взор в Сереброва, что добродушно согласился принять меня у себя в офисе.

— В смысле? — едко хмыкнул, скользнув, измерив всю меня взглядом с головы до ног. Прошелся по кабинету. Замер у книжных шкафов, облокотившись на одну из полок. Вальяжно-надменная поза.

— В прямом, — серьезно, смело, дерзко я. Подошла немного ближе, но все еще на

расстоянии учтивости и страха. — Не надо мне ни твоих извинений, ни денег. Ничего. И Федьке алиментов не надо. Просто — развод.

И снова странный смех.

— А чего это я должен тебе его давать? — ядовитое. — Ты в ЗАГСе... что? Не в себе была? — оскалился в колком сарказме. Выровнялся, вытянулся во весь рост. — Невменяема? Или из-под прицела подпись ставила? Или лунатик? Ты — моя жена, — гневом. — У нас общий сын. Мы — семья, — убийственным набатом. — И я не намерен ее разрушать, — уверенно закачал головой.

А я стою, только идиотически, часто моргаю, не веря своим ушам. Глазам. Разуму. Этот человек совсем неадекватный? Или честь, гордость настолько задеты, что готов идти по головам? Причем доставляя неудобства и себе самому?

— Семья, говоришь? — выпадом я. — Ты сейчас шутишь, да? — сплевываю яд. — Какая семья? Ты ее уничтожил! Причем с самого начала. Тогда, когда насильвовал меня! С дерьмом мешал: физически и морально. Когда выгнал нас с сыном! На улицу. В холод.

— Какой холод? Весна на дворе была.

— Весна? — округлила я очи, вперив в него пронзительный взгляд. Едко хмыкнула. Закивала головой, подтверждая себе в сотый раз, что это даже не человек передо мной, не животное. А кусок... кого-то, чего-то. — Весна. Да, весна. И ты мне сейчас о каких-то ценностях говоришь? Об обещаниях напоминаешь? А ты, о всем этом вспоминал, когда ревность вместо своей горячо любимой «семьи» выбирал? Вспоминал?

— А ты чего стрелки переводишь?! — возмущенно рявкнул. — Это не я бабу чужую в наш дом привел! Это ты — зека своего притащила! Еще, небось, и в нашу постель! Это этот же, да? Первый тебя продырявил. О котором ты всё мне вещала в брачную ночь. Это он тебя... р*ком к звездам поставил? — желчный смех.

Обмерла я в шоке, прибитая окончательно гнилью сего существа. Как я еще могла ложиться в одну кровать с этим дерьмом? Всё это терпеть? Как?

Словно пелена рухнула — и искренняя ненависть так и полилась к этому несуразному «явлению»:

— Не твое дело.

— Ну да! Конечно, не мое! — саркастическое. — Кто ж я теперь? Когда такое счастье-то вышло! Так только: покаталась! Пожила на моей шее!

— Да что ты из себя жертву-то корчишь?! Ты ж сам признавался, что со мной только из-за денег! Если бы не папины связи и достаток, нафиг я бы тебе не нужна была!

— Да, но только он оказался такой же с*кой, как и ты! А потому ни нормальной жены, ни побочной пользы!

— Я тебе сына родила!

— Сына? — ехидное. Замер вдруг, перебирая мысли, а затем вдруг закивал: — Родила... только такого же ушлепка, как и сама. Как и весь ваш род!

Хмыкнула невольно, уже окончательно... просто готова взорваться от неадекватности и низменности этой твари.

— Ну так в чем проблема? — смеюсь, лишь бы не завьить от безысходности. — Дай развод — и мы уйдем из твоей жизни навсегда. И я еще раз повторюсь: не надо нам ни твоих денег, ни извинений.

— А мне это кто всё даст? Кто вернет? Время, силы, нервы?

Обмерла я, припиленная вконец услышанным. Не дышу, дико таращу очи:

— Ты серьезно?

— Да, — искренне, уверенно. — Не дам. Не дам развод, из принципа.

— Я в суд подам, — тихое, робкое.

— Подавай, — ехидное, сквозь улыбку. — Есть деньги — подавай. Посмотрим, кто из нас более «подкованный». А, недо-юрист, — подмигнул, вконец обливая меня помоями. Прошелся к столу.

Обмерла я, перебирая ошметки рассуждений, чувств. Воспоминаний. И вдруг... сама не поняла, как выдала.

Тихий, колкий смех:

— Всё-таки зря.

Резво обернулся Серебров. Пристальный, выжидающий взгляд на меня, пытаюсь забраться в мысли врага.

— Что?! — грубое, с опаской. Шаг его ближе.

Не сбавляя обороты цинизма. Я:

— Да ничего, — улыбаюсь надменно. Тихо, спокойно: — Будь моя воля... я бы в твою сторону... никогда бы даже не посмотрела. А не то, чтобы... замуж пойти, ребенка родить. Я дерьмо? — требовательный, смелый взор в глаза этому ублюдку. Отвечает тем же. — Да, я — дерьмо. Хорошо, согласна, — кислотной иронией. — Вот только я хоть кому-то нужна. А вот ты, «дорогой мой», никому: ни своим родителям, ни нам с сыном. Да и друзья у тебя — та еще сомнительная пьянь: товарищи по бутылке да гулькам. Зря я тебя ненавидела. Мне тебя жаль. Ты — старый, нудный, заносчивый... ограниченный, жадный человек. Как ты там говорил? Шлюхи тебя и то больше хотят?..

Резвый удар, с лязгом пощечина, разбивая на осколки реальность. Зазвенело в ушах.

— До встречи в суде, с*ка.

Через каких-то своих старых знакомых нашел хорошего адвоката Рогожин. И вот оно, заседание. Я думала, что просто сойду с ума. Как кипел Серебров! Как его бомбило! Просто жуть. Ревность так и перла изо всех щелей, исходясь зловонием подбитой гордости. Федька же (Старший) напротив — держался хладнокровно, с откровенным цинизмом, что даже меня порой заражал своим «спокойствием», а где накачивала паника — тотчас любовь, ласка и поцелуи сразу возвращали всё на круги своя.

— Подумай о нашем будущем малыше, — сладким, нежным шепотом мне на ухо. — Не нервничай. Эта скотина ничего этого не заслуживает. Разведут вас — и все пройдет. Забудешь, как страшный сон.

— А Федька? — испуганно.

— А что Федька? Он наш пацан. И пусть даже не мылится — не отдадим. Да и... судья — не дура. Видит, к кому больше ребенок тянется, кто о нем сколько времени заботился. Да и после того случая, как он вас выгнал на голод и холод без копейки за душой, нет у него шансов. Просто — НЕТ.

Нет — то нет. Но... это травоядное явно, откровенно мне дало понять, что оно, он начал войну — и никого уже не пожалеет. Никого не пощадит. Даже собственного сына.

А там и вовсе нечто диковинное, жуткое случилось.

Я была на работе: дела, заботы. Голова забита черти чем — и вдруг. На пороге — явка неожиданного гостя-налетчика.

Ошалела, оторопела я, забыв даже как дышать.

Цветы, коробка конфет. Подарок в блестящей упаковке — плоское, большое (как бы не ювелирка какая).

— Что ты здесь забыл? — бешеным гневом, едва хоть немного пришла в себя. Метнула на меня испуганный взор моя коллега. Спешные шаги — и скрылась учтиво за дверь. — ТЫ. что. здесь. забыл?! — мерно, ядом давясь, зарычала я, исходясь уже от ужаса. Страх. Конечности охватил лихорадочный пляс. По телу прошелся цепенящий мороз.

Что бы этот демон не задумал, я не дам сие воплотить: ни подвода для ревности Рогожин не получит, ни повод для радости этот мерзкий гад, Серебров, не обретет.

— ЧТО ТЕБЕ НАДО?! — бешено выпучив на него очи, повтором рявкнула я. Руки сжались в кулаки. Готова уже кинуться — и собственными руками удушить это исчадие ада, что вот так резво задумало испоганить мой рай, разрушить мою настоящую семью, идиллию.

— Поговорить, — милая, добрая, лживая улыбка.

— Мне не о чем с тобой разговаривать! И веник свой забирай! — махнула рукой, прогоняя. — Вместе со своим хламом! Ничего мне от тебя не надо! И Федьке не надо! Умер ты для нас! УМЕР! И не родившись.

Оскалилась, словно дикий зверь. Вот-вот кинусь, вопьюсь в глотку.

— Ванессочка, ты чего? — пожал плечами. — Зай, я просто поговорить хочу.

— Нет меня для тебя! Все разговоры в суде! ЯСНО?!

— Малыш, ну...

Полосонул словом по душе, резанул по ушам.

— Не была я для тебя никогда «малышом» и не буду! И не надо мне тут... свои дифирамбы заливать! НЕ НАДО! — откровенно дерзко, грубо. Унижая, добивая собеседника. — Пока я тут всё не облевала!

— Что ты несёшь?! За языком следи, а?! — резкое, разъяренное в ответ. Наконец-то искреннее. Правдивое. Настоящее. — Ты посмотри, в кого ты превратилась? С тобой человек пришел поговорить. Душу, может, открыть. А ты? Что собака с цепи сорвалась.

— Да, я собака. И что? ЧТО? А про твое «может» — это ты прав. Действительно. Ибо не было такого, и никогда не будет! Даже ты сам, нагло заливая мне в уши, не веришь себе! Не веришь, что это когда-либо будет возможным! Да и не надо оно! Слишком поздно! Если вообще когда-то было впору! Так что забирай — и уходи! — кивнула на его подачки. — Увидимся на заседании!

— Да уж... хорошо на тебя твой зек влияет. А что будет потом? А с нашим сыном? Ты хоть еще помнишь, что он у тебя есть? Или вы там, прям при нем... тр*хаетесь?

— А тебе бы только знать, как я с ним сплю. Не твое дело! И Федьку не трогай! Мы его любим и тебе не отдадим! Это — наш сын!

— Вот родишь ему, — едко, — и будет ваш. А это — МОЙ. ПОНЯЛА? — не менее дерзостно, нежели «гопник» из подворотни.

— И рожу. Не переживай. Скоро — рожу.

Гневом, выстрелом. Добивая жертву.

Видела. Всё видела: выбросил букет и конфеты в ближайшую мусорку, а вот подарок забрал: конечно, чего добру пропадать? Небось, продумал всё и чек сохранил. Сдаст — драгоценные денюжки свои вернет и пойдет обдумывать новый план... как испоганить мне жизнь. Как добить то, что не удалось сломать, разгромить, уничтожить... Надеялся, что, выгоняя меня (нас) из дома, я размозжусь и больше не поднимусь? Выжила. Назло всем вам — ВЫЖИЛА. И счастлива. Со своими двумя Федьками — я счастлива, и этого вам не отобрать.

* * *

Такого поворота событий... даже я не ожидала.

Нет, я была уверена, что Серебров не упустит возможности нагадить нам в наш «семейный пирог счастья», но чтоб... до такого опуститься — это было выше моих сил. И выше моего понимания.

Если бы не успокоительные, что мне любезно прописал гинеколог, я бы точно рехнулась.

Мама! Моя «дорогая», «горячо любимая», маман примчалась. Якобы профилактическое обследование в больнице (ежегодное), вот только в этот раз... уж слишком сложно (здоровье уже не то), тяжело морально и физически, ей так часто мотаться туда, к себе в районный город, и сюда, в областной центр, дабы сдать все анализы и пройти необходимых врачей. А потому... ТА-ДАМ! Она останется у нас с Рогожиным... ненадолго, может, на пару-тройку недель пожить. Человек, у которого за душой никаких особых затрат, столько недвижимости, которую сдает в аренду, у которого... денег мама не горюй, нет... она не может позволить себе не только снять номер в гостинице или квартиру, нанять такси или

еще что (ведь не каждый день-то ходить), вдруг решила резко сэкономить, да заодно возобновить давно утерянные родственные связи. Внука знать не знала, а то прям подарками задарила. Притащила и мне платя (на два размера меньше — за что я получила порицание, что «разжирела, как бочка» (цитата), и что пора думать, что и сколько ем). Ну а мой «сожитель» (и вновь цитата, яд в сторону Рогожина) — ее откровенно раздражал, хотя всячески терпела, рисуя вежливость и учтивость. Да только той жеманности хватало ровно настолько, что едва Федька за порог, как тотчас плотину прорывало — и такие помои оттуда лились, что даже бы бобры захлебнулись.

Я пыталась. Искренне пыталась ее игнорировать. Пыталась терпеть и понять, а после просто стала грубо обрывать, едва заводилась шарманка. Как и Федя, старалась лишний час где по улице побродить (с ребенком на детской площадке посидеть), чем возвращаться в родные пенаты. А та не спешила — ой, как не спешила обратно, домой. То еще что-то вдруг понадобилось пройти, то еще...

А затем и с Рогожиным уже даже стали цапаться. Да так жутко, что страшно становится. А Федька терпит. Сквозь зубы отвечает, но терпит. А та только — давит и давит. Добавляет, да так, что уже и я готова на нее кинуться. А Рожа — молодец: держит себя в руках. А если и передозировка — то, хлопнув дверью, просто уходит в спальню (в зал, где мы втроем, с ребенком, нынче и разместились). Телевизор на повышенную громкость — и давай тонуть в колючих мыслях, пытаюсь уснуть.

— Ты мне только правду скажи, — громом огорошил меня Рогожин, едва мы отвели Федьку в садик, и остались на улице вдвоем, без лишних свидетелей.

— Что? — испуганно шепнула я, пожившись. Чувствую жуткое, неладное.

— Это мой ребенок? Тот, которого ты сейчас носишь. Я не хочу считать, или выпытывать, — поморщился от боли. — Один раз. Один вопрос — один ответ. Только скажи правду. Прощу всё. И буду любить как родного. Но только сейчас. Соврешь — узнаю: не прощу. Никогда. И это уже будет твоя вина. Настоящая.

Обомлела я от заявленной жути. Очи округлились. Волосы зашевелились на голове.

— Ну? — откровенным требованием.

— К-конечно, твой! — взрывом. — Федька! Ты что? — еще сильнее вытаращила я на него очи. — Это что, она? Это моя мать тебе такое наплела? Или что? Та откуда ей вообще что-то обо мне знать! Я когда к ней приезжала — она меня выгнала! Федя! — отчаянно. — Помнишь, нашу встречу, когда ты ко мне приехал? Квартиру еще ограбили?

Молчит. Изучает взглядом. Жует взволнованно эмоции, мысли.

— Так вот, — поспешно продолжила я. — Это был последний раз... с ним. Он тогда... Он, — спрятала виновато, пристыжено взгляд. — В общем, он узнал... и был скандал. Черти что, в общем, творилось, — зажмурилась от страха. — И то там... не то, чтоб... И всё, сколько еще месячных после того прошло! Да и таблетки противозачаточные я после него пила! А ты... та наша встреча. Судя по подсчетам моим и гинеколога, ты как вышел из СИЗО... Тогда, в тот день, когда мы друг от друга почти целый день не отрывались! И это уже через несколько месяцев после того, как он меня выгнал. Лишь тогда я залетела. От тебя... — несмело кольнула его взглядом (чуть проще стало его выражение лица, напряжение спало, хотя все еще хмурится; боль искажает уста). — А «от тебя» я таблетки не пила. Мы и так предохранялись. А лишней перестраховки... я не делала. Ты можешь злиться на меня, — стыдливо прячу очи. — Но... в душе, на самом деле, хотела всего этого. Не так скоро, конечно, но... очень хотела. Потому... если судьба, то судьба. И так вышло.

Вдруг движение — и притянул к себе. Короткий поцелуй в губы — обнял, крепко сжал в своих объятиях.

— Я люблю. Люблю вас всех троих.

— Я знаю, Федь. Знаю, а потому безумно благодарна за все. И очень... очень я, мы, и Федька, любим тебя. Ты для нас — всё. Я никогда не стану тебя обманывать, или предавать. Честно... — обмерла, стыдясь. Резанули лезвия воспоминаний душу и плоть изнутри. — Честно, я Его так ненавидела. Сереброва, что хотела аборт от него сделать. И даже пошла. Но... в последний момент отговорили. Я очень. Очень-очень рада, что в моей жизни есть Федька, мой сынок. Но всё бы отдала, лишь бы он был бы от тебя. Да невозможно... Уж как есть... А второго, еще одного... от этого демона рожать? Нет, не смогла бы. Фу, — поморщилась. — Не напоминай. Я так рада, что вырвалась из того ада. Ты даже не представляешь, как... Он омерзителен. Он всегда был для меня омерзителен. Федечка, — силой отстраняю. Глаза в глаза. — Это твой ребенок. Однозначно твой. Я тебе клянусь.

— Не надо, — злобно. Обнял, прижал к себе обратно — невольно уткнулась носом. — Прости меня... прости, что сомневался. Что поддался на тот берд.

— Я тебя люблю. И не предам.

— Я тоже тебя люблю, Ванюш. — Шумный вздох. — Скорее бы уже вас развели, да всё то дерьмо закончилось. Забыли мы всё.

— И я этого хочу, Федь. Безумно хочу. А мать — не обращай на нее внимания. Не выгнать же ее? Я надеюсь, скоро доделает свои дела — и уедет к себе домой обратно. Она хоть и... но все же мать. Не могу я ее так — пинок под задницу.

— Да я понимаю, — рассмеялся вдруг (хоть и не без печали) Рогожин. — И ничего такого не говорю. Не прошу.

Отстранил меня от себя. Взор в очи. Ответила участием.

— Ну что? За продуктами на рынок, завезем домой, а потом — по делам: ты к себе на работу, а я — к себе?

— Давай, — радостно улыбнулась я, невольно шмыгнув носом.

Стер с моих щек слезы.

— Не расстраивайся. Я тебе верю. А то так: допилила — вот и сорвался.

* * *

Почти все, как договорились. Только если Рогожин поехал к себе в магазин (единственный, который остался и пытался все еще реанимировать), то я задержалась дома.

На кухню — и вперила в нее взгляд:

— И что это было? — грубо. Откровенно. Не церемонясь.

— Что? — округлила на меня очи мать, дожевывая бутерброд.

— Что ты лезешь в нашу жизнь? Что ты ему наплела? Зачем... зачем ты начала его убеждать, что это не его ребенок?

— Значит, все-таки беременна, — ухмыльнулась та. — Не показалось. Ну-ну, и какой срок? Леня знает?

— Да причем тут Леня?! — рявкнула я. — Он никто для меня!.. Был, есть и будет!

— Он — твой муж! А этот — так, хахаль! Чл*н, который еще чуть-чуть — и надоест. насытишься и задумаешься, с кем тебе на самом деле лучше. Хорошо. В тепле. В заботе. В

уюте — или здесь, как псина бродячая, по съемным квартирам. А дальше что вас ждет? По помойкам пойдете?!

— Уже ходили, — гневно перебиваю. — С подачи твоего горячо любимого Ленечки! С протянутой рукой! Побирались! Да и по твоей доброй воле! По вокзалам, да по чужим квартирам! Нет уж! Хватит! Я вами наелась досыта! А меня Федя — спас! От себя отказался — а меня, нас с Малым спас! Так что... НЕТ, мама! Рогожин, Федор — мой муж! А Серебров — жуткое, гадкое, ненавистное мне недоразумение! И скоро я исправлю это всё! А ребенок, которого сейчас жду, — РО-ГО-ЖИ-НА! И надо будет — еще нарожаю! Не ваше дело! Не лезьте в мою жизнь! Любишь так Ленечку?! Вон, — кивнула головой, — разведусь — выходи замуж и холь, лелей своего героя недотепанного! А меня в это дерьмо назад — не заталкивай! Хватит с меня! ХВАТИТ!

* * *

Но лучше не стало. Нет, пара дней передышки все же была. Но дальше... видимо, вновь что-то за кадром произошло. Если на меня она уже не осмеливалась давить и, как и прежде, оды петь в сторону Сереброва, то там... видимо, вновь случилась потасовка. И я, курица, все пропустила. А выспросить и не у кого: нет больше пытливых ушей Клавдии или Лиды. А Федьку... хоть клещами пытай — не сознается.

Стал задерживаться на работе Рогожин. А то... и вовсе пару раз не пришел ночевать. Сказал, что много документов и товар новый завезли, мелочевки, — невпроворот работы. Останется спать в офисе, дабы до открытия успеть.

Верю, конечно, верю своему любимому, но...

Змея, змея не без помощи радетельной все той же моей матери, стала душу язвить.

— Ну-ну, недолго музыка играла: небось, из-за беременности врач запретила интим, да? — кивнула на меня моя личная кара в лице прямой родственницы. — Сбежал кобель? На стороне нашел более сговорчивую? Но ничего, не переживай. Пройдет. Как родишь, пройдет. Все мы это проходили. Пузатые, капризные, с целой вереницей запретов и догм. Такая уж у них порода. Завоеванный трофей... больше не влечет охотника. То ли дело... нечто новое. Это гены, инстинкты. И нечего на них обижаться.

Казалось, в этот миг от ее яда... я удавлюсь.

Сдержалась. С последних сил — сдержалась.

Разворот и, лишь кинувшись за порог, скрывшись за дверями, на лестничной площадке, залилась горькими слезами.

Помчала. Стремглав... помчала.

* * *

На автовокзал — а там билет.

Ничего уже не хочу. Ничего. Да и не выдержу. Не железная я! Не железная! Обещания, человечность, понимание — само собой, но уж... без меня.

Всё это — выше моих сил. Выше, чем я могу выдержать.

— Вот, — живо влетела я на кухню (не разуваясь). Кинула ей на стол, на ее любимый журнал со сканвордами (что та сутками их разгадывала), заодно отрывая оную от ретивого дела.

— Что это? — округлила очи та. Барская манерность, сдержанность. Интеллигентка чертова. Лучше бы человечности хоть чуток, чем эта ее расписная, лживая вежливость, учтивость.

— Билет. Домой. И те деньги, которые ты мне тогда дала займы, когда с Федькой пришли просить приютить. Мне кажется, ма-ма, — откровенно язвительно на последнем слове, — тебе пора. Там уже тебя заждались.

Обмерла, затаив дыхание. Боится и моргнуть. Но минуты моей твердости в решении, велении — и сдалась:

— Так вот оно, да? Это и есть твоя благодарность матери? Помощь, когда так сильно та в том нуждается?

— Обо мне отец всю жизнь заботился, — откровенным гневом. Сегодня я с ней наравне. После всего... что она мне сделала, пыталась и нынче пытается сделать — отныне мы — наравне. И нет там уважения. — Он меня воспитал. А вот ты, что ТЫ для меня такого неоцененного сделала? Когда меня муж выгнал из дома, на порог не пустила? Это? К этому зверю назад погнала? Собственных дочь и внука бомжами по свету пустила? Так что да. Не мать ты мне. И ничем не лучше той же Аннет.

— Я тебя девять месяцев выносила! Родила! Сколько сил и здоровья угробила! А ты... — бешено.

— И то, кесаревым! Ну, хорошо. Как будешь тоже в таком же беспомощном состоянии, как и я тогда, — не бойсь, заберу к себе и буду заботиться. И не девять месяцев. А сколько придется. Я — не ты. Во мне еще есть... что-то человеческое.

Собрала. Быстро собрала все свои вещи — и с присущей ей манерой, гордо задрав нос, удалилась прочь, на прощание напомнив мне, что я «истинная дочь того травоядного, что и копейки в благодарность не оставил».

А я — я, предупредив напарницу, что и к вечеру не смогу явиться, — на остановку. В автобус — и к Феде. На работу.

К охраннику — со своими глупыми, постыдными вопросами, сгорая от волнения. И самое страшно другое. И веришь человеку, и любишь, а жуткие слова того жуткого аспида все же ударили по больному. Когда Леня гулял — мне было все равно. Хотя давно догадывалась. Давно.

А тут...

Нет. Я знаю, Федя любит меня, ради нас старается, но все же...

По крайней мере, Господи, лишь бы я не узнала. Лишь бы не узнала то, что разорвет меня, раскромсает и сердце, и душу.

— А где ж ему еще быть? — тихо, добро рассмеялся пожилой мужчина. Закрутил шаловливо свой ус и вперил в меня пристальный взгляд. — Ох, уж эти жены! Все для вас стараешься, стараешься, а как надумаете — так хоть романы пиши! И днем и ночью, сидит над накладными и договорами. Или вон, с ребятами в зале, если кто вдруг заболел или отлучиться надо. Первый раз такого хозяина вижу. Сразу понятно — работяга, от Бога быть хорошим начальником дано.

Смущенно улыбнулась я, спрятав взгляд.

— Там вон, в офисе. Идите. Обрадуется, небось. А то устал. Всё переживал, как бы вас не расстраивать. А товара, и вправду, в этот раз много пришло, а наши — едва ли не половина заболела: кондиционер, называется, починили.

* * *

— Федя... мама уехала, — выпалила я с порога, едва зашла в кабинет. Беглый взор по сторонам, изучая обстановку.

Резво оторвал взгляд от своих бумаг. Уставился на меня, наверняка, все еще не веря своим глазам, ушам.

— Возвращайся домой, — отчаянно продолжила я. — Пожалуйста...

Немая пауза, сражаясь с шоком. И вдруг взрывом. Тотчас сорвался с места, бросив ручку на стол.

— Котенок! — шаги ближе — и обнял, прижал силой к себе. Поцелуй в висок — и зарылся носом в волосы. — Вань, ты чего? — Обмерла я, наслаждаясь сладким, безумно приятным, родным ароматом, теплом. — Ну я же тебя безумно люблю. Куда я от тебя денусь? Я никуда не уходил. Просто работа. Я же объяснял!

— Пожалуйста, Федь. Нам тебя очень не хватает. Пожалуйста... — вцепилась я в его руки.

И снова колкая тишина, прокручивая, осознавая услышанное. Происходящее вокруг. Творящееся в моей голове.

Торопко отстранился. Присел на корточки — бережный, нежный поцелуй в живот. Неспешно выровнялся. Как-то странно, пугающе уставился мне в глаза. Еще мгновение изучающего взгляда — и резво, с напором, властью впился поцелуем мне в губы. Откровенная ласка — и уже сама не поняла, как оказалась у его стола. Сгреб все в сторону — и усадил меня на столешницу. Сцепились взоры.

— Родная моя. Я никогда... Слышишь? Никогда вас не брошу. И даже не думай. И не проси, — улыбнулся доброй, нежной, своей озорной улыбкой, которая с первой нашей встречи меня поработила. — Ты — моя жена. И скоро это даже на бумаге будет. А другого не надо. И не бери в голову глупости. А то, что я тут сижу... ну, всем проще, и полезнее. Я рад, что она уехала. Не скрываю, но все же... Это не значит, что я от тебя бегал. Или от Федьки. Ни в коем случае. Поняла?

Киваю головой, заливаясь улыбкой в ответ. Чувствую, как жаром заливают щеки.

— Я тебя очень люблю. И очень жду еще одного нашего малыша. Ну а пока... — вдруг

коварство блеснуло в его глазах. Обмерла я в непонимании. — Можно попрактиковаться, на будущее, чтоб не забыли, как оно делается.

— Забудет он! — рассмеялась невольно, на нервах звонко.

Отстранилась, подалась спиной немного назад — удержал. Силой притиснул к себе обратно. Сжал в сладких объятиях. Губы к губам. Сердце к сердцу.

Ловкие движения, жгучая ласка, терзающая жажда — и стала его. Вновь стала его... и телом, и душой.

Всё, как должно быть. Всё, как и будет.

Ночь провел дома. И даже на обед, если выпадала возможность, вновь стал заскакивать (когда я выходная). А там, там... вместо котлет, и другое, что в меню не было, нагло требовал — и искренне, счастливо "шеф-повар" исполнял заказ. Али, вернее, принимал участие, в "поедании" очередного сверх-вкусного, приятного "блюда".

(Л е о н и д)

Все на месте. И Матросов, и Буторин. Прошелся я по своему кабинету. Еще шаг — и обмер, обернувшись к этим идиотам лицом. Оперся руками на стол. Уставил поочередно на каждого взгляд:

— Ну, б***ь... что делать будем?

— А что тут поделать можно? — тотчас взъерошил перья Петюня. — Ты, с*ка, не мог сразу всё разузнать про этого Рогожина? Кто, что, где и как им подмазан? Нет? Ладно Вольский. И то, б***ь, тот еще геморрой на мою голову! Но Мира?! Это же п**дец! Без меня, ребята! — развел руки, немного попятившись. — Я на такое д*рьмо не подписываюсь! Тут как бы... сейчас сухим из воды выйти. А ты, Жора? Чего молчишь? — уставился на своего родственника.

Скривился тот. Не ответил. Лишь только отвернулся.

Рассмеялся я, давясь желчью, осознавая, каких трусливых крыс пригрел под боком.

— А еще этот, с*ка, тварь, — вдруг продолжил Буторин. — Мазуров. Обещал же! Уверял же, что все будет гладко, что у него все решено с этим, с этой... конской **лупой. Что этот х*р не впишется. Ан нет! Выкуси! И что теперь? Сам смылся, — захохотал цинично, — а вы, б***ь, идиоты, расхлебывайте, так?

— Да что ты про прошлое всё ноешь?! Там всё шито-крыто. Про будущее надо думать. Как дожать этого щенка.

— Какое дожать?! КАКОЕ ДОЖАТЬ? Ты вообще о чем? Ты в своем уме?! БЕЗ МЕ-НЯ!.. Без меня, ребята! Я уже всё сказал. А про «шито-крыто»: ты не загоняйся. Расслабился он раньше времени. Ну-ну. Твоя хоть и дура, но знала на кого ставку делать. Как бы не догадалась, кто за всем этим стоит, и не сдала нас. А то нам, в отличии от ЭТОГО, — кивнул вбок головой, — бежать некуда. И все наши связи сюда сходятся, — ткнул пальцем на пол. — Да и родственники наши с Матросовым, как и твой папаня, — не всеильны. Да и на *** оно им надо? Рисковать своей головой ради нас, долбо**ов: сами зал*пнулись — значит, и нам отвечать.

Колкие мгновения тишины. Режущие, убийственные размышления.

Сдался. Сдался я.

Шумный вдох. Выровнялся, отвернулся к окну. Неуверенным в истинности произносимого, но приказным тоном:

— Да не сдаст! — Немного помолчав: — Если сами не засветимся, то никто ничего не просечет. И вообще, не *** ссать — мы тоже не пальцем деланы. Если что, ребят из столицы подключу. На каждого царя — есть свой палач. А я этой с*ке... ничего не спущу. Как она меня в грязь, так и я ее, вместе с ее е**рем, — по стене размажу.

(В а н е с с а)

— Простите, — обратилась я к воспитательнице, разувшись и пройдя уже в самую группу. Заглянула в санузел. — А я Федю своего что-то не вижу. С ним что-то случилось, он у медсестры, или где? — сердце загрохотало исступленно, предчувствуя беду.

И вот оно — гром и молния в одночасье:

— Так его папа забрал. Серебров Леонид. Он даже паспорт показал. Сказал, что вы просили...

* * *

Даже не поняла, как вылетела на улицу. Лихорадочные движения, пляс пальцев по кнопкам серебристой «раскладушки» — и дико, отчаянно завопила в трубку:

— Он его забрал! Забрал! Понимаешь?! Забрал!!!

— Кто? Кого? — ошарашено вмиг перебил меня Рогожин.

— Серебров. Федьку моего. Забрал!

* * *

— Котенок, пожалуйста, успокойся, — отчаянно сжимал мои руки в своих ладонях Рожа. Пристальный, молящий взор в лицо. — Мы его найдем. Непременно найдем. Да и не сделает Он ему ничего. Это его сын. Потому зверствовать не станет.

В момент вперила в Федю я взгляд:

— Он меня ненавидит. Он ко мне мириться приходил — а его откровенно послала. Унизил, как и он нас всегда унижал. Вот и мстит. Это — дикий, больной на всю голову, зверь. В нем ничего святого! Федя! ФЕДЯ, ЧТО ДЕЛАТЬ?!

— Успокойся, Малыш. Потерпи. Сейчас милиция приедет — и со всем разберется. Найдем мы его. А обувь где твоя? — нахмурился. Взор по сторонам.

— А? — вторю ему невольно, смотрю на свои ноги, что в одних лишь носках. Поджала стыдливо под лавочку ступни. Виновато спрятала очи, скривившись. — Не знаю.

— Да в группе. Вроде, это ваше, не наше, — кисло улыбнулась Воспитательница, что учтиво все это время находилась рядом со мной (пока за малышами няня присматривала), дабы вместе дождаться того, кто иной сможет за мной проследить и помочь, если что. Если мне еще хуже станет.

* * *

— Ну... это же отец, — развел руки в стороны прибывший участковый. — Что можем сделать? Он же не лишен родительских прав?

— Нет, — отчаянно качая головой, хриплю. — Но он нас выгнал, понимаете? — вперила пронзающий взгляд в мужчину. — Выгнал, на улицу, без копейки. Вещи за двери — и знать не знает. Отказался, а теперь... теперь просто пришел и забрал его. Он украл его. Из мести. УКРАЛ! И неизвестно, что ждет теперь ребенка. Он ему не надо. Никогда не был

нужен. И сейчас ни к чему, кроме как сделать мне больно.

— Ну, это понятно, — скривился, отвернувшись в сторону. — Но вы... попытайтесь снова к нему дозвониться, или к его родственникам. Хотя бы просто поговорить.

— Да я пыталась! ПЫТАЛАСЬ! Вон все докажут! И ни с одного номера уже набирали — не берет. Он объявил войну. Только жертва здесь не я! Не только я...

* * *

Чем больше на часах наматывали круги стрелки, а за окном нашей квартиры темнело — тем сильнее начинало меня трясти. Тянул уже внизу живот. В голове — сплошной дурман. Задыхаюсь.

— Малыш, я тебя умоляю. Ради нашего будущего ребенка: успокойся! Потерпи! Его ищут!

— Он его забрал! А они отказались помогать! — реву взхлеб, давясь кислородом, будто разъедающим изнутри всю меня газом.

— Я понимаю, Ванечка, — сильнее прижимает меня к себе. — Но я уже своих подтянул. Там не взять буквой закона — другими путями надавим. Малыш, котенок, очень прошу, успокойся.

— Я не могу! Я не могу! Он у него! Он его забрал! Забрал моего Федю! Понимаешь?! — вонзила убийственный взгляд, моля докричаться хоть до кого-то.

— Понимаю, солнышко. Понимаю.

* * *

— Ванечка, пусть тебя доктор осмотрит? — несмело, ласково прошептал Рогожин, присев на корточки напротив меня.

— А? — нервно дернулась я от него, вырываясь из плена шальных мыслей, что и как может произойти дальше. Куда тот мог его увезти. И когда, через сколько лет, и смогу ли вообще... я увидеть своего сына. Сына, которому душу в свое время отдала. Который, как оказалось, для меня значит гораздо больше, чем могу и могла себе вообразить.

— Тетя укольчик сделает — и тебе легче станет.

— Не надо, — силой оттолкнула от себя Федора. — Я беременна! Мне нельзя! — дико вытаращила я очи.

— Она знает. Она в курсе, — как ребенку, причитает, разжевывает мой благодетель. — Просто даст успокоительное.

— Я не хочу, не хочу спать! — задергалась в ужасе на месте, давясь изумлением.

— Да никто не уснет! — раздался внезапно чужой, колкий женский голос. — Просто чуть-чуть расслабитесь. А то так и до выкидыша недалеко. Вы на себя посмотрите — вас всю трясет.

* * *

Поддаться уговорам — и снова затеряться в сдержанной панике и ужасе. Сгорала. Я заживо сгорала от ужаса и откровенного психоза. Рехнусь. Если не уже, то скоро... точно рехнусь: ОН ЕГО ЗАБРАЛ.

— Ванесса, Ваня! — неожиданно позвал меня кто-то незнакомый. Навести фокус и уставиться в странное, пугающее своим видом, и пусть даже с доброй улыбкой на устах, лицо. Золотые коронки зубов в довершение рождали во мне еще больший ком тревоги. — Ты меня слышишь?

Молча, несмело кивнула я головой.

— Мы ищем. Его, их — ищем. Но будет быстрее, если дашь наводки. По адресам — малыша нет.

Очередной волной слезы тотчас хлынули из глаз.

Вдруг движение — и присел рядом, обнял меня мужчина, прижал к себе, сдавив в своей дюжей, цепкой хватке.

— Дочка, успокойся. Все будет хорошо. У меня... твоего возраста — шпендик тот еще. Тоже... любовь-морковь, а потом — прибегает. Вся соплях и слезах: «Папа, папа! Он их забрал». Так двое детей. Близняшки. И ниче — нашли. И даже этого вон, перевоспитали. А «твой» — не тронет он Малого. И потому что сын его, да и так: знаю я этого Сереброва.

В ужасе провернулась, вперила взгляд в незнакомца — до неприличия близко вышло, но ни я, ни он не отстраняемся.

— Ну так, — ехидная улыбка. — Земля — шарик маленький. Да и город — не так, чтобы Москва. Хотя и там — «деревня». На одном конце мотылек пукнул — а на втором уже все обо всем знают. Так что найдем. Не переживай. Лучше этого побереги. А то такой же, — вдруг разворот и залился иронической ухмылкой; вторю ему — взор на Федора, — нервный вырастет, как и папаня его. Хватит нам и одного Рожи... Пусть лучше будет здоровее да умнее. А ты думай, — и снова взгляд обрушил на меня — виновато опустила голову. — Куда мог увезти? Может, загородный дом какой, дача? Санаторий, где друзья, и можно втихую, без прописки. Не оставляя следов.

— Матросов, друг.

— Да этого... — раздраженно скривился, — сразу проверили. И родственника его, да прочую шелуху.

— Дача, — будто молнией меня пронзила мысль. Уставилась на мужчину вновь. — У его родителей есть за городом дача. Она не на них, на друзей записана — всё семейство там часто отдыхает. И даже Федьку возили.

— Адрес знаешь, покажешь?

— Адрес знаю, но не покажу. Я туда ни разу не ездила, — взволнованно.

— Ну хоть что-то, — закивал головой.

— Ладно, Вольский, — вдруг рявкнул Рогожин и подошел к нам ближе. — Харе обнимать мою жену. Дача, так дача. Поехали.

— Можно я с вами? — отчаянно я.

— Ну, а куда ж ты денешься? — улыбнулся мужчина.

* * *

Не успел я зайти в дом, разуться, не успел даже справиться у няньки, как обстоят дела (что там ребенок), как вдруг следом — звонок.

Настороженные шаги ближе. Не менее настороженный взгляд в глазок — побелел я от ужаса.

И снова настырное нажатие на кнопку. Следом, будто гром, заколотили в дверь.

Проверить барашек замка, дернуть на себя стальное полотно:

— А-альберт... К-константинович, — заикаясь. — К-какими судьбами? — попятился я назад.

— А то ты не знаешь... — циничное.

...

Увидел. А после и вовсе увидел в окно: и этого... ее хахаля е**чего, и саму с*ку, что около машины истерики свои устраивала — все сюда, в дом рвалась.

Шумный вздох смертника — обернулся я к гостю. Махнул рукой, приглашая:

— В кабинет?

...

— Ну, ты же понимаешь, — искренне завел Вольский, едва мы скрылись за дубовой, резной дверью. — Мне на эту вашу... «ситуацию», — повел пальцем около, — пое**ть. — Глаза в глаза со мной. Замерли посреди кабинета. Не дышу. — НО... — продолжил, — этот человечек, — кивнул на выход головой, — который со мной пришел, Федор Рогожин. Если ты еще не в курсе, то он уже родственник Мире: вон как... наш молодец за него всем *опы рвал. И вот Его уже — я расстраивать не хочу. Давай по-нормальному: отдавай пацана — и разойдемся... подобру-поздорову.

— Мне Мира не указ, — отчаянно, на грани откровенной паники.

— Да ты что? — сарказмом. — И давно? — ядовитая ухмылка.

— Я буду судиться, — сдержанно, тихо.

— Да пожалуйста, — лукавая усмешка. — Только учти... не стоит копать там, где не готов смириться с тем, что отроешь.

* * *

(В а н е с с а)

Суд.

Очередное заседание. И снова из пустого в порожнее: я от всего отказываюсь, от любого раздела имущества — всё принадлежит Сереброву, и не рассчитываю ровным счетом ни на что, вплоть до алиментов — ни копейки не надо. Как ранее говорила, так и сейчас твержу: только Федьку мне отдайте. Раз и навсегда — провести черту, за которой окажемся мы с ребенком, уйдя от семейства Серебровых строго в противоположную сторону.

И пусть уже прошло больше двух недель с того жуткого дня, когда я чуть двоих детей не потеряла, и чуть с ума не сошла, до сих пор от ужаса трясет, от одной только мысли, что в километре окажусь от этого чудовища. Монстра, который ничего и никого не щадит.

И вроде все было, как всегда, ничего нового, да только чуяло мое сердце — грянет гром. И вот оно — разразились небеса: втайне от меня, так что не только у Сереброва эта новость выбила почву из-под ног, адвокат наш с Рогожиным предоставил судье на общем собрании иные документы — тест ДНК. Тест, который четко дает понять, что с 99,9 % вероятностью

отцом Федора Леонидовича Сереброва является ни кто иной, как Рогожин Федор Романович, а не записанный в свидетельство о рождении Леонид Серебров. Да и иные факты говорят в пользу этого положения вещей: отношения между гражданкой Серебровой (до замужества — Соколовой) Ванессой и гражданином Рогожиным Федором носят долгий, неоднозначный, но откровенно выказывающий симпатию друг к другу характер (в том числе, очередная такая их (наша) встреча, вызвала разлад в семье Серебровых, отчего Леонид Владимирович и выгнал из дому в холод и голод свою законную жену и ребенка (которого, кстати, до сегодняшнего момента, искренне считал своим). И несмотря на то, что предположительно настоящий, биологический отец Маленького Федора в тот период, когда предположительно был зачат ребенок, находился под заключением, есть свидетели их публичной встречи, что, в принципе, может даже служить доказательством, по крайней мере более подтверждает, нежели исключает, последующую их встречу в более уединенной обстановке. А все тот же Рогожин Федор намерен оспаривать в судебном порядке отцовство ребенка и добиваться признания его родительских прав относительно малыша. И мы, а вернее я, Ванесса (пока все еще Сереброва), заодно требую лишения родительских прав относительно Сереброва Леонида Владимировича, что, в принципе, должно упростить и разрешить наконец-то спор и дать оформить развод между этими двумя гражданами, то бишь нами с Лёней.

— Как, Федь?! — изумленно прошептала я ему на ухо, утопая в жарких, нежных объятиях Рогожина, едва закончился весь этот ад, и мы вышли из здания суда на улицу.

— Не здесь, котенок. Не здесь...

* * *

И снова отложили дело. А адвокат взялся исполнять все, что заявил на прежнем заседании. И опять время. И опять нервы.

Прошло несколько недель. Уже и пузо мое добротнo округлилось. И отдышка вовсю. Тяжело, лень было вообще двигаться, а не то, чтоб на работу ходить. И Федя давно уже уговаривал бросить эту лихую затею, да только я не могла.

Узнала, узнала какой ценой всё это нам обошлось. Сколько денег на этот «трюк» ушло. Да мало всего этого. Мало... подтасовать результат. Самое страшное еще впереди... когда Серебров не поверит и примется с удвоенной силой и рвением перепроверять. И хоть Рогожин меня свято уверял, что всё схвачено, было до одури страшно. И жутко.

Федя всё продал, почти весь свой (еще не успевший толком возродиться) бизнес. Нет, конечно, главным управляющим в том магазине Рогожин так и остался (куда найти лучший вариант? что им, что нам), однако... уже появились «партнеры», если не сказать точнее — хозяева.

А потому — терплю. Дополнительная копейка явно лишней не будет. А там — осталось совсем немного — и уже скоро выйду в декрет. Хоть какая-никакая, да помощь. Гинеколог обещала подсобить — и на сохранение положить немного раньше, а то и так... все очень с натяжкой. Нервы, все эти суды, переживания — все сказалось на мне и на ходе беременности. И пусть Федя сдувает с меня пылинки, я-то уже... не фонтан. Тащу всё, как могу. Как получается. А получается — не очень.

Черт. Всё как-то жутко с самого утра. Живот ноет, ребенок беспокойно себя ведет. Голова гудит — наверно, опять давление.

В общем, еле добрела до работы. А там еще напарница отлучилась — стою, глажу постельное белье, грузусь всем этим. Хорошо, что Федька в обед обещал заглянуть — а значит, уже не всё так плохо.

Резко отлетела дверь — вихрем ввалился демон, дико вытаращив очи. Только и обронила я утюг на доску — попяtilась в ужасе, предчувствуя собственную смерть.

— Ты! Ты! С*ка ты ушлая! Ш*лава мерзкая! Тогда, еще тогда ты мне с ним изменила! — тычет, лихорадочно трясая, какую бумажку мне в лицо. — От этого с*киного сына ублюдка родила! И еще мне, МНЕ лапшу на уши вешала! А я! А я вас содержал! Терпел! Да я! Да я вас обоих удушю! Чтоб и следа, и места мокрого не осталось! На заборе разопну, гн*ды вы е**чие!

Резво кинулся ко мне — еще сильнее скрутилась, забила я в угол, прикрываясь машинально руками.

Окоченел, сверлит взглядом.

— Ты че, б***ь?! — бешено.

Поддаюсь, устремляю на него испуганный взгляд.

Побелел тот от прозрения:

— Реально?! Реально от него еще одну мр*зь ждешь?! Да я ж... да я ж тебя на куски сейчас порву! Заживо его достану и разорву!

И сама не поняла, как машинально кинулась вбок, смертником навстречу. Тотчас ухватила утюг и на него — отдернулся в ужасе.

— Это я! Я тебя убью! — дико завопила я, черной яростью давясь. Глаза затянуло поволокой. — Только шаг ступи — убью!

...

Влетел (как он влетел вовремя, даже спустя недели, а то и месяцы осознания всего того, что там было, — не знаю, кому молиться и кого благодарить). Влетел мой Рогожин.

Да вмиг к этому травоядному — удар в лицо, да так, что тот тотчас и грохнулся на пол. Да только уже Федьке было все равно: в сознании тот, или уже давно не в себе. Жутко, адски метелил его. И кинулась я спасать — не так ублюдка, как Рогожина, что наделает сейчас делов, подписав нам очередной приговор, да только уже не слышал, не видел — и меня раз едва не задел. Вбежали работники детсада — дворник и разнорабочий. Силой оттащили от полуживого Сереброва.

— Еще, еще раз, — задыхаясь, завопил Федя, — приблизишься к моей семье — ЧЕТВЕРТУЮ, ТВАРЬ!

Думала, сойду с ума, пока это всё закончится. И днем и ночью лила слезы со страху, что грянет момент, оборона наша падет — и по Федьку приедет милиция. Что вновь заберут. И теперь уже будет грозить реальный срок и за серьезное дело. И о да, как бы я не ненавидела эту скотину, этого «недобитка» Сереброва, я искренне за него молилась, пока тот в больнице отлеживался, ибо не хватало еще и убийства на душу Рогожина, тогда уж совсем — всё, пиши пропало.

Но... справились. Волей судьбы, или каких Святых, или еще кого, справились. Обошлось.

Конечно, подал Лёня, а вернее пытался подать (да не раз (!), как потом выяснилось, имея все медицинские освидетельствования на руках), в милицию заявление, и даже до прокуратуры дошел — да только везде ему отказывали. Боюсь даже вообразить, чего это стоило Рогожину, и чьих рук это дело. Но, как будто кто-то на небесах решил за нас вступить и, всеми ведомыми да неведомыми силами, все же отвадил беду.

С настояния Рогожина я окончательно бросила работу. И ни уговоры про больничное, ни про декрет — ничего не помогло. Мой удел было: сидеть дома, заниматься бытом и готовиться к предстоящим родам. Что, в принципе, чего кривить душой, было самым приятным для меня решением. Не люблю... Я всё то, что у меня было, не люблю. И дело даже не в конкретном виде работ. Нет, карьера — это не мое. Рогожин, Федька Младший и наш малыш, который вот-вот придет в свет, — это всё, что мне нужно. Ни больше, ни меньше.

А там и вовсе, наступил день, когда всё разрешилось.

Конечно, я дала Рогожину клятвенное обещание, что никто и никогда ни под каким предлогом (даже сам Федор Младший и Ника) не узнает, что документы поддельные, и кто же поистине биологический отец нашего первенца.

Развели нас. Поставили точку. Серебров смиренно дал на всё согласие, всё подписал. И даже судья больше ничего не требовала.

Точка.

Хромой, побитый (доведенный до реанимации в своё время), скатившийся в самый низ (не без стараний, как я поняла, все того же Вольского (что нам в свое время помогал найти и отобрать Федьку) махинации Лени с Матросовым были раскрыты — и если не уволили этих двоих (и то, только благодаря папеньке, Сереброву Владимиру, и людям из столицы), то хорошей должности лишились враз), ушел он из моей, из наших с Федьками, жизнью. Ушел, слава Богу, не оставив и весточки. Ушел навсегда.

Узнала и про проникновение со взломом в нашу квартиру: искали на Сереброва компромат, но тому повезло — не нашли. Али нашли, но придержали. Так что, вполне возможно, что этот момент его падения не без той ситуации обошелся.

Сдружилась и наша семья. Наедине, с глазу на глаз... я с Федей Младшим поговорила. Всё объяснила, как смогла: что настоящий папа его — Федор Рогожин, просто обстоятельства жизненные вынудили его жить столько лет отдельно от нас. А Леня...

Леонид Серебров — друг нашей семьи, который просто любезно заботился о нас (не стала я чернить память о нем, хотя и мало добрых слов смогла выдать), а теперь ему пора подумать о своей, собственной семье. Дабы тоже быть счастливым.

Группа крови у малыша — моя. На руках — справка ДНК. Так что даст Бог, правда так никогда и не вскроется. По крайней мере, если Федя Мл. и узнает ее, то лишь спустя года, и всё же, коль не поймет, то хотя бы простит меня. Ибо делалось всё... действительно, во благо. Знаю, что врать нехорошо. Знаю. И Рогожину это неприятно. Но с таким... демоном, как Серебров, по-моему, просто другого выхода не было, нет и не будет: ведь ни Закон, ни даже сила... не уберезет от бесчеловечности и сумасбродства этого существа, если только саму охоту не отбить.

Так что... потихоньку, а как-то да были. Все чаще и чаще стала замечать, что Федя Младший Старшего вместо дяди, нет-нет, да назовет... папой.

А там и роды подоспели — давление, гестоз так шкалил, что самой рожать и не пришлось: кесарили.

Опять весна. Только уже настоящая. И у нас появился... еще один мальчик. За имя которого... таки пришлось побороться. Рогожин Старший выступал за «Ивана», «Ваню». Эдакое семейство тезок. Ну... а я не смогла: Золотарев. Оба... брата-акробата. Это имя мне напоминало их и до жути выворачивало от стыда и отвращения. Потому — категорический отказ. Сошлись на Никите — Не́ките Младшем. Что оказалось в разы веселее и приятнее для всех нас сообща.

* * *

Конечно, была и свадьба. Буквально сразу же после оформления развода с Серебровым. ЗАГС, скромное застолье в узком кругу. Позвали Нику с ее мужем, Мироном, родителей Рогожина (а надо сказать, те были до откровенного шока и великой радости изумлены, узнав, что вот уже сколько лет по земле у них ходит «родной» внук, да и еще на носу очередное (после Ритки) пополнение). Помирились. С моего наставления — помирились: зачем воевать? От зла добра в жизни не будет. А быть такими нелюдями, как они, — я не хочу.

Правда, взамен кое-какую услугу и мне Феде пришлось оказать (но о ней позже).

Звали в гости и Мазуровых, да только те (по каким-то своим причинам не пришли; а после и вовсе Рита перестала отвечать на мои звонки). Что ж, обидно, но как есть. Каждый быть волен в своих решениях, и я не вправе их осуждать.

Со своей матерью я так и не помирилась, хотя и та не звонила. Обиделась, наверняка, что я богатенького Сереброва променяла на «обычного» Рогожина — ну и плевать. Как ей на меня, так и мне — на нее. Как говорится, взаимно.

С Никой очень сдружились. В принципе, чего удивительного? Всё, как раньше... Нет, частить со встречами мы особо не частили. Все же, как не пытался Федька, а принять ее выбор относительно мужа так и не смог. И пусть откровенных перепалок не случилось, но вечно сычами друг на друга смотрели (и до сих пор смотрят)...

Наверно, так оно всегда бывает, когда встречаются два «сверх упрямых» лидера на одной территории. Когда характеры сильные, взрывоопасные сталкиваются... Кому-то от этого, а вернее, всем, да будет жарко.

Но если вдруг что — то совет или дельная помощь всегда от Рожиной Старшей в нашу сторону прилетала. Не чуралась доброты в их сторону и я, особенно когда и у них дети пошли: с радостью делилась опытом и помогала нянчить (когда тем надо было отлучиться, а надолго с кем-то другим (пусть и профессионалом) оставлять — (ни сам Мира, ни Ника) не хотели — боялись: не доверяли чужим).

Наладилось у Феди и с магазинами. Не сразу, конечно, но наладилось. Не один год, правда, прошел. Свой старый бизнес вконец продал «партнерам», а на вырученные деньги (плюс, от старых успехов дотация пришла, да кредит на шею себе повесили) — открыл новый, иной (но смежной) направленности. Так что живем пока, не кашляем. И даже ипотеку вдобавок взяли. А так как у нас двое деток — то материнский капитал нам выплатили, что уже хорошо — скорее с долгами распрощаемся.

В общем, как-то да будет. Главное — быть вместе и никогда не отчаиваться.

Б о н у с ы . ф и н а л а

* * *

(на момент конца 46 главы и начала эпилога)

(Ф е д о р)

Не ожидал. Кого-кого, а у себя на пороге офиса, его так точно не ожидал. Мира. Собственной персоной. И без пригласительного.

Резвые шаги навстречу, заливаясь, как всегда, своей долбо**ческой ухмылкой, и вдруг кинул мне бумажный крупный сверток на стол.

— И, что это? — кивнул я ему вместо «привет».

— Твое.

Беглый взор по презенту — и снова я впери́л взгляд в эту скотину:

— Что это? — гневно, не притрагиваясь.

— Мазуровские отступные. Твоя доля.

— Мне ни х** от него не надо, понял?! — резво, доходчиво. Чекая слова.

— А это моя земля, понял? — дерзкое, ядовитое. — И здесь я буду решать, кто что кому должен, и кто что когда получит. Тому х** хватит, что у него осталось, чтоб выполнять свои обязательства. А это — твое по праву, заработал. И не*** тут девочку-целочку включать. О чести и гордости мне впаривать. Дали — БЕРИ.

— Мне... НЕ НУЖНО.

— Да? — саркастическое. — А им?

— Кому? — уступаю, веду дальнейший диалог.

— Да той... про которую ты даже Нике ничего не сказал. И про детей «ваших». Слышал, беременна.

— Только приблизься к ней! — бешено, вмиг сорвался с места. С последних сил держусь, чтоб не кинутся на этого с*киного сына.

— Остынь! Федор, — едкое, паясничая. — Мы ж теперь родственники. К чему... война? — колкая, лживая ухмылка.

— Не родственник ты мне. И никогда им не будешь, — гневное, но уже более сдержанное.

— Как хочешь, — лукаво прищурился.

— Обидишь Нику или Ваню — урою.

— Да пожалуйста! Буду рад, — с*ка, мергидная улыбка. — А деньги возьми. Не себе. Малым — они-то... вряд ли, как ты, одной твоей идеологией, гордыней будут сыты. Да и хотя бы... для науки: чтоб таким, как Мазуров, неповадно было. И про Вольского не переживай — не сдаст никому твою тайну. Мне слово дал.

— Слушай, — резво; с гневом прищурился, вцепился я в этого гада взглядом. — А давай, — едкое. — Реально, давай заключим сделку. — Заухмылялся лживо я, кроя эмоции. Молчит, выжидает тот. А потому продолжил я: — Ты не лезешь в мою семью, а я — не лезу в твою. По рукам? — протянул ладонь ублюдку.

— По рукам, — и хоть с иронией, да не без искренности. Правдивая, довольная улыбка. Ответил участием. — Но деньги — не заберу. Ради Ники — не заберу. Моя бы воля — я бы и кожу с него заживо содрал. Но нет, ваша Риточка постаралась. Так что хватит мне тут... святых корчить. Крыс надо наказывать. Показательно. Особенно, когда они родственники.

* * *

(в дополнение к эпилогу)

(В а н е с с а)

Узнала позже и о Ритке. Оказывается, она на меня злилась за то, что Рогожин якобы лишил ее части средств. И то... тех, что, на самом деле, обманным путем в свое время прикарманил ее муженек. Да-да, тот самый! Старый партнер и друг в одном лице, а нынче наш враг — Мазуров. А ведь это он подставил Федю (спевшись с Серебровым и прочей «Ко»)...

Но после, как Рожина Младшая встретила очередную свою «любоф», проще стало. «Прошло». Другим она заморочилась. Говорят, Валентина даже домой перестала пускать. А там и вовсе ее любовник к ней переехал. «Валик» пропал. Причем жена даже не особо переживала на этот счет. Относительно этого я, конечно, в ней видела себя: как я с Серебровым обошлась. Но там же была ЛЮБОВЬ! И... не знаю, даже не смотря на всю жестокость Лёни, никогда бы... не пожелала ему такой участи. Выселить, отобрать всё. Чужого привести в дом — и как так и надо. Нет. Уж лучше самой уйти. Но... я — это я, а Рита — это Рита. А вскоре, вообще, новость за новостью: ребенка она деду с бабой отдала, а сама укатила за границу. С третьим (этого уже бросив). Отныне теперь у нее — «Бизнесмен». Большую часть денег «наследства» Мазура вложила Рита в его дело — линию по производству женского белья, причем официально став партнером. А что по Валентину — подала на «без вести пропавший», так что через несколько лет — ее официально признали «вдовой» и капитал окончательно закрепился за ней. На остаток она выкупила дело у своего жениха — и тоже его послала. Забрала к себе ребенка — и живет теперь, припеваючи. Хотя замуж так больше и не вышла: женихи, конечно, как перчатки менялись. И, наверняка, теперь уже они под нее подстраивались, а не наоборот. Да, сбылась мечта Рогожиной: в достатке и независима. Но счастье, счастье-то она нашла? Сомневаюсь...

Да и на вид: на языке одна ложь, на лице — камень, а не эмоции. А в глазах... А в них и того страшнее заглядывать, дабы вконец не увериться в своих словах. В своих догадках.

И об моем обещании... Федьке Старшему.

Изначально, конечно, все сынициировала я. Пока Федя Младший в садике, и пока я еще не родила, приехали. Оба мы приехали с Рогожиным на кладбище, к моему отцу. Серебров больше — никто в моей жизни, а потому в любом виде запретов нет. Да и давно не было. Все у меня моральных сил не хватало. А тут... как бы и повод организовался (перед двойным важным событием). Вот и — приехали.

Шаги, бродя на бум, попытки выудить из памяти, расспросить даже местных сторожей — и выбрели.

Вот оно. Уставила я взор на гранитный, дорогой, красивый памятник, где умелым мастером высечен портрет папы.

А все же... Аннет действительно его любит, раз так постаралась... когда уже не особо есть причины строить из себя прилежную жену. Можно было бы... куда проще — и не было бы не перед кем стыдно, но...

Шумный вдох — и как на духу, как с живым человеком:

— Я выплатила долг. Исполнила веление, как смогла. А остальное — уже не от меня зависело. Я на тебя не обижаюсь. Больше не обижаюсь. И ты... прости. Я Его люблю. И я буду с Ним, хотел, хочешь ты того... или нет. Буду. И ему буду рожать детей. Лишь только ему. Прощай.

Разворот — и пошагала прочь.

И вот тут... уже Рогожин настоял: приехали и на годовщину, и на следующий родительский день. Мол... внук должен знать свои корни, тем более что... всё уже позади.

А я, в свою очередь, настояла на том, что после рождения нашего общего ребенка — мы все вместе хоть иногда, но ездили к родителям Феде (ну, и на свадьбу пригласили, конечно). Федя был не в восторге от всего этого, да деваться было некуда. Каждый из нас понимал, что этот договор прежде всего забота друг о друге, для нас самих нужен, вот только гордость не дает о всем этом признаться вслух. Мы любим своих родителей, какими бы они не были, и каких ошибок не наделали. Точно также, как и они любят нас — вопреки всему.

А потому настал день, когда и к моей матери съездили. Познакомили с внуками. Она, конечно, рада была, да только... просила не особо частить, а то у нее «здоровье уже не то». Будет сделано.

И да. Вопреки всему и всем... я действительно счастлива. Мы счастливы. Наша большая, дружная семья: Федя, Федя, Некит и я.

(момент эпилога; до рождения Никиты)

(Ф е д о р)

— А мне, гад, и не сказал про Ваньку! — сквозь улыбку гаркнула, вперившись мне в глаза, Ника (едва мы остались одни на кухне: моя ушла Малого укладывать, а этот ее — курить на балкон). — Столько времени! И НИ РАЗУ!

— Ну... так вышло, — скривился, опустив взор.

— Но... это же... ВАНЯ! Ты же знаешь, как я к ней отношусь!

— П-просто... — невольно заикнулся я от волнения. — Мне стыдно было. — Глаза в глаза. Замер я, прожевывая эмоции: — Стыдно, что я так с Инной себя повел. — Шумный вздох. И снова опустил очи. — Что треплом оказался. Предал... Она доверилась, поверила... Любила. Всю себя отдала. А я, вместо того, чтоб жениться, другую полюбил. И с ума по ней сходил, — поморщился от неловкости. — И потом... — вновь украдкой взгляд в глаза на мгновение. — Ваня... Ваня — это... очень... очень личное, о котором... ни с кем не хочется говорить, кому-то что-то рассказывать. Ваня — это... Ваня — самое дорогое, что у меня есть в жизни. — Рассмеялся от смущения. — Прости. Я тебя люблю, Ник, но...

— Но Ваня — это Ваня.

— Как для тебя Мира? Я верно понимаю? — язвительная ухмылка. Сцепились взоры.

— Верно, — паясничает. — Ты можешь не верить, но я его очень люблю. И он меня любит. И за вас с Ваней я безумно рада. Ты прав был, Федь. Действительно, прав. Я тебя тоже очень люблю, но у нас другие роли... в жизни друг друга. Ты — мой брат. И я этим горжусь.